

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

С.Е. РУДНЕВА

ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Октябрь 1917 года

Опыт
исторической реконструкции

МОСКВА НАУКА 2006

Рецензенты:

доктор исторических наук В.М. ЛАВРОВ,
доктор исторических наук А.Д. СТЕПАНСКИЙ

Руднева С.Е.

Предпарламент : октябрь 1917 г. : опыт исторической реконструкции / С.Е. Руднева ; Ин-т рос. истории РАН. — М. : Наука, 2006. — 279 с. — ISBN 5-02-035534-8 (в пер.).

Книга посвящена реконструкции истории Временного совета Российской республики (Предпарламента). Монографически эта тема изучена впервые. На основе большого количества архивных источников, мемуаров и других документов исследованы этапы созыва и функционирования временного учреждения парламентского типа, созданного в 1917 г.

Для специалистов-историков и всех интересующихся историей России.

Без объявления

ISBN 5-02-035534-8

© Руднева С.Е., 2006
© Институт российской истории РАН, 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2006

ВВЕДЕНИЕ

Предпарламент, или Временный совет Российской республики, работал в Петрограде с 7 по 25 октября 1917 г. Этот совещательный орган при Временном правительстве был учрежден временно, до открытия Учредительного собрания, и впервые за время революции собрал людей разных классов и партий. Полноценным парламентом он не являлся, только предварительным, как следовало уже из названия. Деятельность его должна была прекратиться, согласно постановлению Временного правительства, за неделю до открытия Учредительного собрания¹. Единое представительное учреждение для демократии и буржуазии наконец было создано — впервые с начала Февральской революции. До этих пор слабость всех временных правительств состояла в отсутствии легального органа, который бы представлял все слои населения. Он мог бы отражать, пусть несовершенно, волю всей страны и, контролируя правительство, служить ему в то же время социально-политической базой, опорой². В начале революции действовали два органа, возникшие самочинно, по соглашению между которыми было создано первое Временное правительство. С одной стороны, Временный комитет Государственной думы, сформированный из представителей всех партий под председательством М.В. Родзянко и олицетворявший цензовую Россию. С другой — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов под руководством Н.С. Чхеидзе. Однако очень быстро Временный комитет Государственной думы утратил реальное влияние. Петроградский совет, напротив, вырос в большую политическую силу, диктовавшую правительству свои условия. Сложилась парадоксальная ситуация. Временное правительство было коалиционным. Однако его демократическая часть располагала политической поддержкой и находилась под контролем Петроградского совета, в то время как буржуазная часть правительства никакой организованной социальной силы, которая также проявляла бы публично и властно свою волю, за собой не имела³. Таким образом, коалиция существовала в крайне сложных, неблагоприятных обстоятельствах. Создание единого учреждения, в котором вырабатывалась бы, формулировалась общая воля нации путем парламентских дебатов могло способствовать выявлению общенацио-

нальной политической линии, способной стать основой политики коалиционного правительства. Многим хотелось верить, что наступила новая эпоха в истории русской революции. Государственная общественность России получила еще один шанс, как вскоре выяснилось — уже последний, пойти на взаимные компромиссы с политическими оппонентами. Несмотря на ожидания, единство между ними оказалось невозможным. Стороны остались на своих позициях: правые — справа, со всем накопленным за время революции раздражением, левые — слева, с их утверждением своих взглядов и принципов⁴. Исследование истории Предпарламента, действовавшего в Петрограде в октябре 1917 г. вплоть до прихода к власти большевиков, обусловлено, в частности, необходимостью комплексного исторического исследования альтернативных путей развития России в период революционных потрясений 1917 г. Важно также выявить степень самостоятельности позиций просоветских, но не большевистских сил. Историография вопроса о Предпарламенте весьма обширна: труды по предоктябрьскому периоду в целом, затрагивающие в том числе и данную проблематику⁵; публикации, посвященные непосредственно истории Предпарламента⁶; мемуарная литература⁷ и зарубежная историография о Предпарламенте и последнем этапе существования Временного правительства⁸. Ранее вопрос о Временном совете Российской республики непосредственно рассматривался только в статьях. Монографически история Предпарламента исследуется впервые.

В отечественной и зарубежной историографии много нелестных характеристик «временного парламента» — последнего шанса последней коалиции. Всегда дискутировалась целесообразность создания в период ожидания открытия Конституанты этого нового органа власти, сессии которого должны были продолжаться всего шесть недель и завершиться за неделю до открытия Учредительного собрания. Диалог в стенах одного представительного учреждения двух крупных групп политических антагонистов — революционной демократии от демократических организаций и цензовых элементов в совокупности со всей несоциалистической и непартийной демократией — изначально был практически невозможен. Однако нередко рассуждения о возможных альтернативах развития России в октябре 1917 г., особенно учитывая уход страны с пути парламентского развития и отказ от парламентаризма. Некоторые исследователи считают, что надежда на продвижение России по пути парламентаризма сохранялась не только после февраля, но, теоретически, и после октября 1917 г.⁹

События октября 1917 г. драматичны и противоречивы по сути. Монография посвящена реконструкции истории Предпарламента — готовившегося, ожидавшегося, но так и не состоявшегося компро-

мисса между политическими оппонентами. Подробно рассмотрены и проанализированы позиции политических партий и организаций по отношению к «временному парламенту». Исследование основано на документальных материалах ГАРФ и РГИА, а также периодической печати 1917 г.

¹Новое время. 1917. 3 окт.

²Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот. М., 1995. С. 14.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Новицкий К.П. (Петровин К.) Год революции (1917 г. — февраль. 1918 г.): крат. очерк развития великой русской революции. М., 1918; Русанов Н.С. Февральская революция и октябрьский переворот // Из недавнего прошлого: сб. статей. Пг., 1919; Ярославский Е.М. Партия большевиков в 1917 году. М.; Л., 1927; Он же. Краткие очерки по истории ВКП(б). М.; Л., 1928; Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг. Л., 1927; Горин П.О. Пролетариат в 1917 г. в борьбе за власть. М.; Л., 1927; Ильин-Женевский А.Ф. От февраля к захвату власти. Пг., 1927; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 г. М.; Л., 1927; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 г. М., 1928; История ВКП(б) / под ред. Е.М. Ярославского. М.; Л., 1929. Т. IV; Корнатовский Н.А. Партия и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1933; Полов Н.Н. Очерк истории ВКП(б). М., 1933; Кнорин В.Г. Краткая история ВКП(б). М., 1935; Ярославский Е.М. Краткая история ВКП(б). М.; Л., 1931; История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. I; Ронин С.Л. Конституционные проекты Временного правительства // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 45–53; Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957; Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март–октябрь 1917 года). М., 1960; Она же. Профсоюзы России в 1917 году. М., 1977; Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Он же. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году. М., 1964; Он же. 1917 год: Россия на историческом перепутье // Великий Октябрь: проблемы истории. М., 1987. С. 5–17; Он же. 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 139–150; Он же. Октябрьская революция: путь к демократии или диктатуре (исторические итоги) // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 147–152; Он же. Драма российского парламентаризма // Диалог. 1996. № 11. С. 11–13; Он же. К вопросу об альтернативности исторического развития России в 1917 году (о крахе реформистской альтернативы Октябрьской революции) // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 158–164; Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966; Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2; Иванов Н.Я. Великий Октябрь в Петрограде: ист. очерк. Л., 1957; Он же. Некоторые вопросы кризиса «правящих верхов» и тактики большевиков накануне Октябрьского вооруженного восстания // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964. С. 202–221; Он же. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Он же. В.И. Ленин о крахе буржуазной демократии в России (март–октябрь 1917 г.) // Ленин и историческая наука. Л., 1970; Голиков Г.Н. Общенациональный кризис в России накануне Октября. М., 1957; Он же. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959; Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Он же. Партия эсеров: от мелкобуржуазной революционности к контрреволюции. М., 1975; Он же. Политические партии

России накануне Октября (Некоторые аспекты изучения проблемы) // Великий Октябрь. История. Историография. Источниковедение. М., 1978. С. 138–147; *Он же*. К вопросу о демократической альтернативе Октября // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? Сб. ст. М., 1992. С. 30–47; *Он же*. Небольшевистские демократические партии в революции 1917 г. // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 175–181; *Он же*. Альтернатива была // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 3. С. 82–85; *Он же*. От роспуска IV Государственной думы до разгона Учредительного собрания // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы): Сб. ст. СПб., 1996. Ч. I. С. 14–16; *Он же*. Последняя попытка компромисса // 1917 год и российский парламентаризм: сб. материалов научн. конф. СПб., 1998. С. 90–92; *Он же*. От роспуска IV Государственной думы до разгона Учредительного собрания // Проблемы отечественной истории: Сб. научн. ст. М., 1999. Вып. 5. С. 3–14; *Сафронова И.П.* Государство и право России в период от февраля до 25 октября 1917 г. Харьков, 1965; *Андреев А.М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март–октябрь 1917 г. М., 1967; *Он же*. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983; *Лебедев В.В.* Международное положение России накануне Октябрьской революции. М., 1967; *Рубан Н.В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917–1918 г.). М., 1968; *Он же*. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; *Петров И.Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март–октябрь 1917 г.). М., 1964; *Токарев Ю.С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965; *Соболева П.И.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; *Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 году: из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; *Он же*. Блок соглашательских партий в марте–октябре 1917 г. (особенности, соотношение сил, эволюция) // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917–1922 гг. М., 1977. Ч. I. С. 31–59; *Кабанов В.В.* Октябрьская революция и кооперация (1917–март 1919 г.). М., 1973; *Совокин А.М.* В преддверии Октября (подготовка победы вооруженного восстания). М., 1973; *Он же*. На путях к Октябрю: проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977; *Трукан Г.А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975; *Он же*. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М., 1994; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Голиков А.Г.* В канун Октября. Нарастание общенационального кризиса. М., 1977; *Он же*. Феномен Керенского // Отечеств. история. 1992. № 5. С. 60–73; *Знаменский О.Н., Шишкин В.А.* Ленин, революционное движение и парламентаризм. Л., 1977; *Знаменский О.Н.* Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976; *Он же*. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л., 1988; *Гальперина Б.Д.* Петроградский Совет в сентябре–октябре 1917 года (новые данные) // Вопр. истории. 1978. № 10. С. 37–47; *Она же*. Петроградский Совет в 1917 г.: на пути к единовластию // Общественные организации в политической системе России 1917–1918 годов. М., 1991; *Она же*. Петроградский Совет и крушение дисциплины в русской армии // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: Сб. ст. СПб., 1994. Вып. 3. С. 26–32; *Городецкий Е.Н.* Новые страницы истории Великого Октября. М., 1978; *Он же*. Рождение советского государства. М., 1987; *Злоказов Г.И.* Петроградский Совет на пути к Октябрю. М., 1978; *Он же*. Борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями в Петроградском Совете в сентябре–октябре 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 130–138; *Он же*. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997; *Лихачев М.Т.* Банкротство буржуазного реформизма в России (февраль–октябрь 1917). М., 1979; *Миллер В.И.* К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 года // Октябрьское вооруженное восстание в

Петрограде. М., 1980; *Он же*. По горячим следам (меньшевики об Октябрьской революции) // Кентавр. 1994. № 2. С. 70–73. *Он же*. 1917: взлет и падение меньшевиков // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 63–76; *Семенникова Л.И.* Большевики Петрограда и Москвы в авангарде борьбы за власть Советов. Сентябрь–октябрь 1917 г. М., 1980; *Кувшинов В.А.* Разоблачение партии большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1982; *Он же*. VII съезд кадетской партии о конституционном устройстве российского государства // Народ и власть: современные реалии и опыт истории. М., 1998. С. 143–145; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1984; *Грунт А.Я., Старцев В.И.* Петроград–Москва, июль–ноябрь 1917. М., 1984; *Иоффе Г.З.* Эпилог керенщины // Вопр. истории. 1986. № 3. С. 92–99; *Он же*. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; *Он же*. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1987; *Он же*. Революция и судьба Романовых. М., 1992; *Иоффе Г., Рабинович А.* Россия, осень семнадцатого // Коммунист. 1990. № 16. С. 76–83; *Спириин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987; Исторический опыт трех российских революций: коренной поворот в истории человечества. М., 1987. Кн. 3. С. 304; *Колоницкий Б.И.* Вопрос о власти в буржуазной пропаганде периода подготовки и осуществления Великой Октябрьской социалистической революции // Социальная революция: вопросы теории. Л., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? Сб. ст. / под ред. П.В. Волобуева: М., 1991; Россия, 1917 год: выбор исторического пути. М., 1992; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. I; *Старцев В.И.* Альтернатива: фантазии и реальность // Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 124–138; *Он же*. Свержение монархии и судьбы России // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 81–92; *Булдаков В.П.* 1917: почему не состоялся парламентаризм // Народный депутат. 1992. № 15. С. 100–106; *Он же*. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Политическая история России в партиях и лицах / сост. В.В. Шелохаев и др. М., 1993; *Урилов И.Х.* История Советов с 1917 г. до наших дней. Опыт концептуального переосмысления проблемы. М., 1993; *Он же*. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997; *Калашников В.В.* Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. Вып. 1. С. 18–22; *Шелохаев В.В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 127–140; *Николаев А.Б.* «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды: сб. ст. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36–42; *Он же*. Исторический опыт российского парламентаризма: Государственное совещание 1917 года // Историк и революция: сб. ст. СПб., 1999; *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. Вып. 1. С. 22–32; *Они же*. Эволюция российского парламентаризма в 1917 году // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы): сб. ст. С. 21–23; *Сенцов А.А.* Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994; *Тумаринсон В.Х.* Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус (опыт исторической реконструкции). М., 1994; *Юрьев А.И.* Социалисты-революционеры Центрально-Промышленного района от февраля к октябрю 1917 г. М., 1994; *Измозик В.С., Павлов Б.В.* Временное правительство: люди и судьбы // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 2. С. 13–18; *Ильин Е.В.* Проблема единства социал-демократии в 1917 году // Революция 1917 года в России: сб. ст. СПб., 1995. С. 35–41; *Ильин Е.В., Днепровой А.Ю.* Демократическое совещание и альтернативы развития России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы): сб. ст. С. 24–27; Политические партии

России. Конец XIX–первая треть XX века / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996; Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995; Он же. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: сб. ст. М., 1997. С. 145–159; Он же. Трансформация власти в 1917 г. // Отечеств. история. 1997. № 1. С. 60–76; Ненароков А.П. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. Август – первая декада октября: док.-ист. очерк // Большевики в 1917 году. 1996. Т. 3. С. 13–70; Рачковский В.А. Петроградский Совет и государственная власть в 1917 г. (от Февраля к Октябрю) // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1996. Ч. 2. С. 29–35; Мережковский Д.С. Тайна русской революции: опыт социальной демонологии. М., 1998; Алданов М. Картины Октябрьской революции. Ист. портреты. СПб., 1999; Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г. и либеральная модель реформирования России // Эхо: сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 2. С. 44–58; Медушевский А.Н. Стратегия конституционной революции в условиях социального кризиса (либерализм в канун Учредительного собрания) // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 55–78; Коваленко Н.А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Волин В.М. Незвестная революция, 1917–1921. М., 2005.

⁶Соколов К.Н. Предпарламентаризм // Нива. 1917. № 40. С. 617–618; Он же. Проблема власти // Нива. 1917. № 41–43. С. 641–642; Он же. Трагедия предпарламента // Нива. 1917. № 46–47; Константинов Г. Демократическое совещание и предпарламент // Пропаганда и агитация. 1937. № 19. С. 15–22; Славин Н.Ф. Кризис власти в сентябре 1917 года и образование Временного совета республики (Предпарламент) // Ист. зап. 1957. Т. 61. С. 35–61; Он же. Октябрьское вооруженное восстание и Предпарламент // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 222–231; Он же. К вопросу об отношении большевиков к Демократическому совещанию и Предпарламенту // Вопр. истории КПСС. 1967. № 9. С. 83–94; Он же. Углубление кризиса в партиях эсеров и меньшевиков после ухода большевиков из предпарламента // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 138–147; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1968. Т. 2; Крылова М.П. В.И. Ленин о тактике большевистской партии в отношении Демократического совещания и Предпарламента // Некоторые вопросы стратегии и тактики партии большевиков в Октябрьской революции. М., 1968. С. 137–154; Ознобишин Д.В. Буржуазная диктатура в поисках парламентского прикрытия // Ист. зап. 1974. Т. 93. С. 113–148; Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Злоказов Г.И. Большевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997; Черкесова Н.Н. Временный совет Российской республики (Предпарламент): к постановке проблемы // История Отечества XX века: актуальные проблемы: сб. ст. / отв. ред. В.А. Надеждина. Уфа, 1999. С. 33–45; Абросимова Т.А. Временное правительство и Предпарламент // Власть и общество: межвуз. сб. научн. ст. СПб., 2000. С. 7–12.

⁷Штейнберг И.З. От Февраля по Октябрь 1917 г. Берлин; Милан, 1920; Милоков П.Н. История второй русской революции. София, 1923. Т. 1, вып. 3; Он же. Россия на переломе: большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1; Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот: восп. М., 1995; Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; Набоков В.Д. Временное правительство: восп. // Архив русской революции. Берлин, 1919. С. 61–84; Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988; Нольде Б.Э. Далекое и близкое: ист. очерки. Париж, 1930; Вишняк М.В. Черный год: публ. очерки. Париж, 1922; Он же. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931; Он же.

Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Он же. Организация власти в ходе русской революции (полит. обзор) // Год русской революции (1917–1918). М., 1918; Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин, 1923. Т. 3, кн. 5–7; Дан Ф.И. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция: мемуары. М.; Л., 1926; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993; Он же. История России. Иркутск, 1996; Верховский А.И. Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914–1918 гг. М., 1918; Он же. На трудном перевале. М., 1959; Брусилов А.А. Мои воспоминания: восп., мемуары. Минск, 2002; Де-нинкин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. 2; Он же. Большевистский переворот // Октябрьская революция: мемуары. М.; Л., 1926. С. 270–295; Винавер М.М. Недавнее (Восп. и характеристики). Париж, 1926; Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М., СПб., 1995; Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. Вепсон, 1990; Жордания Н.Н. За два года: докл. и речи. Тифлис, 1919; Раецкий С. На Демократическом совещании (раскол демократии) // Пережитое. (В год революции). М., 1918; Церетели И.Г. Причины поражения демократии // Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 2; Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т. 2; Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953; Троцкий Л.Д. Соч. М., 1924. Т. 3, ч. 1; Он же. История русской революции. М., 1997. Т. 2, ч. 1; Он же. К истории русской революции. М., 1990; Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 217–285; Гессен В.М. Герои и предатели: очерки. Нью-Йорк, 1951; Гессен И.В. В двух веках. Берлин, 1937; Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964; Нильсен Е.П., Вайль Б. Русская революция глазами петроградского чиновника: дневник 1917–1918 гг. Oslo, 1986; Сталин И.В. На путях к Октябрю: статьи и речи. Март–октябрь 1917. Л., 1925; Шляпников А.Г. К Октябрю // Пролет. революция. 1922. № 10. С. 3–42; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991; Серж В. От революции к тоталитаризму: восп. революционера. М.; Оренбург, 2001.

⁸Daniels R.V. A documentary history of communism. N.Y., 1960; Daniels R.V. The Conscience of the revolution, Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; Daniels R.V. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y., 1967; Daniels R.V. The Russian revolution. N.Y., 1972; Daniels R.V. Russia: The roots of confrontation. Cambridge; L., 1985; Strakhovsky L.I. American opinion about Russia. 1917–1920. Toronto, 1961; Williams A.R. Journey into revolution. Petrograd, 1917–1918. Chicago, 1969; Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional democratic party, 1917–1921. Princeton, 1974; Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989; Service Robert. The bolshevik party in revolution: A study in organisational change 1917–1923. N.Y., 1979; Service Robert. Lenin: A political life. Basingstoke, L., 1991. Vol. 2; Service Robert. The Russian revolution. 1900–1927. Macmillan, 1992; Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М., 1989; Он же. Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России // История СССР. 1990. № 6. С. 191–207; Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1; Суэйн Дж. Перед схваткой (по поводу проблемы «третьего пути») // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 70–93; Розенберг У. Формирование новой российской государственности // Отечеств. история. 1994. № 1. С. 3–16; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Хеймсон Л. Большевики и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 3–8; Он же. Большевики: политика и проблема власти в 1917 году // Большевики в 1917 году. М., 1997. Т. 3, ч. 2. С. 17–58; Он же. Март, Ленин: проблема политической власти накануне и во время переворота; Он же. Большевики и большевики в октябрьские дни 1917 г. // Проблемы всемирной истории: сб. ст. / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 2000.

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В 1917 ГОДУ И ПРЕДПАРЛАМЕНТ

«Парламентский вакуум» в революции 1917 года и первые проекты созыва Предпарламента

Послефевральский период революции 1917 г. в России был отмечен принципиальным столкновением России цензовой и революционно-демократической в условиях общегосударственной разрухи. Налаживание конструктивного гражданского диалога осложнялось тем, что в стране не существовало представительного органа, так или иначе отражавшего интересы различных слоев российского общества. Безусловно, необходимо было найти точку опоры, так как погибать от развала страна не хотела, — она хотела жить. 2 марта 1917 г. на совещании лидеров Петроградского совета и Временного комитета Государственной думы решение основных вопросов государственной жизни было возложено на будущее Учредительное собрание. Таким образом, в период ожидания открытия легитимного парламента, для обсуждения и решения насущных вопросов страны, речь могла идти только о созыве парламентского учреждения временного типа, или предпарламента.

Организационно-правовой основой дореволюционного парламентаризма был царизм. Процесс развития парламентаризма после Февральской революции объективно был осложнен отсутствием механизма выборов и органов, способных их провести. Для создания новой нормативно-правовой базы выборов парламента требовалось время¹.

Продолжение полномочий Государственной думы стало невозможно из-за активного противодействия со стороны социалистических партий. Петроградский совет, в свою очередь, не имел шансов на поддержку со стороны буржуазной части общества в качестве возможного государственного парламентского учреждения. Возникшее драматическое противостояние политических сил самым непосредственным образом отразилось на проектах будущего временного парламента. Его неперенным признаком изначально должна была стать шаткая основа компромисса, попытка примирения и сосуществования двух социальных полюсов.

С. 310–322; *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции: социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993; *Она же.* Меньшевики и вопрос о коалиционном правительстве: позиция «революционных оборонцев» и ее политические последствия // *Отечеств. история.* 1993. № 6. С. 15–27; *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 2; *Он же.* Три «почему» русской революции // *Минувшее: ист. альманах.* М.; СПб. 1996. Вып. 20. С. 73–128; *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978; *Он же.* Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1914–1918 гг. Иерусалим, 1982; *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1994; *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М., 1997. Т. 1; *Карр Э.* История Советской России: большевистская революция, 1917–1923. М., 1990. Кн. 1, т. 1, 2; *Бэрон С.Х.* Г.В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998; *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М., 1998; *Вада Харуки.* Россия как проблема всемирной истории: Избр. тр. М., 1999; *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.

¹См., в частности: *Гусев К.В.* От роспуска IV Государственной думы до разгона Учредительного собрания // *Проблемы отечественной истории: сб. научн. ст.* М., 1999. Вып. 5. С. 3–14.

В политических кругах России существовало вполне определенное убеждение в том, что Временному правительству необходимо иметь опору в обществе в виде законодательного (или законосовещательного) учреждения. С этим были согласны А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, В.В. Шульгин, другие общественные деятели.

Главной проблемой послефевральской России стало отсутствие твердой власти. Этот факт признавали все, за исключением большевиков. О твердой власти мечтали, как о спасении, ее искали, к ней зывали, предлагали рецепты ее создания. Однако квинтэссенция вопроса состояла в том, что в сложившейся ситуации в России твердая власть была вообще невозможна.

Твердая власть неизбежно должна была обладать силой принуждения, могла бы заставить считаться с собой и повиноваться. Кроме того, всякая власть в России, как и в любой другой демократической республике, должна была непременно опираться на доверие общества, санкционировавшего ее распоряжения. По теории профессора Л.И. Петражицкого, в частности, повиновение власти заключалось в особых эмоциях, психологическом импульсе, побуждающем как отдельные личности, так и конгломерат их, именуемый обществом, признавать за государственной властью право приказывать, порою стесняя своими распоряжениями свободу личности². Необходимой предпосылкой для таких эмоций являлось доверие, выражающееся с внешней стороны в избрании всем населением носителей власти.

В Западной Европе, где республиканский строй насчитывал за собой уже солидную давность, обе указанные стороны природы власти примирялись одна с другой очень легко. Демократия и буржуазия там обыкновенно были согласны по вопросу о том, что порядок для государства необходим, и в устройстве и охране этого порядка правительство не встречало оппозиции, кроме разве что уголовного и анархического элемента, отнюдь не пользовавшегося серьезной общественной поддержкой и потому неспособного в сколько-нибудь значительной мере являться для правительства помехой в осуществлении его задач.

Совершенно не так обстояли дела в постмонархической России. Если бы тогда государственная власть задалась целью осуществить свои функции, опираясь одновременно на доверие и так называемой буржуазии (как ни неправильно понималось это слово), и демократии или пролетариата (тоже неточное, но, несомненно, существовавшее отождествление), то она почти неминуемо оказалась бы сидящей между двух стульев. Вся практика Временного правительства — блестящее тому подтверждение.

Буржуазия и пролетариат в России 1917 г. были до такой степени враждебны друг другу, что правительство неизбежно оказалось

бы перед дилеммой: на чью же поддержку оно должно опираться. Если бы оно избрало буржуазию, его задача на первый взгляд казалась бы разрешенной. Буржуазия России, т. е. наиболее сознательные, спокойные и не склонные к эксцессам элементы населения, безусловно признали бы всякое правительство, поставившее себе целью «водворить некоторый порядок в Бедламе, именуемом свободной Россией»³. Оно могло всячески рассчитывать на ее доверие и поддержку. Однако не стоило доказывать, что такая власть, опиравшаяся на буржуазию и популярная в ее кругах, тотчас же была бы объявлена контрреволюционной и не просуществовала бы в буквальном смысле слова и одного дня.

В условиях постфевральского периода государственная власть России неизбежно должна была опираться на доверие пролетариата. Только она была бы властью, а не калифом на час, но только ни в коем случае не твердой властью. Насколько буржуазные элементы России стремились к порядку, оберегаемому твердой и обладающей силой принуждения рукой государства, настолько же пролетарские элементы, тогдашние господа положения, по самой своей природе были чужды эмоций повиновения и признания какой-либо власти, даже вышедшей из их собственной среды. Полугодовая история революционной России убеждала в справедливости этого утверждения. Несоциалистическая часть общества пришла к выводу, что пролетарские массы антигосударственны по своему существу. «Элементы неповиновения и бунта — наиболее характерный их признак. Они готовы признать всякое правительство, но только до тех пор, пока оно не посягает на их свободу, понимаемую буквально, как право делать все, что вздумается»⁴.

Большевистские выступления, происходившие заведомо и сознательно вопреки запрещениям Временного правительства, погромы и насилия солдатских масс над своими начальниками и обывателями, аграрные беспорядки, наконец, последняя железнодорожная забастовка, начатая 24 сентября 1917 г. вопреки постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов, — приводились в качестве наиболее ярких подтверждений приведенного тезиса. Более мелкие насчитывались десятками ежедневно на страницах прессы. Буржуазная газета «Новое время» в этой связи отмечала: «Беспристрастная, стоящая вне всяких политических партий наука уголовной статистики показывает, что главными поставщиками преступного элемента являются именно пролетарские, а отнюдь не буржуазные классы. Эти классы могут терпеть власть в идее, чуждую их природе, только тогда, когда она их держит железной рукой, беспощадно расправляясь с анархическими выпадами отдельных лиц или коллективов, — или же тогда, когда она гладит их по шерсти, не оказывая никакого сопротивления таким выпадам, в лучшем

случае только осуждая их воззваниями, да и то составленными в достаточно учтивом тоне. Малейшая попытка принудительного осуществления власти — и правительство, рискнувшее на нее, будет взято под подозрение, как контрреволюционное; вторая такая попытка — и правительство будет свергнуто»⁵.

Итак, получался заколдованный круг: или правительство имело бы силу принуждения, достаточно твердую, чтобы держать под контролем антигосударственные пролетарские массы, но уже не рассчитывая на доверие и поддержку с их стороны. Такого правительства в революционной России 1917 г. быть не могло, так как сила фактически находилась в руках пролетарских масс. Или, в другом случае, правительство пользовалось бы доверием в этих массах, но не имело бы никакой принудительной силы, поскольку именно отсутствие ее и решимости применять принудительную силу служило бы тогда залогом доверия.

Имея в виду вышесказанное, многие наблюдатели и современники событий 1917 г. приходили к выводу, что в революционной России твердая власть, пользовавшаяся общественным доверием — абсурд, и она невозможна как логическое противоречие. К октябрю 1917 г. несоциалистам все чаще представлялись беспцельными поиски рецепта создания твердой власти в России. Не потому, что не умели создать ее, — просто согласившись, что в создавшихся условиях ее и быть не могло.

Крупным политическим просчетом несоциалистов стало также смиренное ожидание открытия Учредительного собрания, которое бы все устроило самым справедливым образом для всех, и неучастие в текущих политических событиях. «Поглощение всех “завоеваний революции” большевизмом не могло быть неожиданностью для наблюдательного свидетеля всего того, что, вслед за царским отречением, имело место в тот восьмимесячный период, который будет занесен на скрижали истории неразрывно с именем Керенского.

Энергии пресловутой Государственной думы хватило весьма ненадолго. Ровно настолько, чтобы, свалив весь груз государственной власти на Временное правительство, тотчас же почить на лаврах. И даже не почить, а просто распылиться, стать ничем.

Внешне представительный и с зычным голосом, председатель Думы, Родзянко, не только не сумел использовать упавшей на него с неба популярности, но просто струсил, поспешив тотчас же нырнуть в сторону от естественно образовавшегося революционного водоворота. Теперь, лишь “почетно” председательствуя на благотворительных концертах-митингах, он не прочь был объявить каждому, кто хотел его слушать, что он уже “не у дел”, и не ответственен за имеющие разыграться последствия. Как Пилат, он уже умывал руки»⁶.

Одним из авторов проекта образования представительного органа, как лучшего средства обеспечения твердости и авторитетности власти, был А.Ф. Аладин — член Государственной думы и сторонник генерала Л.Г. Корнилова⁷. План Аладина, поддержанный публицистом и предпринимателем В.С. Завойко, М.М. Филоненко и другими соратниками Корнилова, предусматривал вхождение в такой представительный орган членов IV Государственной думы (без правого крыла и с исключением всех ее бездеятельных членов), левых элементов первых трех Дум, делегации от ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов (без ограничения представительства от партий), 10–20 наиболее видных революционных деятелей-социалистов (Е.К. Брешко-Брешковской, П.А. Кропоткина, В.Н. Фигнер и др.), кооптированных в состав представительного органа самим органом.

1 сентября 1917 г. декретом Временного правительства Россия была провозглашена республикой. В обществе это событие вызвало крайне неоднозначную реакцию. Некоторые приветствовали появление ясности в определении государственного строя.

Другая часть общества полагала, что этот декрет не внес ничего нового в действовавший к тому времени строй, так как фактически уже тогда Россия являлась республикой, и, поскольку она уже была организована, ее и следовало признать именно демократической республикой⁸. Доказательством существовавшей фактически республики, по мнению профессора В. Устинова, в частности, служило отсутствие в России монархии, поскольку не было монарха. «Немыслима монархия без монарха. А где кончается монархия, начинается республика. Республика есть прежде всего не монархия»⁹.

В России монархия была сметена восторжествовавшей революцией, свергнувшей не только трон, но и основные законы, его укреплявшие. В соответствии с постулатами политической науки, всякая победоносная революция ниспровергает ту государственную конституцию, против которой она была направлена. Печатный орган московских промышленников газета «Утро России» утверждала, что Россия — именно демократическая республика, потому что под демократической республикой с юридической точки зрения нельзя понимать ничего иного, как только республику, устроенную демократически, т. е. действующую на основе всеобщего и равного избирательного права (если только исключена возможность прямой демократии, как это, очевидно, следовало признать применительно к России). Поскольку и предстоящее Учредительное собрание, и местные органы самоуправления были образованы на демократической основе, то и существовавший тогда строй оценивался многими как демократический¹⁰.

В таком случае, смысл декретирования властью Временного правительства демократической республики был весьма неутешителен. Теоретически, каждый правительственный акт должен заключать в себе элементы юридического творчества, нечто юридически новое устанавливать, в положительном или отрицательном значении. Такие элементы в декрете об установлении республики отсутствовали, за исключением возможного стремления Временного правительства засвидетельствовать собственный отказ от намерения реставрации монархической власти в России. Впрочем, такого плана никто и не ожидал от правительства А.Ф. Керенского.

Следовательно, смысл этого правительственного акта выходил за пределы не только юридических полномочий, но и фактических сил Временного правительства. В этом состояла не только слабость изданного им акта, но и опасность для дела республики. Декрет, провозгласивший республику, совершенно бесспорно, нарушал пределы полномочий Временного правительства. Установление формы правления было делом учредительной власти. Временное правительство такой учредительной властью не обладало и в демократической стране не могло обладать. Учредительная власть принадлежала только всему народу и, поэтому, могла осуществляться только полномочным органом народной воли — Учредительным собранием.

Присвоение себе учредительных полномочий выглядело узурпацией власти народа, нарушением основных принципов народовластия, шло вразрез с духом и смыслом демократии. Ожидалось, что Учредительное собрание ни в коем случае не окажется связанным этим актом правительства и, как орган народной воли, будет совершенно свободным в своих решениях, не состоящим в подчинении Временному правительству и его законодательству. Более того, предусматривалось, что оно будет не только вправе, но и обязано пересмотреть все акты Временного правительства учредительного характера.

С появлением первых проектов по созыву временного парламента русский язык обогатился новым словом «предпарламент». Версий происхождения этого названия несколько. Самая очевидная трактовка — предварительный, временный парламент, созываемый на период до открытия Учредительного собрания.

По другим сведениям, это слово произошло от английского «pre-parliament», что в переводе также означает «предварительный парламент». Это утверждение неизменно увязывалось, как отмечено выше, с именем члена Государственной думы А.Ф. Аладына, выдвинувшего после поездки в Англию, из которой он вернулся в конце августа 1917 г., проект представительного органа, перед которым до созыва Учредительного собрания правительство должно было

быть безусловно ответственным¹¹. 3 октября 1917 г. буржуазная газета «Новое время» на этом основании резюмировала: «Таким образом, идея “предпарламента”, осуществленная теперь авангардом революционной демократии, возникла впервые у А.Ф. Аладына». С конца августа 1917 г. термин «предпарламент» все чаще появлялся на страницах российских газет.

По третьей версии, слово «предпарламент» — перевод с немецкого «vorparlament». «Только в истории Германии встречалось учреждение, носившее это имя. Когда французская революция 1848 г. вызвала брожение по ту сторону Рейна, съехавшиеся в Гейдельберг общественные деятели (преимущественно южногерманские) избрали из своей среды для отклика на поставленные жизнью вопросы «комитет семи». Комитет воззванием 12-го марта пригласил всех участвовавших и участвующих в законодательных палатах германских государств собраться во Франкфурте-на-Майне для совещания об основах будущего германского политического и общественного строя. Это собрание, продолжавшееся с 31-го марта по 4-е апреля, и получило название предпарламента <...> Все значение его исчерпывалось тем, что в нем впервые получила конкретную форму идея германского национального единства.

В истории других революций для чего-либо вроде предпарламента не было места потому, что за переворотом быстро следовало или узаконение его существовавшим уже раньше народным представительством... или открытие Учредительного собрания¹². В России со времени падения старого строя к осени 1917 г. прошло уже более полугода, и до открытия Учредительного собрания оставалось еще более двух месяцев.

Возникновение мысли о временном парламенте не нуждалось бы в пространных объяснениях, если бы до этого раньше не было никаких попыток создать что-либо подобное. На самом деле в таких попытках недостатка не было. Вскоре после февральского переворота стали собираться съезды демократических организаций, в том числе именно тех, которые имели тогда наибольшее влияние на ход событий. В августе происходило московское Государственное совещание, в сентябре — Демократическое совещание в Петрограде.

Внутреннее сходство всех этих собраний, особенно двух последних, с Предпарламентом не подлежало никакому сомнению. «Почему же вновь ставится вопрос, в сущности уже разрешенный? Не потому ли, что под именем Предпарламента понимается не учреждение, расчищающее путь к настоящему парламенту, а учреждение, временно его заменяющее, облеченное некоторыми его функциями и обладающее некоторыми его правами?»¹³

Задача Предпарламента, озвученная на Демократическом совещании, состояла в том, чтобы внести согласие в ряды Временно-

го правительства и демократии. Временное правительство должно было иметь в нем точку опоры и, вместе с тем, быть перед ним ответственным. В работе Предпарламента должны были участвовать разные слои населения, и соответственно его составу необходимо было построить порядок функционирования нового учреждения.

Итак, в начале октября 1917 г. близилось открытие Временного совета Российской республики, или Предпарламента. Много сил было положено на то, чтобы прийти к этому новому средству спасения страны и революции от распада. Демократическое совещание не оправдало ни надежд, которые возлагала на него демократия, ни опасений, с которыми смотрели на него цензовые элементы¹⁴. Но из него, в том числе, вышла идея Предпарламента, и на него теперь переносились их надежды, предшествовавшие Совещанию.

Однако теперь эти надежды значительно возросли, поскольку Предпарламент был шире Демократического совещания. В его состав входили и цензовые элементы, не приглашавшиеся на Совещание. Это обстоятельство выгодно лишало Совет республики (Предпарламент) классовой однородности и приближало его к более широким кругам населения. В смысле политического кредита Предпарламент был намного прочнее Демократического совещания. Как центр надежд, он имел больший круг притязания в стране. Совету республики оставалось только использовать с первого же момента эту готовность к доверию. Уже первый шаг его должен был определить дальнейшую роль Предпарламента, взаимоотношения с правительством и страной. Характер и направление этого шага предопределялись всем прошлым революции и положением вещей в стране на момент открытия временного парламента.

Содержание революционного периода составляли две категории задач: политические и социальные. Первые лежали в плоскости общегосударственных интересов, вторые — классовых. Вся работа демократии строилась на предпочтении социальных задач революции политическим задачам государства. Это закономерно привело к противоположению задач, которые были не отделимы и не враждебны, а слитны и солидарны, так как если «нет родины без свободы, то нет и свободы без родины». Иными словами, не государство и народ для революции, а революция для государства и народа. Социалистический максимализм одной части демократии и политическая слабость другой привели к резкому размежеванию классов, уничтожившему единство национального фронта перед общегосударственными опасностями. Однако в итоге, как показало Демократическое совещание, эта политика классового обособления привела к изоляции саму демократию. Власть реальной жизни позволила сквозь препоны, отгородившие Демократическое совещание от буржуазии, провести государственное, внеклассовое сознание.

Через кооперативы, городские и другие элементы демократии на Совещание проникло и повлияло сопротивление идеи коалиции с буржуазией.

После Демократического совещания, когда коалиция стала фактом и Предпарламент был построен на коалиционном принципе, на треть состоял из цензовых элементов, возникла необходимость в согласованности его политики с политикой правительства, которая должна была стать государственной. Решение конкретных задач общегосударственного порядка могло бы осуществить социальные стремления революции.

Временный совет Российской республики был в курсе конкретных задач момента — оборона страны от внешнего врага и борьба с анархией внутри государства. Поэтому начало его деятельности было сопряжено с этими основными целями. Теоретически Предпарламент мог проявить непоколебимую твердость в поддержке правительства и противодействии большевизму и анархии. Практически же это было уже невозможно — слишком много сторонников большевики имели в Предпарламенте и в правительстве.

Тем не менее часть общества сохраняла иллюзии в отношении Совета республики, надеясь, что даже в пределах своей совещательной роли он сможет выступить решительно в защиту военной обороны, против анархии, приобретет политический вес в стране и окажет серьезное влияние на развитие событий. «Если этого не случится — последний момент будет упущен и последняя ставка демократии будет проиграна.

Но и к выигрышу необходимо готовиться. Демократия, готовящаяся войти в Совет [республики], должна заранее заняться организацией большинства в Совете. Из численного соотношения классового представительства в Совете уже сейчас можно заключить, что возможен блок между той частью демократии, которая стоит на позиции государственности, и цензовыми элементами, — блок, который составит большинство в Совете. Против такого блока большевики и интернационалисты окажутся в меньшинстве. Такой блок должен быть создан во что бы то ни стало. Мы понимаем, конечно, что «буржуазно-демократический» блок в парламенте не может быть явлением постоянным. Но этого и не нужно. Для Совета — временного, краткосрочного учреждения, — и для основных вопросов государственного характера, для обороны и упрочения порядка в стране, такой блок и возможен и необходим»¹⁵. Умеренные демократы стремились к объединению с цензовыми элементами на политической государственной платформе против общего врага: немцев и большевиков. Они считали, что либо этот блок состоится и спасет страну, революцию, либо демократия будет взорвана большевиками в самом Предпарламенте, которые к этому шли.

Демократическое совещание и Демократический совет в истории Предпарламента

Идея созыва Предпарламента с участием разных политических групп активно обсуждалась российской общественностью. Однако после событий, связанных с именем генерала Л.Г. Корнилова, в конце августа 1917 г. резко изменилось соотношение политических сил в стране. Несоциалистическая часть общества пережила тяжелое потрясение. Представители крайне левого крыла революционной демократии — большевики — максимально использовали крутой поворот событий в свою пользу, против чуждого им «соглашательства». Виновной в «заговоре», не дожидаясь результатов расследования и суда, спешно была объявлена вся «буржуазия», цензовые элементы, несоциалистические партии и группы. Среди населения активно проводилась агитация против любых форм сотрудничества с буржуазией, интеллигенцией, офицерством. Политические организации, настаивавшие на передаче всей власти Советам, явно усилились, заняли лидирующее положение в Советах. Число сторонников коалиционной власти, напротив, резко сократилось.

Демократическое совещание, состоявшееся 14–22 сентября 1917 г. в Петрограде, на которое не приглашались представители цензовых элементов, стало своеобразным ответом революционной демократии на корниловское выступление. В ходе работы Совещания демократических организаций неоднократно звучали призывы к созданию форумом постоянного представительного учреждения¹⁶. По форме оно должно было представлять собой уменьшенную копию Демократического совещания, однако допускалось пополнение его представителями буржуазных групп в случае их вхождения в новое коалиционное правительство. Таким образом, в интерпретации революционных демократов известный ранее проект «предпарламента» претерпел существенную трансформацию и будущий временный парламент их устраивал больше под названием «Демократический совет».

18 сентября в помещении Петроградской городской думы состоялось совещание всех фракций и организаций Демократического совещания, выступавших в поддержку создания коалиционного правительства. Присутствовали несколько сотен участников Съезда демократии, председателем был избран М.И. Скобелев. На совещании рассматривался вопрос о Предпарламенте. Большинством нескольких сот голосов против 10 при 14 воздержавшихся было принято решение, поддерживавшее идею организации Предпарламента. Участники совещания избрали комиссию, которой надлежало выработать декларацию сторонников коалиции и разработать до закрытия Демократического совещания проект организации Пред-

парламента. В состав комиссии вошли Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели, Ф.И. Дан, А.Р. Гоц, В.В. Костин, А.М. Беркенгейм, С.П. Мазуренко, Г.Д. Кучин, Н.Д. Авксентьев¹⁷.

20 сентября в Смольном институте прошло заседание Президиума Демократического совещания с участием делегатов от тех групп Совещания, которые в Президиуме представлены не были, совместно с представителями политических течений и центральных комитетов партий. С докладом от ЦК РСДРП (объединенной) выступил Ф.И. Дан. В оглашенной им от имени ЦК резолюции указывалось на необходимость выделения постоянного учреждения, на которое возлагалась бы функция создания власти, признающей для себя обязательным выполнение программы 14 августа, действующей в тесном контакте с демократией и подотчетной ей.

Затем в дискуссии приняли участие Л.Б. Каменев — от ЦК большевиков, А.Р. Гоц — от ЦК партии эсеров, М.А. Натансон — от левого течения партии эсеров, Р.А. Абрамович — от бундовской организации, Ю.О. Мартов — от группы меньшевиков-интернационалистов. Выступали и другие ораторы. После прекращения прений было внесено несколько проектов резолюций. Собрание проголосовало за ряд положений, сводивших воедино основные принципы предложенных резолюций. Подтверждалось, что Демократическое совещание выделяет постоянное представительное учреждение. Этому органу поручалось предпринять все необходимые шаги к организации власти. Правительство должно было быть ответственно перед Предпарламентом. За дополнение временного парламента представителями цензовых групп высказались 56 человек, 48 — против при 10 воздержавшихся. Предусматривалось, что демократический орган должен быть организован Демократическим совещанием по принципу пропорционального представительства партийных и иных групп, пополнен национальным представительством.

Слово для выступления было предоставлено также министру-председателю А.Ф. Керенскому. Он, в частности, заявил, что не является противником Предпарламента, поскольку это учреждение не превращает Учредительное собрание в миф и будет сформировано по общенациональному принципу.

И.Г. Церетели отметил, что смысл этого собрания состоял в создании определенного соглашения внутри демократии. Ни однородное, ни коалиционное министерство не могли быть навязаны ни одной из частей Демократического совещания, так как оно по этому вопросу разделилось почти пополам. «Нужно поручить тому органу, который создаст Демократическое совещание, в соответствии с принятыми же нами принципами, образование власти, не связывая этот орган какими-либо решениями о составе правительства.

Необходимо снять вопрос о том, какова должна быть власть, коалиционная или однородная, и предоставить этот вопрос решению создаваемого органа. Следует честно сказать о взаимных уступках и создать честную коалицию внутри самой демократии»¹⁸. Таким образом, проблема преодоления политического раскола общества делегировалась полностью в ведение создаваемого Предпарламента. Этим обстоятельством в значительной мере была определена вся история будущего Временного парламента.

20 сентября также состоялись заседания партийных фракций, на которых решались вопросы организации будущего правительства и Предпарламента. Под председательством И.Н. Лордкипанидзе прошло собрание фракции эсеров-участников Демократического совещания. Первым в порядке дня обсуждался вопрос о Предпарламенте. Выступившие ораторы указали на необходимость создания органа, перед которым правительство было бы ответственно. Фракция единогласно, при нескольких воздержавшихся, высказалась за необходимость создания Предпарламента. По вопросу о том, кем должен быть образован этот орган, наметилось несколько точек зрения. Н.А. Козлов считал, что Демократическое совещание должно выделить из себя Бюро, которое, совместно с Временным правительством, определит состав Предпарламента. Б.Д. Камков напомнил, что почти все политические организации с мест высказались за создание однородной власти. Этим, по его мнению, и нужно было руководствоваться при формировании состава Предпарламента. Основным ядром, образующим его, он хотел бы видеть ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, пополненный представителями провинциальных Советов, городских самоуправлений, демократических земств и национальных организаций. Камков полагал, что профессиональные союзы и кооперативы, будучи экономическими организациями, в Предпарламент входить не должны.

На заседании членов фракции меньшевиков-участников Демократического совещания, прошедшем под председательством Л.М. Хинчука, была оглашена резолюция, принятая накануне, 19 сентября, ЦИК партии меньшевиков. В этом документе предлагалось Демократическому совещанию принять следующее постановление: «Демократическое совещание постановляет: 1) выделить из своей среды постоянное учреждение, проводящее волю Совещания; 2) поручить этому органу содействовать созданию власти, которая признала бы для себя обязательством: а) проведение в жизнь программы 14 августа; б) открытое сотрудничество с демократическими организациями во всех областях деятельности; в) подотчетность представительному учреждению. Только такому правительству орган демократии будет оказывать деятельную поддержку»¹⁹.

Далее был сделан доклад о постановлениях, принятых на заседании расширенного Президиума Демократического совещания. Сообщалось о следующих основных положениях: 1) для правительства обязательна программа 14 августа, со внесенной поправкой о более активной внешней политике; 2) правительство ответственно перед представительным органом; 3) создание представительного органа до Учредительного собрания; 4) выделение его из Демократического совещания; 5) организация предпарламента; 6) ответственность Правительства перед ним; 7) предпарламент будет избран по принципу пропорциональности свободно образующихся группировок. Меньшевистская фракция Демократического совещания поддержала это постановление Президиума Съезда демократии.

20 сентября на заседании Демократического совещания с изложением результатов работы Президиума в расширенном составе выступил И.Г. Церетели. Он подчеркнул, что существовавшая организация власти, все несовершенства которой обнаружились четко, должна быть изменена. Предлагалось издать принцип ответственности власти перед органом, выражающим общенародную волю. Задачей демократии, с точки зрения ее огромного организованного большинства, признавалось приложение всех усилий к созданию органа, отражавшего общенародные настроения. Для подготовки созыва Учредительного собрания было признано необходимым создание общественного базиса для власти, обеспечивающего соответствие сил и политики власти тем задачам, которые стоят перед ней. «Ближайшим практическим шагом для осуществления обеих задач для настоящего совещания является избрание из своей среды органа, представляющего всю организованную демократию. Этому органу должно быть поручено принятие практических мер для того, чтобы демократия в лице этого органа могла содействовать организации власти на основе общедемократической платформы 14 августа, и затем создание такого органа, перед которым власть, организованная на платформе 14 августа, была бы ответственна»²⁰.

И.Г. Церетели отметил, что эти два основания — программа и принцип ответственности власти — объединяют всю организованную демократию, ее огромное большинство, и в случае осуществления дадут гарантии выхода страны из кризиса. Другие вопросы, по которым такого единодушного решения нельзя было вынести в создавшихся условиях, подчинялись этим двум положениям. Орган, который надлежало избрать Демократическому совещанию, должен был принять все меры для обеспечения создания делового министерства, способного воспринять демократическую программу, имеющего возможность завоевать всенародное признание и работать под ответственностью перед представительным учреждением,

выражающим общественное мнение. «Мы предлагаем для того, чтобы ни одного лишнего дня не длился кризис, для разрешения которого собралась демократия, сегодня же уполномочить президиум избрать из своей среды 5 человек для того, чтобы они предприняли немедленно практические шаги для проведения в жизнь этих решений, в случае, если настоящим собранием эти решения будут приняты <...> Если бы оказалось, что в результате шагов, предпринятых демократией, организовалось бы правительство, в котором приняли бы участие те или другие представители цензовых элементов министерства, если бы так оказалось возможным осуществлять программу в условиях ответственности власти, то тогда представительному органу демократии пришлось бы пополнить свой состав представительством тех элементов, которые согласились бы на этой почве работать с демократией в известной пропорции, которая будет установлена самим этим нашим представительным органом, но с неперменным преобладанием в этом общем органе демократии, ибо это только обеспечит подлинное выражение фактического соотношения сил в стране»²¹.

Таковы были решения, к которым пришло большинство совещания, составленного из Президиума, представителей фракций, групп и политических партий, доложенные И.Г. Церетели делегатам Демократического совещания. Докладчик выразил убеждение в том, что огромное большинство собрания демократии примет эти решения, и, таким образом, будет воссоздано единство демократии, оказавшееся под сомнением на предыдущем пленарном заседании Совещания 19 сентября.

После выступления И.Г. Церетели собрание постановило прений по данному вопросу не открывать и предоставлять слово только по мотивам голосования на 3 минуты. Л.Д. Троцкий, выступивший первым, сказал, что у большевиков по поводу этого сложного предложения возникла необходимость голосования его по частям и это голосование по частям не может быть однородным. Фракция большевиков соглашалась голосовать за ту часть предложения, которая устраняет безответственную власть. Поддерживался также способ устранения безответственной власти путем создания представительного органа. Большевики скептически высказались насчет способа создания такого представительного органа и его арифметического выделения из состава Демократического совещания. «Ввиду нашего весьма критического отношения к способу, по которому было составлено данное Совещание, мы не считаем возможным голосовать за такой орган, ибо не считаем такой орган отвечающим интересам развития революции и правильно отражающим соотношение революционных сил внутри демократии, но так как вместе с тем такой орган сейчас должен явиться восприемником власти

ее нынешних носителей, то по этому пункту мы не можем голосовать и против, а поэтому мы по этому пункту воздерживаемся от голосования»²². Поскольку такому органу поручалось создание власти, причем допускалась возможность организации власти с цензовыми элементами, Троцкий заявил, что если пройдет эта часть предложения по созданию власти с цензовыми элементами, большевики проголосуют против резолюции в целом.

От имени фракции социалистов-революционеров А.Р. Гоц сообщил, что фракция единогласно постановила голосовать за резолюцию И.Г. Церетели. В.А. Карелин от группы левых социалистов-революционеров заявил, что группа будет голосовать против всякой возможности включения в состав представительного органа цензовых элементов. От объединенной меньшевистской РСДРП Л.М. Хинчук информировал Демократическое совещание о том, что во имя единства демократии их группа вся целиком проголосует за резолюцию, оглашенную И.Г. Церетели. В группе «Единство», по словам ее представителя Нестерова, существовали принципиальные расхождения в оценке резолюции по вопросу о роли Предпарламента, но, не желая ставить под сомнение общереволюционное решение, они всецело присоединялись к предложению И.Г. Церетели.

Р.А. Абрамович от имени меньшевиков-интернационалистов заявил, что они будут голосовать за ту часть резолюции, которая устанавливает ответственное правительство; за создание Предпарламента, который будет объединять и представлять всю революционную демократию; воздержатся по тому пункту резолюции, которая говорит о возможности предоставления этому органу организации власти вместе с цензовыми элементами. Меньшевики-интернационалисты, не желая мешать проделывать исторический эксперимент тем, кто верит в него, решили голосовать за резолюцию в целом.

От имени трудовой народно-социалистической партии выступил С.Ф. Знаменский, отметивший, что решение о создании демократического органа не вполне удовлетворяет фракцию. Тем не менее в целях единства решения она собиралась голосовать за предложение И.Г. Церетели. Г.Д. Кучин от имени фронтовой группы заявил, что вопрос о создании власти является для всей страны и для фронта вопросом жизни и смерти. Поэтому, во имя интересов страны и революционной армии, во имя спасения страны и революции фронтовая группа единодушно присоединялась к предложению И.Г. Церетели.

От кооперативных делегаций выступал Н.В. Чайковский. Группа пришла к заключению, что для нее положение неясно. Линия, найденная на соединенном заседании расширенного Президиума,

могла привести к нарушению наказа, полученного кооператорами от их доверителей. По этой причине группа просила собрание, если возможно, отложить голосование до завтра, если это невозможно — сделать перерыв и дать ей возможность обсудить положение. Если бы и это сочли невозможным, группа воздержалась бы от голосования.

Ввиду заявления Н.В. Чайковского, собрание постановило устроить получасовой перерыв, чтобы представители кооперации могли выяснить свое отношение к голосованию. В 24 часа собрание было прервано.

В 0 часов 40 минут заседание возобновилось под председательством Н.Д. Авксентьева. Слово по мотивам голосования было предоставлено Виткинсу от объединенных социал-демократов, сообщившему, что объединенные социал-демократы, не отказываясь от своих требований, но считаясь с тяжелым положением, в котором оказалась страна, нашли созыв Предпарламента необходимым. Хотя состав Демократического совещания они считали далеко не удовлетворительным, обещали голосовать за Предпарламент, но при обязательном условии неучастия в его работе ценовых элементов.

Затем по мотивам голосования выступил представитель от казачьих войсковых правительств Протодиаконов, заявивший, что в речи Церетели указан принцип ответственности власти. В целях его укрепления делегаты от казачьих войсковых правительств поддержали этот пункт, а также резолюцию в целом. По мнению казаков, состав Совещания (Предпарламента) должно было санкционировать Временное правительство, поскольку они в течение шести месяцев доверяли Временному правительству и поддерживали его совместно с другими демократическими организациями.

От имени фронтовой казачьей группы есаул Г.Е. Нагаев заявил, что формула, предложенная И.Г. Церетели, целиком устраивает группу и поэтому они проголосуют за резолюцию. Делегат И.И. Егоров от рабочей кооперации призывал, во имя спасения страны и закрепления завоеваний революции, к сплочению всех сил демократии. Стремясь к этой цели, представители рабочей кооперации на Демократическом совещании все, за исключением одного, намеревались голосовать за резолюцию, предложенную И.Г. Церетели.

Представитель Всеукраинской рады Величко сказал, что их делегация по первому и второму пунктам будет голосовать за резолюцию; по третьему пункту, в котором допускалось однородное министерство, но не исключалась возможность участия в нем буржуазных представителей, делегаты от голосования воздерживались; в целом же они собирались голосовать за резолюцию. Выступивший

от кооперативов А.В. Меркулов отметил, что представители кооперации находят коалиционное министерство наиболее желательным для спасения страны при сложившихся условиях и будут единогласно голосовать за резолюцию.

Затем И.Г. Церетели огласил резолюцию:

«1. Демократический съезд постановляет: при решении вопроса о создании сильной революционной власти необходимо требовать осуществления программы 14 августа, деятельной внешней политики, направленной на достижение всеобщего мира и ответственности Правительства перед представительным учреждением и впредь до Учредительного собрания отражающего волю страны.

2. Выделяя из своей среды постоянный представительный орган, Съезд поручает ему содействовать созданию власти на вышеуказанных основаниях, причем в случае привлечения и ценовых элементов в состав Правительства, орган этот может и должен быть дополнен делегатами от буржуазных групп.

3. В органе этом должно быть сохранено преобладание демократических элементов.

4. Правительство должно быть подотчетно этому органу и ответственно перед ним.

5. Съезд поручает президиуму к завтрашнему дню представить Съезду проект выборов постоянного учреждения из состава съезда, а также избрать 5 представителей из своей среды, которые немедленно предприняли бы необходимые практические шаги для содействия образованию власти на вышеуказанных началах. Эти представители должны давать отчет в своей работе вышеупомянутому представительному учреждению и представлять свои решения на его санкцию»²³.

Собрание постановило голосовать за резолюцию по пунктам. Результаты оказались следующими: I пункт был принят большинством — 1150, против — 171, при 24 воздержавшихся; II пункт: за — 774, против — 383, при 84 воздержавшихся; III пункт: за — 941, против — 8, воздержались — 274; IV пункт: за — 1064, против — 1, воздержались — 123; V пункт также был принят большинством — 992, против — 5, при 233 воздержавшихся²⁴.

Во время голосования резолюции по пунктам, формулировки некоторых из них встречали активные протесты со стороны большевиков. Эти протесты заставили И.Г. Церетели выступить с разъяснениями. Он отметил, в частности, что оглашенная им резолюция никем предварительно отредактирована не была; она была написана Церетели на основании принятых делегатами Демократического совещания решений. «Товарищи, я сделал несколько исправлений, зная, что каждое из них будет поставлено на ваше голосование, и я делал эти исправления потому, что есть такие вопросы, которые

по существу разногласий не вызывают <...> Товарищи, я не хотел стоять на формальной точке зрения, чтобы, во имя формалистики, разбивались голоса. Вот чем я руководствовался»²⁵. В результате разъяснений Церетели в том пункте, который вызвал наибольшие протесты (в нем говорилось о санкционировании правительством того органа, который будет выделен из среды Демократического совещания), слова о санкции были сняты и пункт был принят огромным большинством голосов. Как уже отмечалось выше, был принят также и 5-й пункт.

Перед голосованием резолюции в целом снова выступил целый ряд ораторов по мотивам голосования. Потребовала слова у Президиума партия большевиков. А.В. Луначарский заявил, что фракция большевиков сочла необходимым пролить свет на то недоразумение («выражаясь деликатно»), которое имело место. Дело в том, что И.Г. Церетели прочел в форме декларации известную резолюцию в виде целого ряда вопросов. Луначарский напомнил собранию заявление кооператоров о том, что они должны иметь на размышление полчаса для того, чтобы установить, приемлема ли для них эта резолюция. «Через полчаса они заявили, что резолюция приемлема, но, увы, смысл резолюции оказался в значительной мере изменен. Мы предполагаем, что, быть может, здесь не обошлось без кооперации граждан-кооператоров»²⁶.

Заявление А.В. Луначарского вызвало соответствующее разъяснение со стороны председательствовавшего Н.Д. Авксентьева. Он отметил, что вопрос о санкции, вызвавший столь шумные протесты большевиков, рассматривался и был проведен на заседании Президиума, в котором принимали участие и представители партии большевиков.

Это разъяснение не удовлетворило Луначарского. Он заявил, что фракция большевиков будет голосовать против резолюции в целом.

Затем трибуну занял Р.А. Абрамович. Он сказал, что считает своим долгом восстановить истину, как член и участник совещания Президиума. Абрамович утверждал, что предложение о том, чтобы Предпарламент, который намеревались создать делегаты Демократического совещания, был санкционирован Временным правительством, было внесено двумя ораторами и большевики против этой формулировки на заседании Президиума не возражали. Не возражали и другие участники совещания, — вспоминал Абрамович, — потому что не придавали этому никакого серьезного значения, полагая, что если правительство, пользующееся всей полнотой власти, захочет такой орган санкционировать, «заявив, что это есть государственный правовой институт, то мы против этого специально возражать не станем». Таким образом, Абрамович подтвердил,

что это предложение на заседании Президиума звучало, возражений там не встретило, и поэтому Церетели имел моральное право говорить с трибуны Демократического совещания, что этот пункт был принят.

Большевики, тем не менее, продолжали накалять обстановку. Выступил очередной их представитель, на этот раз Л.Б. Каменев. Он не отрицал, что слова о санкционировании действительно были произнесены на совещании Президиума, но они не обсуждались. Каменев заявил, что собрание за эту формулировку не голосовало и никто поэтому не имел права утверждать, что она была принята.

Для восстановления истинной картины того, что происходило на совещании Президиума, слово взял Ф.И. Дан. «Мы собрались для того, чтобы наметить приемлемую для огромного большинства общую линию поведения. Голосование не производилось, но мы удостоверяли, что у нас есть общий лозунг по тому именно, что те и другие предложения не встречали протеста ни с чьей стороны. Также точно было и с вопросом о санкции. Мы это санкционирование понимали таким образом, как, вероятно, его авторы понимают и сейчас, а именно, что Временное правительство, которое образуется в результате наших переговоров, издаст декрет о том, что орган, созданный нами, отныне является учреждением, перед которым правительство ответственно. Таким образом, оно своим декретом сделает это учреждение государственным». Дан подчеркнул, что вопрос этот дважды был поднят, по нему состоялся обмен мнений и ни с чьей стороны, в том числе и со стороны большевиков, не только не раздалось никакого резкого протеста, но не было даже и возражений. «Заявления Луначарского и Каменева сознательно или бессознательно наносят ущерб тому великому делу единства демократии, которое сегодня дружными усилиями достигнуто»²⁷.

После разъяснения Ф.И. Дана Н.Д. Авксентьев поставил на баллотировку предложение о прекращении прений. Большинство собрания постановило прения прекратить, при шумных протестах со стороны большевиков.

И.Г. Церетели во время речи по мотивам голосования отметил, между прочим, что он, к сожалению, лишен возможности говорить по тому делу, о котором прения были только что прекращены. «Я только скажу, что с этих пор, говоря с товарищами большевиками, я буду брать нотариуса и двух писцов»²⁸. Слова И.Г. Церетели сопровождались продолжительными рукоплесканиями. В ответ большевики подняли невероятный шум и протест.

От имени ЦК РСДРП В.П. Ногин заявил, что если председатель собрания не призовет И.Г. Церетели к порядку за его последние слова, то большевики покинут зал заседания.

В зале воцарилась чрезвычайно напряженная атмосфера. Для того, чтобы собрание успокоилось и Президиум мог обсудить произошедший инцидент, Н.Д. Авксентьев объявил перерыв на 10 минут. Во время перерыва большая часть фракции большевиков покинула зал заседания. Большевики на Демократическом совещании таким образом в очередной раз использовали свою тактику демонстративного ухода фракции с заседания, опробованную ранее на Совещании демократических организаций по обороне 7–9 августа 1917 г. и затем повторенную позже уже в ходе работы Предпарламента.

На Демократическом совещании, тем временем, в 3 часа 35 минут ночи заседание было возобновлено. Н.Д. Авксентьев заявил, что необходимо ликвидировать инцидент, который произошел до перерыва. Слово было предоставлено В.М. Чернову для объяснения того, что он слышал по этому вопросу в согласительной комиссии. Чернов рассказал, что на заседании комиссии, имевшей целью достижение согласия по всем вопросам, вообще не было никаких голосований. В отдельных случаях, когда представители той или иной фракции молчали, их мнением по обсуждавшимся вопросам интересовались. Вопрос о законодательной санкции Предпарламента был поднят двумя членами комиссии. В.М. Чернов сказал, что по этому поводу произошел некоторый обмен мнений, в котором участвовал он и Ю.О. Мартов. «Я помню, как кто-то заметил, что, конечно, только с момента издания законодательного постановления в обычном порядке Совет демократических организаций юридически становится учреждением не частно правовым, а публично правовым, т. е. тем, что может быть названо предпарламентом»²⁹. В.М. Чернов констатировал, что ни с чьей стороны ни одного возражения против самого предложения и против других замечаний по этому поводу никем заявлено не было. Поэтому, — сказал Чернов, — для него лично был полной неожиданностью тот тон, в котором выступал с трибуны Л.Б. Каменев. «Здесь говорили в таком тоне, точно тов. Церетели, не имея на это оснований, позволил себе контрабандой что-то подсунуть собранию. Общий тон и смысл заявлений носил возмутительный и недопустимый характер. (Аплод.) Я считаю, что высказанное здесь предложение, носящее характер попытки набросить тень на политическую честность человека — не совместимо с достоинством членов данного собрания»³⁰.

Речь В.М. Чернова вызвала шумные аплодисменты. Вслед за ним кафедру Демократического совещания занял делегат Я.И. Душечкин. Он счел своим долгом подтвердить все, что говорил В.М. Чернов. Душечкин подчеркнул, что отлично помнит, как было внесено предложение и как оно обсуждалось. Собрание особое внимание уделяло большевикам, считаясь с тем, не будет ли с их

стороны возражений. Относительно данного предложения возражений с их стороны не последовало. Душечкин вынес впечатление, что оно было принято единогласно. «Это предложение, принятое в комиссии, тов. Церетели обязан был доложить на настоящем заседании, тем более, что ему придавалось большое значение. Я лично нахожусь в чрезвычайном изумлении по поводу выступления тов. Каменева и до сих пор не могу себе представить, как можно было выступить с таким заявлением перед этим собранием»³¹.

Затем выступил делегат О.А. Ерманский. «Здесь тов. Луначарским было заявлено, что некоторые изменения в резолюции были внесены после перерыва, после, как он выразился, кооперации с кооператорами. Я, ввиду этого, считаю своим долгом констатировать факт, что по поручению моих товарищей меньшевиков-интернационалистов вел переговоры с тов. Церетели здесь, за столом Президиума и убедился, что слова о содействии были в этой резолюции до перерыва и, следовательно, до обсуждения ее кооператорами»³². Таким образом, Ерманский считал заявление Луначарского необоснованным.

Н.Д. Авксентьев, председатель заседания, констатировал, что от многих других членов, которые присутствовали на заседании Президиума, он выслушал аналогичные заявления. Оглашать их Авксентьев не стал.

Кафедру занял И.Г. Церетели, встреченный шумными аплодисментами. Он сказал, что фактическая сторона дела делегатам Демократического совещания теперь известна. Церетели указал, что его слова «когда говоришь с большевиками, надо приглашать нотариуса и двух писцов» имели в виду только двух конкретных большевиков. «Я, который так много доказывал перед вами, что деяния отдельных членов партии не должны быть распространяемы на всю партию, конечно, помнил об этом. Повторяю, я имел в виду этих двух большевиков, а не всю партию большевиков, в которой, наверное, есть люди, с которыми можно разговаривать без нотариуса и без писцов»³³.

После этого заявления Церетели, вызвавшего шумные аплодисменты, председатель заседания Н.Д. Авксентьев заявил, что считает инцидент исчерпанным. Он добавил, что Церетели, будучи, с его точки зрения и с точки зрения очень многих, оскорбленным двумя лицами (Луначарским и Каменевым), дал о них свой отзыв, который они также могут считать для себя оскорбительным. «Но это уже столкновение отдельных лиц, которое выходит за рамки данного собрания. Это уже не политический, а личный инцидент»³⁴.

Н.Д. Авксентьев приступил к дальнейшему ведению заседания, предлагая перейти к голосованию резолюции в целом. Среди большевиков вновь раздался шум. Общий смысл протеста сводился к

тому, что без членов собрания голосовать нельзя и к требованиям пригласить большевиков. Авксентьев ответил, что их никто из собрания не исключал, «и, если вам угодно пригласить большевиков, и вы знаете, где они находятся — милости просим!» После этого собрание перешло к голосованию резолюции в целом. За резолюцию высказалось 829 человек, против — 106, воздержавшихся — 69. Против голосовали левые эсеры и часть оставшихся в зале большевиков. На этом заседание Демократического совещания 20 сентября решено было закончить.

21 сентября, в предпоследний день работы Демократического совещания, заседание открылось вечером, в 19 часов, под председательством Н.Д. Авксентьева. Скамьи большевиков пустовали. Н.Д. Авксентьев сообщил, что в порядке дня стоит вопрос о способе образования Демократического совета. По этому поводу, как известно, была образована комиссия, и результаты работы комиссии были рассмотрены и утверждены Президиумом данного Совещания.

С докладом по этому вопросу выступил В.С. Войтинский. Он отметил, что, решая вопрос об образовании Всероссийского Демократического совета, прежде всего необходимо выработать нормы представительства в нем. В качестве общего постановления устанавливалось, что Всероссийский Демократический совет должен представлять собой уменьшенную копию всех групп, представленных на Всероссийском Демократическом совещании. Имелись два варианта образования Всероссийского Демократического совета. Первый — выборы от партийных групп; предлагалось всему Совещанию разбиться по партийным платформам на партийные фракции и каждой фракции, пропорционально своей численности, выбрать определенное число представителей Всероссийского совета. Другой вариант представительства — от групп, представленных на Демократическом совещании.

В.С. Войтинский доложил, что Комиссия сочла наилучшим способом выражения политических настроений и воли Всероссийского Демократического совещания представительство от партийных групп, но это положение встретило резкие возражения со стороны отдельных организаций, представленных на Совещании. Ввиду заявлений, полученных Комиссией от целого ряда групп, пришлось отказаться от принципа партийного представительства в чистом виде. За основание было принято групповое представительство, но при этом сохранялось право партийных выборов для тех групп, которые пожелали бы производить выборы по партийной платформе. Это могло быть достигнуто следующим образом: делегаты, поддержавшие выборы на партийной основе, получали право выделиться из состава фракций, в которые они входили и, выделившись из них,

сохранить за собой право на соответствующее количество мандатов. Затем, собравшись вместе, все представители данных партий или различных групп должны были распределить то количество мандатов, которое им причиталось по их численности. Внутри тех делегаций, которые пожелают выбирать из состава групп, мандаты планировалось распределить с учетом принципа, который будет принят данной группой — на основе представительства партийного, территориального или какого-либо другого. Для того, чтобы Всероссийский Демократический совет не был слишком громоздким, предусматривалось, что в состав должны войти не более 300–400 человек, так как предстояло его пополнение представительством ценовых групп, после чего Демократический совет превратился бы в общенародный Предпарламент.

Далее В.С. Войтинский огласил основные положения Всероссийского Демократического совета: 1) Всероссийское Демократическое Совещание выделяет из своей среды Всероссийский Демократический совет, к которому переходят все права Совещания; 2) Всероссийский Демократический совет сам выработает наказ для своей деятельности; 3) Всероссийский Демократический совет избирается из состава Совещания по принципу пропорционального представительства всех приглашенных на Совещание групп; 4) каждая группа посылает во Всероссийский Демократический совет своих представителей в количестве 15 % числа представленных ею при созыве Съезда мандатов; 5) допускается выделение партийных фракций из представленных на Совещании групп, причем каждая фракция сохраняет право на ту часть мандатов, которая соответствует численности фракции; 6) каждая организация имеет право заменить своего представителя во Всероссийский Демократический совет. Мандат отозванного теряет силу по назначении на его место другого представителя³⁵. Докладчик огласил также состав Всероссийского Демократического совета³⁶. После оглашения Войтинским основных положений по созданию Демократического совета и его состава, он отметил, что, по мнению Комиссии, Совет должен быть составлен на основе пропорционального представительства Демократического совещания. При таком представительстве абсолютное, подавляющее большинство для представителей демократических организаций было бы обеспечено в полной мере.

После доклада В.С. Войтинского слово по порядку ведения Собрания получил О.А. Ерманский. Он заметил, что на обсуждение вопроса об образовании Предпарламента, к конструированию которого Демократическое совещание приступало, потрачено уже было много времени. Тем не менее численное соотношение, которое предлагалось делегатам форума, большинство из них застало врасплох. Поэтому Ерманский от имени целого ряда присутствовавших

делегатов внес предложение устроить перерыв на 30 минут, чтобы дать возможность всем выработать определенное отношение к тому или другому положению по формированию состава Предпарламента. Предложение Ерманского было поставлено на голосование и принято собранием.

Заседание возобновилось в 23 часа 30 минут. Председатель А.Р.Гоц, объявляя заседание открытым, вновь предоставил слово В.С.Войтинскому. Он доложил участникам Демократического совещания о том, что некоторые группы настаивают, чтобы представительство в Демократический совет проводилось по группам, куриально; другие выступают за фракционное политическое голосование по партийным платформам. Президиум пришел к выводу, что чем больше будет внесено исправлений и дополнений в систему выборов, тем запутанней она окажется. Поэтому предлагалось организовать выборы следующим образом: все группы, которые хотят сохранить групповое представительство, должны выбирать по группам; те, которые предпочитают представительство партийно-фракционное, выбирают партийно-фракционное. Если окажется, что половина групп предпочитает фракционную систему, то эта половина групп сольется вместе и образует один избирательный корпус и тот поделит мандаты пропорционально различным политическим течениям. По мнению Президиума, единственным способом, который мог бы примирить взгляды и пожелания различных групп, представленных на Демократическом совещании, было решение о предоставлении каждой группе возможности определять самостоятельно способ выборов. Поэтому Президиум предложил начать это заседание с опроса групп, чтобы выяснить, какие делегации намерены голосовать в качестве отдельных групп внутри Съезда, и какие делегации собираются голосовать, разбившись на фракции партийно³⁷.

Представители различных групп, представленных на Демократическом совещании, выступили поочередно по обсуждавшемуся вопросу. Городская группа, заявил А.А.Исаев, громадным большинством 100, против 14 при 2 воздержавшихся высказалась за фракционное представительство. Группа земств присоединилась к предложению Президиума, чтобы группы, желающие голосовать фракционно, именно так и голосовали. Группа Советов рабочих и солдатских депутатов, сообщил Б.О.Богданов, высказалась за партийную группировку.

Совет крестьянских депутатов по вопросу о выборах присоединился к постановлению фракции эсеров о том, что должно быть организовано представительство пропорционально тем группам, которые находились на Демократическом совещании. Делегат Г.А. Мартюшин заявил, что Совет крестьянских депутатов порядок выборов

не обсуждал, но предполагал наметить представительство по группам. Кооперативная группа, — сказал А.М.Беркенгейм, — «представляет собою одно целое и будет выбирать своих представителей как группа».

Председатель заседания А.Р.Гоц предоставил слово представителю профессиональных союзов. С места последовал ответ, что профсоюзы будут голосовать, «разбившись по группо-фракциям». Подводя итог проведенному опросу групп, председательствовавший А.Р.Гоц отметил, что четыре группы (городская, Советов рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзов, торгово-промышленные служащие) высказались за голосование по партийным платформам; рабочая организация решила голосовать группой. Предложение Президиума сводилось к тому, чтобы эти четыре группы соединились вместе и провели голосование по политическим платформам; другим группам предоставлялась возможность выбирать своих представителей так, как им угодно.

Получивший слово по мотивам голосования Ф.И. Дан выступил по поручению меньшевистской социал-демократической фракции Демократического совещания. Эта фракция постановила, что все социал-демократы меньшевики, за исключением двух-трех групп, для которых допускалась специальная оговорка, по особым обстоятельствам, обязаны были выйти из куриальных групп, имевшихся на форуме, и голосовать все вместе, как одна меньшевистская социал-демократическая группа Демократического совещания.

Делегат А.М. Устинов, представитель целого ряда провинциальных Советов крестьянских депутатов, заявил, что половина мест в Демократическом совете должна быть предоставлена рабочим, солдатским и крестьянским депутатам. Причем одна половина этих мест должна была быть отдана крестьянским депутатам, а другая — рабочим и солдатским. «Если крестьянству и Совету рабочих и крестьянских [депутатов] будет отдано менее половины мест в том Совете, который конструируется, наша группа будет голосовать против»³⁸.

Р.А. Абрамович, от имени комиссии, избранной делегацией Совета рабочих и солдатских депутатов, высказался за голосование по фракциям и партиям. Комиссия пришла к выводу, что количество мест, предоставленных Советам на Демократическом совещании, не соответствовало удельному весу и политическому значению, которыми эти Советы располагали в стране. Куриальное представительство признавалось неправильным. Поэтому делегация Совета рабочих и солдатских депутатов, отказываясь от куриального представительства, настаивала, чтобы и все остальные курии разбились на фракции и партии. «Только составленный из фракций и партий, хотя бы и вышедших из собрания, построенного на куриаль-

ном принципе, только такой Демократический совет объединенной демократии сможет действительно быть политическим органом, в котором искусственные перегородки и искусственное деление не будут иметь места»³⁹.

Н.Д. Авксентьев от имени большинства Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов предложил как можно быстрее выработать способ выборов в Предпарламент сообразно с пропорциональным представительством групп и произвести эти выборы для того, чтобы орган, который должен был выйти из Демократического совещания, мог начать не только прения, но и плодотворную работу.

Занявший затем кафедру делегат С.Г. Шаумян по поручению бюро фракции большевиков заявил о присоединении фракции к заявлению представителей меньшинства Совета крестьянских депутатов, в котором они отметили, что крестьянские Советы, так же, как и рабочие, солдатские Советы были непропорционально, неправильно представлены на Демократическом совещании. «Мы присоединяемся к их требованию, чтобы их представительство в Предпарламенте было расширено. В случае, если этот протест не будет поддержан большинством собрания, мы приглашаем всех большевиков, в какой бы курии они не находились, голосовать партийно»⁴⁰.

Это выступление Шаумяна стало чрезвычайно показательным, поскольку трибуна Демократического совещания в очередной раз была использована большевиками для сплочения рядов своих сторонников и привлечения на свою сторону колеблющихся элементов. Большевикам давалось открытое распоряжение — приказ следовать согласно принятым большевистским бюро решениям. Остальные делегаты Демократического совещания — небольшевики, являясь свидетелями процесса активной самоорганизации большевиков, не предприняли никаких практических шагов для пресечения этой деятельности, а значит, в конечном счете, способствовали политическому усилению большевиков и их приходу к власти.

На заседании Демократического совещания 21 сентября перед голосованием В.С. Войтинский выступил с сообщением об окончательном распределении мест в Демократическом совете. Президиум предлагал разделить места в Совете пропорционально числу мандатов, назначенных для различных групп при устройстве Демократического совещания, с небольшими изменениями этого принципа, которые были доложены ранее. В итоге, в Демократическом совете группам, представленным на Демократическом совещании, отводилось 313 мест, вместо 308, согласно первому докладу о распределении мест. После непродолжительных прений по поводу техники выборов Совещание перешло к голосованию порядка выборов, предложенного Президиумом. Большинство 531 голоса против 244 этот порядок был принят.

Устанавливалось пропорциональное представительство в Демократическом совете от групп Демократического совещания: города и земства — по 45 делегатов, Советы рабочих и солдатских депутатов, а также Советы крестьянских депутатов — по 38, кооперация — 23 (из них 5 представителей от рабочей кооперации), профсоюзы — 21, армейские организации — 26, военнo-окружные организации — 2, национальные организации — 25, торгово-промышленные служащие — 5, железнодорожный союз — 5, почтово-телеграфный союз — 2, флот — 3, казаки — 6, земельные комитеты — 7, экономические организации — 6, крестьянский союз — 2, учительский союз — 2, адвокатура — 1, женские организации — 1 и прочие организации — 10 представителей⁴¹.

Сообщалось, что утро следующего дня, 22 сентября, будет посвящено групповым и фракционным собраниям и на них пройдут выборы в Демократический совет. Следующее пленарное заседание было назначено на 15 часов 22 сентября.

22 сентября «Известия» сообщали также о заседании в Совете рабочих и солдатских депутатов. По итогам работы собрание приняло резолюцию. В документе отмечалось, что Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, обсудивший на экстренном заседании создавшееся положение, пришел к следующим выводам.

«1) Страна находится перед угрозой новой опасности со стороны контрреволюции <...> Контрреволюционные организации капиталистов все еще существуют, и даже сейчас заседает в Москве так называемое совещание общественных деятелей, которое являлось центром корниловского выступления. Временное правительство рядом своих распоряжений явно стремится к дезорганизации революции.

Все это создает крайнюю напряженность положения и ставит перед пролетариатом, крестьянами и солдатами вопрос об отпоре контрреволюционным выступлениям, могущим произойти в ближайшем будущем.

2) Запутанность положения искусственно сколоченное Демократическое совещание нисколько не улучшает, наоборот, неспособное, именно благодаря этому искусственному подбору, разрешить вопрос о революционной власти, оно создает видимость бессилия революционной демократии. В то же время оно сплачивает внутри себя по существу антидемократическое правое крыло, ставящее ультиматум революционной демократии, во всякий момент готовое перейти в лагерь явной контрреволюции»⁴².

В резолюции отмечалось далее, что отпор контрреволюции может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии — Советами рабочих, солдат и крестьян и подобными им органами. Советы призывались к мобилизации сил, чтобы успеть

подготовиться к новой волне контрреволюции, не дать ей застать себя врасплох. «Везде, где в их руках находится полнота власти, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные ими в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где Советы полнотой этой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контрреволюцией и зорко следить за организацией сил врага». В заключение резолюции подчеркивалось, что для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью (в ее приближении участники заседания на сомневались), а также для решения вопросов по организации революционной власти, необходим немедленный созыв съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Демократическое совещание приближалось к последнему дню своей работы, в Совете рабочих и солдатских депутатов уже подводились его итоги. Между тем вопрос о реорганизации Временного правительства все еще не был решен.

21 сентября с 10 до 11 часов утра в Зимний дворец прибыли Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе. Они были немедленно приняты А.Ф. Керенским. Члены Президиума Демократического совещания ознакомили А.Ф. Керенского с решениями, принятыми на ночном заседании Демократического совещания. В переговорах выяснилась готовность органов демократии признать, что инициатива в деле образования нового кабинета должна принадлежать Временному правительству. После встречи с представителями Демократического совещания Временное правительство сочло вопрос настолько продвинувшимся к разрешению, что журналистам было передано для публикации следующее: «Из осведомленных правительственных кругов сообщают, что политический кризис, вызванный корниловским заговором, накануне благополучного разрешения. Ночное заседание Демократического совещания подтвердило уверенность Правительства, что государственно мыслящие круги демократии сумеют освободиться от анархического дурмана.

Однако все события последних недель указывают на такое усиление процесса разложения в стране, что в правительственных кругах полагают крайне необходимым сплотить вокруг коалиционного правительства представителей всех слоев народа для постоянного совещания»⁴³. Под упомянутым «постоянным совещанием представителей всех слоев народа» подразумевался, как всем было уже ясно, будущий Предпарламент.

В 11 часов утра состоялось заседание Директории, на котором был рассмотрен ряд текущих дел. В начале заседания А.Ф. Ке-

ренский сделал доклад о своих переговорах с Н.Д. Авксентьевым, А.Р. Гоцем, И.Г. Церетели и Н.С. Чхеидзе. Он отметил, что Демократическое совещание в лице своего Президиума заняло, по всей вероятности, более примирительную позицию и не будет чинить препятствий к созданию коалиционного кабинета. Идею образования Предпарламента Керенский назвал вполне приемлемой при обязательном условии, что в его состав войдут цензовые элементы. После доклада А.Ф. Керенского было решено созвать на два часа дня пленарное заседание Временного правительства.

В пленарном заседании, открывшемся около 15 часов, участвовали все члены Временного правительства, за исключением М.И. Терещенко, выехавшего еще 20 сентября в Москву для личных переговоров с московской группой. На заседании после доклада А.Ф. Керенского, повторившего свой утренний доклад Директории, решено было ускорить образование коалиционного кабинета в давно уже намеченном составе — Н.М. Кишкин, П.А. Бурыйшкін, С.Н. Третьяков, А.И. Коновалов, С.А. Смирнов. Было рассмотрено примерное распределение портфелей: Н.М. Кишкин — министр государственного призрения, А.И. Коновалов — министр торговли и промышленности, С.Н. Третьяков — председатель экономического совета, С.А. Смирнов или П.А. Бурыйшкін — государственный контролер. Из прежних членов кабинета ожидалось возвращение М.И. Скобелева — министром труда и А.В. Карташева — министром исповеданий. Портфель министра земледелия вручался С.Л. Маслову, видному члену партии эсеров-оборонцев и члену Президиума Совета крестьянских депутатов. Члены Временного правительства действовавшего состава оставались на своих местах.

Управляющему делами Временного правительства А.Я. Гальперину поручалось немедленно вызвать в Петроград московскую группу и указать при этом, что нежелательна отсрочка их приезда ни на один день. М.И. Терещенко также срочно вызывался из Москвы.

Отношение партии кадетов к действиям, направленным на разрешение кризиса власти, выяснилось поздно вечером 21 сентября, когда состоялось заседание Центрального комитета партии народной свободы. Те основания, на которых А.Ф. Керенский намеревался организовать Предпарламент, кадеты сочли приемлемыми. Подавляющее большинство партии, в принципе относившееся отрицательно к идее Предпарламента, находило возможным, ввиду тяжелого положения страны, пойти на компромисс. Главнейшими условиями образования кабинета кадеты выставляли совещательный характер Предпарламента и формальную безответственность членов Временного правительства перед ним.

Таким образом, уже 21 сентября основные противоречия относительно созыва предстоящего Предпарламента между социалистической и буржуазной частями общества были обозначены предельно четко: революционные демократы считали, что Демократическое совещание выделяет из своей среды Демократический Совет (именно это наименование будущего учреждения устраивало их значительно больше, чем «Предпарламент»), который сам вырабатывает устав своей деятельности, с несомненной ответственностью правительства перед ним, а кадеты тот же процесс трактовали совершенно иначе: их устраивали основания, на которых «Керенский намеревался организовать Предпарламент» с само собой разумеющимся совещательным характером «временного правительства» и формальной безответственностью правительства перед ним. Результаты этих принципиальных разногласий последовали незамедлительно.

В тот же день, 21 сентября, поздно вечером, после продолжительных переговоров по прямому проводу с московской группой стало известно, что промышленники категорически отказывались войти в состав правительства. Свой внезапный отказ от участия в работе кабинета, после того, как они уже дали принципиальное согласие А.Ф. Керенскому, промышленники мотивировали нежеланием быть ответственными перед Предпарламентом. Выяснилось, что во время своих переговоров с А.Ф. Керенским главным условием вхождения в кабинет промышленники ставили борьбу с анархией, поднятие боеспособности армии и т.д. Предпарламент же, по их мнению, как орган чисто демократический, где цензовые элементы окажутся в меньшинстве, воспрепятствует осуществлению намеченной платформы. По словам промышленников, согласие Временного правительства на ответственность перед Предпарламентом — это нарушение условий соглашений с московской группой⁴⁴.

Тем не менее 21 сентября министр иностранных дел М.И. Терещенко, бывший министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, комиссар Временного правительства Н.М. Кишкин, председатель Московского биржевого комитета С.Н. Третьяков и председатель Московского военно-промышленного комитета С.А. Смирнов выехали вечером в Петроград.

На следующий день, 22 сентября, в прессе появились сведения, что 23 сентября, днем, в Зимнем дворце состоится соединенное совещание Временного правительства, выбранных Демократическим совещанием лиц и группы московских общественных и торгово-промышленных деятелей для обсуждения вопроса о конструировании власти. К участию в совещании приглашались также В.Д. Набоков и М.С. Аджемов. Стало известно, что включение цензовых элементов в преобразованный кабинет будет возможным

лишь при условии, если Демократическое совещание в той или иной форме не выскажется против этого, и если для членов правительства будет установлена моральная, а не парламентарная ответственность перед проектируемым Предпарламентом.

В совещании, намеченном на 23 сентября, должны были обсуждаться вопросы принципиального характера — главным образом, о программе деятельности правительства на основе Декларации 14 августа.

Тем временем 22 сентября утром прошли выборы членов Демократического совета. Группы Советов рабочих и солдатских депутатов, представителей городских самоуправлений, профессиональных и торгово-промышленных служащих, а также отдельные члены других групп голосовали по фракциям. Большевики вышли из всех курительных групп. Некоторые меньшевики и эсеры выделились из курий (преимущественно левые эсеры и меньшевики-интернационалисты), другие же остались в куриях.

Сначала состоялись выборы членов Демократического совета в сохранившихся куриях и группах. В результате по количеству голосовавших было распределено 188 мест между куриями и группами⁴⁵. Из имевшихся в Демократическом совете 313 мест на долю членов Демократического совещания, выделившихся из курий и намеревавшихся голосовать по фракциям осталось 125 мест.

После проведения курительных выборов выяснилось, что в них не приняли участие 664 человека: 224 эсера, 222 меньшевика, 192 большевика, 12 народных социалистов, 11 членов группы меньшевиков — объединенных интернационалистов, 3 члена плехановской группы «Единство». Мандатная комиссия распределила между фракциями 125 мандатов, приходившихся на 664 человека. В Демократическом совете эсерам и меньшевикам было предоставлено по 42 места, большевистской фракции — 36, меньшевикам — объединенным интернационалистам — 2, народным социалистам — 2, группе «Единство» — 1 место⁴⁶.

В Демократическом совете, таким образом, в отличие от Демократического совещания, уже не существовали городская, советская, профсоюзная, некоторые другие группы. Вместо них появились партийные фракции. Соотношение формально существовавших партийных фракций не соответствовало реальному представительству партий в Демократическом Совете. Например, в группу Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов из 38 человек, которая сохранилась как группа, вошли преимущественно эсеры. Аналогичное положение наблюдалось и в других группах.

Заседание последнего дня работы Демократического совещания, 22 сентября, открылось в 17 часов 15 минут под председательством О.С. Минора почти в пустом зале. В порядке дня значился вопрос

об утверждении списков в Демократический совет от всех групп и фракций Демократического совещания. Однако к началу заседания были предоставлены не все списки. Председатель сообщил, что в 18 часов 20 минут отправятся специальные поезда по различным направлениям для участников Демократического совещания. Минор заявил, что, ввиду этого обстоятельства, Президиум Демократического совещания счел нужным открыть собрание и огласить те списки, которые уже имелись в наличии, получить утверждение этих списков и попросить у собрания разрешения на то, чтобы остальные списки могли быть утверждены Президиумом.

Перед оглашением списков с внеочередным заявлением выступил представитель группы «Единство». Он отметил, что накануне от имени делегатов социал-демократической фракции «Единство» было сделано заявление о том, что фракция, несмотря на принципиальное несогласие с резолюцией И.Г. Церетели, чтобы не осложнять положение, проголосует за нее. Во избежание недоразумений, которые могли быть порождены этим вотумом, делегат от фракции «Единство» заявил собранию, что их группа, разумеется, считает необходимым содействовать нынешнему правительству в расширении социальной основы власти. В очередной раз подчеркивалось, что правительство должно представлять собой коалицию всех живых сил страны, с включением в нее партии кадетов. Кроме того, делегаты фракции «Единство» находили возможным создание Предпарламента (предложенного в пункте 1-м резолюции И.Г. Церетели), но настаивали на том, чтобы это учреждение было создано на основе, обеспечивающей всенародное представительство и исключающей захват власти со стороны той или другой части демократии, что можно было вывести из пункта 4-го указанной резолюции. Группа «Единство» самым решительным образом высказывалась против создания правительства на основе программы «борьбы за мир». Такая борьба, по их мнению, губительно отразилась бы на деле обороны страны в тот момент, когда именно эта оборона являлась первой задачей всякого правительства Российской республики.

В начавшихся далее прениях о составе Демократического совета выступил А.И. Введенский, представитель Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян. От имени Союза он обратился к собранию с просьбой предоставить им одно место в Демократическом совете. О.С. Минор поставил эту просьбу в виде предложения на голосование, и собрание постановило дать одно место Союзу.

Делегат от губернских исполнительных комитетов заявил, что количество мест, которое им предоставлено в Демократическом совете, не соответствует действительному значению комитетов, и про-

сил увеличить количество мест. В.С. Войтинский в связи с этим заявлением сообщил собранию, что этот вопрос обсуждался в Президиуме и было решено передать окончательное рассмотрение этого вопроса в мандатную комиссию будущего Всероссийского демократического совета. По этому же вопросу выступил Б.М. Овчинников, представитель земской группы. Он сказал, что губернские исполнительные комитеты входят в состав земской группы и, при обсуждении вопроса об избрании делегатов во Всероссийский демократический совет в Президиуме, земской группе было предоставлено право самой распределить внутри себя имевшееся у нее количество мест. Земская группа настаивала на признании этого права и гарантировала губернским исполнительным комитетам получение их места. Председатель поставил на голосование вопрос о предоставлении губернским исполнительным комитетам еще одного места за счет земств. Большинство собрания высказалось против этого.

Затем секретарь Демократического совещания В. Брусиловский огласил предоставленные списки избранных во Всероссийский демократический совет делегатов: от Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов (в том числе кандидатов); группы земских представителей (в том числе временных заместителей); от земельных комитетов (в том числе кандидатов); Всероссийского кооперативного съезда (в том числе кандидатов); войсковых самоуправлений Совета союза казачьих войск; трудовой народно-социалистической партии; Исполнительного комитета Всероссийского союза мусульманского совета; Всероссийского учительского союза; организаций, голосовавших под списком № 10 в Демократическом совещании; Всероссийского Союза демократического православного духовенства и мирян; группы женских организаций; экономических организаций; Всероссийского крестьянского союза; увечных воинов; военно-окружного комитета; группы исполнительных губернских комитетов; от украинского народа; латышей; литовцев; Союза мелких народностей Поволжья; от грузин; бурят; белорусов; поляков; латгальцев; эстонцев; Совета национальных социалистических партий; Союза городов; от армян⁴⁷. После оглашения списков собрание большинством всех против одного утвердило эти списки.

От имени Президиума выступил В.С. Войтинский. Он заявил, что Всероссийское демократическое совещание пришлось созывать при необычайно тяжелых условиях. Накануне этого Совещания все сознавали, насколько велика опасность, стоявшая на пути развития русской революции, происходившая из-за внутреннего раскола в среде революционной демократии, из-за отсутствия единого революционного фронта. Войтинский с сожалением констатировал, что из Демократического совещания делегаты увезут с собой ту же са-

мую тревогу, поскольку глубокое внутреннее расхождение, обесслившее русскую демократию и препятствовавшее ходу работ форума, очевидно. Тем не менее Войтинский считал работу Демократического совещания отнюдь бесполезной. На Совещании впервые самые широкие слои демократии собрались вместе для обсуждения общих вопросов, стоявших перед русской демократией. На этом форуме делегаты обнаружили в себе достаточно сил для разрешения этих вопросов и нашли несколько общих положений, которые объединили всех. Положения эти были зафиксированы участниками Демократического совещания — о необходимости строгой ответственности нового правительства перед представительным органом всероссийской демократии; признание основой всей деятельности Временного правительства декларации, оглашенной на Московском государственном совещании; необходимость проведения правительством определенной политики мира на основе отказа от аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Параллельно с работой в пользу мира должна была проводиться энергичная работа по военной защите завоеваний русской революции⁴⁸.

Затем слово для выступления было предоставлено Ф.И. Дану. Он заявил, что Демократическое совещание не может разехаться, не сказав своего слова по вопросу, от которого зависят не только судьбы России и российской революции, но и судьбы всего мира — по вопросу о войне. По его мнению, не только вся Россия, но и демократия всех стран ждала от делегатов форума определения их отношения к войне. Дан подчеркнул, что объединенная демократия, будучи представительницей русской революции, должна заявить о своей приверженности платформе мира, которую русская революция выработала в первые дни своего существования. Поэтому от имени меньшевистской социал-демократической фракции Дан предложил участникам Демократического совещания, перед тем как разойтись, принять единогласно обращение «К демократии всего мира». В обращении было отмечено, в частности, что Российская революция напрягает все силы в попытках заложить прочные основы республиканской демократии и социальной справедливости. Истощенный народно-хозяйственный организм, добитый трехлетней войной, осложняет самоотверженные усилия демократии. Россия вынуждена напрягать все силы, чтобы одновременно защитить свой внешний фронт от нашествия неприятеля и свой внутренний фронт — от контрреволюции, использовавшей бедствия страны.

Полгода назад российская демократия провозгласила: «Мир без аннексий и контрибуций, при признании права наций на самоопределение» — и сделала этот лозунг официальной формулой внешней политики Российской республики, вопреки империалистическим кругам российской буржуазии. «В то время военное положение

России было относительно благоприятным. Центральные монархии искали соглашения с нею, указывая на возможность почетных для России условий сепаратного мира.

Российская демократия отвергла идею сепаратного мира с германским империализмом, ибо этот мир означал бы на деле косвенную помощь германскому империализму против народов других воюющих стран. Российская демократия ждала с надеждой того часа, когда народы обеих воюющих коалиций поднимутся во имя немедленного заключения всеобщего демократического мира и заставят признать свою твердую волю к миру, вопреки всем общественным силам, стремившимся затянуть войну отстаиванием захватных целей.

Но общий мир не пришел, а положение России в целом ухудшилось.

Пользуясь временным расстройством русской армии, неизбежным при коренном переустройстве всей страны, войска центральных империй продвигаются в глубь России <...> Столице российской революции грозит опасность нашествия»⁴⁹.

В обращении было подчеркнуто, что дни корниловского мятежа наглядно показали, что всякий успех германских армий в борьбе с войсками Российской республики пойдет на пользу заговорщикам русской контрреволюции, которые, сознательно спекулируя на военных неудачах республики, открывают русский фронт для германской армии. Упоминались слухи о готовящемся коллективном предательстве империалистов всех стран, об их намерениях столкнуться и заключить свой мир за счет всем им ненавистой Российской республики. «Всероссийский съезд российской демократии — представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органов местного самоуправления, кооперативов, профессиональных союзов, армейских и флотских организаций и политических центров всех национальностей, — приветствуя, в качестве средства, ведущего к достижению скорого демократического мира, идею международной социалистической конференции, — обращается к вам с призывом оказать активное содействие мирным стремлениям российской революции.

Все на помощь революционной России. Все — за всеобщий демократический мир.

Пусть громко во всех странах раздастся, наконец, голос единой демократии, протестующей против дальнейшего затягивания войны и требующей от своих правительств согласия на условия мира, провозглашенные революционной Россией!

Народы цивилизованного мира! До конца готовая исполнить свой долг перед своей родиной и перед человечеством, российская революция ждет от вас деятельной и действенной помощи!»⁵⁰

Таково было воззвание, которое Ф.И. Дан от имени Президиума предлагал принять делегатам Демократического совещания. Обращение было встречено шумными аплодисментами большей части собрания.

Предложение Дана единогласно принять это воззвание не вызвало сочувствия у левой части Совещания. На трибуне Демократического совещания появился Н.А. Скрыпник. От имени фракции большевиков он внес предложение: либо открыть по данному вопросу генеральные дебаты, либо, в случае признания невозможности проведения таковых, снять это предложение Дана с повестки дня и передать его на рассмотрение будущего Предпарламента.

Заявление Н.А. Скрыпника заставило Ф.И. Дана выступить еще раз с дополнительными разъяснениями. Он сказал, что когда их меньшевистская социал-демократическая фракция решила предложить вниманию делегатов Демократического совещания проект обращения «К демократии всего мира», то она абсолютно не ожидала, что раздастся хотя бы одно слово прений по этому вопросу, поскольку в проекте выражены не фракционные только мысли, а те, которые составляют общее мнение всей демократии. Ф.И. Дан подчеркнул далее, что проект обращения одобрен интернационалистом Ю.О. Мартовым, эсерами А.Р. Гоцем и Н.Д. Авксентьевым, представителями городской группы В.В. Рудневым и А.А. Шрейдером, представителем кооперативной группы А.М. Беркенгеймом и представителем земской группы Я.И. Душечкиным. «Проект этот вырабатывался совместно. Поэтому, я полагаю, что если у присутствующих есть сознание их обязанности ответить на основной вопрос о том, — стоит ли русская революция по-прежнему на той платформе мира, которую она выдвинула полгода тому назад, то, я думаю, что не может быть и речи о возложении этого на будущий Совет, ни о каких-либо прениях, ни о каком-либо неединогласном голосовании.

Мое твердое убеждение заключается в том, что в русской демократии не может быть такого человека, для которого этого рода воззвание было бы неприемлемым»⁵¹.

В ответ на заявление Ф.И. Дана со скамей большевиков раздались голоса: «Есть!»; другая часть зала поддержала его продолжительными аплодисментами.

От имени большинства профессиональных союзов, представленных на Демократическом совещании, выступил С.А. Лозовский. Предложение Лозовского состояло в том, чтобы проект, вынесенный Даном на этом собрании, отвергнуть и предложить ему внести его в Демократический совет. Лозовский заявил, что партия большевиков протестует против метода, при помощи которого

предложение Дана было внесено на рассмотрение Демократического совещания. С заявлением аналогичного характера выступил еще один представитель большевиков — Ульянов. Вслед за этим В.С. Войтинский от имени Президиума обратился к делегатам с просьбой прекратить дебаты по этому вопросу и принять предложение Президиума, заключавшееся в следующем: текст оглашенного возвания внести от имени Президиума во Всероссийский демократический совет, который и примет решение относительно этого обращения.

В.П. Ногин заявил, что нельзя заканчивать Демократическое совещание таким позорным эпизодом. Его слова вызвали необычайный шум со стороны большей части собрания. Речь Ногина среди этого протестующего шума было почти невозможно расслышать. Сущность его предложения сводилась к требованию устроить перерыв для обсуждения предложения Ф.И. Дана.

После В.П. Ногина от имени меньшевиков говорил Л.М. Хинчук, отметивший, что он лично и фракция в целом поддерживают принятие предложения Президиума. Тем не менее, чтобы делегаты адекватно отнеслись к оглашенному фракцией меньшевиков заявлению, Хинчук предлагал голосовать за перерыв, поскольку за это время участники форума смогли бы договориться и выступить единодушно по данному вопросу. Предложение Хинчука было поставлено на голосование и принято собранием. Председатель заседания О.С. Минор объявил полчасовой перерыв.

После перерыва выступил Д.Б. Рязанов со следующим заявлением: «Мы, фракция Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, на Демократическом совещании в полном согласии с центральным комитетом нашей партии заявляем:

Работы президиума 21 сентября с участием представителей партий имели своей официально заявленной целью: изъятие источника власти из рук безответственных лиц и передачу этого источника в руки организованной демократии. Ответственные руководители Совещания внесли, однако, на общее собрание резолюцию с дополнением, смысл которого состоит в том, что Демократическое совещание ставит свои решения в зависимость от безответственных лиц и через них от буржуазии. Внесенная в резолюцию ее автором Церетели формулировка о “содействии в создании власти” и дополнение о “санкционировании” Предпарламента имели то крупнейшее значение, что обнаружили вполне смысл и содержание той закулисной соглашательской работы, отражением которой явились указанные части резолюции. После решительного протеста части собрания поправки были взяты обратно. Но нашедшая свое выражение в этих поправках капитуляция части Совещания на деле проводится ее официальными вождями. Эти поправки, явившиеся

плодом закулисной сделки и в корне противоречившие тем общим положениям, которые обсуждались и голосовались в президиуме, были попыткой найти выход из положения путем вынуждения у демократии окончательного отречения от права на власть <...>

Что касается Предпарламента (или Демократического совета), то мы констатируем: 1) что состав его подобран, как и состав Совещания, в ущерб интересам крестьян, солдат и рабочих; 2) что в связи с таким составом задачей организаторов и авторов Предпарламента является не создание демократической власти, а по-прежнему поиски соглашения с буржуазией, руководимой контрреволюционной партией к.-д. С еще большей силой отстаивая теперь, после опыта Демократического совещания, необходимость передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в центре и на местах и призывая все Советы подготовить в кратчайший срок Всероссийский съезд, мы посылаем своих представителей в Предпарламент для того, чтобы и в этой новой крепости соглашения развернуть знамя пролетариата, обличать всякие попытки коалиции с буржуазией и облегчить Советам создание истинно революционной власти, способной обеспечить действительный и без дальнейших оттяжек созыв (неподтасованного) Учредительного собрания»⁵². Таким образом, большевики в очередной раз открыто объявили о своих реальных притязаниях на власть, используя в качестве формального прикрытия необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания.

Затем кафедру Демократического совещания занял представитель левых эсеров А.М. Устинов и заявил, что группой совещания левых эсеров ему поручено прочесть декларацию. В ней говорилось: «Левые социалисты-революционеры, члены Демократического совещания, считают своим долгом констатировать следующее:

1) Демократическое совещание, искусственно подобранное по самым случайным признакам и критериям, по своему политическому составу не может претендовать на то, чтобы быть выразителем истинных мнений и интересов революционной демократии;

2) выбранный этим совещанием предпарламент, вполне отражающий неправильное представительство на самом Совещании, где пролетариат, трудовое крестьянство и армия не получили даже в определенной степени соответствующего их роли и значению в стране и революции представительства, естественно не может претендовать на роль истинно народного представительного органа (Аплод.);

3) если предпарламент будет пополнен цензовыми элементами, политическое лицо его будет еще больше искажено. Исходя из этого, левые с.-р. считают своим долгом уже сейчас заявить, что, входя в предпарламент, они главную свою задачу видят в возможности

использовать его в целях борьбы за интересы трудящихся масс и революционного социализма, в целях борьбы за скорейший демократический мир»⁵³.

Итак, в резолюциях большевиков и левых эсеров, декларативно отстаивавших политические права трудового народа, присутствовала общность взглядов на перспективу развития революции, стремление к социализму.

После прочтения А.М. Устиновым декларации левого крыла социалистов-революционеров, председатель О.С. Минор заявил, что во время перерыва было устроено особое совещание представителей всех фракций без исключения, которое, в результате обсуждения документа, оглашенного Ф.И. Даном, единогласно пришло к следующему положению:

«Всероссийское демократическое совещание подтверждает твердую волю всей демократии России бороться за осуществление великого лозунга: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, провозглашенного Российской революцией в первые дни ее торжества в воззвании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира. Эта воля Всероссийского демократического совещания должна быть выражена в манифесте к демократиям всего мира. Составление этого манифеста поручается Президиуму нашего Совещания, дополненного представителями всех участвовавших в совещании фракций».

О.С. Минор от имени Президиума предложил собранию единогласно принять это предложение. Большинством голосов против одного — плехановца — собрание приняло это предложение.

Демократическое совещание завершило свою работу 22 сентября, а мероприятия по урегулированию кризиса власти, тем временем, продолжались. 22 сентября в Зимнем дворце под председательством А.Ф. Керенского прошло соединенное совещание Временного правительства, представителей Демократического совещания, московских общественных деятелей и некоторых членов центрального комитета кадетов, на котором обсуждался вопрос об организации власти. В совещании участвовали министры М.И. Терещенко, А.М. Никитин, А.В. Карташев, С.Н. Прокопович, С.С. Салазкин, А.И. Верховский, Д.Н. Вердеревский, М.В. Бернацкий, И.Н. Ефремов, Демьяревский, К.А. Гвоздев; от Демократического совещания — Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели, А.Р. Гоц, Г.И. Шрейдер, А.М. Беркенгейм, Н.Д. Авксентьев, В.В. Руднев, Я.И. Душечкин; из Москвы — А.И. Коновалов, С.А. Смирнов, Н.М. Кишкин, П.Н. Малянтович; из членов кадетской партии в Совещании приняли участие В.Д. Набоков и М.С. Аджемов.

А.Ф. Керенский сообщил о плане восстановления коалиции и создания консультативного Временного совета республики, который должен был работать до начала Учредительного собрания⁵⁴.

Интенсивные политические консультации между представителями цензовых элементов и революционной демократии продолжались и в последующие дни.

23 сентября 1917 г. в 16 часов открылось первое и последнее заседание Демократического Совета, выделенного Демократическим совещанием. Члены Совета избрали Президиум в составе 9 человек. Председателем Президиума Совета был избран Н.С. Чхеидзе, членами Президиума от меньшевиков — Ф.И. Дан, В.Е. Мандельберг, от большевиков — Л.Б. Каменев и Л.Д. Троцкий, от эсеров — Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, Б.Д. Камков, О.С. Минор.

Проект Юридического совещания о Временном совете Российской республики

25 сентября на заседании Временного правительства министр-председатель А.Ф. Керенский предложил возложить на Юридическое совещание разработку проекта Положения о Временном совете Российской республики (Предпарламенте). Постановление по этому вопросу было принято⁵⁵. Такой орган мог бы обеспечить правительству необходимую морально-политическую поддержку и влиять на его политику. Причем Демократический совет, созданный 20 сентября Всероссийским демократическим совещанием в качестве формообразующего ядра будущего Предпарламента, оттеснялся в сторону, утрачивал инициативу в этом процессе и трансформировался в «составную часть» временного парламента, хотя и более многочисленную. Роль правоучредителя Предпарламента от революционной демократии перешла к Временному правительству.

Юридическое совещание приступило к обсуждению вопроса о Предпарламенте 27 сентября 1917 г. В заседании участвовали председатель Н.И. Лазаревский и члены совещания — М.С. Аджемов, Г.Э. Блосфельд, В.В. Водовозов, Д.Д. Гримм, В.Д. Набоков, А.Э. Нольде, Б.Э. Нольде. Рассматривались два проекта — товарища министра внутренних дел Н.Н. Авинова и члена Государственной думы М.С. Аджемова. Заслушав оба проекта, тождественных по существу, за основу Положения о Предпарламенте совещание постановило взять проект М.С. Аджемова, разработанный более детально и отвечавший потребностям создаваемого государственного учреждения. Образцом для проекта, составленного из 20 пунктов, послужил текст «Учреждения Государственной думы» от 1905 г.⁵⁶, на отдельные статьи которого в документе присутствовали многочисленные ссылки⁵⁷.

Юридическое совещание подробно рассмотрело проект положения о Временном совете Российской республики, подготовленный

членом Юридического совещания М.С. Аджемовым. Согласно этому проекту, Временный совет Российской республики образовывался из 443 членов, назначаемых Временным правительством по представлению существовавших общественных организаций. Число 443 определялось следующим образом: от Демократического совещания входили в Предпарламент 308 представителей, от цензовых элементов — 120, от национальных групп — 15. Соответствующие организации должны были представить Временному правительству своих кандидатов, после чего постановлением Временного правительства они назначались членами Совета⁵⁸.

Для замещения отсутствовавших членов Временного совета могли быть назначены их заместители, но только на факультативных началах. Ввиду временного характера Совета в заместителях могло и не возникнуть необходимости. Во всяком случае оговаривалось, что заместители имели право замещать только лиц, представленных той же организацией. Заместители до своего вступления в Совет и по возвращении в Совет замещаемых ими членов никакими правами по должности заместителей не пользовались, являясь по отношению к Предпарламенту посторонними людьми.

Предусматривалась публикация списков членов Совета и их заместителей в «Вестнике Временного правительства». Ввиду назначения членов Совета Временным правительством и опубликования их списков в «Вестнике Временного правительства» отпадала необходимость в проверке полномочий членов Совета. В проекте положения о Временном совете Российской республики определялось, что немедленно после публикации списков членов Совета, управляющий делами Временного правительства примет меры к подготовке первого заседания Совета. Подготовительные мероприятия заключались в подборе помещения для заседаний Предпарламента, выдаче членам Совета соответствующих удостоверений, рассылке повесток на первое заседание Совета и прочих действиях организационного характера.

Первое заседание Совета открывалось лицом, уполномоченным на то Временным правительством, после чего Временный совет должен был избрать из своей среды председателя, трех товарищей и секретаря. Ведению Совета подлежали дела, вносимые на обсуждение Совета особыми постановлениями Временного правительства.

Согласно проекту, Совет мог для предварительной разработки представленных на его обсуждение дел образовывать из своей среды комиссии. Министры должны были быть заслушаны на заседаниях Временного совета и его комиссий всякий раз, когда они об этом заявили бы. Министрам предоставлялось право назначать для присутствия в заседаниях Совета и его комиссий своих заместителей⁵⁹.

Заключения Временного совета по нерассмотренным им делам, с приложением заявленных членами Совета особых мнений, поступали на окончательное разрешение Временного правительства. В объяснениях к проекту положения о Временном совете Российской республики отмечалось, что Временное правительство могло, отвергнув заключение большинства, согласиться с одним из особых мнений или принять решение, отличное от всех соображений, имевших место в Совете. Такой же порядок существовал и в дореформенном Государственном совете.

Согласно проекту, члены Совета могли обращаться к министрам за разъяснениями относительно принятых министрами или подведомственными им установлениям и лицами мер. Министры имели право отказаться от сообщения Совету разъяснений по таким предметам, которые по соображениям государственного порядка не подлежали оглашению. Заключения Совета по возбужденным членами Совета вопросам ни в коей мере не связывали ни отдельных министров, ни Временного правительства в целом.

Проект предусматривал предоставление председателю Совета права разрешать присутствие в открытых заседаниях Совета представителям печати и посторонним лицам. Закрытые заседания Совета назначались по постановлению Совета или по распоряжению председателя Совета. В заседания комиссий представители печати и посторонние лица не допускались. Особо оговаривалось, что вопрос об участии в заседаниях комиссий сведущих лиц, неоднократно возбуждавшийся в Государственной думе, не мог возникнуть никоим образом, поскольку сами члены Совета были лишь сведущими лицами, заключения которых решающего значения иметь не могли.

Продолжительность занятий Совета и сроки их перерыва определялись постановлениями Временного правительства. В особом упоминании о прекращении деятельности Временного совета с момента созыва Учредительного собрания члены Юридического совещания не видели необходимости. Такое прекращение деятельности временного парламента представлялось им само собой разумеющимся⁶⁰.

Предпарламент сам определял подробности своего внутреннего распорядка. Для производства дел при нем должна была состоять канцелярия, управление которой возлагалось на секретаря Временного совета.

Обсудив внесенные предположения, Юридическое совещание признало, что при определении компетенции Предпарламента необходимо исходить из положений декларации Временного правительства от 25 сентября 1917 г. Согласно этим установлениям, Временному совету предполагалось предоставить право обращать вопросы

к правительству и получать на них ответы в определенный срок, разрабатывать законодательные предположения и обсуждать вопросы, переданные на его рассмотрение правительством или возникшие по его собственной инициативе.

Предполагалось, что в подобных выражениях будут сформулированы статьи Положения о Временном совете, касавшиеся его компетенции. Обсуждая состав Совета, Юридическое совещание отметило, что по соглашению, заключенному между партиями, уже определено число — 443 человека. Однако к Временному правительству продолжали обращаться с ходатайствами о предоставлении мест в Предпарламенте различные группы населения — казаки, крестьяне и др. Поэтому Юридическое совещание полагало, что в готовящемся проекте необходимо учесть возможность удовлетворения Временным правительством таких ходатайств и число членов Совета должно, соответственно, увеличиться приблизительно до 475 человек.

Юридическое совещание сочло излишним принятие правила о назначении членам Совета заместителей, поскольку установление института заместителей могло привести к замаскированному увеличению числа членов Совета.

Одобрив, далее, остальные предположения проекта, составленного членом Совещания М.С. Аджемовым, Юридическое совещание поручило своему председателю Н.И. Лазаревскому разработку проекта постановления о Временном совете Российской республики, особо подчеркнув, при этом, совещательное значение Совета и начало назначения, а не избрание его членов. Осуществление всех мер по приведению в действие положения о Совете возлагалось на управляющего делами Временного правительства⁶¹.

Второе заседание Юридического совещания для рассмотрения проекта Временного совета решено было созвать 28 сентября. На этом совещании предполагалось окончательно принять проект о созыве Временного совета Российской республики и о его конструкции. Предполагалось участие в заседании И.Г. Церетели в качестве представителя революционной демократии.

За деятельностью Юридического совещания по созданию проекта Предпарламента пристально наблюдали две небеспристрастных группы политических оппонентов, формально объединить которых в стенах одного учреждения должен был временный парламент. Результаты первого заседания Юридического совещания по этому вопросу кадетская «Речь» освещала весьма позитивно. У цензовиков появился шанс на увеличение их представительства в Предпарламенте Временным правительством за счет казачьих организаций и других вероятных ресурсов. «Выяснилось, что в состав Временного совета Российской республики войдет около 500 человек. От де-

мократического совещания в состав Совета вошло, как известно, 308 делегатов. Ценовым элементам предоставлено 120 мест. Кроме того, Временное правительство предполагает предоставить еще 20 мест казачьим организациям (помимо тех мест, которые они получили в качестве представителей Демократического совещания), 3 места Духовной академии и Всероссийскому союзу священников и 15 мест различным национальным группам (в дополнение к тем местам, которые предоставило некоторым национальным группам Демократическое совещание) <...> В последние дни многие организации обращаются непосредственно во Временное правительство с просьбой предоставить им то или иное количество мест. Некоторые из этих просьб, вероятно, будут удовлетворены»⁶².

28 сентября под председательством Н.И. Лазаревского состоялось два заседания Юридического совещания, посвященных обсуждению проекта положения о Временном совете Российской республики. Первое заседание проходило с 11 часов 45 минут до 12 часов 50 минут. В нем участвовали также члены Юридического совещания М.С. Аджемов, Г.Э. Блосфельд, Д.Д. Гримм, В.Д. Набоков, А.Э. Нольде, Б.Э. Нольде. Слушался составленный председателем Н.И. Лазаревским проект постановления об учреждении Временного совета.

Проект положения определял состав Предпарламента в 475 человек, назначаемых Временным правительством по представлению общественных организаций. Списки членов должны были публиковаться в «Вестнике Временного правительства». День открытия Совета точно не определялся, но был назван месяц — октябрь 1917 г. Отмечалось, что дату окончания работ Совета определит особым актом Временное правительство. На управляющего делами Временного правительства возлагалось принятие мер к подготовке первого заседания Совета.

Согласно проекту, первое заседание Временного совета открывалось лицом, уполномоченным на то Временным правительством, после чего Совет избирал из своей среды председателя (в том случае, если бы Временным правительством председательство не было бы возложено на особое лицо), трех товарищей и секретаря. Ведению Совета подлежали: обсуждение законодательных предположений, переданных в Совет Временным правительством; изучение других дел, представленных на его рассмотрение Временным правительством или возникших по его собственной инициативе; возбуждение вопросов об общем ходе государственного управления или отдельных дел⁶³. Членам Совета присваивалось суточное вознаграждение по 15 рублей в день и, кроме того, по 100 рублей на оплату путевых расходов.

Юридическое совещание признало представленный законопроект в общем приемлемым. Было сочтено излишним указывать в проекте число членов Временного совета, так как первоначально оно было установлено путем соглашения политических партий. По этой причине Юридическое совещание считало неудобным увеличивать объявленное ранее число и высказалось за предоставление права окончательного установления числа членов Предпарламента Временному правительству.

При определении предметов ведения Временного совета Юридическое совещание отметило, что по проекту, составленному Н.И. Лазаревским, Совет получал довольно широкие права вмешательства «по собственной его инициативе» в активное управление. Находя такое положение вещей нецелесообразным, Юридическое совещание высказалось за внесение в проект указания, что дела не законодательного свойства подлежали рассмотрению в Совете лишь в том случае, если они были переданы в него Временным правительством. Одновременно с этим, подчеркивая совещательный характер занятий Временного совета Российской республики, статья, определявшая его участие в законодательной деятельности, была изложена следующим образом: «Ведению Временного совета принадлежат: а) обсуждение законодательных предположений, по коим Временное правительство признает нужным иметь заключение Совета, а равно подготовительная разработка законодательных вопросов, возникших по собственной инициативе Совета»⁶⁴. Юридическое совещание внесло в проект и другие изменения с целью редакционного улучшения отдельных его статей и положений.

Также 28 сентября, но несколько позже — с 16 часов 15 минут до 18 часов 25 минут — прошло еще одно заседание Юридического совещания при Временном правительстве. К присутствовавшим на первом заседании в этот день присоединился и представитель революционной демократии — член Демократического совещания И.Г. Церетели. Председательствовал Н.И. Лазаревский. Снова слушался составленный Юридическим совещанием проект постановления об учреждении Временного совета Российской республики. Документ был значительно доработан и усовершенствован. Проект постановления состоял уже из двух частей — вводной (из четырех разделов) и основной части — Положении о Временном совете Российской республики, включавшей 5 разделов и 20 параграфов.

В преамбуле отмечалось, что Временный совет Российской республики учреждался впредь до созыва Учредительного собрания на основании прилагаемого при этом Положения. Обязанности по открытию заседания временного парламента в октябре 1917 г. (число не уточнялось) возлагались на особо уполномоченное Временным правительством лицо. День закрытия этого учреждения опре-

делило бы особым постановлением Временное правительство. Подбор необходимого помещения и принятие других подготовительных мер, связанных с его работой, возлагались на управляющего делами Временного правительства. Из средств государственного казначейства сверхсметным кредитом отпускались до 475 тыс. рублей на расходы, связанные с учреждением Временного совета.

Текст Положения о Предпарламенте включал в себя разделы о его составе, предметах ведения, порядке рассмотрения дел, участия в заседаниях посторонних лиц, внутреннем распорядке. Все тезисы этого документа были подробно рассмотрены на предыдущих заседаниях Юридического совещания.

Приступив к обсуждению представленного проекта, член Демократического совещания И.Г. Церетели пожелал узнать, почему в документе не определено число членов Временного совета так, как оно было установлено в соглашении между партийными организациями. Этим пропуском, — указал Церетели, — откроется возможность увеличения состава Совета в нарушение известного соглашения⁶⁵.

Член Юридического совещания В.Д. Набоков пояснил в этой связи, что Юридическое совещание не установило точного числа членов Временного совета потому, что к Временному правительству начали поступать в большом количестве заявления от различных групп населения с просьбой об увеличении состава Предпарламента. В.Д. Набоков полагал, вместе с тем, что увеличение состава можно было произвести только в согласии с Демократическим совещанием так, чтобы процентное соотношение между партиями не было бы изменено.

И.Г. Церетели заявил, что добавление новых членов Временного совета можно производить, только придерживаясь конкретной пропорции: от Демократического совещания — 75 новых членов, от прочих организаций — 35, с тем, чтобы, если Демократическое совещание не согласилось бы с таким увеличением, число членов Совета осталось бы старым, установленным первоначальным соглашением, т. е. 428 (308/120).

Затем Юридическое совещание перешло к постатейному обсуждению законопроекта. При обсуждении раздела II вводной части постановления И.Г. Церетели отметил, что содержащиеся в нем положения в замаскированном виде предоставляют Временному правительству право роспуска Временного совета, что вообще не предусматривалось соглашением. Он предлагал, в частности, из отдела II исключить фразу «день закрытия работ Совета будет определен особым актом Временного правительства», как дающую право Временному правительству распустить Временный совет до созыва Учредительного собрания.

С разъяснениями выступили члены Юридического совещания М.С. Аджемов и В.Д. Набоков, заявившие, что Временное правительство формально имеет право в любое время распустить Совет⁶⁶. Согласно предложенной проектом редакции раздела II роспуск Временного совета можно было произвести в порядке верховного управления, а при изъятии этих слов его могли распустить актом законодательным. Поэтому, отметили выступавшие, поправка И.Г. Церетели не имела юридического значения, так как отношения между Временным советом и Временным правительством определялись «не столько словесными формулами, сколько реальными условиями объективной обстановки народной жизни».

Юридическое совещание, тем не менее, постановило раздел II изложить в редакции, предложенной И.Г. Церетели. При дальнейшем обсуждении того же II раздела Церетели заинтересовал вопрос, на какое именно лицо будет возложено открытие заседаний Совета. Он полагал, что таковым лицом мог стать только представитель демократии. По статье 3 Положения Церетели предлагал лишить Временное правительство права назначать особое лицо для председательствования во Временном совете считая, что состав президиума Предпарламента должен был полностью определяться постановлением самого временного парламента. Предположив также, что Временный совет, не довольствуясь указанным в проекте числом секретарей, пожелает, вероятно, увеличить их число, Церетели предложил конец статьи 3 изложить в более общей редакции: «Совет избирает товарищей Председателя и секретариат»⁶⁷. Это предложение также было принято.

В ходе дальнейшего обсуждения проекта Предпарламента, подготовленного Юридическим совещанием, И.Г. Церетели обратил внимание участников заседания на неопределенность выражения «по соображениям государственного порядка», допущенного в статье 15 Положения. По мнению Церетели, этот тезис мог трактоваться широко и значительно сузить права Временного совета по наблюдению за деятельностью министров. Церетели советовал употребить это выражение в новой редакции — «по соображениям государственной тайны».

В обсуждении этого вопроса выступил член Юридического совещания Б.Э. Нольде. Отметив «правильность» замечания Церетели, он, вместе с тем, сказал, что выражение «государственная тайна» является слишком узким. По этой причине Б.Э. Нольде предложил в тексте статьи 15 выражение «по соображениям государственного порядка» заменить словами «в интересах государственной безопасности», как в аналогичных случаях отмечалось в конституционных законах Франции. Предложение Б.Э. Нольде было принято.

И.Г. Церетели в ходе дальнейшей дискуссии указал, что статья 19, в приданной ей редакции, препятствует приглашению в комиссии Временного совета сведущих лиц и находил целесообразным изложить статью 19 следующим образом: «в заседания комиссий Совета посторонние лица не допускаются. Постановлением большинства комиссии в заседания могут быть приглашаемы сведущие лица». Участники заседания согласились с мнением Церетели. Еще одно предложение, не вызвавшее возражений, И.Г. Церетели внес по главе V проекта, сочтя нужным дополнить положение правилами об удалении членов Временного совета из заседания и об устранении их на определенный срок от участия в работе в случае допущения ими беспорядков.

Юридическое совещание внесло в проект и другие изменения, направленные на улучшение редакции отдельных его постановлений. На основании состоявшегося обсуждения Совещание постановило предоставить на усмотрение Временного правительства выработанный проект постановления с приложением дополнительных поправок И.Г. Церетели, предложенных им по окончании работ Юридического совещания. Вопрос о численности Предпарламента оставался открытым.

Представители революционной демократии оперативно обсуждали развитие событий. В тот же день, 28 сентября, под председательством Н.С. Чхеидзе состоялось заседание совета старейшин Демократического совета. И.Г. Церетели выступил с кратким докладом о работах Юридического совещания по выработке положения о Предпарламенте. Он сообщил, что не возражал против пополнения Совета республики сверх 308 представителей Демократического совещания и 120 цензовиков еще 20 представителями от казаков и 15 — от различных национальных групп с тем, однако, условием, чтобы и представительство от Демократического совещания увеличивалось на 45 человек.

Ф.И. Дан рекомендовал отвести цензовым группам национальностей лишь 15 мест, а казакам — 12, представителям же демократии — еще 45 мест. Церетели считал, что если в Юридическом совещании не будет достигнуто соглашение по вопросу о дополнительных местах, то можно предоставить все-таки 20 мест казакам, 15 — национальным группам и 45 — представителям демократии. Совет старейшин Демократического совета принял предложение Дана с поправкой Церетели.

В этом же заседании был также поднят вопрос о праве Временного правительства на отвод того или иного кандидата в Предпарламент. Церетели рассказал, что этот вопрос также дискутировался в Юридическом совещании. Поскольку списки кандидатов в Совет республики будут опубликованы Временным правительством,

то оно сможет отвести того или иного кандидата, если на то будут законные основания⁶⁸.

Проект Предпарламента, подготовленный 27 и 28 сентября Юридическим совещанием, планировало рассмотреть и утвердить Временное правительство. Министр-председатель А.Ф. Керенский находился тогда в Ставке (он выехал из Петрограда в Могилев 26 сентября), откуда 28 сентября поступило сообщение о его недомогании простудного характера. Несмотря на это обстоятельство, отсрочившее, впрочем, начало работы временного парламента, вопрос об открытии Предпарламента активно обсуждался в правительстве. 29 сентября между членами Временного правительства состоялся обмен мнений по этому вопросу. Выяснилось, что все министры, сообразуясь со сложившейся политической обстановкой, сочли необходимым принять все меры к скорейшему открытию заседаний Временного совета Российской республики. Даже утверждавшие, что Предпарламент не устранил, а усугубит пагубное для страны двоевластие, видели несомненную пользу в создании временного парламента. Силы каждой общественной организации проявляли бы себя с полной очевидностью и благодаря этому правительство получало «твердо обоснованную почву для опоры на действительно сильную комбинацию общественных групп. Если же у Совета наладится деловая работа, то правительство, конечно, использует эту работу во всей полноте и тем самым обеспечит своим постановлениям и мероприятиям больший авторитет в среде разнообразных слоев населения»⁶⁹.

Учитывая приведенные выше соображения, Временное правительство решило в ближайшие дни рассмотреть и издать Положение о Предпарламенте. Во исполнение этого решения заместитель министра-председателя А.И. Коновалов 29 сентября днем пригласил к себе Н.Н. Авинова, принимавшего, как отмечалось выше, непосредственное участие в составлении проекта Положения о Временном совете и имел с ним продолжительную беседу по поводу окончательного установления основных положений проекта.

В прессе сообщалось, что в случае невозвращения из Ставки министра-председателя А.Ф. Керенского, Временное правительство утвердит Положение о Предпарламенте без него. 29 сентября А.И. Коновалов во время разговора по прямому проводу с А.Ф. Керенским получил согласие на заслушивание этого проекта в отсутствии министра-председателя⁷⁰.

30 сентября на заседаниях Временного правительства, состоявшихся под председательством А.И. Коновалова и с участием И.Г. Церетели, рассматривался проект положения о Временном совете Российской республики, составленный Юридическим совещанием при Временном правительстве. Было решено сохранить за

вновь учреждаемым государственным учреждением название Временный совет Российской республики (он же Предпарламент). Число членов Совета республики определялось в 555 человек, из них 388 — представители демократических элементов и 167 — цензовых. Открытие Временного совета было назначено на 5 октября. Выполнение формальностей по открытию Предпарламента возлагалось на одного из членов Временного правительства. Делопроизводство Совета предполагалось поручить канцелярии Государственной думы⁷¹.

30 сентября днем новый министр юстиции П.Н. Малянтович впервые посетил свое министерство и вызвал высших чинов юрисконсультской части — директора первого департамента И.Д. Мордухай-Болтовского, старшего юрисконсульта министерства А.В. Осовского, юрисконсульта Е.И. Гаусмана и некоторых других. Министр прочитал им привезенный с собой в единственном экземпляре текст проекта постановления об учреждении Предпарламента и предложил немедленно составить заключение по поводу этого законопроекта. В проекте, как уже отмечалось, определенно указывалось, что Временный совет Российской республики является не законодательным, а лишь совещательным органом.

Высшие чины Министерства юстиции рассматривали проект около двух часов и наметили ряд редакционных поправок, придающих законопроекту большую ясность и отчетливость. Особое внимание обращалось на то, чтобы в тексте было подчеркнуто, что роль Предпарламента — совещательная. Сообщалось, что законопроект о Временном совете будет обсуждаться в экстренном закрытом заседании Временного правительства 1 октября, а 2 октября будет уже опубликован как закон⁷².

После однодневного перерыва, вызванного необходимостью получения сведений «относительно соображений министра-председателя по некоторым очередным вопросам», уже 2 октября в Зимнем дворце состоялось закрытое заседание Временного правительства, большая часть которого посвящалась установлению окончательной редакции Положения о Временном совете Российской республики и обсуждением вопросов, связанных с его открытием⁷³.

В заседании участвовали: заместитель министра-председателя А.И. Коновалов, военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.Н. Вердеревский, министр внутренних дел, почт и телеграфов А.М. Никитин, министр иностранных дел М.И. Терещенко, министр народного просвещения С.С. Салазкин, министр путей сообщения А.В. Ливеровский, министр государственного призрения Н.Н. Кишкин, министр исповеданий А.В. Карташев, министр финансов М.В. Бернацкий, министр юстиции П.Н. Малянтович, управляющий Министерством земледелия П.А. Вихляев, управ-

ляющий Министерством торговли и промышленности Н.Н. Саввин, товарищ министра труда П.Н. Колокольников, товарищ министра продовольствия В.Н. Башкиров и председатель Экономического совета С.Н. Третьяков. Присутствовали также государственный контролер С.А. Смирнов, председатель Юридического совещания Н.И. Лазаревский, комиссар по делам Кавказа в Петрограде В.Д. Набоков, И.Г. Церетели, М.С. Аджемов⁷⁴. Временное правительство признало целесообразным ввести в некоторые пункты Положения редакционные изменения в соответствии с замечаниями, изложенными А.Ф. Керенским в его переговорах по прямому поводу с А.И. Коноваловым.

Документ состоял из 20 пунктов и 5 разделов, определявших основы деятельности Временного совета Российской республики: состав; права членов; предметы ведения; порядок производства дел; публичность заседаний. Сжатость и ясность составляли его несомненные достоинства, обнаруживавшие участие в его составлении опытных государствоведов Юридического совещания⁷⁵.

Согласно Положению, деятельность Предпарламента прекращалась за неделю до начала занятий Учредительного собрания. Открытие первого заседания Временного совета возлагалось на члена Временного правительства. Как и планировалось, на расходы по временному парламенту особым сверхсметным кредитом в распоряжение председателя Временного совета отпускалось до 475 тыс. рублей, с отнесением этого расхода на счет кредитов, выделяемых на чрезвычайные, государственной росписью расходов не предусмотренные, надобности.

Обсуждалось, кто из членов Временного правительства откроет заседания Предпарламента. В ходе оживленного обмена мнений большинство согласилось с позицией А.Ф. Керенского, предлагавшего, «применительно к точному смыслу положения о Временном совете», открытие Предпарламента возложить на кого-нибудь из министров, который бы довел первое заседание до момента избрания президиума. В случае же, если министр-председатель сочтет нужным выступить в этом заседании с речью, лицо, уполномоченное правительством на открытие сессии Временного совета, предоставит слово А.Ф. Керенскому в порядке дня. Были высказаны пожелания, чтобы открытие Предпарламента взяли на себя А.И. Коновалов или П.Н. Малянтович, в зависимости от того, кто из них в этот день будет свободен от срочных ведомственных дел⁷⁶.

Определялись вопросы, подлежащие внесению на обсуждение Совета республики ко дню его открытия. Общую поддержку встретило предложение представить на заключение Временного совета в первую очередь аграрный законопроект. Труды Предпарламента в области аграрных реформ могли, во-первых, внести успокоение

в ряды сельского населения и, таким образом, способствовать скорейшей ликвидации аграрных беспорядков, а во-вторых, послужить ценным материалом для Учредительного собрания.

Участники заседания просили всех министров 5 октября выяснить по своим ведомствам все дела и вопросы, которые, по их мнению, представлялось бы желательным передать на обсуждение Предпарламента до внесения их на окончательное рассмотрение Временного правительства. В связи с этим, а также ввиду желательности подвергнуть вопросы, касавшиеся открытия Временного совета, дополнительному обсуждению в присутствии А.Ф. Керенского, Временное правительство признало необходимым отсрочить открытие сессии Предпарламента до 7 октября 1917 г.⁷⁷

Решение об издании «Положения о Временном совете Российской республики» от 2 октября 1917 г. за подписями заместителя министра-председателя А.И. Коновалова и министра юстиции П.Н. Малянтовича было принято. Временное правительство постановило: временно, до открытия заседаний Учредительного собрания, учредить Временный совет Российской республики в составе 555 человек⁷⁸.

Содержание «Положения о Временном совете Российской республики» активно обсуждалось общественностью. «Известия Московского Совета Р. Д.» 3 октября отмечали, в частности: «Нет необходимости останавливаться подробно на всех статьях этого положения, чтобы видеть, как резко оно отличается от того, что предлагалось создать на Демократическом совещании».

Там шла речь об органе, пред которым должно быть ответственным Временное правительство. Эта мысль была оставлена при самом создании новой коалиции. Там говорилось об учреждении законодательном. В «положении» мы имеем учреждение совещательное».

«Биржевые ведомости» писали: «Как бы не относиться принципиально к этому суррогату парламента, раз признана настоятельная необходимость создать орган общения Временного правительства с населением, хотя бы при помощи более чем несовершенно представительства, то правы были те, которые настаивали, чтобы этот орган был и создан и созван Временным правительством», являвшимся до Учредительного собрания носителем верховной власти в государстве. «Как бы велик ни был авторитет Демократического совета, или Центрального Исполнительного комитета Советов в глазах отдельных групп и классов населения, это все-таки организации без определенных функций, лишенные общенародного характера, государственно-правовой санкции, а, следовательно, и общенационального значения»⁷⁹.

Временный совет Российской республики, напротив, призванный к жизни государственной властью, должен был стать вре-

менным представительством всех слоев населения, органом, занимающим свое определенное место в ряду временных высших государственных учреждений, ответственным за судьбу России до Учредительного собрания. Неписаную, но совершенно определенную ответственность перед населением страны Предпарламент должен был нести, и в этом состояло его значение и существенное отличие от прочих революционных организаций.

Проект Юридического совещания конструировал Временный совет Российской республики как государственно-совещательное учреждение с обширной компетенцией. Разница между Временным советом и парламентом состояла в том, что его решения не имели для правительства юридически обязательной силы, сохраняя, однако, силу моральную. По сути дела, некоторые юридические ограничения Предпарламента были оправданы самой природой верховной власти Временного правительства, не уполномоченного наделять какое-либо учреждение суверенными правами. Являясь хранителем «суверенных прав», Временное правительство должно было передать их в неприкосновенности Учредительному собранию.

Погрешности проекта оправдывались временным характером созданного учреждения. «Если бы дело шло о годах деятельности, то можно было бы спорить о частностях проекта. Но работа Совета рассчитана максимум на 2 месяца, а на этот период времени у Совета будет достаточно и работы, и прав <...> Совету, в согласии с правительством, надлежит, прежде всего, провести меры наиболее срочного характера и подготовить для Учредительного собрания материалы по вопросам наиболее важным»⁸⁰.

Проект Юридического совещания о Предпарламенте открывал возможность делегатам временного парламента приступить к необходимой государственной работе. Судьба нового органа зависела уже не столько от определения его прав, сколько от государственного масштаба личностей, призванных в него.

Формирование Совета республики: позиции политических партий и организаций

23 сентября 1917 г. определился состав большевистской фракции Предпарламента, состоявшей из 66 человек. В частности, членами Предпарламента стали следующие большевики: Л.Д. Троцкий (Бронштейн), Л.Б. Каменев (Розенфельд), И.В. Сталин (Джугашвили), А.И. Рыков, Д.Б. Рязанов (Гольденбах), Д.П. Малютин, Я.М. Свердлов, А.А. Иоффе, В.П. Ногин, М.С. Урицкий, Г.И. Петровский, А.С. Бубнов, А.Г. Шляпников, С.А. Лозовский (Дридзо), П.И. Стучка, В.В. Шмидт, А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай (Домонтович), Б.П. Позерн, Б.Г. Зуль, Г.Л. (Ю.М.) Пятаков,

М.М. Лашевич, Г.И. Благонравов, Н.Н. Крестинский, Н.А. Скрыпник, Я.З. Ерман, известный тем, что во время речи А.Ф. Керенского на открытии Демократического совещания крикнул: «Вы — горе родины» и др.⁸¹ От меньшевистской фракции были избраны: И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе, Ю.О. Цедербаум (Мартов), Ф.И. Дан (Гурвич), М.И. Гольдман (Либер), Н.Н. Жордания, М.И. Скобелев, А.И. Чхенкели, А.Н. Потресов, Л.М. Хинчук, Н.Н. Суханов (Гиммер), Б.О. Богданов и др.⁸²

26 сентября пресса сообщала, что Предпарламент образован и приступил к своей работе⁸³. Состав его, приблизительно, был таков: 308 представителей демократии и 120 — цензовой России. Последние пока еще не вошли в состав временного парламента, но соглашение на этот счет уже было достигнуто между вступавшими в коалицию сторонами. Из этого общего числа членов около 100 приходилось на долю большевиков и примыкавших к ним элементов — левых эсеров и интернационалистов, около 200 — социалистов оборонческого толка, остальные 120 — представителей цензовых классов.

Особый интерес вызывал вопрос о правах и функциях этого учреждения: будет ли оно де-юре наделено правами законодательной палаты, санкционировано Временным правительством? Вырисовывались намечавшиеся контуры прав и компетенции нового революционного института. Временное правительство от своего имени намеревалось санкционировать это учреждение. Согласно его решения, Предпарламент получал бы право постановки вопросов правительству с обязательством последнего давать ответы в определенный срок; имел бы право на ознакомление и оценку тех или иных законопроектов Временного правительства, которое юридически предполагалось признать безответственным перед Предпарламентом⁸⁴.

В такой трактовке юридическая природа нового учреждения больше соответствовала законосовещательному учреждению. Права Предпарламента с этой точки зрения были уже полномочий Государственной думы, без одобрения и утверждения которой не мог получить силу законопроект ни один документ. Этого права Предпарламенту по условиям соглашения предоставлено не было. Следовательно, Временное правительство безо всякого одобрения новой палаты имело право издавать законы. Оно было правомочно также объявить законом и то, что Предпарламент не одобрил, действовать вопреки его воли. По этим причинам назвать временный парламент законодательным учреждением было нельзя. Одно только право интерpellаций еще не превращало его в законодательный орган. Такими правами мог обладать только законосовещательный институт, контролирующий действия власти, дающий ей некоторые указания, и только.

Не являлся ли такой переход от законодательной Думы к законосовещательному Предпарламенту шагом назад? Не казалась ли нонсенсом такая «булыгинская дума» в момент революционный? Взгляды разделились. Большевики, например, отвечали положительно на эти вопросы, пытаясь на этой основе развить широкую агитацию, чтобы доказать «измену» правительства и дискредитировать новое учреждение.

Правые эсеры, в свою очередь, придерживались противоположной точки зрения. Они считали, что если бы Предпарламент был избран правильно, то, конечно, такая законосовещательная роль была бы регрессом и нонсенсом. Но в том то и дело, что его избрание было совершено путем невозможным, не только противоречившим всеобщему избирательному праву, но не удовлетворявшим требованиям избирательного права самых скверных из существовавших тогда конституций. Выборы были не только трех- и пятистепенные, но шли по куриям, не охватывавшим всех граждан России и которые затем скрещивались друг с другом. Число представителей от них было определено вполне произвольно.

При таких условиях конструирования этого института не могло быть и речи о превращении его де-юре в законодательный орган. Это было бы вопиющим и совершенно ненужным нарушением основных принципов демократии. Не могло быть этого еще и потому, что едва ли было целесообразно за полтора месяца до Учредительного собрания превращать в законодательную палату наспех созданный и вызванный исключительными обстоятельствами институт. В противоположность большевикам, правые эсеры отнюдь не заключали, что Предпарламент должен и может быть заменен Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, к которому все приведенные выше возражения были применимы вдвойне и втройне⁸⁵.

Некоторые наблюдатели считали, что столь узкая юридически роль Предпарламента будет таковой же и фактически. Юридически правительство было безответственно перед ним. Однако существовали предположения, что оно не смогло бы остаться у власти, если бы Предпарламент выразил ему недоверие. Вопрос должен был решаться соотношением сил, как и везде (юридическая ответственность власти перед парламентом из всех конституций была зафиксирована только в одной австралийской, и то весьма неопределенно)⁸⁶. Ситуация такова, считали приверженцы этой точки зрения, что вотума недоверия Предпарламента будет достаточно, чтобы кабинет вынужден был подать в отставку.

Юридически правительство было не обязано для издания закона вносить его на предварительное одобрение временного парламента.

Это не означало, однако, что закон, опротестованный Предпарламентом, хотя бы и после его издания, мог осуществляться и оставаться в силе. Поэтому правительство волей-неволей вынуждено было бы для всех важнейших актов испрашивать предварительное согласие нового института. Такая политика была бы более выгодной и для правительства, и для страны.

Сторонники такой позиции считали, что анализ этих двух основных функций Предпарламента убеждал в его фактически решающей роли. Поэтому предполагалось, что на практике его права едва ли будут столь ограниченными, каковыми они выглядели на языке формального права. В этом контексте казались необоснованными сравнения Предпарламента с булыгинской Думой.

Такое несоответствие юридически очерченной и фактически выполняемой роли того или иного учреждения могло показаться аномалией, политическим монстром. Однако подобными аномалиями полна была вся история парламента и политических учреждений — с одной стороны, и с другой — ненормальное, революционное время. В такие периоды истории вопрос о правах решался не столько буквой формального закона, сколько интуитивным правом народа, фактическим соотношением сил и целесообразностью той роли, которую выполняло то или иное учреждение⁸⁷.

Условия момента были таковы, что Предпарламент, несмотря на все свои недочеты, при надлежащем поведении его членов, мог сыграть положительную роль. Фактическое соотношение сил в достаточной степени гарантировало его права от посягательств власти. Право же демократии воспрещало нарушать основные принципы демократизма, одним из которых являлась недопустимость присвоения де-юре права законодательного собрания органу, не удовлетворявшему элементарным требованиям избирательного права демократии. Поэтому, учитывая громадную роль, которую призван был играть Предпарламент, правые эсеры, например, в то же время выступали против юридической фиксации его прав как законодательного учреждения. Юридически эти права могли и должны были принадлежать только Учредительному собранию и больше никому⁸⁸.

26–27 сентября проходили совещания представителей цензовых элементов, посвященных вопросу об участии их во Временном совете Российской республики — Предпарламенте. Помимо обсуждения чисто технических вопросов — о том, как должно было быть налажено представительство буржуазных элементов в новом государственном органе, — на этих совещаниях состоялся также обмен мнениями и по поводу общих задач, которые буржуазия должна была поставить, посылая своих представителей в орган, на две трети состоявший из революционных демократов.

Члены партии народной свободы, проводившие переговоры с представителями торгово-промышленного класса, не ограничивали вопроса задачами чисто практического характера, в значительной мере углубив стоявшие перед буржуазией задачи. Так, например, Ф.И. Родичев полагал, что представители цензовых элементов в Предпарламенте преследовали цели не только узкополитические, но и широкого культурного строительства. Он говорил о том, что представлял собой Предпарламент по существу. «Если судить по тому составу, который образует выделенный из демократического совещания демократический совет, то придется прийти к заключению, что общий культурный уровень, политическая мудрость и степень патриотизма его членов ставят перед членами предпарламента, выходящими из других рядов, задачи весьма трудные. Тяжела и ответственна будет роль тех, кто войдет в состав этого нового государственного учреждения. Но таков уж удел его будущих членов и им придется безропотно отдать себя на служение новым задачам. Задачи же эти не являются задачами специально буржуазных или цензовых элементов. Это задачи, стоящие перед всеми не потерявшими разума гражданами России»⁸⁹.

Эти задачи Ф.И. Родичев формулировал так: прежде всего — защита самых примитивных, самых элементарных основ государственности и порядка, защита права, попиравшегося на каждом шагу, организация государственной мощи, защита культуры, против которой тогда шла ожесточенная борьба. Членам Предпарламента нельзя было ни на минуту забывать о том, что Россию «двигали» из Европы в Азию, об угрозе раздела Отечества, расхищении страны. Отсюда следовала вторая задача — собирание остатков русского достояния⁹⁰.

Секретарь Государственной думы И.И. Дмитрюков подчеркивал важность участия представителей буржуазии в Предпарламенте. «Это будет первая публичная встреча в одном общественном учреждении представителей т. н. цензовых элементов и российской демократии. До сих пор эти две группы собирались отдельно и отсюда — тот клубок противоречий и часто серьезных недоразумений, которые до сих пор разобщали две части российских граждан»⁹¹. До образования Предпарламента буржуазия не имела возможности дать непосредственный ответ на все обвинения, которые выдвигали крайние представители демократии против цензовых элементов. Например, в контрреволюционности, стремлении защитить исключительно свои узкие эгоистические интересы и т. п.

Кроме того, участие цензовых элементов в работе Совета республики должно было сыграть еще одну роль, так как Предпарламент был своеобразной репетицией Учредительного собрания. Наиболее видные деятели демократии и цензовых элементов, вошед-

ших во временный парламент, несомненно, через некоторое время оказались бы членами Учредительного собрания. Поэтому образование Предпарламента давало возможность для непосредственного ознакомления представителей обеих групп, налаживания взаимоотношений, т. е. выполнения той работы, которой Учредительному собранию пришлось бы посвятить первое время своей деятельности. По мнению И.И. Дмитриюкова, Временное правительство в факте участия цензовых элементов во Временном совете Российской республики могло найти для себя реальную поддержку. «Цензовые элементы, как элементы наиболее государственные, помогут демократии разобраться в том, что, быть может, окажется для нее слишком трудным и противоречивым. И, во всяком случае, элементы эти будут поддерживать идею правительства, как идею противопоставляемую проявлению анархии»⁹².

Н.Н. Изнар, товарищ председателя Комитета совета съездов промышленности и торговли, развил точку зрения представителей промышленности на участие цензовых элементов в Предпарламенте. По его словам, представители промышленности основной задачей своих делегатов в Совете Российской республики считали экономическое спасение России. Возможности 120 человек, представлявших цензовиков, были ограничены, несмотря на это, представительство промышленности в Предпарламенте должно было стать несколько более полным, чем в Государственной думе. «Практическая задача их заключается в том, чтобы заставить представителей демократии понять, что гибель промышленности есть гибель России, и что первой жертвой промышленного развала явится рабочий, интересы которого представлены демократической частью в Предпарламенте.

Политическая задача — в устроении порядка; этим словом исчерпывается очень много»⁹³.

26 сентября в течение дня представители промышленности имели совещания со своими представителями в рядах Временного правительства — С.А. Смирновым и С.Н. Третьяковым. Выяснилось, что в Предпарламенте правительство искало поддержку своих взглядов и надеялось, что, благодаря коалиционному составу Предпарламента, цензовая часть кабинета сможет проводить в жизнь определенную политику, без систематических уступок влево, как это делалось в первом составе кабинета. Представители промышленности рассчитывали, что в Предпарламенте у них будет очень много работы, которая окажется гораздо более продолжительной, чем это предполагалось. «Совершенно очевидно, — говорил Н.Н. Изнар, — что Учредительное собрание в срок созвано не будет; следовательно, работа предпарламента продлится гораздо

дольше, чем полтора месяца, а потому и времени для работы будет довольно»⁹⁴.

Член Государственного совета от торговли, председатель бумажного комитета профессор Е.Л. Зубашев, считал, что с образованием Предпарламента, в состав которого войдут не только демократические, но и цензовые элементы, Правительство получит большую свободу действий, чем оно имело до этого. Предпарламент, по его мнению, мог бы, при условии активной работы цензовых групп, несколько рассеять напряженную политическую атмосферу и сыграть известную роль в деле подготовки страны к Учредительному собранию. Взаимоотношения отдельных групп внутри временного парламента вполне позволяли бы цензовым элементам достигать и некоторых практических результатов. В этом отношении определенную роль должны были сыграть представители кооперации, которые, как предполагалось, часто тяготели бы не влево, в сторону так называемой революционной демократии, а вправо, в направлении представителей буржуазии.

Одновременно с обсуждением вопроса о роли цензовых элементов в Предпарламенте решался и вопрос об организации буржуазии. Пополнение Демократического совета цензовыми элементами могло послужить достижению этой цели. И.И. Дмитриюков отмечал, что 120 представителей, которые войдут в Совет, смогут образовать сплоченную группу, и она станет органом, объединяющим буржуазию⁹⁵.

27 сентября Юридическое совещание при Временном правительстве, как уже отмечалось выше, приступило к выработке положения о Временном совете Российской республики. Работа должна была продлиться 4–5 дней.

Временное правительство постановило сверх 120 мест предоставить 20 мест казакам, которые, таким образом, могли иметь в Предпарламенте 26 представителей (6 — от Демократического совещания)⁹⁶. По другим сведениям, казаки могли рассчитывать уже на 29 мест⁹⁷.

По ходатайству министра исповеданий А.В. Карташева 3 места в Совете республики были отданы представителям духовенства.

Партия народной свободы постановила из числа своих мест 5 предоставить старообрядцам⁹⁸, по другим сведениям — 8⁹⁹.

Получило представительство в Предпарламенте и общество редакторов. Формы этого представительства уточнялись.

120 мест, отведенных для цензовых элементов, предполагалось распределить следующим образом: кадетам — 64 места, торгово-промышленной группе во главе с Н.Н. Кутлером — 34, московскому комитету общественных деятелей — 12¹⁰⁰ (М.В. Родзянко не входил в Предпарламент), академической группе — 3 места и

землевладельцам-собственникам — 7 мест¹⁰¹. М.В. Родзянко получил предложение войти в состав Предпарламента и занять одно из 120 мест, отданных представителям цензовых элементов. Однако он ответил категорическим отказом, аргументируя тем, что «как председатель Государственной думы, избранной хотя бы и на основании закона 3 июня, не считает возможным войти в состав Предпарламента в качестве члена по назначению»¹⁰².

Москва получила 14 из кадетских мест. До позднего вечера 26 сентября шли переговоры с Москвой по их распределению. Были намечены 9 лиц: В.А. Маклаков, М.Я. Мандельштам, М.М. Новиков, Б.М. Овчинников, Н.Н. Щепкин, П.П. Юренев, Ф.Ф. Кокошкин, А.К. Дживелегов, С.А. Левицкий¹⁰³.

Список представителей петроградских и провинциальных кадетов еще утверждался. В частности, дали согласие М.С. Аджемов, М.М. Винавер, Д.Д. Гримм, А.А. Кауфман, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, Ф.И. Родичев, А.В. Тыркова, А.И. Шингарев, А.М. Александров, А.В. Васильев, Н.К. Волков, П.В. Герасимов, В.М. Гессен, Н.Н. Глебов, П.П. Гронский, А.А. Добровольский, Б.Э. бар Нольде, кн. В.А. Оболенский, С.Ф. Ольденбург, Д.Д. Протопопов, А.Н. Рутцен, К.Н. Соколов, В.А. Степанов, З.Г. Френкель, К.К. Черносвитов, Л.А. Велихов, Е.Л. Зубашев, С.В. Иванов, проф. Д.С. Зернов, М.С. Калугин.

Кроме того, предполагалось включение в список следующих лиц: С.В. Востротин, И.П. Демидов, С.С. Салазкин, В.А. Харламов, Н.Н. Черненко, Д.Н. Григорович-Барский, Пагорский, Н.Н. Ковалевский, А.И. Макушин, Н.А. Морозов, В.Н. Пепеляев, В.Ф. Эрн, Панаджанов, Н.М. Панкеев и др.¹⁰⁴

26 сентября в совете съездов представителей промышленности и торговли состоялось частное совещание по вопросу о кандидатурах представителей торгово-промышленного класса в Предпарламенте. Выяснилось, что из 34 мест петроградские торгово-промышленные круги получают около половины, остальные же места будут предоставлены Москве и провинции. Торгово-промышленная фракция Предпарламента планировала находиться в постоянном контакте с другими торговыми элементами, но проводить свою самостоятельную политику, отстаивая интересы промышленности и торговли. Окончательный список кандидатов от торгово-промышленных организаций должен был определиться 27 сентября¹⁰⁵.

Как и предполагалось, 27 сентября под председательством Н.Н. Кутлера состоялось объединенное заседание всех торгово-промышленных организаций Петрограда для выборов представителей в Предпарламент. Избранными оказались: от Совета съездов промышленности и торговли — Н.Н. Кутлер, от Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства — Ф.А. Иванов, А.Я. Фельд-

ман, Е.Л. Зубашев, от Совета горнопромышленников юга России — Н.Ф. Дитмар, П.П. Казакевич, Я.Д. Прядкин, от Комитета коммерческих банков — Б.А. Каменка и А.И. Путилов, от горнопромышленников Урала — П.Б. Струве, от Совета съездов нефтяной промышленности — М.Б. Паппе и А.И. Белоножкин, от Союза фабрикантов и заводчиков — А.А. Бачманов, от Съезда частных железных дорог — П.П. Дмитренко, от Совещательной конторы золото- и платинопромышленников — Л.Ф. Грауман, от Всероссийского общества сахарозаводчиков — В.П. Чефранов, от Совета съездов судовладельцев — К.Э. Регель, от Торгово-промышленного союза — Е.Л. Любкович. Большинство этих кандидатур прошло после первой же баллотировки, некоторые потребовали перебаллотировки.

Для объединения деятельности торгово-промышленной фракции Предпарламента образовывался Главный комитет торговли и промышленности, в состав которого вошли все члены Предпарламента от торгово-промышленной фракции, члены Совета съезда представителей промышленности и торговли, президиум Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства.

Таким образом, во временный парламент от торгово-промышленных организаций было уже избрано 18 депутатов. Всего же торгово-промышленные круги получили в Предпарламенте 34 места. Остальные места предоставлялись Москве и провинции¹⁰⁶.

Подготовка созыва Предпарламента

26 сентября 1917 г. в 9 часов вечера в Смольном институте состоялось совместное заседание президиума и совета старейшин (сеньорен-конвента) Всероссийского Демократического совета под председательством Н.С. Чхеидзе. Обсудив вопрос о президиуме, заседание постановило отложить вопрос о реконструкции существовавшего уже президиума Демократического совета до преобразования Демократического совета в Предпарламент¹⁰⁷.

По вопросу о составе сеньорен-конвента было принято постановление о том, что его следовало сформировать из представителей групп, насчитывавших в своем составе не менее 10 человек, причем одни и те же члены Демократического совета не могли входить в различные группы, делегировавшие своих представителей в сеньорен-конвент.

До выработки Предпарламентом собственного наказа было признано необходимым, чтобы президиум его руководствовался регламентом Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и наказом Государственной думы, так как последний не противоречил регламенту Съезда. Признавалось необходимым, чтобы

декрет о созыве Предпарламента, который должно было издать Временное правительство, точно формулировал соглашение, принятое при переговорах делегации Демократического совета с представителями цензовых элементов. Было также принято постановление о необходимости ускорения созыва Предпарламента с тем, чтобы его открытие состоялось 1 октября.

Назначенное на 27 сентября заседание Демократического совета отменялось. Президиуму предлагалось разработать наказ, наметить планы работ Предпарламента и его комиссий, передать эти вопросы на обсуждение фракций. Следующее заседание президиума и сеньорен-конвента Демократического совета должно было состояться в Смольном институте 28 сентября в 8 часов вечера.

Затем появились сообщения о том, что в связи с окончательной организацией Демократического совета (а именно — Предпарламента), следующее его заседание состоится не ранее 3–5 октября. Кадетская партия решила не принимать участие в работах Совета до опубликования положения о нем Временным правительством¹⁰⁸.

Ожидалось, что положение о Совете республики будет выработано на днях, причем сообщалось о решении Временного правительства сверх 120 мест, отведенных цензовым элементам, предоставить 20 мест казакам, которые, таким образом, получали 29 мест. Сообщалось, что списки членов Предпарламента будут опубликованы 1–3 октября. М.В. Родзянко от участия в Совете республики отказался¹⁰⁹.

Кадеты из числа своих мест 8 уступали старообрядцам. Временное правительство 3 места предоставило духовенству и религиозным общинам. Стало известно, что из видных кадетов в Предпарламент войдут П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Н.Н. Щепкин, А.В. Тыркова (Тыркова-Вильямс), В.М. Гессен, Д.Д. Grimm, В.Д. Набоков и др.¹¹⁰

26 сентября в Смольном прошло также заседание хозяйственно-распорядительной комиссии Всероссийского Демократического совета. Председателем комиссии был избран М.И. (М.М.) Бройдо, а секретарем Г.Н. Николаевский. Комиссию занимал, главным образом, вопрос о помещении для Совета республики, состав которого, после привлечения цензовых элементов, определялся (по данным на тот момент времени) в 430–440 человек. Комиссия остановилась на Тенишевском училище или же на Марининском дворце, но окончательно вопрос разрешен не был до более подробного осмотра особой комиссией этих и ряда других зданий.

В качестве основы для организации канцелярской и хозяйственной работы рассматривались соответственно измененные штаты Государственной думы, как наиболее правильно и планомерно организованные. Было решено войти в президиум Предпарламента с

обстоятельным докладом по этому вопросу. Временно, до окончательного формирования Совета республики, все делопроизводство предполагалось сосредоточить в руках комиссии, которая вела эти дела на Демократическом совещании. Целый ряд вопросов оставался неразрешенным до окончательного определения конструкции и положения будущего временного Российского парламента.

27–28 сентября в прессе появились сообщения о том, что Предпарламент будет конституирован правительством с необычайной быстротой, и он начнет свою работу уже в начале следующей недели¹¹¹. Предпарламент мыслился руководящими кругами как учреждение государственное, основанное на иных принципах, нежели тех, которыми руководствовались действовавшие тогда самочинные советы и комитеты.

В буржуазных кругах сформировалось мнение, что идея государственности будущего русского Предпарламента весьма мало отразилась на его составе. «Несмотря на явную нелепость многих их тех приемов, путем которых г. Войтинский, а за ним и Демократическое совещание, определяли количество делегатов от каждой отдельной группы и, несмотря на явную произвольность (и неполноту) того списка групп, который был положен в основание предпарламента, — правительство покорным образом подчинилось всему тому, что демократическое совещание декретировало насчет состава Предпарламента. Не составляет исключения в этом отношении также и привлечение цензовых элементов: оно было предопределено Демократическим совещанием, причем указывалась та именно цифра, на которой в настоящее время предполагает обновиться правительство, т. е. сто двадцать, а не сто пятьдесят делегатов. Таким образом, с точки зрения состава Предпарламента его приходится считать государственным лишь в том смысле, что к явной самочинности была приложена полувынужденная печать Керенского.

По теперешним временам приходится мириться еще и с такими уродливостями»¹¹².

Оставались надежды, что некоторое количество настоящей государственности будет проявлено если не в составе, то, по крайней мере, в порядке будущих работ Предпарламента. Государственность применительно к деятельности представительного учреждения проявлялась в законности, подчинении раз и навсегда установленным точным правилам. Правила эти должны были касаться внутреннего делопроизводства Предпарламента. Предполагалось, что государственность будущих работ временного парламента обеспечивалась бы только в том случае, если бы еще до его открытия был выработан проект наказа для Предпарламента. Этот проект наказа Предпарламент мог бы изменить; но, утвердив его однажды, уже

не смог бы нарушать в отдельных конкретных случаях. Таким образом, государственность сводилась «к таким минимальным требованиям, о которых при других внешних условиях было бы даже смешно говорить»¹¹³.

Реальная оценка сложившейся в конце сентября 1917 г. ситуации, при полной неопределенности будущего, свидетельствовала об очень беспокойном времени. Петроградские рабочие и петроградский гарнизон уже объявили, что они не доверяют правительству нового состава, и, как можно было предположить, не будут доверять также и Предпарламенту. Следовательно, эксцессы были вполне возможны. Любой печальный случай в Петрограде мог поставить на очередь дня политическую ответственность министерства. Предпарламенту предстояло решать, выслушав объяснения министерства, выражать ли доверие кабинету и останется ли, следовательно, кабинет у власти. Так представлялось дело обывателю.

С юридической точки зрения дело выглядело иначе. «Юрист скажет: может ли Предпарламент обсуждать данный инцидент только потому, что вокруг него собралась толпа вооруженных солдат, как это было 21 апреля у Марининского дворца и 3 июля — у Таврического? И дальше пойдет целый ряд сомнений. Должен ли быть обсуждаемый вопрос поставлен на повестку? За сколько дней до обсуждения повестка должна быть разослана членам Предпарламента, принимая во внимание, что многие из них будут жить в провинции? Обязано ли правительство немедленно давать объяснения, или ему дается какой-нибудь срок на соби́рание материалов? Может ли Предпарламент постановлять о недоверии, не выслушав правительства? Сколько членов Предпарламента должно присутствовать в заседании для того, чтобы оно считалось действительным? Голосование должно ли производиться тайно или открыто? И т. д., без конца.

Каждый из этих отдельных вопросов может создать совершенно безысходное положение и для председателя Предпарламента, и для самого Предпарламента (а также, конечно, и для министерства), если не будет заранее установлено определенное правило»¹¹⁴. В таком контексте рассматривались насущные политические проблемы в буржуазных кругах.

Приверженцы правого крыла партии меньшевиков, в свою очередь, считали, что в той борьбе, которую должна будет вести за свое существование новая коалиционная власть, Совету республики суждено будет играть заметную роль. Смысл его возникновения они видели в том, чтобы принцип коалиции распространить за пределы кабинета министров, сделать достоянием более широких социальных групп, привлеченных к содействию власти и к ответственности за власть¹¹⁵.

Конечно, все противоречия русской революции не исчезли бы в связи с открытием заседаний Предпарламента. Он знаменовал собою, скорее, некоторую перегруппировку сил, перемещение центров политического влияния. «Но фронту революции по-прежнему угрожает та же опасность. Усиленная мобилизация большевизма внушает серьезные опасения и напоминает о близости нового штурма против власти. У революции есть своя стратегия»¹¹⁶.

Правые меньшевики не разделяли «конституционных» иллюзий, с которыми по недоразумению можно было бы связать существование Совета республики. Они считали, что наказами и регламентами логики вещей не изменить. Логика же стала жертвой стихии, сводящейся к гражданской войне. «Идеологи гражданской войны не только не принизили своих лозунгов, но, наоборот, в решении демократии и государственной власти создать “предпарламент” почерпнули много демагогического пафоса и обрели новую возможность развращать народные массы. Совет республики может, конечно, сорвать их игру и если не предотвратить, то во всяком случае притупить острие гражданской войны. К этому и сводится его историческая миссия»¹¹⁷.

Восприимчики идеи «предпарламента» имели в виду при его посредничестве наладить более прочные социальные связи, чтобы революционная власть могла довести страну до Учредительного собрания. По мнению правых эсеров, Предпарламент должен был на время до созыва Конституанты стать «сторожевым охранением революции». Сможет ли он выполнить эту задачу, обнаружив необходимую силу внутреннего сцепления или разорвутся при первом же натяжении «только что наложенные швы коалиции» — предстояло показать недалекому будущему.

Во многом это зависело от направления деятельности самого Предпарламента, а при господствовавшем в нем влиянии революционной демократии — от линии ее поведения. При первой же попытке большинства присвоить себе функции верховного управления или законодательства, Совет республики превратился бы в арену взаимного истребления сторон и совместного истребления государственной власти. Искушения такого рода усиливались благодаря внешней форме существования Предпарламента. «По всем внешним признакам случайно рожденное и все же случайно сколоченное собрание будет напоминать некое законодательное собрание; это формальное сходство начнет взвинчивать головы неустойчивых и маловоспитанных представителей полуленинцев и интернационалистов. Став одной ногой на скользкий путь, немудрено очень скоро совсем поскользнуться. Особенно, если иметь в виду, что “решетку” нашего доморощенного конвента все время заливать будет волна рабочего и солдатского большевизма»¹¹⁸.

Такое развитие событий вместо упрочения коалиции ускорило бы ее падение. Революции был бы нанесен новый удар, но особенной силы, с исключительными последствиями. «Разбитой окажется идея Учредительного собрания. Опыт с Советом республики тем опасен, что при злоупотреблении им крайних элементов он из сознания народного может вытравить верховный авторитет и неприкосновенность Учредительного собрания. Представляя собой суррогат представительства, не обладая ни одним свойством и качеством национального собрания он может профанировать идею всенародного законодательного органа, как только, извратив свое естественное назначение, проявит склонность расширить свою компетенцию»¹¹⁹.

Недаром Учредительное собрание было окружено ореолом. Это потому, что сложность и запутанность русской революции могли разрешиться не обычным, полусовершенным или полупризнанным народным представительством, а только необычно совершенным и общепризнанным выражением национальной воли. Поэтому добровольно и сознательно откладывались выборы в Учредительное собрание, подвергая страну испытаниям и катастрофам, но сохраняя при этом надежду «завершить русскую революцию венцом народного творчества, лучшей формой народной мудрости и сознания — Учредительным собранием. Растратить этот авторитет, разменять его на мелкую монету, значит превратить русскую революцию в столб пыли, значит оставить без разрешения поистине героическую проблему устройства государства и великие достижения заменить великими потрясениями. Идея народного суда над самим собой должна остаться неприкосновенной до созыва Учредительного собрания»¹²⁰.

В этом и состоял, по мнению правых меньшевиков, ограничительный предел компетенции Совета республики. Они считали демократическое большинство Предпарламента ответственным перед страной и историей за соблюдение этого предела. Отныне не только центральная государственная власть, но и Совет республики охраняли пути к Учредительному собранию.

29 сентября в Институте инженеров путей сообщения состоялись выборы трех членов Временного совета Российской республики от Академии наук и высших учебных заведений Петрограда. На заседании присутствовали представители Академии наук и начальники высших учебных заведений. Избранными оказались: ректор Петроградского университета Э.Д. Гримм, директор Института инженеров путей сообщения проф. А.А. Брандт, проф. Петроградского политехнического института Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. На собрании было постановлено, что если московские профессора решат самостоятельно избрать своего представителя в Совет республики, то он заменит проф. Левинсон-Лессинга, который останется кандидатом в члены Временного совета Российской республики¹²¹.

30 сентября «Биржевые ведомости» сообщили, что за последние дни к министру-председателю А.Ф. Керенскому и министру торговли и промышленности А.И. Коновалову поступил ряд ходатайств от различных торгово-промышленных организаций о предоставлении им мест в Предпарламенте. Поскольку торгово-промышленной группе уже было предоставлено определенное количество мест, то А.И. Коновалов пригласил к себе председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли Н.Н. Кутлера для совместного выяснения вопроса о том, какие торгово-промышленные организации могут получить представительство в Предпарламенте.

Н.Н. Кутлер остановился, главным образом, на вопросе о предоставлении мест средней и мелкой промышленности и указал, что ходатайство это тем более непонятно, что совет съездов промышленности и торговли уже одно место Комитету средней и мелкой промышленности предоставил. Что же касается других организаций, то, по мнению Н.Н. Кутлера, все те торгово-промышленные ассоциации, которые желали бы получить место в Предпарламенте, должны обращаться не к министру-председателю или министру торговли и промышленности, а в Совет съездов представителей промышленности и торговли. Вместе с тем Н.Н. Кутлер указал, что Всероссийский союз средней и мелкой промышленности в Москве также получил несколько мест.

А.И. Коновалов с этими соображениями согласился, тем более, что места в Предпарламенте различным организациям торгово-промышленного характера могли предоставляться лишь из числа мест, выделенных торгово-промышленной группе.

2 октября в Зимнем дворце под председательством А.И. Коновалова состоялось закрытое заседание Временного правительства. Открытие Совета Российской республики предлагалось возложить на заместителя министра-председателя А.И. Коновалова или на министра внутренних дел А.М. Никитина¹²². Временное правительство постановило предложить всем министрам выяснить в трехдневный срок дела и вопросы, которые признавалось бы желательным передать на обсуждение Временного совета.

Речь также шла об ожиданиях, связанных с предстоящим открытием Предпарламента, с его деятельностью. Министры считали, что он должен сыграть большую роль в деле установления порядка и борьбы с анархией. Отмечалась желательность сосредоточения партийной борьбы в стенах Совета Российской республики. В этом случае борьба классов вошла бы в законное русло и приняла форму парламентской дискуссии. При поддержке такого Предпарламента с анархизмом можно было бы сладить¹²³.

Ввиду того что Мариинский дворец, в котором проходили собрания Государственного совета, был признан неподходящим для

Совета республики вследствие недостаточного числа мест, специальной комиссии было поручено осмотреть помещения театра Музыкальной драмы и Дом инженеров путей сообщения на Бородинской улице¹²⁴.

Тем временем жизнь огромной страны шла своим чередом. Петербург также отнюдь не всецело был поглощен политикой. 3 октября на вечернем заседании Временного правительства, например, рассматривались исключительно текущие дела¹²⁵. По предложению министра народного просвещения С.С. Салазкина было принято решение о возобновлении занятий в высших учебных заведениях Петрограда исключительно для учащихся, проживавших в столице. Юридическому совещанию поручалась разработка законопроекта о воспрещении скупки для вывоза за границу художественных произведений. Обсуждался также вопрос о покупке Мраморного дворца для надобностей Министерства труда. Временное правительство высказалось против покупки, признав несвоевременной затрату на эти цели 12 млн рублей.

Вопрос о помещении для Совета Российской республики все еще оставался открытым. Назначение на пост министра земледелия С.Л. Маслова ожидалось по возвращении из Ставки А.Ф. Керенского. По сведениям, полученным ночью с 3 на 4 октября, Аренбург и Церель были взяты немцами¹²⁶.

3 октября М.И. Скобелев посетил заместителя министра-председателя А.И. Коновалова и министра иностранных дел М.И. Терещенко. Цель встречи Скобелева с членами Временного правительства состояла в выяснении вопроса о возможности ускорения созыва Парижской конференции союзников¹²⁷.

В тот же день Н.Н. Авинов обратился с письмом к бывшему председателю Государственной думы М.В. Родзянко, приглашая чиновников канцелярии и приставской части Думы в аппарат Предпарламента. «Постановлением Временного правительства от 2-го сего октября, опубликованным в сегодняшнем номере «Вестника Временного правительства», на меня, в качестве председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, возложена обязанность по организации канцелярии Временного совета республики.

Личный состав канцелярии Государственной думы является в значительной своей части тем элементом, который очень подготовлен к работе в представительных собраниях и который надлежало бы использовать для предстоящих работ Временного совета республики»¹²⁸. Таким образом, чины канцелярии Государственной думы и ее приставская часть привлекались к организации делопроизводства Совета республики, открытие которого намечалось на 7 октября.

Содержание будущей речи Керенского Временное правительство планировало обсудить накануне предполагаемого открытия Временного совета — в пятницу, 6 октября. На заседании Временного правительства управляющие отдельными министерствами сообщили, какие законопроекты они предполагали внести в Совет республики в первую очередь. Выяснилось, что Министерство финансов собиралось представить на рассмотрение Совета законопроекты об увеличении и изменении налоговых ставок, о введении поимущественного налога, о налоге на наследство, о введении чайной монополии и др.

Министерство труда планировало внести в Совет республики законопроект о праве коалиции. Новый министр земледелия С.Л. Маслов готовил к рассмотрению в Предпарламенте ряд документов, касающихся упорядочения земельных отношений. По предложению министра-председателя А.Ф. Керенского, министром юстиции П.Н. Малянтовичем вносились на рассмотрение Временного совета 12 законопроектов, признанных срочными; среди них: об усилении ответственности за дезертирство, об изменении некоторых статей акцизного устава, в связи с мерами борьбы с пьянством, о возмещении убытков от революции, об улучшении материального положения чинов судебного ведомства и т. д. Наиболее важным из проектов Министерства юстиции считался законопроект о вознаграждении за вред и убытки, причиненные частным лицам во время революции.

Министерство внутренних дел собиралось внести законопроект об областной реформе. Министерство торговли и промышленности предполагало рассмотреть проект об уничтожении купеческого сословия, однако Временное правительство признало более целесообразным проведение ликвидации купеческого сословия одновременно с упразднением сословий вообще.

Ожидалось, что в ближайших заседаниях Предпарламента выступят министры с разъяснениями по многим вопросам, касающимся положения в стране продовольствия, промышленности, путей сообщения и др. Временное правительство полагало, что обсуждение продовольственного вопроса займет несколько заседаний. Военный министр планировал ознакомить Временный совет с предложенными в армии новыми реформами.

В прессе сообщалось, что в одном из первых заседаний Предпарламента социал-демократическая фракция предъявит интерпелляцию по вопросу о внешней политике. С ответом намеревался выступить министр иностранных дел М.И. Терещенко. По некоторым вопросам с разъяснениями должны были выступить министры на закрытом заседании Совета республики.

Предусматривалось, что после открытия А.Ф. Керенским первого заседания Предпарламента председательство будет передано старейшему по возрасту члену Временного совета.

Временное правительство постановило отвести для Предпарламента Мариинский дворец, в котором до революции 1917 г. заседал Государственный совет. Товарищу министра внутренних дел С.Н. Салтыкову поручалось принятие всех необходимых мер для приспособления зала Мариинского дворца для заседаний Совета республики. Для этого требовалось не более двух дней.

«Речь» отмечала в этой связи, что Совет Российской республики организован, но чтобы ему собраться — нет подходящего помещения. «Ищут, ищут, примеряют и обсуждают, готовы государственные учреждения вытеснить, но ничего найти не могут. Есть, правда, одно помещение, пожалуй, вполне удобное, но оно уже занято. Это Смольный институт, в котором засел Совет рабочих и солдатских депутатов. Само собой разумеется, что он не вздумает уступить Совету республики место, разве только для того, чтобы не лишать «Рабочий Путь» возможности исполнить свое обещание взорвать Совет республики»¹²⁹. Государственная власть также не решилась бы предложить Совету рабочих и солдатских депутатов очистить место для учреждения, в котором правительство надеялось найти опору для своей деятельности по восстановлению порядка в стране. «Нельзя тревожить Совет, так как он и сам занят важнейшими государственными делами»¹³⁰.

На открытие Предпарламента Временное правительство собиралось послать приглашения послам всех союзных государств. Выдача билетов представителям печати на заседания Совета республики была назначена на 6 октября, о месте выдачи должны были сообщить 6 октября утренние газеты. Вопрос о положении печати также готовился к внесению в Совет республики. Пресса информировала, что «Временному правительству будет предложено дать разъяснения, какие оно принимает меры для обеспечения свободы печати»¹³¹. В «вопросе» планировалось указать, что печать подвергалась в последнее время совершенно недопустимым притеснениям со стороны различных самочинных организаций и при этом агенты Временного правительства не только не ограждали печать от незаконного давления со стороны этих организаций, но нередко сами являлись исполнителями незаконных распоряжений, стеснявших свободу печати.

Тем временем на заседании Совета старейшин Демократического совета, вошедшего в состав Временного совета республики, обсуждался вопрос о президиуме Предпарламента. Представители демократии предлагали выдвинуть на пост председателя Совета республики представителя партии социалистов-революционеров, как

наиболее значительной в нем партии. Выяснилось, что эсеры выдвигали кандидатуру Н.Д. Авксентьева на пост председателя Предпарламента.

Предполагалось, что остальные места в президиуме Временного совета Российской республики будут распределены между партией народной свободы, эсерами, меньшевиками и большевиками на равных началах, т. е. по одному представителю от каждой фракции. На должность секретаря Предпарламента намечался также представитель партии социалистов-революционеров.

Уже начались переговоры между представителями различных групп относительно выборов президиума Совета республики. Стало известно, что президиум будет состоять из председателя, четырех товарищей председателя, секретаря и нескольких товарищей секретаря. На пост председателя в рядах революционной демократии выдвигались кандидатуры Н.Д. Авксентьева и В.А. Мякотина. В то время Н.С. Чхеидзе уехал на несколько недель на Кавказ и его кандидатура на пост председателя отпала. Четыре места товарища председателя предполагалось предоставить четырем наиболее крупным фракциям Временного совета: социал-революционерам, социал-демократам меньшевикам, социал-демократам большевикам и фракции народной свободы¹³².

Принципы формирования состава Предпарламента устраивали далеко не всех. Бывший товарищ военного министра, командир 2-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий, в частности, прислал по телеграфу в Юридическое совещание при Временном правительстве заявление с ходатайством о дополнении представительства армии во временном парламенте: «Считаю своим гражданским долгом протестовать против несправедливого и несоответствующего государственным интересам представительства армии, устанавливаемого во Временном совете Российской республики». Поскольку революционная демократия признала необходимым для обеспечения правильного разрешения государственных вопросов в Предпарламенте привлечь к работе в нем, наряду с демократическими, также и цензовые элементы, то, — считал Новицкий, — этот принцип следовало сохранить и для присутствия военнослужащих в Предпарламенте. «Между тем, это представительство ограничено демократическими элементами, представителями фронтовых организаций и солдатской секции Совета р. и с. депутатов, в подавляющем числе солдатами. Воздавая должное нашей молодой военной демократии и признавая участие ее в Предпарламенте желательным, я в то же время не могу признать за ней тех знаний и того опыта, которые необходимы для обсуждения и решения сложных и важных государственных вопросов, касающихся войны и положения армии в государстве»¹³³. В связи с этим генерал

Новицкий заявлял о необходимости включения в число цензовых элементов Предпарламента также и представителей от командного состава армии. Он считал, что подобная мера благоприятно отзовется на разрешении в Совете республики военных вопросов и обеспечит им правильность технической разработки, авторитетность и зрелость суждений.

Накануне открытия Совета республики продолжались работы по приспособлению зала Мариинского дворца для Предпарламента и должны были завершиться только 7 октября днем. Заседание Совета Российской республики поэтому должно было открыться 7 октября в 4 часа дня.

Демократический совет представил в канцелярию по созыву Предпарламента списки своих представителей только 6 октября, так как социалисты-революционеры до последнего момента никак не могли поделить отведенные им места между правыми и левыми членами партии. Поскольку Демократический совет по этой причине задержал подачу списков своих представителей, замедлилась и выдача билетов членам съезда.

Ожидалось, что первое заседание Предпарламента будет носить спокойный характер, если большевики не устроят какого-нибудь «сюрприза», что тоже отнюдь не исключалось. Все фракции признавали, что на первом заседании не следует поднимать никаких политических вопросов, чтобы дать сначала возможность Совету республики организовать и выбрать свой президиум. Центром первого заседания должна была стать декларация А.Ф. Керенского¹³⁴. Из кандидатов, намеченных различными общественными организациями в Предпарламент, отказались войти в его состав по принципиальным причинам двое — М.В. Родзянко и В.В. Шульгин. В беседе с Родзянко Шульгин заявил, что он считает образование Совета республики незаконным, так как до Учредительного собрания Временное правительство не имело права, по его мнению, провозглашать республиканский строй и потому не могло издавать постановления и о созыве Совета республики.

Поздно ночью 6 октября среди членов Предпарламента стало известно о роспуске Государственной думы. Предполагалось, что в одном из ближайших заседаний Временного совета вопрос этот, возможно, будет поднят с трибуны Предпарламента, хотя в кругах Совета республики находили, что теперь, когда началась первая стадия выборов в Учредительное собрание, роспуск Государственной думы уже не имел того агрессивного характера, какой он имел бы раньше.

6 октября днем на заседании Временного правительства, прошедшего под председательством А.Ф. Керенского, министр-председатель ознакомил членов Временного правительства в общих чер-

тах с содержанием декларации, с которой он готовился выступить 7 октября в Совете республики. Сначала предполагалось, что министр-председатель огласит на заседании Временного правительства полный текст декларации, но он не успел ее написать. Декларация Керенского оказалась сравнительно краткой — за это высказался и сам министр-председатель, и другие члены Временного правительства.

Декларация начиналась с характеристики тяжелого положения, переживаемого страной, и с указания на существовавшие опасности. Министр-председатель от имени Временного правительства должен был высказать уверенность в том, что «в нынешний грозный час все члены Совета республики забудут свои партийные разногласия и употребят все свои силы для того, чтобы вместе с Временным правительством вывести страну из тяжелого положения»¹³⁵. Эту часть декларации Керенский планировал закончить призывом к жертвам со стороны населения во имя революции.

Далее министр-председатель собирался ознакомить Совет республики с положением на фронте и указать, что правительство признало необходимым приступить к эвакуации из Петрограда правительственных учреждений и самого Временного правительства. Здесь же подчеркивалось, что окончательное решение вопроса о переезде Временного правительства в Москву и о созыве там же Учредительного собрания Временное правительство предоставит Предпарламенту, выразив пожелание, чтобы вопрос об эвакуации Петрограда обсуждался на закрытом заседании Временного совета для того, чтобы правительство могло совершенно откровенно ознакомить членов Совета республики с данными по этому делу.

В декларации также подчеркивалась необходимость решительной борьбы с анархией, которая принимала все более грозные размеры. Заканчивалась декларация сообщением о предстоящей конференции союзников в Париже. А.Ф. Керенский хотел подчеркнуть, что правительство придает этой конференции огромное значение. Оно собиралось участвовать в ней и приветствовать желание русской демократии иметь на этой конференции своего представителя. Правительство считало, однако, что представитель демократии мог присутствовать на конференции, как и остальные делегаты, только в качестве официального представителя Временного правительства.

Как уже сообщалось ранее, председательствование на первом заседании Совета республики планировалось возложить на старейшего члена Предпарламента. Таковой являлась Е.К. Брешко-Брешковская, которой было 74 года. В случае ее отсутствия, председательствовать на первом заседании должен был Н.В. Чайковский (70 лет).

А.Ф. Керенский в своей декларации намеревался подтвердить, что Временное правительство твердо решило создать Учредительное собрание в назначенный срок. На открытии Совета республики должен был присутствовать весь состав Временного правительства.

Юрисконсультская часть Министерства юстиции в особо спешном порядке разработала наказ Временному совету Российской республики. Министр юстиции предполагал предложить этот наказ Предпарламенту по его открытии с целью облегчить на первых порах деятельность нового учреждения¹³⁶.

Тем временем казачья секция в Совете Российской республики решила выдвинуть на обсуждение Предпарламента в первую очередь вопрос о необходимости установления твердой внутренней политики. Самыми решительными мерами предлагалось поднять боеспособность армии. Для этого, по мнению инициатора этого предложения В.Д. Самсонова, власть должна была категорически заявить, что Советы рабочих и солдатских депутатов, как на местах, так и в центре, не должны иметь влияния на разрешение политических вопросов и на политическую жизнь страны. Точно также необходимо было положить конец политиканству в армии. Вся страна должна была наконец понять, что время слов прошло и если будет продолжаться бесконечный поток слов, то стране и молодой свободе грозит гибель¹³⁷.

Казачья секция решила также возбудить вопрос о включении представителя от казаков в президиум Предпарламента и в Совет старейшин. После обсуждения вопросов государственного характера, казачья секция собиралась выдвинуть вопросы о нежелательности употребления казаков для чисто полицейских обязанностей.

К открытию Предпарламента уже окончательно выяснилось, что на пост председателя Совета республики будет избран Н.Д. Авксентьев. Стало известно, что в своей вступительной речи он укажет на необходимость коалиции, поддержки Временного правительства, сосредоточения всех сил для обороны страны, на необходимость активной борьбы за мир. На пост секретаря Совета республики выдвигалась кандидатура эсера М.В. Вишняка.

Таким образом, 7 октября из газет уже была весьма подробно известна программа первого заседания Временного совета Российской республики. Объявлен был не только порядок заседания, но даже содержание речи министра-председателя и намеченного председателя Предпарламента. Из этого можно было заключить, что между группами, входящими в состав Предпарламента, существовало соглашение, договоренность о том, чтобы Совет республики имел возможность работать. На том, что он должен был именно работать, а не говорить, сходились все органы печати с поразительным единодушием, выражая свое требование почти одними и теми же словами.

Кадеты и крайне правые социалисты-оборонцы, осуждавшие сначала идею Предпарламента, затем изменили свои позиции. Их ожидания были связаны с упрочением государственности и созданием коалиции из «государственно настроенных элементов», которая не могла бы состояться без разрыва с большевиками.

Крайне правые социалисты-оборонцы надеялись на создание в Предпарламенте широкого демократического блока с включением в него кадетов, биржевиков, кооператоров. А.В. Пешехонов считал, что в Предпарламенте появится прочная общественная основа, которая так нужна новой государственности.

Эсеры 7 октября приветствовали открытие Предпарламента. Меньшевики надеялись, что парламентская работа объединит все конструктивные силы страны, включая торгово-промышленников и кадетов.

Меньшевики и левые эсеры высказывались против блока с кадетами. Возможная положительная роль Предпарламента не исключалась ими при условии, что представители умеренной и правой части демократии будут против соглашений с буржуазией.

Позиция партии большевиков по отношению к Предпарламенту была неоднозначна. В частности, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев предлагали совместно с меньшевиками и эсерами создать однородное демократическое правительство. В.И. Ленин разоблачал организаторов Предпарламента, резко критикуя буржуазный парламентаризм в целом: «Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую “государственную” работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надуть “простонародье”»¹³⁸.

Созыв Предпарламента несоциалистические силы рассматривали в контексте свертывания политической деятельности Советов. Этой «классовой организации трудящихся масс» предполагалось дать решительный отпор. М.С. Аджемов, автор проекта закона о Предпарламенте, рассматривавшегося в Юридическом совещании, писал: «Нельзя сомневаться в том, что Советы и Предпарламент противопоставлены, точно так же, как через два месяца Учредительному собранию опять-таки будут противопоставлены те же организации. Если Предпарламент выдержит экзамен, тогда работа может наладиться»¹³⁹.

¹ Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 г. // Кентавр. 1995. № 2. С. 74.

² Новое время. 1917. 4 окт.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Карабчевский Н.* Что глаза мои видели. Революция и Россия. Берлин, 1921. Т. 2. С. 157.

⁷ Новое время. 1917. 3 окт.

⁸ Утро России. 1917. 5 сент.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Новое время. 1917. 3 окт.

¹² Русские ведомости. 1917. 21 сент.

¹³ Там же.

¹⁴ Биржевые ведомости. 1917. 3 окт.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Руднева С.Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума. М.: Наука, 2000.

¹⁷ Раннее утро. 1917. 19 сент.

¹⁸ Изв. 1917. 21 сент.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Л. 8, 9.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Изв. 1917. 22 сент.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

³⁰ Там же. Л. 13, 14.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 14, 15.

³⁴ Там же. Л. 15.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 11. Л. 3; Изв. 1917. 22 сент.

³⁶ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 4, 5.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же; Изв. 1917. 22 сент.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

⁴¹ Изв. 1917. 22 сент.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 20. Л. 31.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Д. 11. Л. 3, 6; Изв. 1917. 23 сент.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 12. Л. 6, 7.

⁴⁹ Там же. Л. 8.

⁵⁰ Там же. Л. 9, 10.

⁵¹ Там же. Л. 10, 11.

⁵² Там же. Л. 12, 13.

⁵³ Там же. Л. 13, 14.

⁵⁴ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 294–295.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 28. Л. 139 об.

⁵⁶ См.: Государственная дума. Указания 6 августа 1905 г. Учреждение Государственной думы. Положение о выборах в Государственную думу. Указ Правительствующему сенату. СПб, 1905.

⁵⁷ Речь. 1917. 28 сент.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 4. Л. 186–187.

⁵⁹ Там же. Л. 189.

⁶⁰ Там же. Л. 193.

⁶¹ Речь. 1917. 28 сент.

⁶² Там же.

⁶³ ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 4. Л. 197.

⁶⁴ Там же. Л. 5.

⁶⁵ Там же. Л. 206.

⁶⁶ Там же. Л. 207.

⁶⁷ Там же. Л. 208.

⁶⁸ Речь. 1917. 29 сент.

⁶⁹ Русские ведомости. 1917. 30 сент.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Новое время. 1917. 1 окт.

⁷² Современное слово. 1917. 1 окт.

⁷³ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 3 окт.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 28. Л. 164.

⁷⁵ Русские ведомости. 1917. 4 окт.

⁷⁶ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1917. 3 окт.

⁷⁷ Русские ведомости. 1917. 3 окт.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 28. Л. 167–168 об.

⁷⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 29 сент.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Утро России. 1917. 24 сент.

⁸² Там же.

⁸³ Воля народа. 1917. 26 сент.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Биржевые ведомости. 1917. 27 сент.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Изв. 1917. 27 сент.

⁹⁸ Биржевые ведомости. 1917. 27 сент.

⁹⁹ Изв. 1917. 27 сент.

¹⁰⁰ 13 — по информации газеты «Известия» от 27 сентября.

¹⁰¹ Биржевые ведомости. 1917. 27 сент.

¹⁰² Там же. 28 сент.

¹⁰³ Там же. 27 сент.

¹⁰⁴ Там же.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПАРЛАМЕНТА

Состав и структура Временного совета
Российской республики

22–23 сентября 1917 г. на заседании в Зимнем дворце было установлено, что в Предпарламент войдут все члены Демократического совета — 313 человек — и к ним присоединятся 120 представителей цензовых элементов (итого — 443). 28 сентября проект Н.И. Лазаревского определял состав Предпарламента уже в 475 человек, назначаемых Временным правительством по представлению общественных организаций. 30 сентября Временным правительством, обсудившим подготовленный Юридическим совещанием проект, число членов Совета республики окончательно устанавливалось в 555 человек, из них 388 — представители демократических элементов и 167 — цензовых.

В состав Временного совета Российской республики должны были войти, в частности, от фракции меньшевиков-объединенцев — 62 члена и 9 кандидатов, социалистов-революционеров — 63 члена и 6 кандидатов, большевиков — 53 члена, общей кооперации — 18, группы увечных воинов — 1, фронтовой группы — 25 членов и 2 кандидата, экономической организации — 6 членов и 1 кандидат, фронтовой группы казаков — 3 члена, духовенства — 1, флота — 3 члена и 2 кандидата, почтово-телеграфного союза — 2 члена, женской организации — 1, группы по списку № 10 — 10 членов и 5 кандидатов, учительского союза — 2, крестьянского союза — 2, военно-окружной комиссии — 2, трудовой народно-социалистической партии — 3, группы украинских социал-демократов — 7, рабочей кооперации — 5, группы «Единство» — 1 член и 1 кандидат, земельного комитета — 5 членов и 2 кандидата, Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов — 38 членов и 2 кандидата, группы объединенных интернационалистов — 3 члена и 2 кандидата, железнодорожного союза — 5 членов, земской группы — 37 членов и 8 кандидатов, национальной группы — 28 членов и 3 кандидата¹.

Кадеты и торгово-промышленники отнеслись к распределению полученных 120 мандатов очень ответственно. Начиная с 25 сентября в течение нескольких дней этот вопрос обсуждался на совещаниях ЦК кадетской партии, видных представителей Временного

- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. 28 сент.
- ¹⁰⁷ Изв. 1917. 27 сент.; Биржевые ведомости. 1917. 27 сент.
- ¹⁰⁸ Изв. 1917. 27 сент.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Новое время. 1917. 28 сент.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ День. 1917. 29 сент.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Биржевые ведомости. 1917. 30 сент.
- ¹²² Новое время. 1917. 3 окт.
- ¹²³ День. 1917. 3 окт.
- ¹²⁴ Новое время. 1917. 3 окт.
- ¹²⁵ Там же. 4 окт.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.): док. и материалы. М., 1962. С. 217.
- ¹²⁹ Речь. 1917. 4 окт.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же. 5 окт.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. 7 окт.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 401.
- ¹³⁹ Цит. по: День. 1917. 3 окт.

комитета Государственной думы, Совета съездов торговли и промышленности, союза земельных собственников и других организаций. В ходе этих заседаний была создана особая комиссия, срочно подготовившая проект распределения 120 мест. 63 из них были отданы кадетам, 34 — представителям торгово-промышленных организаций, 12 — Комитету общественных деятелей, 7 — делегатам от Союза земельных собственников, 2 — Академическому союзу и еще 2 — Всероссийскому обществу редакторов². Доминирующее влияние кадетской партии в политической среде небуржуазной части общества было, таким образом, подтверждено состоявшимся распределением мест в Предпарламенте.

Когда эти сведения были обнародованы, во Временное правительство стали поступать многочисленные заявления и просьбы от различных организаций о предоставлении или увеличении мест в Предпарламенте. Например, Совет союза домовладельческих организаций, учитывая пожелания петроградских домовладельцев, добивался получения 20 мест³. Домовладельцы других городов выступали с аналогичными требованиями на том основании, что они были крупнейшими налогоплательщиками и поддерживали все начинания Временного правительства⁴.

Представительства в Предпарламенте добивались также ЦК союза чиновников военного времени, Всероссийская сельскохозяйственная палата, Петроградский комитет торговли, объединявший среднюю и мелкую торговлю Петрограда, правление Союза служащих банка и многие другие организации. Стремился к допущению во Временный совет Российской республики пяти своих представителей Всероссийский союз мещанских обществ, чтобы заявить о нуждах многомиллионного мещанства и о способах выхода из переживаемого страной кризиса⁵.

Совет союза казачьих войск требовал увеличения представительства от казаков. По инициативе атамана Донского казачьего войска А.М. Каледина казачество требовало не менее 30 мест. Поддержали эту инициативу оренбургский атаман А.И. Дутов, председатель войскового круга в Омске Глебов, амурский атаман Гамов⁶. С предложением обсудить вопрос о дополнении представительства армии в Предпарламенте обратился в Юридическое совещание бывший товарищ военного министра генерал В.Ф. Новицкий. Он предлагал включить в число цензовых элементов делегатов от командного состава армии⁷.

Многие организации считали свое право на представительство во Временном совете республики обоснованным на том основании, что они принимали участие в работе Государственного совещания. Например, Совет присяжных поверенных в дополнение к одному уже полученному месту в Предпарламенте претендовал еще на 12, так как он имел 13 представителей на московском форуме. По той

же причине союз евангельских христиан настаивал на выделении одного места для своего делегата, требовали представительства Совет депутатов трудовой интеллигенции, Совет союза старообрядцев и другие организации⁸.

Интересно, что попасть в Предпарламент и обеспечить себе более полное представительство стремились многочисленные общественные организации, но не наблюдалось активности со стороны революционных организаций рабочего класса и крестьянства, доверявших Советам.

Просьбы об расширении представительства в Предпарламенте не были оставлены без внимания. В прессе появились предположения о том, что некоторые из высказанных просьб будут, вероятно, удовлетворены⁹. Сообщалось, что Временное правительство решило предоставить 15 мест национальным организациям и расширить представительство армейских организаций¹⁰.

28 сентября в Юридическом совещании в ходе обсуждения проекта М.С. Аджемова было предложено увеличить количественный состав Предпарламента до 475 человек, предоставив дополнительно 20 мест казакам и 15 — цензовым национальным группам. И.Г. Церетели, участвовавший в заседании, не возражал против предложенного пополнения Предпарламента, отметив, что одновременно необходимо увеличить и представительство демократических организаций на 45 человек.

На заседании президиума Демократического совета в тот же день вечером И.Г. Церетели сообщил о звучавших в Юридическом совещании предложениях об увеличении состава Предпарламента. Ф.И. Дан предложил отдать национальным организациям 15, а казакам и представителям демократии еще по 12 мест. После прений было принято предложение Дана с поправкой Церетели, указавшего на то, что если не удастся достичь соглашения, необходимо будет предоставить 20 мест казакам, 15 — национальным группам и 45 — представителям демократии. Б.О. Богданов предложил, чтобы все 45 мест демократии были отданы исключительно фракциям. Собрание поручило также Дану отредактировать воззвание к демократии всего мира¹¹.

По возвращении А.Ф. Керенского из ставки во Временном правительстве планировалось обсудить вопросы, которые было желательно внести в Предпарламент для предварительного рассмотрения. В прессе сообщалось, что отдельным министерствам будет предложено составить списки проектов, которые следует внести в Предпарламент для заключения¹².

28 сентября под председательством профессора Н.И. Лазаревского состоялось второе заседание членов Юридического совещания для обсуждения проекта положения о Предпарламенте. На за-

седании присутствовал в качестве представителя ответственной демократии И.Г. Церетели. Обсуждались вопросы о правах и обязанностях Предпарламента и об отношении его к правительству. На следующий день появились сообщения об отбытии Церетели на Кавказ в Абаз-Туман, где он предполагал отдыхать около месяца¹³. В итоговом проекте Юридического совещания о Предпарламенте численный состав его вообще не был определен. Право решения этого вопроса предоставлялось Временному правительству. На состоявшемся 30 сентября заседании правительства, в котором принял участие И.Г. Церетели, уточнялось, что в Предпарламент войдут 555 человек, 388 из них будут представителями демократических организаций и 167 — буржуазно-помещичьих (цензовых). Таким образом, цензовые элементы получили дополнительно 47 мест, а демократические организации — 75.

В соответствии с положением о Предпарламенте, выработанным Юридическим совещанием, его состав утверждался Временным правительством по представлению тех организаций, которым было дано право представительства. Список приглашаемых в состав Временного совета Российской республики должен был обнародоваться в «Вестнике Временного правительства»¹⁴. Однако состав Предпарламента до его открытия определен не был.

Сложившаяся ситуация не давала шанса отсрочки открытия Предпарламента и поэтому ему предстояло начать работу при фактическом наличии его членов. Была создана Комиссия личного состава для проверки полномочий членов представительного органа и выяснения различных вопросов, связанных с персональным составом. Отчеты Комиссии должны были способствовать составлению списка Совета для приведения документации к соответствию с положением о Предпарламенте.

В Комиссию личного состава вошли 10 человек: кадеты М.С. Аджемов, К.К. Черносвитов, Е.Л. Зубашев; эсеры К.Н. Рабинович, И.М. Крейнис; меньшевик М.И. Шергов; народный социалист В.Н. Ферри; атаман А.И. Дутов и др. Председателем Комиссии был избран Ферри, его товарищем — Зубашев и секретарем — Рабинович¹⁵.

Первое заседание Комиссии личного состава состоялось 14 октября, через неделю после открытия Предпарламента. Выяснилось, что в Комиссию поступили сведения о полномочиях только на 148 из 555 мандатов. Председатель Комиссии В.Н. Ферри заявил, что все еще оставалось неизвестным, каким общественным и политическим организациям было предоставлено право иметь своих представителей в Совете и в каком количестве. Он предложил обратиться к министру-председателю с просьбой сообщить эти сведения, чтобы иметь возможность войти в контакт с соответствующими

организациями по поводу лиц, намеченных ими в состав членов Совета¹⁶.

Из управления делами Временного правительства через несколько дней поступил список организаций, которые могли послать своих представителей в Предпарламент. Таким образом, к концу деятельности Временного совета имелся список организаций, представленных в нем. Намного хуже обстояли дела со списком действительных членов Предпарламента. Комиссия личного состава к 25 октября успела проверить полномочия только 292 мандатов. Работа Комиссии была прервана в 13 часов 5 минут 25 октября в связи с заявлением секретаря председателя Совета о необходимости освобождения здания Мариинского дворца по требованию прибывшего отряда революционных войск¹⁷.

О «демократической» части Временного совета Российской республики, которая в основном была сформирована в Демократическом совете еще до открытия Предпарламента, имелись более полные сведения. Увеличение представительства «демократии» во Временном совете по сравнению с численным составом Демократического совета — 358 вместо 313 — было достигнуто, преимущественно, за счет увеличения представительства партий и дополнительно-го включения представителей от некоторых мелких общественных организаций (например, Союза увечных воинов и др.).

Согласно списку членов групп и фракций «демократической» части Предпарламента с расписками о получении мандатов на право представительства¹⁸, большинство мандатов, предназначавшихся демократическим организациям, получили эсеры и меньшевики. Они имели более весомое фракционное представительство, а также большую часть из тех мандатов, которые распределялись куриально.

1 октября газета «Известия» опубликовала список буржуазно-помещичьих партий и организаций, получивших представительство в Предпарламенте по списку «цензовых групп»:

Кадетская партия — 56

Радикально-демократическая партия — 2

Совет съездов представителей промышленности и торговли — 34

Московский совет совещаний общественных деятелей — 15

Союз земельных собственников — 7

Центральный военно-промышленный комитет — 1

Академический союз — 3

Всероссийский совет педагогов духовных школ — 1

Всероссийский совет инженеров — 1

Всероссийское общество редакторов — 2

Духовные академии — 1

Общество старообрядцев — 2

Главный комитет земского союза — 1

Всероссийская лига равноправия женщин — 3

Национальные буржуазные организации — 5

Организации казачества — 22

Таким образом, 1 октября стало известно о распределении 155 мандатов из 167, предназначавшихся цензовым элементам. Еще 12 мандатов были распределены позже среди аналогичных организаций (например, Совет офицерских депутатов, Совет вольного экономического общества и др.). Доминировали кадеты. Всего в состав Предпарламента вошли не менее 75 из них (не считая кадетов, состоявших в торгово-промышленной группе). На организационном заседании кадетской фракции 5 октября председателем фракции был избран П.Н. Милюков, находившийся тогда в Крыму. Товарищами председателя стали М.М. Винавер и А.И. Шингарев¹⁹.

27 сентября состоялись выборы делегатов во Временный совет Российской республики от всех торговых групп, примыкавших к Совету съездов торговли и промышленности. Было избрано 18 человек, в том числе Н.Н. Кутлер, Ф.А. Иванов, Н.Ф. Дитмар, Е.Л. Любич, П.П. Казакевич, А.И. Путилов, Б.А. Каменка, А.И. Белоножкин, А.А. Бачманов и др.²⁰ Торгово-промышленная группа Предпарламента состояла из представителей крупнейших торгово-промышленных организаций: Московского торгово-промышленного комитета (П.А. Бурышкин, В.И. Арандаренко, С.В. Лурье и др.), Всероссийского Союза торговли и промышленности (К.М. Жемочкин), Совета съезда представителей промышленности и торговли (Кутлер, Белоножкин, Бачманов, Зубашев), банков (Б.А. Каменка), Совета съезда горнопромышленников юга России (Н.Ф. фон Дитмар, П.П. Казакевич, Я.Д. Прядкин), Союза фабрикантов (А.А. Бачманов), Всероссийского общества сахарозаводчиков (В.П. Чефранов) и т. д. Председателем торгово-промышленная группа избрала председателя Совета съезда представителей промышленности и торговли кадета Кутлера, его товарищем — Дитмара.

В группу общественных деятелей входил генерал М.В. Алексеев, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, бывшие лидеры Союза 17 октября Н.В. Савич, С.И. Шидловский и др. Совет общественных деятелей избрал своим представителем и А.И. Гучкова, однако он вошел в Предпарламент от Военно-промышленного комитета. Группу земельных собственников представляли В.И. Гурко, А.М. Масленников, Н.Н. Львов и др.

Казачьи организации получили 22 места и дополнительно казачьим войскам, находившимся на фронте, было выделено 3 места.

Они отводились казакам по списку демократических организаций, но временно, до избрания фронтовым съездом трех своих представителей, были замещены представителями Совета казачьих войск²¹. В состав казачьей группы входили председатель Совета Союза казачьих войск атаман А.И. Дутов, его заместители А.А. Михеев и А.И. Аникеев, Б.В. Савинков и др.

Некоторые известные представители буржуазных кругов отказались от работы в Предпарламенте. Например, не вошли в его состав председатель Совета общественных деятелей М.В. Родзянко и В.В. Шульгин.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков, пробывший в Крыму после корниловского выступления более месяца, приехал в Петроград к открытию Предпарламента.

3 октября ЦК партии народной свободы поручил М.С. Аджемову, М.М. Винаверу, В.Д. Набокову вступить в переговоры с представителями различных групп Предпарламента по вопросу о его первых шагах.

В эти же дни в ответственных кругах революционной демократии высказывались за создание коалиционного президиума Совета республики. По мнению представителей революционной демократии, пост председателя Предпарламента следовало предоставить кандидату демократических организаций, а посты товарищей председателя, секретаря и товарищей секретаря распределить между различными демократическими и цензовыми группами в соответствии с численностью каждой группы. На пост председателя Временного совета Российской республики выдвигалась кандидатура Н.С. Чхеидзе²².

В одном из первых заседаний Предпарламента ожидалось внесение вопроса Временному правительству о том, верно ли, что из государственного казначейства выдавались суммы частным организациям, в том числе Советам рабочих и солдатских депутатов, и как они были израсходованы.

Меньшевики-интернационалисты опасались, что такой исход станет еще более вероятным, если осуществится новый «возмутительный» план и Временное правительство пожелает предоставить себе «неслыханное» право отводить и вычеркивать нежелательных ему, но избранных фракциями, членов. Интернационалисты называли такое право форменным издевательством над самой идеей представительства и выборности, всерьез опасаясь, что это позволит правительству обезглавить и обескровить представительство неугодных ему партий и фракций, лишит это представительство наиболее стойких, влиятельных и деятельных членов и тем еще более усилит цензовые элементы.

3 октября газета меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» сообщила, что состав Предпарламента «все ухудшается и ухудшается. Путем долгих и искусных подборов и комбинаций стараются, по-видимому, создать такой состав, который отнюдь не соответствовал бы настроению даже Демократического совещания, а выражал бы настроения прямо противоположные». Далее следовал тщательный анализ возникавших пропорций. Сначала предполагалось, что членов Предпарламента будет 428: от Демократического совещания — 308 членов Демократического совета и 120 членов — от цензовых элементов. Таким образом, «добавочные цензовики» должны были составить 28 % общего числа всех членов Предпарламента. Постепенно количество цензовиков «и абсолютно, и в особенности относительно» стали увеличивать. И затем уже Временное правительство решило включить в Совет республики 555 членов, из них 167 цензовиков, так что цензовики составляли уже 30,1 % общего числа членов. «По старому расчету при таком числе цензовиков должно было быть только 155, т. е. на 12 человек меньше.

Но, далее, 308 только членов избраны Демократическим совещанием. Остается избрать еще 80 представителей от демократических элементов. Кто их будет избирать? Демократическое совещание ведь уже разъехалось. Поэтому возможен будет новый искусный и искусственный подбор этих 80 членов, представителей от «демократических элементов», возможен будет новый подбор, который не портил бы общего ансамбля и облегчил бы переход решающей роли к цензовым буржуазным элементам»²³.

Помещение для Совета республики все еще не было подыскано. На состоявшемся 3 октября заседании Временного правительства товарищ министра внутренних дел С.Н. Салтыков доложил, что ни одно из осмотренных им зданий не подходит для Совета республики. В одном из зданий (как, например, в Театре музыкальной драмы и Малом театре) не было подходящих помещений для заседаний фракций и комиссий, в других (Мариинском дворце, помещении Союза инженеров на Бородинской улице и т. д.) отсутствовала зала, в которой могло бы поместиться 800–900 человек (550 членов Предпарламента, 100 представителей печати и т. д.). С.Н. Салтыкову было поручено продолжать поиски подходящего здания²⁴.

4 октября «Известия», отмечая, что опубликовано, наконец, положение о Временном совете Российской республики, досадовали на отсрочку открытия Предпарламента. Первоначально предполагалось, что Совет республики соберется не позднее 5 октября. Затем днем созыва было назначено 7 октября. «Отсрочка небольшая — всего два дня. Но она более чем досадна и как будто

свидетельствует о том, что Временное правительство не отдает себе вполне ясного отчета, насколько дорог теперь каждый день <...> Все явные и скрытые враги революции упорно стараются использовать несчастья родины, чтобы провоцировать гражданскую войну, утопить в крови революционно-демократические классы и таким образом утвердить господство контрреволюционной диктатуры».

«Известия» писали, что при таких обстоятельствах функционирование представительного органа, в котором все классы, партии, фракции должны были бы гласно и открыто вести свою политическую работу, стало бы лучшим средством организации и сплочения всех сил страны для отпора врагам внешним и внутренним, предотвращения междоусобия и водворения «подлинно революционного порядка». «Что касается самого положения о Временном совете республики, то, само собой разумеется, что права, предоставленные этому учреждению, бесконечно далеки от тех, которые демократия требует для всякого парламента, от тех, которыми будет наделено Учредительное собрание. Но надо помнить, что Совет республики — не парламент; что срок его существования рассчитан всего на полтора месяца, до созыва Учредительного собрания; что за это короткое время он все равно не мог бы развить никакой, сколько-нибудь обширной законодательной работы; что главная задача его — осуществление надзора и контроля за действиями Временного правительства и преподание правительству руководящих указаний для его деятельности во всех областях государственной жизни»²⁵.

С этой точки зрения, считали «Известия», положение о Совете республики давало достаточное основание для работы всех представленных в нем партий, фракций, групп. Для ЦИК Советов в наименовании нового учреждения «Временный совет Российской республики» особенно важным являлось наличие слова «совет». Будущая деятельность Предпарламента определялась даже как «Советские заседания»²⁶. Позиция ЦИКа состояла также в том, что при всех своих недостатках временный парламент даст демократии в руки новое могучее орудие для воздействия на всю политику Временного правительства. Предполагалось использование этого орудия для разрешения в интересах демократии коренных вопросов русской государственной жизни: войны и мира, финансово-экономических, аграрного, управления и борьбы с контрреволюцией, анархией. Таким образом, организованные силы демократии готовились к творческой революционной работе в общегосударственном масштабе. «Совет, где демократия встретится лицом к лицу и с представителями имущих классов, даст ей возможность учесть ту социальную среду, в которой приходится строить демократиче-

скую Россию, оценить препятствия, стоящие на пути, сопротивление, оказываемое различными классами и силы, на которые можно рассчитывать.

Работа в Совете республики должна послужить демократии лучшей подготовкой к тому грандиозному революционно-государственному строительству, которое будет составлять ее задачу в недалеком уже Всенародном Учредительном собрании»²⁷.

По оценке ЦИКа, страна переживала критическое время — открывался Временный совет Российской республики, предстояли выборы в Учредительное собрание. Казалось, страна готовилась организовать у себя, наконец, более прочный демократический строй. «Она, несомненно, ищет формы политического общежития, но пока не находит <...>

Будет ли это новый этап в дальнейшем движении вперед революции или перелом и начало реакции?

Мы видим резкое полевение масс, которое товарищи большевики хотят собрать в свои житницы»²⁸.

Всякая революция начиналась сплочением народных масс вокруг революционных лозунгов. Чем шире было сплочение, тем вернее достигался успех движения. Теперь же наблюдалось не сплочение, а резкое расхождение в рядах революционной демократии. Наряду с резким полевением масс, наблюдались мрачные настроения, абсентеизм на собраниях, фракционные распри в среде социалистических партий. Это было не очень похоже на движение революции вперед²⁹.

Страна находилась накануне выборов в Учредительное собрание — лозунга всякой победоносной революции и закрепления взятых ранее революционным штурмом позиций. Это уже не требовало жертв и, казалось, должно было быть исполнено с всеобщим воодушевлением. Однако абсентеизм наблюдался даже в самой подготовке выборов. Из разных районов поступали многочисленные сведения о том, что организация выборов проходила вяло, избирательные списки в большинстве округов вовремя составлены не были. «Так ли демократия венчает революцию? Не нужно обманываться тем, что влево метнулось большинство Советов рабочих и солдатских депутатов. Если московские избиратели сделались вдруг из социалистов-революционеров большевиками, то это едва ли потому, что они нашли большевистскую программу более правильной. Вернее предположить, что они не знали ни той, ни другой программы и выразили в этом голосовании свое неоформленное в программу недовольство. И наряду с крайне левым голосованием меньшинства мы видели в Москве и видим везде полное безразличие огромного большинства избирателей. Едва ли благоразумно

было бы утешаться мыслью, что это безразличие местное и случайное и не имеет общего политического значения»³⁰.

ЦИК, таким образом, усматривал в сложившейся ситуации много опасных симптомов, вызывавших тревогу за дальнейшее развитие революции. Отсюда следовал вывод о невозможности поисков удовлетворения народного недовольства в каких-либо новых революциях. Предполагалось заняться устранением основных источников бедствия: войны; экономической разрухи; временного порядка управления революцией, которое не приобрело бы и, по существу, не могло иметь авторитета власти народной и сильной. Выражалась надежда, что с разрешением этих трех основных бедствий страны революция может быть спасена.

4 октября вечером состоялось заседание представителей фракций и групп от демократических организаций, входивших в состав Временного совета Российской республики³¹. Некоторые представители Совета крестьянских депутатов и Совета рабочих и солдатских депутатов вновь выступили с претензией на то, что им выделено слишком мало мест во Временном совете и настаивали, что и той, и другой организации по численности представляемого ими населения, должно быть отведено в Предпарламенте по две трети мест. Недовольным было предложено «добывать» лишние места от правительства.

Затем перед совещанием встал вопрос об организации президиума Предпарламента. Избранная Центральным комитетом партии народной свободы комиссия в составе М.М. Винавера, В.Д. Набокова и М.С. Аджемова начала переговоры с руководителями преобладавших фракций демократического большинства Временного совета об образовании президиума. Из первоначального обмена мнениями выяснилось, что руководители демократического большинства считали нужным выбрать председателя Временного совета из партии социалистов-революционеров, как наиболее многочисленной по своему составу и влиятельной. Вероятным кандидатом на этот пост называли Н.Д. Авксентьева. Однако по причине распространившегося предположения, что Авксентьев от этого поста откажется, а также из-за предстоявшей во Временном совете острой борьбы между флангами собрания, в руководящих политических кругах наметилась тенденция в пользу того, чтобы избрать в председатели одного из руководителей более умеренной социалистической партии, как лицо, которое могло считаться более беспристрастным в этой борьбе. Таким кандидатом называли одного из руководителей партии народных социалистов В.А. Мякотина. Наряду с председателем предполагалось избрание четырех товарищей председателя, из которых один — от партии народной свободы. Пост секретаря Временного совета руководители демократического большинства

оставляли за собой, но пост старшего его товарища они готовы были предоставить партии народной свободы. Сеньорен-конвент предполагалось образовать из трех представителей от каждой большой партии и по одному — от мелких групп.

Окончательно уже определился личный состав входивших в Предпарламент представителей партии народной свободы, торгово-промышленной группы, союза домовладельцев и т. д.³² От партии народной свободы во Временный совет вошли 55 человек, от торговли и промышленности — 29.

4 октября вечером прошло пленарное заседание Временного правительства, на которое были приглашены, кроме министров, те из товарищей министров, которые самостоятельно ведали отдельными частями государственного управления. Заседание было объявлено закрытым и по своему характеру являлось продолжением утреннего заседания министров в кабинете А.Ф. Керенского, обсуждавшем положение дел на фронте и общую ситуацию в стране³³. Первая часть заседания была посвящена докладу министра-председателя о проблемах действующей армии и о мерах, намеченных Ставкой для восстановления утраченной дисциплины в войсках и на флоте, поднятия их боеспособности. Особенно сильное впечатление на членов правительства произвела часть доклада А.Ф. Керенского, из которой следовало, что многие войсковые части не подчинялись не только подозревавшемуся в контрреволюционных стремлениях командному составу, но и своим выборным комитетам, когда последние пытались пробудить в них волю к войне ради спасения родины и революции.

Предложенные Ставкой меры к поднятию боеспособности армии не встретили возражений со стороны членов Временного правительства. Было только высказано пожелание, чтобы проекты постановлений относительно этих мероприятий были представлены на одобрение правительства в самые ближайшие сроки.

Перейдя к предстоящему открытию Временного совета Российской республики, Временное правительство по докладу товарища министра внутренних дел С.Н. Салтыкова признало, что единственным более или менее подходящим помещением для заседаний Предпарламента являлся Мариинский дворец. Приспособление залы общих собраний заняло бы всего два дня и открытие заседаний Временного совета смогло бы состояться в объявленный срок. Дальнейшая часть заседания была посвящена обмену мнений относительно программы первого заседания временного парламента и участия в нем членов Временного правительства.

Из состоявшегося обсуждения выяснилось, что большинство членов Временного правительства считали правильным, чтобы сессия Предпарламента была открыта не министром юстиции П.Н. Ма-

лянтовичем, как предполагалось ранее, а министром-председателем А.Ф. Керенским или, в крайнем случае, если состояние здоровья не позволило бы Керенскому выступить 7 октября, его заместителем А.И. Коноваловым.

Далее был установлен общий характер приветственной речи, с которой министр-председатель обратился бы к Временному совету. Речь должна была носить политический характер и заключать в себе сжатое изложение задач, стоявших перед правительством и Временным советом. После речи министра-председателя или его заместителя председательствование в заседании Предпарламента предполагалось передать старейшему члену Временного совета. Продолжительный обмен мнениями вызвал вопрос о дальнейшей программе работ Предпарламента. В результате обсуждений было признано целесообразным, чтобы министры выступили в заседаниях Временного совета с подробными докладами по всем отраслям государственного управления, чтобы Совет республики мог всесторонне ознакомиться с положением дел в стране и на фронте. В случае надобности для подобных докладов должны были назначаться закрытые заседания Предпарламента.

4 октября в прессе сообщалось о прошедших выборах в Предпарламент от союза земельных собственников. Постановлением главного совета этой организации избирались следующие лица: Н.Н. Львов, В.И. Гурко, кн. А.А. Кропоткин, А.М. Масленников, Р.А. Скирмунт, Л.Н. Капацкий, М.С. Воеводин, кандидатами к ним: М.Л. Киндяков, Н.Ф. Иконников, В.Г. Дмитренко, В.П. Энгельгардт, Н.К. Романов, кн. А.Д. Голицын, А.С. Мейштович, кн. Н.Б. Щербатов³⁴.

Политическое совещание советов съездов четырех крупных старообрядческих согласий получило извещение, что вместо просимых четырех мест в Предпарламенте правительством предоставлено старообрядчеству лишь два места. На состоявшемся 4 октября заседании совещания при обсуждении вопроса о том, каким соглашениям должны достаться эти два места, жребий пал на белокрыницкие и поморское согласия. Их представителями были Д.В. Сироткин и П.Н. Кончаев. Для получения мест представителями остальных двух согласий В.И. Большаковым и А.М. Рыбаловым совещание тогда же предприняло экстренные меры.

На прошедшем 4 октября под председательством М.М. Винавера заседании ЦК кадетской партии было определено, что основной целью партии кадетов в Предпарламенте должно стать образование блока с ближайшими умеренными элементами Временного совета Российской республики слева и справа для коалиции и Временного правительства³⁵. Многие кадеты, преимущественно правые, помня о нерешительности меньшевиков и эсеров, не верили в возмож-

ность достижения соглашения с ними. Левые кадеты надеялись на благоразумие умеренных революционных демократов. М.С. Аджемову и В.Д. Набокову было поручено налаживание политических контактов с эсерами и меньшевиками.

Набоков в своих мемуарах вспоминал, что после июльского кризиса, образования нового министерства, созыва Московского государственного совещания, корниловской истории и временного функционирования директории учреждение Совета Российской республики и призыв в состав правительства представителей торгово-промышленного элемента (Третьякова, Смирнова, Коновалова), а также видных кадетов (Кишкина) были последней попыткой противопоставить что-либо растущей волне большевизма. Когда же выяснилось, что Церетели, игравший в переговорах со стороны социалистов наиболее видную роль, уезжает на Кавказ и в заседаниях Совета не будет принимать участия, Набоков спросил его, с кем же им в дальнейшем придется иметь дело при партийных переговорах и соглашениях. Церетели указал на Ф. Дана (Гурвича).

По свидетельству Набокова, при создании Совета республики сговаривавшиеся стороны — социалисты и, главным образом, кадеты — преследовали совершенно определенную цель — укрепление Временного правительства в его борьбе с большевизмом. «Нужно было разредить атмосферу, дать правительству трибуну, с которой оно могло выступать официально и открыто перед всей страной, дать ему реальную поддержку в лице партий, вступивших в коалицию и представленных в самом правительстве. Для всего этого требовалось, конечно, прежде всего твердое и ясное решение всех партий в двух направлениях: борьбы с большевизмом, — поддержки власти»³⁶.

Когда была закончена работа по определению будущих членов Совета республики, Набоков и Аджемов договорились с Гоцем, Даном и Скобелевым встретиться на квартире Аджемова, чтобы выяснить дальнейший план действий и наметить тактический план. «Если не ошибаюсь, мы два раза собирались у Аджемова, и я живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздражения, которое постепенно овладевало мною во время этих разговоров. Я Дана знал мало, встречался с ним в 1906 году, и с тех пор его не видал. Его отношение к создававшемуся положению вещей имело очень мало общего с отношением Церетели. На наше (с Аджемовым) определенное заявление, что главной задачей вновь учрежденного Совета мы считаем создание атмосферы общественного доверия вокруг Временного правительства и поддержки его в борьбе с большевиками, Дан ответил, что он и его друзья не склонны наперед обещать свое доверие и свою поддержку, что все будет зависеть от образа действий правительства, и что, в частности, они не ви-

дят возможности встать на точку зрения борьбы с большевиками прежде всего и во что бы то ни стало... "Но ведь в этом-то и заключалась вся цель нашего соглашения, — возражали мы, — а Ваше теперешнее отношение есть опять-таки прежнее двусмысленное, неверное, колеблющееся доверие — постольку, поскольку, которое ничуть не помогает правительству и не облегчает его задачи". Дан вилял, мямлил, вел какую-то талмудическую полемику... Мы разошлись с тяжелым чувством, — с сознанием, что начинается опять старая канитель, что наши "левые друзья" неисправимы, и что все затраченные нами усилия, направленные к тому, чтобы добиться соглашения и поддержки власти в ее борьбе с анархией и бунтарством, едва ли не пропали даром»³⁷.

Накануне открытия Предпарламента в Петроград возвратился П.Н. Милюков. Он считал, что только блок всех цензовых групп во главе с кадетами должен был стать организующим ядром Предпарламента и парализовать своей активностью мнимую неуступчивость социалистов, заставить их умеренную часть примкнуть к кадетам³⁸.

5 октября вечером состоялось заседание предпарламентской фракции народной свободы³⁹. Обсуждались вопросы тактики и организации. Было решено настаивать на увеличении числа товарищей председателя до пяти, причем три места должны были занять социалисты, четыре — кадеты и пять — представители торговли и промышленности. Товарищем председателя от кадет был назначен В.Д. Набоков, в состав сеньорен-конвента — П.Н. Милюков, М.М. Винавер, А.И. Шингарев, заместителем — М.С. Аджемов. В бюро фракции народной свободы были избраны: председателем — П.Н. Милюков, товарищами его — А.И. Шингарев и М.М. Винавер, секретарем — Н.М. Панкеев, членами — Ф.И. Родичев, М.С. Аджемов, Д.Д. Grimm.

5 октября по причине расстроенного здоровья на Кавказ в месячный отпуск уехал Н.С. Чхеидзе⁴⁰, бессменный руководитель ЦИКа, председатель Демократического совета и кандидат в председатели Предпарламента. Таким образом, в числе претендентов на этот пост его кандидатура уже не значилась.

Новым министром земледелия Указом Временного правительства был назначен товарищ председателя Главного земельного комитета С.Л. Маслов⁴¹.

Точные сведения о партийном составе Предпарламента отсутствуют. По неполным данным, его партийный состав был следующим: эсеров — 135, меньшевиков — 92, народных социалистов — 30, кадетов — 75, членов радикально-демократической партии — 2, большевиков — 58 (53 мандата получила фракция, и 5 большевиков прошли в составе некоторых групп).

Следовательно, партийность 163 членов Предпарламента не установлена: 73 — из демократического сектора и 90 — из ценового. В демократической части Временного совета Российской республики не была учтена партийная принадлежность представителей различных мелких групп — профсоюзов, земельных комитетов и т. п., примыкавшим к эсерам, меньшевикам, «непартийной» демократии. В ценовом секторе была не установлена партийность представителей совета общественных деятелей, торговли, промышленности и др. Это могли быть кадеты, бывшие октябристы, беспартийные капиталисты, помещики, представители генералитета и офицерства.

От московского торгово-промышленного комитета в Совет Российской республики были выбраны: П.А. Бурышкин, В.И. Арандаренко, А.А. Лебедев, С.В. Лурье, проф. Н.П. Ланговой и В.И. Масальский⁴².

Вопрос о структуре и составе руководящих рабочих органов Предпарламента был в центре внимания общественности. Обсуждался вопрос о президиуме Предпарламента и его председателе. В правительственных кругах говорили, что на посту председателя Предпарламента был бы желателен представитель демократии. Эсеры и меньшевики были согласны с этим мнением, добавляя, что председателем должен стать представитель эсеровской фракции — наиболее многочисленной в Предпарламенте. Поддерживая эти пожелания, буржуазно-помещичьи группы Предпарламента особо отмечали, что председателем должен стать член популярной партии, какой была раньше, например, партия эсеров.

Эсерами на пост председателя Предпарламента был намечен председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов Н.Д. Авксентьев. Эта кандидатура была одобрена меньшевиками, несоциалистической демократией и кадетами. Правый эсер Авксентьев был министром внутренних дел во втором коалиционном правительстве. В состав президиума Предпарламента, кроме председателя, должны были войти четыре его заместителя, секретарь и заместители секретаря. Заместителей председателя должны были выделить наиболее крупные фракции Предпарламента, кроме эсеровской (от которой предлагался председатель). Таким образом, фракции меньшевиков, кадетов, большевиков рекомендовали по одному кандидату и одного кандидата предлагали все остальные демократические группы. На прошедших заседаниях фракций были выдвинуты следующие кандидатуры: от меньшевиков — В.Н. Крохмаль, от кадетов — В.Д. Набоков, от демократических групп — лидер народных социалистов В.А. Мякотин. На должность секретаря Предпарламента рассматривалась кандидатура М.В. Вишняка, юриста и правого эсера.

Еще одним руководящим органом Предпарламента должен был стать Совет старейшин (сеньорен-конвент), на который возлагались задачи согласования различных вопросов между фракциями, группами, определение порядка дня и т.п. Был согласован между фракциями и установлен принцип образования Совета старейшин: крупные фракции и группы (свыше 30 членов) делегировали в Совет трех представителей, средние (более 20 членов) — двух, мелкие (не менее 10 членов) — одного.

Совету старейшин отводилась роль штаба Предпарламента. Фракции и группы выдвинули в него своих наиболее известных представителей. От кадетской фракции в Совет старейшин вошли П.Н. Милюков, М.М. Винавер, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев; от торгово-промышленной группы — Н.Н. Кутлер; от кооператоров — Н.В. Чайковский; от эсеров — В.М. Чернов, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов и др.; Ф.И. Дан, Б.О. Богданов, С.Л. Вайнштейн (Звездин) и др. В состав Совета старейшин вошли также левый социалист В.А. Карелин, меньшевики Ю.О. Мартов, В.Е. Мандельберг. Заведующим экспедицией Совета республики, располагавшейся в Таврическом дворце в Канцелярии Государственной думы, был Д.И. Шереметинский⁴³. Там же планировалось хранить журналы пленарных заседаний и Комиссий временного парламента.

Оставался актуальным и вопрос о готовившейся эвакуации Петрограда. 5 октября в Москву из Петрограда прибыла техническая комиссия для осмотра помещений, которые могли быть предоставлены для петроградских учреждений в случае перевода их в Москву. В состав этой комиссии правительство разрешало включать нескольких представителей от рабочих и служащих тех предприятий, которые предполагалось реквизировать для размещения петроградских учреждений. Совместно с этими представителями должны были осматриваться предназначенные для этой цели фабричные и заводские помещения, с тем, чтобы рабочие и служащие высказали свои мнения о возможной реквизиции этих помещений⁴⁴. Совет рабочих и солдатских депутатов активно протестовал против эвакуации Временного правительства из Петрограда⁴⁵.

Давно ожидавшееся решение о роспуске Государственной думы было, наконец, принято. Временное правительство на своем заседании 6 октября постановило: «Согласно с постановлением Временного правительства от 9 августа 1917 г. о назначении выборов в Учредительное собрание на 12 ноября с. г. и ввиду начала 3 октября избирательного производства в сие собрание, Государственную думу четвертого созыва распустить, а полномочия членов Государственного совета по выборам признать утратившими силу»⁴⁶.

6 октября в Смольном институте состоялось заседание сеньорен-конвента, на котором присутствовали представители всех демо-

кратических групп Предпарламента. Открыть Предпарламент было решено 7 октября 1917 г. в 5 часов дня. Сеньорен-конвент пришел к решению, что президиум временного парламента должен быть коалиционным и состоять из председателя, четырех его товарищей, секретаря и старшего товарища секретаря. Кроме того, всем группам и фракциям предоставлялось право иметь в президиуме по одному товарищу секретаря. Пост председателя Временного совета решено было предоставить кандидату крупнейшей партии Предпарламента социалистов-революционеров. Как уже было известно, эсеры выдвигали Н.Д. Авксентьева. Сеньорен-конвент решил поддержать эту кандидатуру. Места четырех товарищей председателя распределялись следующим образом: один меньшевик — В.Н. Крохмаль, один большевик, один кадет (предполагался В.Д. Набоков) и один беспартийный, или народный социалист. На место четвертого товарища председателя предполагали В.А. Мякотина. Секретарем был намечен М.В. Вишняк. Место старшего товарища секретаря было решено предоставить цензовым элементам⁴⁷.

Было определено, что собственно сеньорен-конвент будет сформирован из представителей всех групп, причем от крупнейших предполагалось два представителя, от средних — два и от мелких — один. Тогда же сообщалось, что первое заседание Временного совета откроет от имени Временного правительства министр юстиции П.Н. Малянтович. Он должен был предложить избрать председателем Предпарламента старейшего его члена. Предполагалось, как уже отмечалось выше, что председателем станет Е.К. Брешко-Брешковская или Н.В. Чайковский. После этого председатель должен был занять свое место и предложить перейти к работе по конструированию президиума. Затем было бы предложено избрать председателем Предпарламента Н.Д. Авксентьева. Он должен был произнести небольшую речь политического характера, в которой бы затрагивались вопросы войны, мира и обороны страны.

Дальнейшая программа заседания окончательно еще не была установлена. Сохранялась неопределенность, начнется ли затем процедура избрания президиума или же с речью еще выступит А.Ф. Керенский.

На том же заседании, 6 октября, сеньорен-конвент решил избрать несколько комиссий: личного состава, по наказу, редакционную, по внешней политике, по обороне страны, по укреплению республиканского строя, земельную и по урегулированию государственного хозяйства и труда, по национальному вопросу.

Следующее заседание Временного совета предполагалось провести в воскресенье или в понедельник и посвятить его обсуждению военного и морского положения России. Для установления контак-

та между демократическими и цензовыми элементами Предпарламента были избраны А.Д. Малевский и Б.О. Богданов⁴⁸.

В прессе появлялась и другая, часто противоречивая, информация о предстоящем открытии Предпарламента. В частности, сообщалось, что первое его заседание откроется 7 октября в 2 часа дня и на первом заседании выступит из представителей Временного правительства один только министр-председатель А.Ф. Керенский или его заместитель А.И. Коновалов⁴⁹. Выступления других министров предполагались в следующем заседании с разъяснениями по отдельным областям государственной жизни. На обсуждение планировалось вынести законопроекты о языке в местных самоуправлениях, о поднятии дисциплины в армии, о примирительных камерах и т. д.

В одном из первых заседаний Совета республики ожидалось предъявление вопроса правительству о деле генерала Л.Г. Корнилова, генерала М.В. Алексеева, Б.В. Савинкова и др. С разъяснениями от имени Временного правительства по этому поводу ожидалось выступление министра юстиции Н.Н. Малянтовича. Министр-председатель находил для себя невозможным отвечать на раздававшиеся по его адресу в некоторых органах печати нападки, так как всякое его выступление могло дать повод говорить, что он своими разъяснениями стремился оказать давление на судебную власть⁵⁰.

В это же время во Временном правительстве обсуждался вопрос о русской делегации на Парижскую конференцию. Министр иностранных дел М.И. Терещенко считал безусловно недопустимым, чтобы на Парижской конференции было двоякое представительство: от Временного правительства и от русской демократии. Терещенко предлагал, чтобы в состав русской делегации вошел представитель демократии, но с тем, чтобы он являлся таким же членом делегации, как и другие ее члены. Русская делегация, каков бы ни был ее состав, должна была быть, по мнению министра иностранных дел, единой и действовать солидарно. Он считал совершенно недопустимым, чтобы на союзной конференции представитель Временного правительства выступил бы с одним заявлением, а представитель демократии — с другим. Временное правительство выразило полную солидарность по этому вопросу с министром иностранных дел.

Представители революционной демократии, по сообщениям прессы, придерживались другой точки зрения и собирались добиваться, чтобы их представители вошли в состав делегации не в качестве одного из членов делегации, а как представители определенной группы населения — демократии⁵¹.

Вопрос о представительстве демократии на Парижской конференции планировалось поднять на одном из ближайших заседаний

Совета республики при обсуждении министром иностранных дел российской внешней политики. Представители революционной демократии собирались настаивать во время прений, чтобы делегаты России на Парижской конференции совершенно определенно поставили бы вопрос о необходимости выработки с союзниками конкретных условий мира.

6 октября в прессе сообщалось также о закончившемся трехдневном закрытом заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов по вопросу об общем положении в связи с предстоящей конференцией союзников в Париже. В заседании приняли участие военный и морской министры, комиссары фронтов и делегаты армейских организаций. Была вынесена резолюция о необходимости подавления погромов вооруженной силой. Делегатом на конференцию от ЦИК избрали бывшего министра труда М.И. Скобелева.

К 6 октября список членов Временного совета Российской республики еще не был опубликован, но состав его уже выяснен. Временный парламент становился таким же конгломератом политических гениев, каким до тех пор были Советы. Но политическая группировка стала еще более пестрой, так как туда вошли представители цензовых элементов, которых в Советах не было.

Наиболее влиятельными политическими группами в Предпарламенте становились социалисты-революционеры, меньшевики, кадеты и большевики. Сообщалось, что во Временном совете насчитывается 120–130 эсеров, 80 меньшевиков, до 75 кадетов и 60 большевиков. Остальные 200 с лишним делегатов разбились по многочисленным группам, и поэтому еще не было возможности указать даже приблизительный состав этих маленьких фракций⁵².

Внутренняя конструкция Предпарламента определилась благодаря искусственному подбору делегатов. Революционная демократия имела приблизительно три четверти голосов, а цензовые элементы лишь четверть, и поэтому вотумы Временного совета не могли иметь особого авторитета и значения. При таких пропорциях большинство голосов всегда было бы на стороне революционной демократии. Значение Предпарламента заключалось бы не в его вотумах, а в открытой парламентской борьбе, которая бы велась на новой трибуне.

Межфракционные переговоры должны были привести к соглашению относительно состава президиума. Уже определенно выяснилось, что место председателя Предпарламента и секретаря будет представлено самой сильной в Совете республики фракции — социалистам-революционерам. Называли Н.Д. Авксентьева, но эсеры не желали терять в его лице руководителя фракции, и поэтому предлагалась также кандидатура В.А. Мякотина. Однако вопрос о кандидате в председатели Предпарламента все еще продолжал

оставаться открытым, как и то, кто будет избран в товарищи председателя и в секретари Временного совета.

Переговоры между представителями фракций еще продолжались и сводились, главным образом, к выяснению вопроса о том, создастся ли в Предпарламенте такое большинство, которое прониклось бы серьезностью момента и было бы способно к творческой государственной работе.

6 октября по инициативе кадетов в клубе кадетской партии состоялось совещание основных цензовых групп Предпарламента. Было принято решение об образовании особого информационного бюро для обеспечения контакта между всеми несоциалистическими группами Временного совета Российской республики⁵³.

В Мариинском дворце 5 октября в течение целого дня шли работы по приспособлению зала заседаний для нужд Совета республики. Увеличивалось число мест для делегатов, распределялись места в ложах. Ложи напротив президиума было решено предоставить печати, боковые ложи — публике, нижние боковые ложи — членам Временного правительства, дипломатическому корпусу и канцелярии Временного совета. Последняя была составлена из чинов канцелярии Государственной думы. Распространялась информация, впоследствии не подтвердившаяся, что по причине отъезда А.Ф. Керенского первое заседание Предпарламента откроет в субботу, 7 октября, А.И. Коновалов, который обратится с приветствием от имени Временного правительства и остановится на характеристике положения страны. Ожидалось, что заявление заместителя министра-председателя будет составлено далеко не в оптимистических тонах.

Заседание должен был открыть старейший член Предпарламента и предложить временному парламенту руководствоваться для начала наказом 4-й Государственной думы, одновременно избрать комиссию для согласования этого наказа с условиями и характером деятельности Временного совета.

Стало известно, что вопрос о переезде Предпарламента в Москву будет поставлен в первую же очередь. Разрешение этого вопроса вызывало, однако, осложнение, так как представители революционной демократии решительно высказывались против переезда в Москву. Поскольку большинство в Предпарламенте было обеспечено за ними, то и решение вопроса по существу всецело зависело от них.

5 октября заместитель председателя Совета союза казачьих войск довел до сведения Временного правительства, что на состоявшемся заседании Совета в качестве представителей в Совет республики были намечены следующие лица: А.И. Дутов (председатель Совета союза казачьих войск, оренбуржец), А.А. Михеев (ура-

лец), А.И. Аникеев (донец), В.Д. Самсонов (астраханец), В.К. Бардиж (кубанец), К.А. Шамшин (терец), К.Р. Иванов (амурец), заместителями их избраны Е.Я. Глебов (сибиряк), А.А. Вертопрахов (амурец) и А.И. Панов (астраханец)⁵⁴.

5 октября прошло заседание бюро Центрального военно-промышленного комитета. Представителем во Временный совет республики от Центрального военно-промышленного комитета был избран А.И. Гучков, а его заместителем — М.С. Маргулиес. А.И. Гучков должен был возвращаться из Кисловодска в ближайшие дни для того, чтобы принять участие в работе Предпарламента.

5 октября в Смольном институте состоялось заседание предпарламентской фракции меньшевиков. Обсуждался вопрос о конструировании президиума Предпарламента. Было решено, что председателем временного парламента должен стать представитель наиболее значительной группы, т. е. социалист-революционер. Места четырех товарищей председателя предстояло распределить между эсерами, меньшевиками, большевиками и кадетами. От меньшевиков в товарищи председателя заседание выдвинуло кандидатуру В.Н. Крохмалю.

В сеньорен-конвент большие фракции посылали по три представителя, средние — по два и маленькие группы — по одному представителю. Меньшевики со своей стороны в сеньорен-конвент наметили Ф.И. Дана, Б.О. Богданова, Ю.О. Мартова. Стало известно, что секретарем будет эсер, помощником секретаря — меньшевик.

Фракция меньшевиков решила предложить Предпарламенту создать следующие комиссии: по внешней политике, по обороне страны, по укреплению республиканского строя, по урегулированию государственного имущества и труда, по урегулированию землепользования, по национальному вопросу, редакционному и комиссию по наказу⁵⁵.

Очередное заседание сеньорен-конвента должно было состояться 6 октября в 6 часов вечера в Смольном институте. На этом заседании предстояло наметить порядок первого дня Предпарламента и ряд других технических вопросов.

Сообщалось, что выдача билетов членам Совета республики будет производиться 6 октября с 4 часов дня в Марининском дворце (вход с главного подъезда), по предъявлении удостоверений от организаций, командировавших членов Предпарламента; с 2 до 5 часов дня там же предстояла выдача билетов для представителей печати по предъявлении специальных удостоверений от редакций.

К 6 октября в политических кругах распространились слухи об отказе члена Государственной думы В.В. Шульгина от участия в работе Предпарламента. По этому поводу он сказал следующее: «5-го октября я заявил председателю Государственной думы

М.В. Родзянко в устной форме о том, что не считаю возможным принять участие в Совете Российской республики, полагая это учреждение незаконным. И буде мне довелось бы принять участие в предпарламенте, то я считал бы необходимым на первом же заседании возбудить вопрос о законности существования Совета Российской республики и, вообще, Российской республики, провозглашенной до востребования Учредительного собрания.

Возбуждать же этот вопрос, — вопрос, вокруг которого разыграются страсти, я при создавшемся положении не считаю возможным, и поэтому предпочел отказаться от участия в Предпарламенте»⁵⁶.

Накануне открытия Предпарламента продолжалось обсуждение его перспектив. 6 октября буржуазная газета «Русская воля» определяла Совет республики как новое звено в устройстве нынешней власти. И вместе с тем — как новую ставку в трагической игре, которую, казалось, сам Рок вел за счет России. «И эта ставка — уже последняя. Если она не удастся, то всякое руководство событиями будет у нас потеряно, наступит действие стихий, конечно, не созидательных, а разрушительных, и что тогда станет с нашей несчастной родиной, — никто не может сказать»⁵⁷.

Скрывать было бессмысленно: созыв нового Совета происходил при крайне неблагоприятных условиях. Внешний враг, после ряда нанесенных им раньше тяжких ударов, успешно совершал против России новую, чрезвычайно угрожающую операцию. Это уже было покушением на Петроград, на столицу государства, на центр революции.

Вместе с тем, экономическая разруха в стране достигла крайних степеней, приблизившись вплотную к прекращению производства, остановке транспорта, голоду и холоду. Все это было тем более ужасно, учитывая, что на попечении государства находилась огромная армия, которую следовало прокормить, одеть, обуять.

Однако главное зло буржуазия видела не в этом, считая что все вышеперечисленное могло бы быть поправимо. Внешнего врага можно было бы сокрушить. С производством, транспортом, продовольствием можно было бы справиться, если бы сам народный организм не пришел бы в полное расстройство, если бы он действовал как следует и сам себя не разрушал. «Но беда именно в том, что расстройство, — глубокое расстройство охватило весь народ. Народ потерял свою внутреннюю связность, он все больше превращается в толпу, которая уже не способна творить, а способна только разрушать. Внешним образом это выражается в параличе власти, в невозможности сколько-нибудь целесообразно направлять все то, что нужно для общей жизни. Это создает перед нами угрозу такой катастрофы целого народа, какой еще мир не видал»⁵⁸.

Представители буржуазии в плане конкретных мер для устранения грозной быстро надвигавшейся катастрофы предлагали восстановить власть, или сам народ, его внутреннюю связность и целостность. Народ распался, разбился на части, превратился в сборище людей, которые между собой только враждуют, порвались связи, соединявшие его в одно целое, — предлагалось их восстановить, поскольку без этого самая власть в народе и над народом невозможна.

Именно эти задачи возлагались на созывавшееся собрание представителей всех слоев и групп русского народа. Внешне и формально они призывались к тому, чтобы поддерживать и вместе направлять деятельность Временного правительства. Однако внутренне их задача была более глубокой. Они должны были устранить рознь, так глубоко завладевшую народом. Идея коалиции в правительстве, из-за которой тогда шла жесткая политическая борьба, должна была, — с точки зрения буржуазии, — продвинуться дальше, в целый народ. Только на такой почве могло бы прочно утвердиться дело власти. Без этого власть всегда была бы бессильной и бездейственной⁵⁹.

Иллюзий в отношении сложности задачи воссоздания народа, как живого организма, не наблюдалось. Первым врагом был назван большевизм «с его проповедью утробных инстинктов, классово-ненависти и гражданской войны». Но этот враг представлялся не самым страшным. Гораздо опаснее казалась народная темнота и невежество, к которым обращался большевизм, вышедшие, благодаря его безумной проповеди, из берегов, опрокидывавшие все препоны и препятствия.

Каким бы трудным ни было положение, приходилось искать пути выхода из него. «Первое, что Совету республики придется сделать во имя осуществления своей основной задачи, — это преодолеть большевизм внутри себя, в своей собственной среде. И преодолеть не внешним только, а внутренним образом, — преодолеть его, как нравственную болезнь, как нравственную заразу. Путь для этого — нравственное отделение, нравственный карантин всех здоровых от больных и зараженных. Надо, чтобы большевики оказались в Совете изолированными, и не как политическая партия, а как секта людей, одержимых нравственной заразой.

Ведь нравственная зараза, нравственная болезнь большевизма ясна: он не имеет чувства родины и он не имеет чувства ответственности. Он ведет свою проповедь, он будит вражду и ненависть в темных и бессознательных классах, не заботясь о том, что из этого выйдет. Он вызывает разрушение, не заботясь о созидании»⁶⁰. С точки зрения представителей буржуазии, против большевизма в Совете республики должны были восстать все, кто признавал роди-

ну, чувствовал свою ответственность перед ней, не желал погубить ее в сплошном и бессмысленном разрушении. Отмечалось, что все эти силы должны были заключить между собой священный союз спасения родины. Тогда коалиция всех живых сил страны начала бы передаваться и в народ, определяя грань между созиданием и разрушением, революцией и бунтом. Задача власти стала бы проще: она почерпнула бы из этого источника большую смелость действий, встретив большую охоту к повиновению. Только тогда начала бы налаживаться жизненно необходимая способность народа к борьбе за поддержание своего собственного существования.

Именно в этом представители буржуазии видели главную задачу Предпарламента. Она же стояла и перед московским Государственным совещанием, но оно было слишком кратковременно. Теперь эту задачу следовало выполнить во что бы то ни стало, так как некоторое промедление сделало бы положение безвыходным. Все выступавшие за спасение России, призывались к объединению⁶¹. «Совет республики созван как последнее средство спасения России. Тяжкие беды обступили нас со всех сторон. И наше внешнее, и наше внутреннее положение таковы, что можно прийти в отчаяние. Но мы не должны приходить в отчаяние. Мы должны сохранить твердость и мужество под ударами судьбы»⁶².

С точки зрения буржуазии, семь месяцев назад страна сбросила с себя вековое рабство и вошла, как равная, в семью свободных народов. Это был большой праздник. Но великая революция шла дальше, переходила со ступени на ступень. Вся обстановка в стране стала резко меняться. Народ, опьяненный свободой, стал слушать больше тех, кто говорил ему о его правах, чем напоминавших о его обязанностях. «Увлеченный своими правами, своим положением властелина, он ослабил свою деятельность на пользу России. Он стал меньше работать, а главное, он стал хуже сражаться. Его расслабила мысль о том, что можно добиться мира, не победив Вильгельма, а сговорившись прямо с немецким народом. И все это принесло свои горькие плоды»⁶³. Немецкий народ, тем временем, не только продолжал повиноваться Вильгельму, но и напрягал для войны все свои силы, приносил ради нее все жертвы, наносил России удар за ударом, стучась уже в двери столицы. Внутренняя разруха также достигла крайних степеней. Стране угрожало уже не экономическое разорение, а голод.

И вот перед лицом этих бедствий, перед лицом революции, превратившейся в жестокую трагедию, 7 октября 1917 г. собирался Совет республики (Предпарламент). Он был созван на помощь Временному правительству. Правительство вместе с Предпарламентом должны были сделать героическое усилие, чтобы спасти Россию. Буржуазия предлагала ряд конкретных мер для выхода из

сложившейся ситуации. «Наш народ надо пробудить к его долгу и вместе воодушевить. Надо призвать его к защите своей родной земли на фронте, надо побудить его работать для этой защиты в тылу. И если только те, кто сегодня будут на виду у всей страны, — к чьим словам прислушивается весь народ, — если они будут на высоте задачи, то они могут сдвинуть нас с мертвой точки»⁶⁴.

Ведь армия на фронте все же сражалась, отстаивая родную землю. Она проливала свою кровь на суше и на море. Это означало, что не все потеряно: было еще на что опереться. «И надо именно на это опереться. Надо поставить вопрос так, как его уже ставили в эти последние дни: воюем мы или не воюем? Есть у нас Родина, или ее нет?

Если мы воюем, если мы свою Родину защищаем, то надо делать это всем народом, — не только тем, что стоит на линии фронта, но и всем остальным, так, чтобы каждый на своем месте исполнял свой долг по отношению к армии.

А если мы не воюем, то зачем же сражались те, которые были на о. Эзеле и на тех судах, которые расстреливал своими превосходными силами немецкий флот? Зачем они умирали, падая жертвой своей доблести и своей верности отечеству?

И Правительство, и Совет именно так должны поставить весь вопрос. Они должны сказать прямо: хотим ли мы спасти Россию или не хотим?»⁶⁵

Итак, считала буржуазия, этот вопрос должен был стать главным для собиравшегося Предпарламента. Правительство должно было взять на себя инициативу так его поставить, а Совету республики следовало поддержать эту инициативу и таким образом его разрешить. И тогда без колебаний народу следовало сосредоточить все силы на одной задаче. Правительство вместе с Советом республики должны были иметь мужество призвать народ к исполнению его долга, и не на словах, а на деле.

По информации «Новой жизни» «делопроизводство Совета республики предполагается поручить нераскассированной канцелярии нераспущенной царской Государственной думы, куда в свое время набирались только более или менее яркие черносотенцы.

Атмосфера этой канцелярии будет, пожалуй, соответствовать духу новорожденного учреждения»⁶⁶.

Рассуждая о функциях Предпарламента, меньшевики-интернационалисты называли «поистине жалкой» роль, отведенную учреждению, названному громким именем Временного совета Российской республики. «Роль его ниже даже булыгинской законосовещательной Думы, ниже даже роли архаического дореформенного Государственного совета перед революцией 1905 г.»⁶⁷

Совет республики — учреждение законосовещательное. Никакое решение большинства не стало бы обязательным для Временного правительства, которое могло согласиться с мнением большинства или меньшинства, но могло не согласиться и с обоими этими мнениями и принять самостоятельное решение. Поскольку учреждение законосовещательное и решение его необязательно — неизбежно следовали неутешительные выводы.

Минимум смысла существования всякого законосовещательного учреждения меньшевики-интернационалисты находили в том, что ни один законопроект не мог бы быть утвержден без предварительной передачи его на рассмотрение этого законосовещательного учреждения. «И если правительство заявляет, что оно станет передавать на рассмотрение этого учреждения только те законопроекты, какие ему заблагорассудится, то это означает, что никакого законосовещательного даже учреждения у нас не существует — это фикция, мираж, обман чувств (и только чувств ли?), и никакое уважающее себя собрание не может позволить, чтобы его именовали названием, столь не соответствующим его правам»⁶⁸.

Проекты, какие сочло бы нужным, Временное правительство могло рассылать на рассмотрение любых учреждений, от совета акционерных банков до союза земельных собственников. Совет республики был в праве предъявлять правительству запросы, но правительство могло и не отвечать на них, как с указанием мотивов своего отказа, так и без такового, поскольку отказ правительства от ответа никаких последствий за собою не влек.

Предпарламент был обязан выслушивать правительство, когда оно пожелает, но правительство было вовсе не обязано выслушивать временный парламент, когда бы он того пожелал. «Совет может сотни раз выразить недоверие правительству, а правительство может преспокойно не обратить никакого внимания на это.

Поистине жалкий совет. Гора Демократического совещания родила даже не мышь. Взирая на это уродливое зрелище Зимнего дворца и Смольного института, сами инициаторы созыва Демократического совещания для создания нового базиса власти должны быть удивлены до крайности»⁶⁹.

Кадеты и торгово-промышленники отнеслись к распределению полученных 120 мандатов очень ответственно. Начиная с 25 сентября в течение нескольких дней этот вопрос обсуждался на совещаниях ЦК кадетской партии, видных представителей Временного комитета Государственной думы, Совета съездов торговли и промышленности, Союза земельных собственников и других организаций. В ходе этих заседаний была создана особая комиссия, срочно подготовившая проект распределения 120 мест. 63 из них были отданы кадетам, 34 — представителям торгово-промышленных ор-

ганизаций, 12 — Комитету общественных деятелей, 7 — делегатам от Союза земельных собственников, 2 — Академическому союзу и еще 2 — Всероссийскому обществу редакторов⁷⁰. Доминирующее влияние кадетской партии в политической среде небуржуазной части общества было, таким образом, подтверждено состоявшимся распределением мест в Предпарламенте.

Предпарламент в действии

Мариинский дворец, в котором до революции заседала верхняя палата парламента — Государственный совет, — бывшая всегда, по словам А.Ф. Керенского, оплотом самовластия, 7 октября 1917 г., в день открытия Предпарламента, наполнилась новыми людьми. Назначенные члены Государственного совета уступили свои места представителям демократии, составлявшим большинство в Совете республики. Как бы ни относились к этому суррогату народного представительства, было очевидно, что он отражал довольно верно настроения различных групп населения. Временное правительство впервые получило возможность знать мнение страны и руководствоваться в своей деятельности не случайными заявлениями отдельных групп, а организованным, хотя и в очень несовершенной форме, представительством страны. Именно поэтому в Совете республики приняли участие даже те, кто находил создание Предпарламента с теоретической точки зрения неправильным⁷¹.

Первое заседание Временного совета Российской республики было назначено на 5 часов дня 7 октября, но большинство делегатов прибыли гораздо раньше. Многие пришли еще рано утром, чтобы занять лучшие места. Исключительная аккуратность — первое, что отличало Предпарламент от всех общественных собраний и съездов, которых так много видел Петроград за последние месяцы. Это можно было сказать по крайней мере о первом его заседании⁷².

В ожидании начала заседания в кулуарах Мариинского дворца собирались оживленные группы. Предметом общего внимания являлся генерал М.В. Алексеев. Представители различных групп окончательно договаривались о порядке заседаний, о выборах президиума. Члены Предпарламента обменивались мнениями по вопросу о роли Предпарламента. Академик С.Ф. Ольденбург, бывший министр народного просвещения, не ожидал существенных результатов от его деятельности. Он считал, что если бы разумно мыслящие социалистические элементы действительно стремились к тому, чтобы Временный совет Российской республики не превратился в Совет Временной Российской республики, то они должны были бы раз и навсегда обуздать большевиков, покончить с половинчатостью и нерешительностью по отношению к лагерю разрушителей. Но у них не хватало мужества пойти на это.

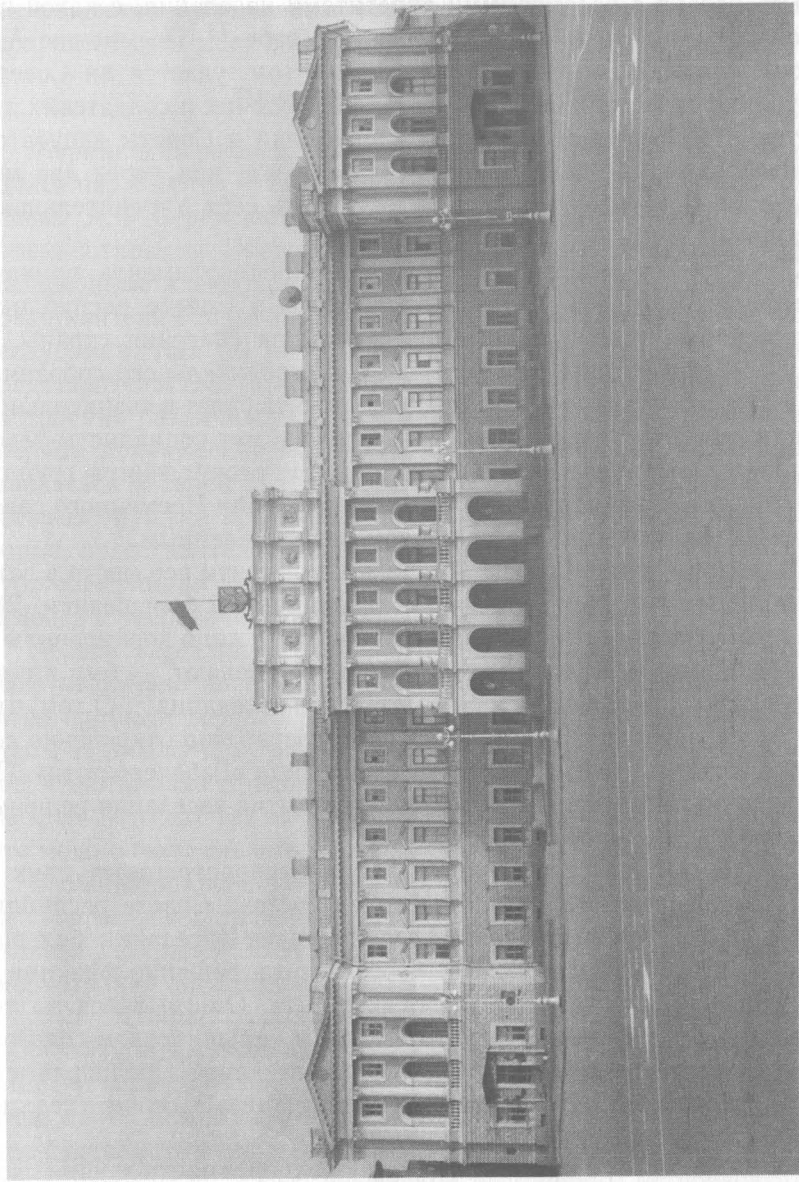
М.С. Аджемов видел положительную сторону Совета республики в том, что страна впервые услышит с его трибуны настоящий голос всей России. «Московское совещание сыграло в этом отношении только небольшую роль. Задачей предпарламента должна быть борьба с чрезмерными аппетитами населения, с какой бы стороны эти аппетиты ни давали знать о себе»⁷³. По мнению Аджемова, главный вопрос состоял тогда в том, удастся ли Совету республики дать должный отпор Советам рабочих и солдатских депутатов. «Несомненно, что Совет республики и Советы депутатов противопоставлены друг другу, точно так же, как через два месяца те же Советы будут противопоставлять себя Учредительному собранию»⁷⁴.

К числу оптимистов в отношении Предпарламента принадлежал, например, А.Р. Гоц. Он верил, что в Совете республики удастся найти общую линию поведения для спасения страны, и Россия будет благополучно доведена до Учредительного собрания. Н.Н. Кутлер считал, что роль Предпарламента будет в значительной степени зависеть от того, какую позицию займут социалисты-революционеры, составлявшие в нем наиболее многочисленную группу. Ю.О. Мартов отказывался давать прогноз о роли Временного совета, так как положение было слишком неопределенным.

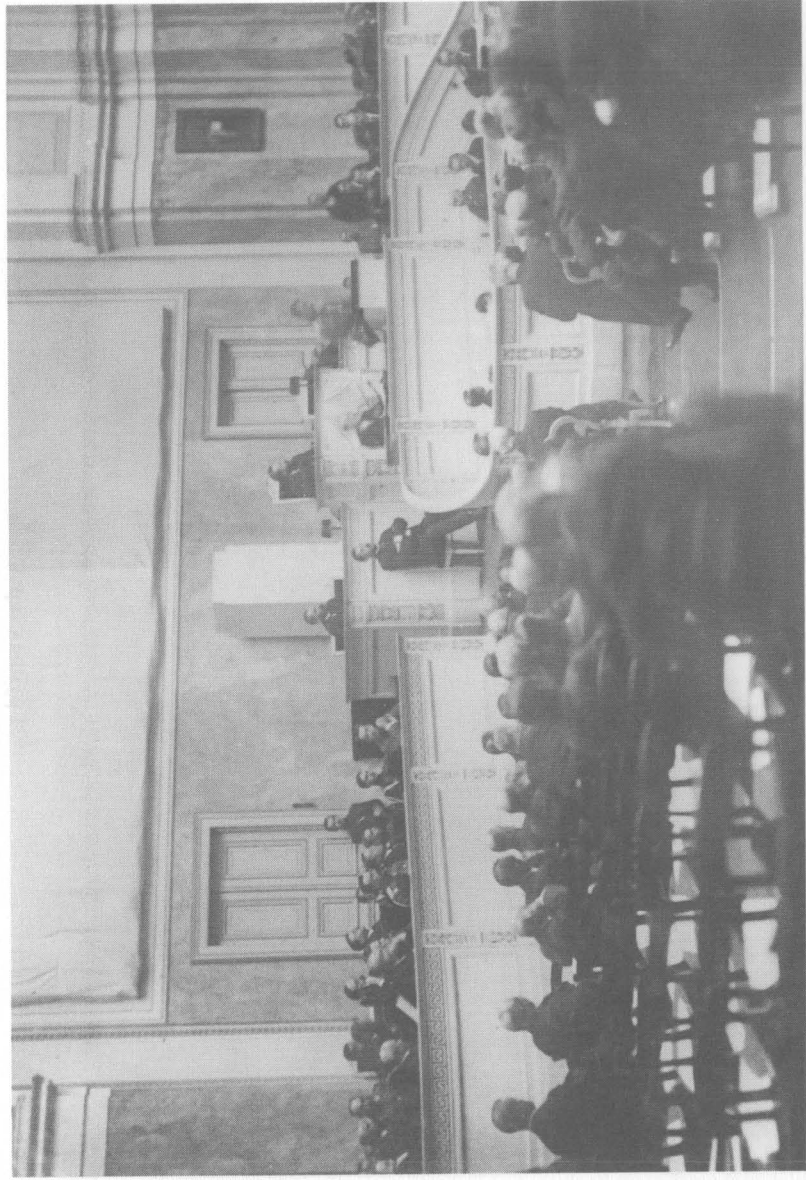
«Известия» отмечали, что к 5 часам дня почти все места в зале уже были заняты. На своих местах находились и большевики. Вопрос о том, бросили ли они уже свои билеты в лицо корниловцам и полукорниловцам, и, если нет, то когда это сделают, — был в центре кулуарных разговоров перед открытием заседания⁷⁵. О том, что уход их из Предпарламента уже решен, достаточно откровенно сообщила в этот же день, 7 октября, передовица «Рабочего пути». По утверждению «Известий», «к моменту открытия заседания решение большевиков никому не известно»⁷⁶.

Однако еще до открытия заседания распространился слух о том, что большевики решили выйти из состава Совета республики. Говорили, что на состоявшемся накануне заседании большевиков Л.Д. Троцкий потребовал пересмотреть решение фракции о том, чтобы войти в состав Предпарламента. Он ссылаясь на то, что решение это было принято ничтожным большинством голосов. Большевики решили явиться на первое заседание Предпарламента только для того, чтобы огласить декларацию о своем уходе из Временного совета.

В 5 часов дня все наличные члены Предпарламента заняли свои места. В отличие от «Известий», корреспондент «Новой жизни» сообщал, что зал к этому времени был далеко не полон. Многие члены Совета республики еще не приехали. Не было, в частности, П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова, В.М. Чернова.

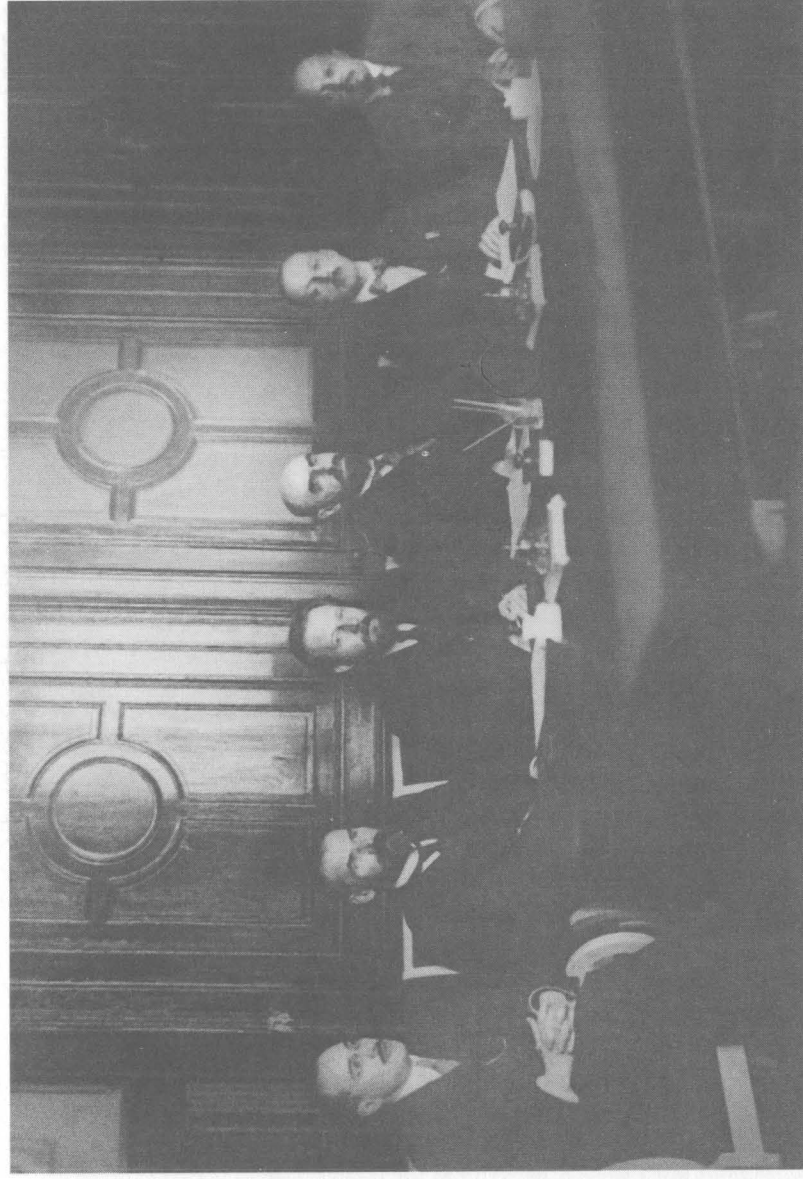
Здание Марининского дворца в Санкт-Петербурге (современный вид)

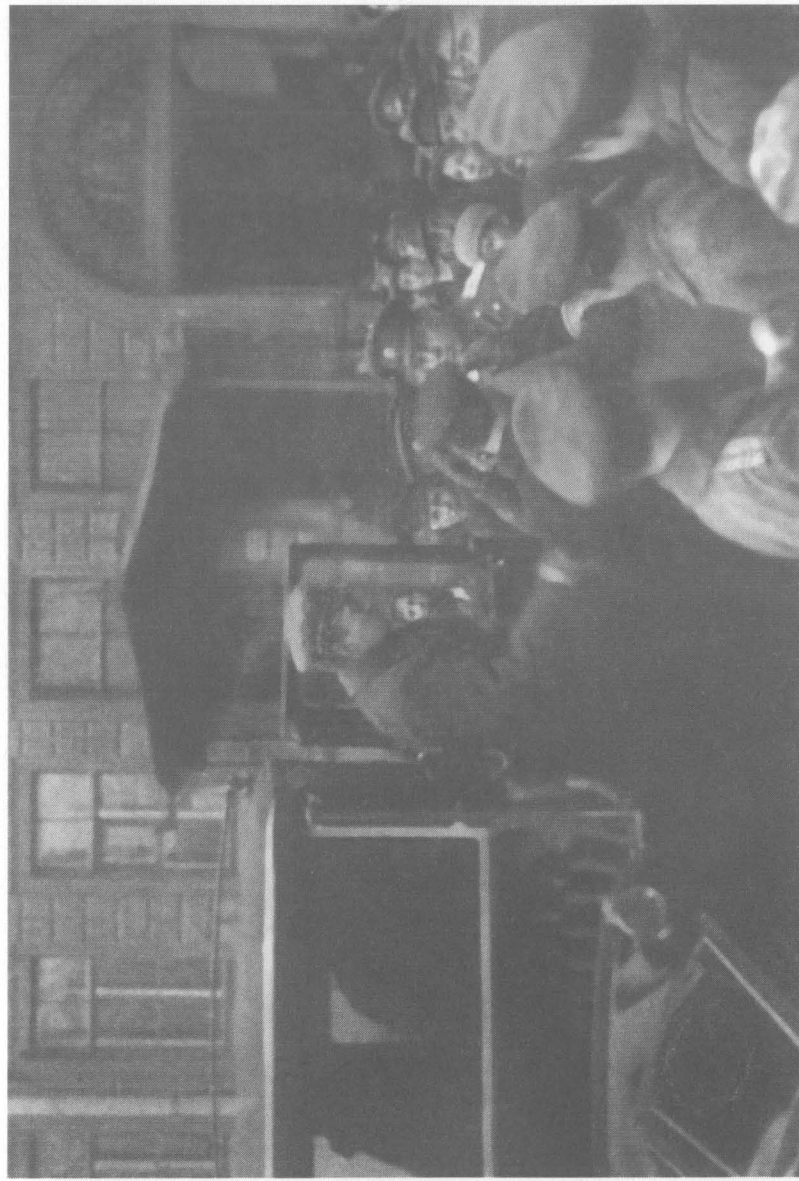
Зал заседаний

Группа старейшин

Участники заседаний

Приезд А.Ф. Керенского в Предпарламент

А.И. Коновалов во время визита в Предпарламент

Ожидания и планы различных политических групп в отношении Предпарламента были практически совершенно несовместимы. Отсюда следовало предвзятое отношение к происходившему в Мариинском дворце. Меньшевики-интернационалисты, например, воспринимали события следующим образом: «При тусклом и унылом настроении открывается первое заседание Всероссийского совета.

Члены Совета собираются очень медленно, будто бы нехотя. К началу заседания нет и половины делегатов.

Отсутствуют большевики, которые вне здания Мариинского дворца продолжали обсуждать свое отношение к вновь родившемуся “государственному” учреждению, и появились лишь к концу речи А.Ф. Керенского»⁷⁷.

Отношение других политических сил к открытию Предпарламента отличалось крайней пестротой, поскольку отражало все оттенки политического спектра страны. В одном зале встретились не только политические союзники, но и непримиримые враги. Жизнеспособность такого учреждения в этой связи, естественно, была более чем сомнительна.

Члены Временного совета рассаживались по фракциям. На правой половине зала расположились представители Московского совещания общественных деятелей, Союза земельных собственников, торгово-промышленная фракция, казаки, фракция народной свободы. В центре — земская группа, народные социалисты, трудовики и социалисты-революционеры. На левой — меньшевики, интернационалисты и большевики — Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, Д.Б. Рязанов и др.⁷⁸

В первом ряду у среднего прохода места занимали Е.К. Брешко-Брешковская и В.Н. Фигнер. Рядом с Брешко-Брешковской правее разместились М.М. Винавер, М.С. Аджемов, В.Д. Набоков и др. На левой стороне первого ряда находились виднейшие представители революционной демократии — Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, Б.О. Богданов, В.М. Зензинов.

Н.Д. Авксентьев сидел на месте, которое когда-то занимал граф С.Ю. Витте, М.В. Челноков — на месте архиепископа Никона. В двух ложах для публики имелись свободные места, несмотря на то, что они вмещали не более 250 человек. Зато совершенно переполнена была ложа печати, а также ложа чинов канцелярии и представителей министерств.

Зал заседаний Мариинского дворца значительно изменил свой вид с того времени, как в нем заседал Государственный совет. Вместо обитых малиновым бархатом глубоких кресел, в которых заседали «их высокопревосходительства» Государственного совета, появились простые стулья. М. Алданов в этой связи отмечал: «Временный совет республики отнюдь не имел свойств балагана,

которым было Демократическое совещание. Заседал он в Мариинском дворце. Из зала вынесли кресла, поставили стулья. Одуревшие от странных событий дворцовые лакеи, кажется, с досадой сменили расшитые золотом ливреи и белые чулки на обыкновенные серые тужурки. Члены Предпарламента не называли друг друга ни по имени-отчеству, ни “ваше превосходительство”, как их предшественники по этому дворцу Государственного совета; но и классического обращения “товарищи и граждане” тоже старались избегать»⁷⁹. Висевший над трибуной председателя герб был закрыт полотном, также как и знаменитая картина И.Е. Репина, изображавшая торжественное заседание Государственного совета в день 100-летия со дня его основания. Зал несколько потерял свою торжественность, но, тем не менее, сохранил красоту⁸⁰.

Итак, в 5 часов вечера присутствовавшие члены Временного совета заняли свои места. Ложу направо от председательской трибуны заполнили члены Временного правительства. В министерской ложе на первом ряду разместились А.Ф. Керенский, А.И. Верховский, А.И. Коновалов, Н.М. Кишкин, М.И. Терещенко и адмирал Д.В. Вердеревский; на второй скамье — все остальные министры. В дипломатической ложе присутствовали послы союзных государств. В 5 час. 10 мин. председательскую трибуну занял министр-председатель А.Ф. Керенский, чтобы открыть первое заседание Временного совета Российской республики. В зале наступила тишина. Его встретили холодно, без прежних аплодисментов, безо всякого энтузиазма. Однако вскоре Керенскому удалось овладеть вниманием зала и речь его неоднократно прерывалась бурными аплодисментами то на всех скамьях, то — на правой, то в центре. Чаще всего речи министра-председателя, как и позже речи Н.Д. Авксентьева, аплодировали кадеты. Большевики почти все время хранили молчание, не принимая участия ни в аплодисментах, ни в манифестации по адресу союзников.

А.Ф. Керенский говорил, по обыкновению, отчеканивая каждое слово, делая большие паузы: «От имени Временного Российской республики правительства объявляю Совет Российской республики открытым. Впервые с великой русской революции правительство получило возможность встретиться и совместно работать с представителями организованных сил русского народа. Это первое собрание открывается в зале, который многие десятилетия был оплотом самовластия и тирании. В этом мы видим и должны видеть светлый символ будущего. Позвольте мне выразить наши общие чувства и возгласить: “Да здравствует отныне и навсегда свободная, общая родина наша!” (Общие аплодисменты.) Да не возродится никогда гибельное самовластие и да не осмелится никто — ни отдельный человек, ни отдельная группа — посягнуть на суверенную волю

русского народа, который скажет свое решительное слово в грядущем и приближающемся Учредительном собрании»⁸¹. Рукоплескания раздались в центре, справа и на отдельных местах слева.

Керенский отметил, что Временное правительство, обладавшее по воле революции всей полнотой власти, своей присягой было обязано эту власть передать полномочному органу народов России — Учредительному собранию. Он выразил уверенность в том, что Временный совет Российской республики поможет и поддержит правительство в этой задаче по охране прав Учредительного собрания и скорейшего его открытия. Предпарламент не должен был никоим образом отсрочить созыв конституанты, сосредоточив все внимание на основных проблемах: оборона страны, воссоздание боеспособности армии, которая смогла бы отбросить от пределов страны врага.

Керенский, как верховный главнокомандующий, отметил доблесть русских офицеров и моряков, совершавших каждый день легендарные подвиги, погибавших в борьбе с десятикратно превышавшим их силы противником. Говоря о сухопутных войсках, он сетовал на безудержную, забывшую об ответственности перед родиной агитацию и пропаганду, шедшую в среде самой темной массы армии: «...на них лежит ответственность за позор и несчастья, нами переживаемые. Временное правительство принимает все меры к тому, чтобы предотвратить великую опасность, угрожающую столице, главному жизненному нерву государства»⁸². Керенский заверил собравшихся и всю страну, что, каковы бы ни были испытания, никогда насилием не будет сломлена воля нашей армии к торжеству права и справедливости, поскольку не битв и захватов, а мира и скорейшего возвращения к мирному содружеству народов хотел великий русский народ, великая русская демократия⁸³.

Временное правительство, — по словам министра-председателя, — приняв власть от русского революционного народа, считало себя обязанным управлять, ограждая основные права каждого на полную гражданскую свободу. Правительство стремилось не прибегать к мерам, которые оскорбляли бы идеи свободы, равенства и братства. Необходимой признавалась ответственность политических партий и общественных кругов за прекращение вопиющих явлений общественной жизни, разрушавших государство.

В своей речи Керенский также констатировал, что организованность народно-хозяйственной жизни с каждым днем ухудшалась. Страна находилась накануне великих экономических и финансовых кризисов, могла остаться в ближайшем будущем без топлива и продовольствия, что было особенно недопустимо в отношении армии, находившейся на фронте. Керенский считал, что все меры, которые только были возможны, принимались, но они разбивались о полную пассивность, апатию и непонимание широкими народными массами

своей ответственности перед государством и свободой. Он выразил надежду, что Совет Российской республики сумеет воздействовать на те слои, которые были в нем представлены, восстановит хозяйственную и финансовую жизнь страны.

Нужно создать в России элементарный правопорядок, — говорил министр-председатель, — восстановить право каждого на личную неприкосновенность, оградить жилище каждого от незаконных вторжений, обезопасить жизнь каждого гражданина Российского государства, вне зависимости от принадлежности к определенным партиям или сословиям.

Кроме того, представителей российского крестьянства, находившихся в зале, оратор призвал оказать поддержку в обеспечении продовольствием фронта. «Велики стремления, с которыми мы идем к Учредительному собранию для окончательного решения многих вопросов, в том числе вопроса о земле, вопроса, который никого так близко не касается, как тех, кто в случае, если погибнет русская свобода и русская революция, потеряет снова всякую возможность выйти на широкую дорогу земледельческого творчества, обладая для этого достаточным земельным фондом»⁸⁴.

Заканчивая свое выступление, А.Ф. Керенский сказал, что Временное правительство в ходе семи месяцев напряженной борьбы пыталось оградить Россию от гибели и завоеванную свободу от покушения на нее — исключительно во благо отечества. Временное правительство еще с апреля 1917 г. стремилось создать между собой и страной правильную связь, хотя бы в виде такого несовершенного, но все-таки народного представительства и собрания. «И не наша вина, что только в настоящий день это стремление наше сбывается. Мы стремились к этому потому, что все, что делало Временное правительство, недостаточно могло быть освещено перед населением и подверглось всяческому, всемерному и бесконечному, не только критическим опытам, но и заведомо клеветническим обсуждениям»⁸⁵. В Предпарламент правительство рассчитывало отдать свой семимесячный труд, не боясь критики и ценных указаний.

Керенский призвал членов Совета республики в этот страшный час истории Российского государства вспомнить, что «все мы — братья одной страны, и что один без другого в неравном бою мы не сможем выйти на светлую дорогу, о которой мечтали бесконечные поколения русских людей. Мы же, Временное правительство, обладающее всей полнотой власти, мы — только слуги страны и просим сказать нам правду, но именно правду по чести и совести»⁸⁶.

Речь А.Ф. Керенского сопровождалась шумными аплодисментами на скамьях кадетов, а также более правых групп и центра. Он сел на председательское кресло, но тотчас же вновь встал и обратился с просьбой к старейшему члену Временного совета Рос-

сийской республики — Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской — принять от него председательствование на время выборов председателя Предпарламента. Е.К. Брешко-Брешковская, в скромном белом платочке на голове, направилась к председательской трибуне. В центре, справа и на отдельных скамьях слева раздались бурные продолжительные аплодисменты, превратившиеся в шумную овацию по адресу «бабушки революции». Все, за исключением нескольких большевиков и двух-трех человек справа, встали и шумно аплодировали. Д.Б. Рязанов, Ю.О. Мартов и некоторые другие демонстративно сидели. А.Ф. Керенский почтительно поцеловал Брешко-Брешковскую руку и уступил ей место на председательской трибуне.

Когда аплодисменты прекратились, Е.К. Брешко-Брешковская обратилась к собранию с речью. Она говорила тихим голосом, и зал слушал ее с напряженным вниманием. С большим интересом наблюдали и послы союзных держав невиданную картину — женщину в председательском кресле парламента⁸⁷.

«Бабушка революции», ссылаясь на свой жизненный опыт, объясняла беспорядки и анархию в стране невниманием к народным нуждам. Она уже четвертый раз на своем веку наблюдала, как народ пытался выявить свое желание, но на этом пути ставились преграды, вызывавшие страшные бедствия. «Первое бедствие я пережила, когда мне было всего 18 лет, во время освобождения крестьян. Тогда Россия буквально была залита кровью, ибо мужики даже представить себе не могли, что они получают свободу и волю без земли. Затем такие же движения по всей России мне приходилось наблюдать потом, во время расцвета земств. Наконец, разве 1905–1907 гг. не доказали, что мысль о земле глубоко сидит в сердцах и умах крестьян и ее нельзя побороть никакими экзекуциями, а экзекуции были страшные, и теперь, как только крестьянство почувало свободу, оно ее восприняло и как право на землю <...>, но по мере того, как земля оставалась вне норм закона, в умах простого народа возникло сомнение, и крестьяне начали думать, что есть какие-то препятствия к осуществлению их заветных желаний. Возникли аграрные беспорядки...»⁸⁸

Брешко-Брешковская считала, что паллиативами всероссийский вопрос о земле разрешить невозможно и нужно согласиться с тем, что земля должна перейти к народу и перейдет к нему. «Корень всего теперешнего положения — земельный вопрос. И если собрание действительно хочет помочь России выйти из бедственного положения, то оно должно решить этот вопрос согласно желаниям всей крестьянской России». Речь старейшего члена Предпарламента вызвала шумные аплодисменты справа и частично в центре зала; молчали только большевики.

Временному совету Российской республики предстояло перейти к выборам председателя, но в этот момент Брешко-Брешковской передали какую-то записку. Не будучи знакома, по-видимому, с выборной технологией, она не знала, что делать дальше. Ей на помощь пришли А.Ф. Керенский, М.С. Аджемов и управляющий канцелярией И.И. Батов, которые разъяснили, что к выбору председателя надо приступить путем подачи записок. Для этого был объявлен перерыв. Приставы раздали членам Предпарламента записки, которые там же заполнялись. Процедура подачи записок длилась довольно долго. Записки подсчитывали П.П. Гронский, В.М. Зензинов и др. По возобновлении заседания Брешко-Брешковская огласила результаты выборов: за Н.Д. Авксентьева было подано 228 записок, за Е.К. Брешко-Брешковскую — 9, за Л.Д. Троцкого — 3, за Н.В. Чайковского — 1, пустых — 28.

Результаты голосования были встречены аплодисментами на скамьях правой части зала и центра. «Н.Д. Авксентьев, угодно ли вам принять избрание?» — спросила Брешко-Брешковская. Авксентьев согласился и был объявлен избранным.

Н.Д. Авксентьев занял председательскую трибуну под новые аплодисменты правой части зала и центра. Большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры хранили молчание. Когда аплодисменты стихли, председатель Совета республики обратился к членам Предпарламента с речью, которую он читал местами с большим подъемом. Выразив признательность членам Совета республики за избрание его на высокий ответственный пост, Авксентьев заявил, что будет руководствоваться стремлением охранять достоинство Предпарламента, беспристрастно руководить прениями и занятиями учреждения. «В грозный час собирается Совет Российской республики. Четвертый год на полях сражения падают лучшие сыны родины. В последнее время судьба послала нам тяжкие испытания. Враг сделал новые завоевания на нашем фронте. Дальнейшие неудачи наши грозят самой целостности нашей родины, грозят завоеваниям республики и революции»⁸⁹. Оратор считал, что спасти страну смогут только великий энтузиазм народа, напряжение всех его сил и сознание правоты дела, за которое борется Россия. Он призывал прочувствовать грозные слова «Отечество в опасности», чтобы революция вышла победительницей. Скорейшее достижение всеобщего демократического мира, с признанием права наций на самоопределение, Авксентьев назвал главной задачей, наряду с великой заботой свободной России о защите родины. «Наша родина не может погибнуть. Не может быть между нами разделений, по крайней мере, в одном — в горячем и страстном стремлении спасти и отстоять родину»⁹⁰. По словам Авксентьева, призыв к единению граждан и обороне страны должен был прозвучать именно в Пред-

парламенте, собравшем в первый раз за время революции людей разных классов и партий. «Организованная общественность, представляемая нами, и правительство должны объединить свои усилия для активной работы в целях организации тыла и для жертвы на армию»⁹¹.

Авксентьев приветствовал союзные державы в лице их представителей, находившихся в зале. Все члены Предпарламента, за исключением большевиков и интернационалистов, встали и долго аплодировали раскланивавшимся союзникам.

Наряду с тяжелым внешним положением России, не менее сложной была обстановка и внутри страны: хозяйственная разруха, расстройство транспорта, финансовые затруднения, недостаток продовольствия. Все это разрушало прочность фронтов и усиливало анархию. Основными мерами для излечения страны от недугов Авксентьев считал органическое строительство, неотложное проведение законодательных актов, которые упорядочили бы хозяйственную, экономическую жизнь страны. «Эти меры должны учитывать те новые условия, которые создались вместе с рождением новой России. Только такое органическое строительство и законодательство подведет солидную базу под новое Российское государство. Только оно даст и организованной общественности и правительству необходимые силы для энергичной борьбы с анархией и попытками возвращения к старому»⁹².

Оратор отметил, что Временное правительство стремилось всегда идти этим путем; усилить его деятельность в этом направлении, поставить новые задачи для российской государственности — дело Совета республики. Российская государственность не в первый раз переживает тяжкие удары, — говорил Авксентьев. Были в истории страны моменты еще более тяжкие. И народная Россия всегда выходила из таких испытаний победительницей, даже тогда, когда она не была свободна. «Многие из присутствующих здесь долго ждали этой свободы, многие приняли страдание во имя этой свободы. Они верили в нее и в освобожденный народ. Неужели же шесть месяцев после достижения свободы, шесть месяцев ужасных испытаний, когда народу трудно было еще соорганизоваться, могут убить нашу веру? Никогда»⁹³.

Авксентьев подчеркнул, что Предпарламент будет существовать меньше двух месяцев, до открытия всенародного Учредительного собрания, которого ждала вся Россия. Временное правительство обещало не отсрочивать его созыва и Временный совет должен был способствовать тому же, употребив все свое влияние на страну и правительство. «В настоящее время каждый час бесконечно дорог. Пусть наше существование недолго, пусть компетенция наша ограничена, от нашей энергии и работы будет зависеть и степень

нашего влияния на правительство и степень нашей помощи ему в осуществлении неотложных задач, создания боеспособных армий, создания порядка в стране и стремлении к почетному миру. Мы, организованная общественность — великая сила, ибо организованная общественность есть то основание, без доверия, без совместной работы с которым не может быть плодотворного государственного правительства»⁹⁴.

В заключении речи Авксентьев выразил глубокую уверенность в том, что российская общественность сумеет выполнить эту задачу и пожелал успеха ответственной работе Предпарламента. И на этот раз аплодисменты раздались только справа и в центре зала.

Затем по предложению фракции народной свободы, поддержанному и другими группами, заявление подписали более 30 членов Предпарламента⁹⁵ — Совет республики единогласно, без прений постановил впредь до выработки особой комиссией наказа принять к руководству президиума наказ Государственной думы. Далее Совет республики перешел к выборам товарищей председателя, секретаря и старшего товарища секретаря. Без прений было принято предложение об избрании четырех товарищей председателя.

Началась подача записок с именами кандидатов товарищей председателя. Для подсчета записок был объявлен перерыв. По возобновлении заседания председатель Н.Д. Авксентьев объявил, что записками в товарищи председателя намечены В.Н. Крохмаль (с.-д.), А.В. Пешехонов (н.с.) и В.Д. Набоков (к.-д.). Все три кандидата выразили согласие баллотироваться. Ввиду принятия наказа Государственной думы баллотировка кандидатов производилась шарами. Товарищи председателя оказались избранными: В.Н. Крохмаль — 201 (202⁹⁶) голосом против 46, А.В. Пешехонов — 222 голосами против 23, В.Д. Набоков — 203 голосами против 43. Результаты выборов были и на этот раз встречены аплодисментами справа и в центре зала. Четвертым товарищем председателя намечался большевик, но в связи с решением большевиков уйти из Предпарламента четвертый товарищ председателя не был избран.

Последовал перерыв для избрания секретаря Предпарламента и его товарища. Кандидатом на должность секретаря был намечен 129 голосами эсер М.В. Вишняк, признанный избранным без баллотировки шарами. В старшие товарищи секретаря наметили 137 записками представителя торгово-промышленной группы В.П. Чепанова⁹⁷, также признанного избранным.

После этой процедуры размеренный ход работы Предпарламента был нарушен. В деятельности только что открытого временного парламента наступил знаковый момент, имевший далеко идущие последствия для судьбы страны. Демарш большевиков неожиданным не был — такое развитие событий предполагалось многими

наблюдателями. Н.Д. Авксентьев заявил, что к нему поступило заявление от фракции большевиков с просьбой предоставить ей слово для оглашения декларации, определяющей ее отношение к Временному совету. На основании упомянутого наказа, право допустить подобное заявление принадлежало председателю, который и допустил его, предупредив, что заявление это должно ограничиться 10 минутами и никаких прений по его поводу быть не может.

Перед выступлением большевиков Авксентьев внес ясность в дальнейший порядок заседания. Он сообщил, что получил заявление, в котором предлагалось после выборов президиума, т. е. после заслушивания внеочередного заявления, заседание закрыть и назначить ближайшее на понедельник или вторник в 11 часов. Раздались голоса в пользу понедельника. Предложение баллотировалось и собрание постановило назначить следующее заседание на понедельник, 9 октября.

Затем слово было предоставлено Л.Д. Троцкому (Бронштейну), появление которого вызвало в зале оживление. Сначала слушали довольно спокойно, хотя держал он себя нарочито вызывающе и при протестах части собрания против отдельных мест его речи пренебрежительно пожимал плечами. По мере того, как Троцкий читал свою декларацию, его начали перебивать все более резкими возгласами.

Официально заявлявшейся целью Демократического совещания, созданного ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, — говорил Троцкий, — являлось упразднение безответственного личного режима, питавшего корниловщину и создание подотчетной власти, способной ликвидировать войну и обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок. Между тем за спиной Демократического совещания, путем закулисных сделок Керенского и вождей социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков были достигнуты результаты, прямо противоположные официально объявленным целям: создана власть, которая и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль. «Безответственная власть отныне закреплена и провозглашена формально. Совет республики объявлен совещательным учреждением. На восьмом месяце революции безответственная власть создает себе прикрытие из нового издания булыгинской Думы»⁹⁸.

По мнению Троцкого, цензовые элементы вошли в Предпарламент в таком числе, на которое, как показали выборы, они не имели никакого права. Несмотря на это, именно конституционно-демократическая партия добилась безответственности власти, даже перед искаженным, в угоду цензовой буржуазии, Предпарламентом. «Та самая к.-д. партия, которая настаивала на независимости Временного правительства от председателя Государственной думы г. Родзянко,

добилась независимости Временного правительства от Временного совета республики». В Учредительном собрании, — заметил Троцкий, — цензовые элементы будут занимать менее благоприятное положение, чем во Временном совете. Он считал, что если бы цензовые элементы действительно готовились к Учредительному собранию через полтора месяца, у них не было бы никаких мотивов отстаивать безответственность власти сейчас, и значит буржуазные классы поставили себе целью сорвать Учредительное собрание.

Политика правительства и имущих классов в промышленной, аграрной и продовольственной областях усугубляла естественную разруху, порожденную войной, — считал Троцкий. Он обвинил цензовые классы в провокации крестьянского восстания — детонатора гражданской войны, в организации начала его подавления, попытках голодом задушить революцию и в первую очередь Учредительное собрание. Эти заявления Троцкого вызвали сильный шум и протесты правой части зала, слышались возгласы «Ложь!»

Игнорируя протесты, Троцкий утверждал, что не менее преступной является внешняя политика буржуазии и ее правительства. «После 40 месяцев войны столице грозит смертельная опасность. Мысль о сдаче революционной столицы германским войскам ни мало не возбуждает возмущения буржуазных классов. (Шум и протесты.) Наоборот, она приемлется как естественное звено общей политики, которая должна облегчить контрреволюционный заговор. В ответ на опасность выдвигается план переселения правительства в Москву...»⁹⁹ Временное правительство, — продолжал Троцкий, — под указкой к.-д. контрреволюционеров и союзных империалистов без смысла, цели и плана тянуло убийственную лямку войны, обрекая на бесцельную гибель новые сотни тысяч матросов, солдат и готовило сдачу Петрограда, крушение революции. В то время как матросы и солдаты-большевики гибли с другими солдатами и матросами в результате чужих ошибок и преступлений, «так называемый верховный главнокомандующий» продолжал громить большевистскую печать. «Руководящая партия Временного совета служит для всей этой политики добровольным прикрытием. Мы, фракция социал-демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены...» В зале раздался сильный шум в центре и справа, возглас «мерзавец». Председатель призывал Троцкого к порядку, но за общим шумом голоса председателя не было слышно. Троцкий пытался продолжать: «С этим Советом контрреволюционного попустительства...», но в ответ звучали крики: «Вон, долой!», «Гражданин Троцкий, вы подготовили сдачу Петрограда!».

Авксентьев счел нужным вмешаться: «Я призвал оратора к порядку и предлагаю собранию выслушать его заявление спокойно». «Мы не можем слушать его спокойно», — раздались возгласы.

Председатель Предпарламента, тем не менее, убеждал собрание сохранять достоинство и предложил Троцкому продолжать.

Троцкий заявил, что большевики не имеют ничего общего с той убийственной для народа работой, которая вершится за официальными кулисами. Революция в опасности; в то время как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского и Коновалова готовится бежать в Москву, чтобы превратить ее в оплот контрреволюции. «Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат. Покидая Временный совет (сильный шум в центре), мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России». «Германских, а не русских», — звучали голоса.

Троцкий продолжал: «Петроград в опасности, революция и народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность, а правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный честный, демократический мир. Вся власть Советам, вся земля народу. Да здравствует Учредительное собрание». Раздались рукоплескания на скамьях большевиков. Троцкий добавил, что к этому заявлению, помимо членов фракции большевиков, присоединились также члены Предпарламента, избранные не по партийным спискам: делегат второй армии Ч., делегат железнодорожного союза Мамаев, делегаты национальных организаций П.И. Стучка и Бульский (Буншик)¹⁰⁰.

Троцкий покинул трибуну под общий шум. Большевики поднялись с мест и демонстративно ушли вместе с ним из зала заседания под шум и иронические возгласы: «Ступайте в немецкие вагоны!». Никто, однако, не пытался удержать большевиков.

Н.Д. Авксентьев заявил: «Граждане. Прошу высокое Собрание сохранять спокойствие. По техническим причинам заседание переносится на вторник, 11 часов утра»¹⁰¹. На этом в десятом часу вечера первое заседание Предпарламента закрылось. Повестка следующего заседания еще не была выработана.

В прессе подводились итоги первого дня работы Предпарламента. Газета «Речь» считала, что его первое заседание прошло под знаком коалиции. Речи министра-председателя А.Ф. Керенского, Е.К. Брешко-Брешковской, Н.Д. Авксентьева были проникнуты вполне определенным стремлением высказать то, что было общим для громадного большинства Совета республики. «И мы были сегодня свидетелями того, как весь зал, — от представителей московских общественных деятелей и к.-д. до меньшевиков и с.-р., — сливался в одном чувстве, как все фракции Совета, за исключением ничтожной кучки большевиков, аплодировали призыву напрячь все силы для отражения врага, для борьбы за честь и достоин-

ство родины»¹⁰². Собравшись впервые после революции, представители различных общественных групп — ценовых и демократических, если не считать большевиков, пожелавших продемонстрировать уже в первый день Предпарламента свою изолированность, — нашли, по крайней мере, для первого заседания, общие слова.

Речью А.Ф. Керенского оказались наиболее удовлетворены умеренные группы Совета республики. Ф.И. Родичев полагал, что выступления А.Ф. Керенского и Н.Д. Авксентьева давали основание рассчитывать, что большинству Предпарламента удастся наладить соглашение на почве обороны вместе с силами страны и поддержки Временного правительства. Результатами первого заседания оказался доволен также бывший министр юстиции А.С. Зарудный, надевшийся, что работа Предпарламента будет носить деловой характер и он не превратится в говорильню.

К числу недовольных речью А.Ф. Керенского относились интернационалисты, социал-демократы и социалисты-революционеры.

Оценивая в целом позиции министра-председателя и демократии, меньшевики-интернационалисты отмечали: «Поход против Керенского справа с каждым днем становится решительнее; тут, безусловно, имеется единый фронт от Бурцева и кадетов до Суворина и Пуришкевича. Поэтому для Керенского и левой части министерства теперешнее переходное положение с каждым днем становится все более и более невыносимым; авторитет их, расшатываемый справа и слева все более и более падает, и Учредительное собрание должно представляться им если не полным избавлением от напастей, то во всяком случае меньшим из зол»¹⁰³. Демократия же, «пока она располагает свободой слова и печати, пока у нее есть Советы и другие организации, даже оставаясь в оппозиции, имеет полную возможность бороться с саботажем Учредительного собрания, откуда бы он ни исходил»¹⁰⁴.

Уход большевиков из Предпарламента также активно обсуждался. Высказывались разные мнения. Часть общества считала, например, что он провел резкую разграничительную линию между двумя политическими лагерями: оставшиеся в Совете республики спланивались ощущением необходимости обороняться во что бы то ни стало и тем самым ясно отделялись от ушедших, провозглашавших лозунг немедленного мира во что бы то ни стало. Ожидалось, что кристаллизация общества пойдет быстрее и скоро выяснится реальная сила каждого из лагерей¹⁰⁵.

В прессе сообщалось также, что решение большевиков покинуть Предпарламент было вынесено после очень бурных прений. Среди большевиков по этому поводу обнаружились разные течения. Наиболее правым оказался Л.Б. Каменев, выступавший против выхода из состава Совета республики. Л.Д. Троцкий поддер-

живал уход из Предпарламента, но позже, когда представится возможность дать бой по какому-нибудь важному вопросу, например о мире. Победила точка зрения В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева, настаивавших на немедленном выходе из состава Временного совета. Именно их предложение было принято большинством в три голоса.

Ввиду позиции, занятой большевиками по отношению к Предпарламенту, один из журналистов обратился с вопросом по этому поводу к лидеру фракции большевиков Л.Д. Троцкому, от имени фракции читавшему декларацию о выходе из Совета республики. Он отметил, что большевики в свое время решили принимать участие в Демократическом совете, полагая, что этот орган, создаваемый Центральным исполнительным комитетом, будет строго демократическим, причем с ответственностью Временного правительства перед ним и без представительства цензовых элементов в нем. Теперь же, когда Демократический совет — Предпарламент фактически был создан Временным правительством с большим числом цензовых элементов, при полной безответственности перед ним Временного правительства, фракция большевиков вопрос этот пересмотрела и резко изменила свое отношение к Совету республики. Они считали невозможным скрывать от масс, что политика Временного правительства и Предпарламента будет направлена совсем не в сторону заключения мира, а на продолжение войны во что бы то ни стало.

Аргументация была весьма резкой. «Мы, большевики, не можем принимать участие в работе этого никчемного учреждения. Мы полагаем, что вся политика правительства и демократии должна быть сосредоточена на вопросе о скорейшей ликвидации войны и заключения мира. Нас спрашивают, как это сделать. Мы отвечаем, что Правительство Российской республики, через головы империалистских правительств, должно обратиться ко всем воюющим, фактически, народам о немедленном прекращении войны и заключении мира. Мы верим, что народ ответит немедленным перемирием. Если же бы этого не случилось, то мы, большевики, стали бы самыми яркими оборонцами. И уж, поверьте, мы бы повели войну по-настоящему. Разве теперь Россия ведет войну? Разве теперь кто-нибудь интересуется теми, кто сидит на фронте, а тогда мы бы заставили всю страну напрячь все свое внимание, отдать все свои силы и все средства для войны. Мы бы отобрали в тылу все сапоги и послали их на фронт. Мы бы предоставили буржуям корки хлеба, а хлеб отправили на фронт, произвели бы строгую ревизию всего имеющегося в стране и строго его распределили. А пока этого нет, пока Временное правительство преследует цели, чуждые народу,

пока оно желает вести войну, чуждую нам, мы в этом учреждении быть не можем»¹⁰⁶.

Ввиду того, что комиссии еще не были избраны, в течение 8 и 9 октября в Мариинском дворце заседали только президиум Предпарламента и Совет старейшин фракций (сеньорен-конвент).

8 октября, днем, в Мариинском дворце состоялось заседание совещания президиума Совета республики. Присутствовали председатель Предпарламента Н.Д. Авксентьев, его товарищи — В.Д. Набоков и А.В. Пешехонов, секретарь М.В. Вишняк и старший товарищ секретаря В.П. Чефранов¹⁰⁷. Совещание постановило впредь до утверждения Наказа Предпарламента считать его заседания законными при наличии трети общего числа членов Совета республики. Довольствие членам Совета республики в размере 15 рублей в день предполагалось выдавать всем прибывшим в Петроград к началу заседаний Предпарламента 7 октября, остальным — со дня получения извещения об их избрании.

Стенограммы общего заседания Совета республики было решено печатать в количестве 2 тыс. экземпляров. Каждому члену Предпарламента планировалось выдавать по одному экземпляру стенограмм. Остальные должны были рассылаться по разным учреждениям, согласно особо разрабатывавшемуся списку.

Также 8 октября, после совещания президиума, в Мариинском дворце состоялось заседание Совета старейшин (сеньорен-конвента). На совещании присутствовали члены президиума: председатель Совета республики Н.Д. Авксентьев, товарищи председателя В.Д. Набоков и А.В. Пешехонов, секретарь М.В. Вишняк, товарищ секретаря В.П. Чефранов, представители всех фракций: от кадетов — М.М. Винавер, М.С. Аджемов, В.Д. Набоков; от эсеров — А.Р. Гоц, В.А. Карелин, В.М. Зензинов; от социал-демократов меньшевиков — Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Б.О. Богданов, от торгово-промышленной группы — Н.Н. Кутлер и другие, всего до 20 человек.

По вопросу о представительстве политических партий и групп в Совете старейшин было постановлено следующее: предоставить наиболее крупным фракциям — социал-демократам меньшевикам, социалистам-революционерам и партии народной свободы по четыре места; всем остальным партиям, при численности их не менее 10 и не более 20 человек — по одному месту, а при численности свыше 20 — по два места, внепартийным группам, при численности не менее 30 человек — по одному месту, при численности более 30 человек — по два места.

После состоявшегося обмена мнениями было решено предложить общему собранию Совета республики осуществить образование следующих комиссий: по обороне, иностранным делам, по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и

для борьбы с анархией и контрреволюцией, по урегулированию государственного хозяйства и труда, продовольственную, земельную, по национальным вопросам, редакционную, по Наказу, распорядительную, личного состава и контрольно-финансовую¹⁰⁸. В основу образования комиссий предполагалось положить пропорциональное начало, т. е. избирать их членов пропорционально численности группы фракций, причем для одних комиссий число их членов определялось по одному члену от 10, для других — по одному от 20 и для третьих — по одному от 40.

Комиссии по обороне, укреплению основ республиканского строя, урегулированию государственного хозяйства и труда, по национальным вопросам и контрольно-финансовая должны были стать самыми многочисленными и образовывались по принципу представительства одного члена от 10. Комиссии по иностранным делам, продовольственная и земельная формировались избранием одного члена от 10. Остальные комиссии — избранием одного члена от 40¹⁰⁹.

Совет старейшин решил предложить полному составу Предпарламента устраивать общие заседания по понедельникам, средам и пятницам с 11 до 7 часов вечера, с перерывом с 2 до 3 часов дня. На уже начавшейся тогда неделе 9–15 октября, по информации «Биржевых ведомостей», заседания должны были состояться во вторник, четверг и субботу — 10, 12 и 14 октября соответственно¹¹⁰.

Совещание постановило поручить управляющему канцелярией Временного совета И.И. Батову выработать проект правил порядка поименного голосования членов Предпарламента¹¹¹.

Сообщалось, что на заседании Совета республики 10 октября министр-председатель А.Ф. Керенский выступит с разъяснениями о состоянии обороны в государстве, о внешнем международном положении, по вопросу об эвакуации Петрограда, причем, по мнению правительства, все эти вопросы должны были заслушиваться в закрытом заседании. При докладе министра-председателя А.Ф. Керенского по вопросу об обороне должен был присутствовать вызванный им, как верховным главнокомандующим, из Ставки для дачи объяснений начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин.

Совет старейшин Предпарламента после обмена мнениями признал необходимым заслушать сообщение министра-председателя о состоянии обороны при открытых дверях. В газете «Речь» отмечалось: «Совет старейшин высказался за то, чтобы вопрос об обороне страны обсуждался при открытых дверях, хотя А.Ф. Керенский предполагал сделать свое сообщение в закрытом заседании»¹¹². При обсуждении вопроса об эвакуации Петрограда и о выезде правительства в Москву выяснилось, что большинство фракций и

групп Совета республики от демократических организаций считало немедленный отъезд правительства из Петрограда не соответствовавшим положению дел на фронте. Большинство представителей фракций, однако, признавало необходимым принятие более энергичных мер к разгрузке Петрограда.

В Совет старейшин поступало много ходатайств от различных организаций о предоставлении им мест в Совете республики. Рассмотрение этого вопроса было отложено на одно из ближайших заседаний Совета старейшин.

В конце заседания сеньорен-конвента обсуждались вопросы о порядке выдаче билетов для публики и о праве кандидатов в члены Предпарламента замещать членов во время их отсутствия. Было также решено из числа имевшихся в верхних боковых ложах 150 мест для публики предоставить цензовой группе — 35, представителям демократических организаций — 70, сеньорен-конвенту — 30, Временному правительству — 20¹¹³. По вопросу о праве кандидатов замещать членов Совета республики было признано, что заместитель вступает в права членов Предпарламента лишь по приглашению его, в порядке статьи I Положения, Временным правительством. Поступавшие ходатайства от различных организаций о предоставлении им мест в Совете республики планировалось обсуждать в одном из ближайших заседаний Совета старейшин.

9 октября утреннее заседание Временного правительства было разбито на две части, причем важнейшие вопросы — о международной политике, подготовке к парижской конференции, положении дел на фронте — были предметом секретного заседания. Особенно важной в тот момент считалась подготовка к дипломатической конференции. Временное правительство, чувствуя, что в этом вопросе ему придется подкрепить свои предложения и намерения авторитетом Предпарламента, деятельно готовилось к тому дню, когда министру иностранных дел М.И. Терещенко предстояло ознакомить Временный совет Российской республики с ролью России в сфере союзнической дипломатии и теми надеждами, которые можно было питать в результате предпринятых усилий к достижению достойного России завершения войны.

Министр-председатель А.Ф. Керенский был заранее предупрежден, что 9 октября его посетит английский посол сэр Джордж Бьюкенен, с которым придется иметь беседу по поводу намерений Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов делегировать своего представителя на парижскую конференцию с определенными директивами, касающимися возможных условий будущего мирного договора. Иностранные союзные послы стремились выяснить отношение Временного правитель-

ства к этой роли демократии. Газеты сообщали, что в один из ближайших дней по этому поводу состоится специальное совещание¹¹⁴.

Для Временного правительства также не составляло секрета, что на ближайших же заседаниях Предпарламента будут ему предъявлены вопросы относительно деятельности министров: внутренних дел — А.М. Никитина, продовольствия — С.Н. Прокоповича, путей сообщения — А.В. Ливеровского. Против последнего собирались выступить делегаты железнодорожного союза, считавшие высших чинов министерства виновниками разразившейся железнодорожной забастовки.

На этом же заседании правительства большое внимание было уделено обсуждению положения на северном фронте в смысле дезорганизации армии. Поступавшие оттуда сведения заставляли Временное правительство весьма серьезно задуматься о результатах предстоящих военных операций на этом фронте. Все усилия его были направлены к тому, чтобы вселить в воинские массы сознание страшной опасности, угрожавшей России, в случае неисполнения ими воинского долга, им объяснялось, что, быть может, предпринимается последнее усилие для подготовки почвы для мирных переговоров. Подробно о положении дел на фронте должен был доложить сначала Временному правительству, а затем и Предпарламенту вызванный с этой целью из Ставки начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин.

Как и ожидалось, 9 октября в 4 часа дня министра-председателя А.Ф. Керенского посетил английский посол сэр Джордж Бьюкенен и имел с ним продолжительную беседу¹¹⁵.

9 октября состоялось частное совещание представителей земской группы во главе с полковником А.Е. Грузиновым. Решено было обратиться к представителям казачьей фракции в Совете Российской республики с предложением объединиться для совместной работы¹¹⁶. Во исполнение этого решения, представители земской группы во главе с полковником А.Е. Грузиновым обратились к представителям казачьей фракции в Совете республики с предложением объединиться, так как выяснилось, что земцы и казаки почти по всем вопросам придерживались одних и тех же взглядов. Казачья группа дала свое принципиальное согласие на слияние с земцами¹¹⁷.

Таким образом, после некоторого совещания земцы и представители казачества нашли общую платформу для соглашения, сохранив при этом полную свою независимость.

Казачья фракция Предпарламента обсуждала также вопрос о выходе большевиков из состава Совета республики. Большинство представителей фракции заявили, что своей тактикой большевики поставили себя совершенно определенно в ряды врагов родины.

Желая воспрепятствовать объединению всех живых сил страны и оставляя за собой свободу действий, большевики, по мнению казачков, дали полное моральное право Временному правительству и Временному совету республики самым решительным образом преследовать всякие выступления большевиков, которые могли угрожать целостности государства и, вместе с тем, направить все усилия к осуществлению мероприятий, необходимых для установления порядка, поднятия боеспособности армии и флота¹¹⁸.

На состоявшемся 9 октября 1917 г. совместном совещании казачьей группы, земской группы и группы общественных деятелей решено было заключить блок для совместных действий. В комиссию по обороне всеми тремя группами вошли генерал М.В. Алексеев, А.И. Дутов, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.; в комиссию по международным делам — генерал М.В. Алексеев и П.Б. Струве; в комиссию по борьбе с анархией — Н.Н. Щепкин, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.¹¹⁹

В канцелярии Совета республики было получено сообщение от центрального военно-промышленного комитета о том, что А.И. Гучков не сможет прибыть к началу работ Предпарламента и его заместителем в Совете республики будет М.С. Маргулиес. Заместителем представителя еврейской народной партии стал А.Ф. Перельман¹²⁰.

Тем временем работа Предпарламента постепенно налаживалась, внутри учреждения проходили интенсивные политические консультации. Представители казаков, в частности, вели переговоры с крестьянами об образовании единой группы на общей платформе. Председателем казачьей группы был назначен товарищ председателя Союза казачьих войск А.А. Михеев, а товарищем председателя П.Л. Самсонов.

Меньшевики требовали, чтобы прения о внешней политике проходили при открытых дверях. Торгово-промышленная фракция Совета республики избрала своим председателем Н.Н. Кутлера и товарищем председателя — Н.Ф. Дитмара¹²¹.

9 октября председатель Совета республики Н.Д. Авксентьев посетил министра-председателя А.Ф. Керенского и имел с ним беседу по поводу ближайшей деятельности Предпарламента. А.Ф. Керенский в тот же день нанес Н.Д. Авксентьеву ответный визит¹²².

9 октября председатель Временного совета Российской республики Н.Д. Авксентьев дал интервью газете «Биржевые ведомости», в котором коснулся, прежде всего, вопроса о предстоящей практической работе нового представительного учреждения. Он считал, что перед Советом Российской республики стояли те же вопросы, что и перед Временным правительством, а также общественными организациями России. На первый план должны были выйти про-

блемы обороны, транспорта, торгово-промышленной жизни страны и аграрный вопрос. В силу сложившейся обстановки следовало незамедлительно коснуться проблем обороны, поэтому этот вопрос планировалось поставить на повестку ближайшего заседания.

Как отмечалось выше, министр-председатель А.Ф. Керенский выразил желание вопросы обороны рассматривать на общем собрании Совета республики при закрытых дверях. Н.Д. Авксентьев в этой связи отметил, что «начинать свою работу с закрытия дверей заседания нам бы не хотелось»¹²³. Предлагалось поэтому отказаться от рассмотрения наиболее секретных деталей и коснуться вопросов обороны постольку, поскольку этим не будут затронуты интересы военной тайны при открытых дверях. «Мы надеемся, что Совет республики и в открытом заседании будет ознакомлен верховным главнокомандующим или тем, кто его заменит, с истинным положением вещей на театре военных действий, — с положением, которое, к сожалению, является секретом Полишенеля.

Что касается деталей, то к ним придется вернуться в заседании комиссии, которая будет происходить при закрытых дверях»¹²⁴.

Н.Д. Авксентьев выразил уверенность в том, что суждения, которые бы имели место в заседании Предпарламента и декларации, с которыми выступят по вопросам обороны представители отдельных советских групп, имели бы большое моральное значение для России вообще и для армии в частности.

Кроме вопросов практического характера, председатель временного парламента считал необходимым предложить Совету республики заняться и вопросами теоретическими. «Нас называют “предпарламентом”, и мы должны оправдать это название, взяв на себя работу по подготовке различных вопросов, на которых придется в первую очередь остановиться Учредительному собранию. Мы отнюдь не хотим в каком бы то ни было отношении узурпировать права Учредительного собрания, но мы считаем себя обязанными выполнить подготовительную к нему работу в той мере, в какой это будет для нас по силам»¹²⁵.

Н.Д. Авксентьев считал также, что работа Предпарламента будет начинаться в комиссиях, где планировалось выдвигать на очередь различные вопросы момента, проявлять в доступной мере инициативу, широко пользуясь предоставленным Совету республики правом предъявления правительству вопросов, а затем передавать свои предположения на рассмотрение общих собраний. «Нам нужно спешить, ибо с одной стороны мы рождены всего лишь для двухмесячной жизни, а с другой — мы прекрасно понимаем, что каждый потерянный час несет с собой непоправимое зло для нашего отечества. Эти условия заставляют нас отказаться от соблюдения различных форм и, игнорируя иногда требования строгого порядка,

приложить все усилия к тому, чтобы наша работа шла наивозможно быстрым темпом»¹²⁶.

В своем интервью Н.Д. Авксентьев говорил также о выступлении большевиков на первом заседании Предпарламента. Он считал, что, покидая Совет республики и объявляя ему бойкот, большевики поступили вопреки своим собственным интересам. «Да и в их собственной среде были по этому поводу большие сомнения, голоса их разделились поровну, и вопрос был разрешен большинством чуть ли не в 2–3 голоса. Уходить им не следовало: для Совета это — только демонстрация, которая отнюдь не может отразиться на нормальном ходе его работы, для большевиков же это — потеря возможности внутри самого Совета отстаивать свою точку зрения и даже протестовать против самого Совета»¹²⁷.

Авксентьев полагал, что уход большевиков может несколько понизить авторитет Совета республики в глазах той части рабочей массы, которая стоит за большевиками. В глазах же остальной России Предпарламент оставался тем же авторитетным органом, хотя и несовершенным по своей организации, который представлял тогда интересы всех слоев российских граждан.

Отвечая, почему он не лишил Л.Б. Троцкого слова, когда тот читал свою декларацию, Н.Д. Авксентьев сказал, что выступление большевиков отнюдь не стало для него неожиданным. Содержание этой декларации — пересказ известных передовиц из «Рабочего пути» — было известно заранее. Можно было сомневаться только в форме, в которую эта декларация будет облечена. «Полагая, что достоинство Совета Российской республики требовало отнестись к этому документу с полным спокойствием, что принятие слишком решительных мер поведет к новым эксцессам, что, наконец, лишение Троцкого слова может повлечь за собою обвинение в стремлении “зажать рот” своему политическому противнику с самого же начала существования Совета республики, я предпочел дать возможность ему договорить до конца, призвав его к порядку»¹²⁸.

Комментируя свое отношение к проекту эвакуации правительства и Совета республики в Москву, Авксентьев опасался определенно высказываться по этому вопросу. Прежде всего потому, что не знал, насколько реальной была опасность для Петрограда в тот момент, в каком положении находился бы Петроград в случае взятия неприятелем Ревеля. «Вопрос должен быть решен в зависимости от стратегических условий. Мнения расходятся. Я читал мнение такого военного авторитета, как ген. Алексеев, который заявляет, что Петрограду до весны опасность не угрожает. Я полагаю, что прежде, чем решить этот вопрос, необходимо его всесторонне обсудить и, если опасность окажется действительно реальной, то-

гда, конечно, придется эвакуировать столицу. Во всяком случае, правительство, а с ним и Предпарламент должны покинуть Петроград в последний момент. Пока же нужно исподволь подготовиться к этой возможной эвакуации»¹²⁹. В зависимости от разрешения этого вопроса находился и вопрос о том, где быть Учредительному собранию: в Петрограде или в Москве.

В заключение интервью Н.Д. Авксентьев выразил уверенность в том, что в Совете Российской республики будет найден путь, по которому временный парламент сможет пойти в своем большинстве. «Настаивая на коалиции, мы полагали, что существует известная общая средняя линия революции; я надеюсь, что теперь эта линия будет найдена. Совет, в лице его старейшин, к этому стремится и в это верит»¹³⁰.

Как председатель Совета крестьянских депутатов, Н.Д. Авксентьев сообщил, что член этого Совета Н.Д. Кондратьев назначен не министром, а товарищем министра продовольствия, вместо А.А. Титова.

9 октября в течение всего дня в Мариинском дворце было затишье. С утра во дворец заходили некоторые члены Предпарламента, но оставались недолго. Пока комиссии еще не образовались и комитетские работы не начались, члены Совета республики были заняты чисто организационной работой по фракциям.

В течение ближайших дней правительство намеревалось внести во Временный совет подлежащие его обсуждению законопроекты и вопросы, и тогда в Мариинском дворце должна была начаться интенсивная работа.

К 10 октября стал известен состав Предпарламента, опубликованный по данным канцелярии Временного совета Российской республики. По списку представителей цензовых групп в Предпарламент вошли: от партии народной свободы — 56, от представителей торговли и промышленности — 34 (в том числе от Московского торгово-промышленного комитета 6), от Всероссийского общества редакторов — 2, от Академического союза — 3, от Совета московского совещания общественных деятелей — 15, от Союза земельных собственников — 7, от Российской лиги равноправия женщин — 2, от Главного комитета земского союза — 1, от Духовной академии — 1, от Всероссийского совета духовенства и мирян — 1, от Всероссийского совета педагогов духовных школ — 1, от старообрядцев — 2, от Радикально-демократической партии — 2, от Центрального военно-промышленного комитета — 1, от Центрального бюро совета инженеров — 1, от казачества — 22, не считая 3 казаков, вошедших от демократических организаций.

По списку демократических организаций в состав Предпарламента вошли: от меньшевиков-объединенцев — 62, от большеви-

ков — 53, от общей кооперации — 18, от увечных воинов — 1, от фронта — 25, от экономических организаций — 6, от демократического духовенства — 1, от флота — 3, от Почтово-телеграфного союза — 2, от женских организаций — 1, от мелких демократических групп — 10, от учительского союза — 2, от крестьянского союза — 2, от исполнительного бюро Совещания советов присяжных поверенных — 1, от военно-окружных комитетов — 2, от Трудовой народно-социалистической партии — 3, от украинских с.-д. — 1, от рабочей кооперации — 5, от группы «Единство» — 1 (Г.В. Плеханов), от земельных комитетов — 5, от с.-р. — 63, от исполнительного совета крестьянских депутатов — 38, от группы с.-д. объединенных интернационалистов — 3, от железнодорожного союза — 4, от земской группы — 37, от губернских исполнительных комитетов — 4, от казачьего самоуправления — 3, от земских работников — 1.

От национальных организаций по списку демократических организаций в Предпарламент вошли следующие представители: от украинской организации — 2, от латышей — 1, литовцев — 2, мелких народностей Поволжья — 1, от грузин — 2, бурят — 1, белорусов — 2, поляков — 2, латгальцев — 1, эстонцев — 1, совета национально-социалистических партий — 1, союза горцев — 1, армян — 2, мусульман — 4, евреев — 2, еврейской народной партии — 1, еврейской рабочей социалистической партии (поалей-цион) — 1. Кроме того, 5 представителей национальностей вошло от цензовиков.

Общее число Временного совета Российской республики постановлением Временного правительства, как известно, было определено в 555 человек. Вследствие ухода из Предпарламента 53 большевиков и 5 присоединившихся к ним из других фракций, в Совете республики осталось 497 членов. В эту цифру входили 126 цензовиков, 3 казака-цензовика и 22 казака-демократа, 5 цензовых представителей национальностей и 27 демократических представителей национальностей и 314 представителей демократических организаций. Общее число цензовых представителей составило 153 человека, демократических — 344. В кругах революционной демократии возникло предложение о замещении мест большевиков в Совете республики другими представителями Демократического совещания¹³¹.

Итак, было уже известно, что второе заседание Временного совета Российской республики состоится во вторник, 10 октября, в 11 часов утра «частью при закрытых дверях»¹³².

Первым на повестку дня заседания 10 октября с 11 часов предполагалось поставить вопрос об образовании 12 комиссий. Затем с 12 часов дня должно было быть сообщение А.Ф. Керенского об обороне государства, международных отношениях, эвакуации Пет-

рограда. Проблемы обороны и положение дел на фронте, согласно решению Совета старейшин, должны были обсуждаться в открытой части заседания. В этой связи сообщалось, что А.Ф. Керенский выступит, вероятно, в скором времени с дополнительными объяснениями по тому же вопросу в заседании Комиссии по обороне, которую планировалось образовать на заседании Совета республики 10 октября¹³³. И третьим вопросом, запланированным в повестке второго заседания Предпарламента на 10 октября, было сообщение Временного правительства «об эвакуации г. Петрограда»¹³⁴.

Как выяснялось, подавляющее большинство представителей фракций групп Временного совета считали немедленный отъезд правительства в Москву совершенно не соответствовавшим положению дел на фронте. «Авторитетнейшие представители Временного совета» считали, что дальнейшее наступление немцев, вероятно, будет приостановлено¹³⁵. Вместе с тем, однако, большинство членов Предпарламента считали, что энергичные меры по разгрузке Петрограда и эвакуации его учреждений необходимы в качестве меры предосторожности.

Второе заседание Предпарламента 10 октября вызывало большой интерес. Накануне к нему готовились члены Совета республики. Все посольства, послы союзных держав, представители различных государственных учреждений обращались с просьбами о предоставлении билетов для входа на заседание. Все билеты для публики на заседание были разобраны. Интерес к Предпарламенту, по-видимому, рос, так как билеты на ближайшее заседание разбирались нарасхват. Появились сообщения, что получить билет на заседание помимо членов Временного совета представлялось совершенно невозможным¹³⁶.

10 октября Временный совет Российской республики приступил к обсуждению вопросов, имевших наиболее животрепещущий интерес — об обороне, и это заседание, по свидетельству очевидцев, напоминало большие дни в Государственной думе¹³⁷.

Членов Предпарламента было гораздо больше, чем в первый день. Тем не менее многие члены Совета республики отсутствовали. По этой причине заседание открылось с опозданием. Председатель Н.Д. Авксентьев обратился по этому поводу от имени президиума «к высокому собранию с просьбой соблюдать порядок заседаний», предупреждая, что следующие заседания будут назначаться ровно на 11 часов и наказ обязывает председателя, если через полчаса после объявленного начала заседания не имеется кворума, признать заседание несостоявшимся. «Я полагаю, что не в наших интересах в настоящий тяжкий момент, когда каждая минута дорога, откладывать наше заседание на целый день, ввиду отсутствия кворума»¹³⁸.

Первая часть заседания носила организационный характер. По предложению Совета старейшин, Совет республики постановил без прений образовать на основе пропорциональной системы 12 комиссий: личного состава, по наказу, распорядительную, по обороне, по иностранным делам, по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией, по урегулированию государственно-хозяйственного труда, контрольно-финансовую, продовольственную, земельную, по национальным делам и редакционную.

Прежде чем перейти к главному предмету заседания Предпарламента 10 октября — выслушиванию разъяснений представителей Временного правительства по вопросам обороны, — был объявлен перерыв.

Заседание возобновилось в четверть первого. В министерской ложе находились военный министр А.И. Верховский, морской министр Д.В. Вердеревский, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин, заместитель министра-председателя А.И. Коновалов и другие министры. Несколько позже в зал вошел своей обычной нервной торопливой походкой министр-председатель А.Ф. Керенский и занял место в первом ряду правительственной ложи¹³⁹.

Первым из представителей Временного правительства выступил военный министр генерал А.И. Верховский. Он заявил: «Я считаю своей обязанностью говорить перед страной об армии то, что есть в действительности, ничего не прикрашивая и ничего не убавляя. Для того, чтобы члены совета могли принять те меры, которые нужны для обеспечения существования нашей страны на земле»¹⁴⁰. Верховский говорил, что противник пользовался каждой возможностью, чтобы нанести России новые удары: овладел островами, уже высадился на материке и продвигался вглубь страны. Главная цель этих ударов — не победа на поле сражения, так как немцы были не в состоянии развить эти удары до такой степени, чтобы заставить страну признать немецкую волю. Основная цель немцев поэтому состояла в психологическом воздействии на народ. Они рассчитывали, что сердце забьется у трусов, вынудив их подписать позорный мирный договор.

Оратор утверждал, что русская армия существует, несмотря на разговоры об обратном. Немцы держали на линии фронта с Россией 130 дивизий — вот во что они оценивали русскую армию. Каким бы тяжелым не было положение, войска оставались реальной силой. Вместе с тем несчастья в тылу и на фронте росли. «С 1 октября внутри страны у нас было погромов 16, пьяных погромов — 8, самочинных выступлений — 24, и 16 раз пришлось применять

вооруженную силу, чтобы подавить анархические вспышки. И это всего за девять дней.

Одна из причин этого — непонимание войсками цели войны, и задача Временного правительства и Совета сделать для каждого человека совершенно ясным, что мы не воюем ради захватов своих или чужих (Возгласы слева: «Браво»), а идем на смерть только для спасения родины. (Аплодисменты на всех скамьях.)»¹⁴¹

Военная программа правительства, положенная Верховским три недели тому назад на Демократическом совещании, проводилась в жизнь, по его словам, «самым энергичным темпом». Все лица командного состава, так или иначе причастные к корниловскому движению, были отстранены совершенно и их места заняли другие, «которые понимают современную обстановку». Военный министр считал, исходя из получаемых им донесений, что работа командного состава с комиссарами уже наладилась и о трениях говорить больше не приходится. Также в большинстве случаев наладилась работа командного состава с военными организациями и, таким образом, все шло так, «как это нужно для воссоздания боевой мощи армии».

Кроме того, было закончено составление положения о комиссарах и комитетах. Вопрос этот был освещен всесторонне особым совещанием из представителей армейских организаций и организаций фронта. Положение это было просмотрено в Ставке верховного главнокомандующего лучшими офицерами с целью оценить его с точки зрения командного состава. В ближайшие дни это положение должно было быть опубликовано. «Я должен, однако, обратить внимание, в особенности армейских организаций, на одну очень тяжелую черту. И при старом режиме были люди, которые шли куда ветер дует. И сейчас при новом режиме появились генералы, и даже в очень высоких чинах, которые определенно поняли, куда ветер дует, и как нужно вести свою линию. С этими лицами приходится вести борьбу также, как и с демагогами из рядов солдат и низшего командного состава»¹⁴².

Военный министр сообщал об уже проведенной огромной организационной работе по сокращению численности армии. «Фактически отпущены четыре года — 1895–1898. Это то, что в данный момент можно было сделать по техническим соображениям»¹⁴³. Чтобы этот отпуск не повлиял на боеспособность армии, следовало провести чрезвычайно сложную работу, к которой привлекался как командный состав, так и общественные организации. Затруднялась эта работа «малосознательностью» масс: целый ряд организаций оказывал препятствия при расформировании их, не желали расформировываться и некоторые части.

Государство в тот период не давало возможности армии пользоваться тем, что являлось для нее роскошью, удобством, в некоторых случаях — необходимостью. «Мы вынуждены этим поступаться, — считал Верховский, — для достижения большого сокращения расходов на армию»¹⁴⁴. За счет этой экономии в ближайшие дни ожидалось опубликование информации о прибавке к содержанию офицеров, более низкому тогда, чем содержание мелких служащих в разных учреждениях.

Одним из самых важных был назван вопрос о дисциплине. По утверждению военного министра, все, что зависело от военного министерства и от командного состава в этом отношении, проводилось «со всей доступной в наше расхлябанное время энергией». Вопрос о дисциплине был связан с восстановлением порядка в целом. «Разные люди разное смотрят на этот вопрос. Одни думают, что можно восстановить порядок насильем одной группы населения над другой; другие — что порядок можно восстановить привлечением карающей власти со стороны, а есть и такие, которые мечтают, что кто-то должен усмирить и покорить. Я должен сказать, что такая извне стоящая сила, которая будет усмирять и покорять, только одна — это сила германских штыков (Милюков с места: «Плохо»), и если мы сами не найдем силы и возможности устроить порядок внутри страны, то этот порядок у нас будет восстановлен немецкими штыками». Это заявление вызвало движение на всех скамьях, послышались возгласы кадетов: «Нельзя так говорить!».

До сих пор, считал Верховский, порядок восстанавливался военной организацией, но для утверждения порядка в стране и для применения оружия с целью спасения народа внутри страны было необходимо, чтобы Совет республики заявил, что он этого хочет и видит в этом единственное спасение. «Мы не имеем самой элементарной охраны человеческой безопасности. В милицию у нас набраны совершенно случайные люди, и там попадают типы только что выпущенные из уголовных тюрем, сами стоящие во главе погромов. Поэтому Военным министерством, совместно с Министерством внутренних дел и представителями городских самоуправлений, выработан план реформы милиции»¹⁴⁵.

Лучшим офицерам и солдатам, преимущественно раненым, планировалось предоставить право и возможность поступать в милицию как в пешую, так и в конную. К делу пополнения милиции должны были привлекаться не только запасные части, но и офицеры из резервов в действующей армии, так что поступление в милицию не должно было стать привилегией для войск, стоявших в тылу. Таким путем безопасность внутри страны доверялась бы людям, имевшим определенные качества. Вторая предложенная мера состояла в установлении тесной связи дивизий фронта со своими

полками в тылу, чтобы фронт был заинтересован в установлении порядка в тылу.

А.И. Верховский сообщил, что им вносится в Совет республики проект о поднятии дисциплины в войсках. Он считал, что организационные меры может принять министерство, но меры дисциплинарные, т. е. самоограничения и карательные, должен провести сам народ своими руками, дабы никто не мог сказать, что кары проводятся самовластием одного человека. Сущность проекта о дисциплине сводилась к следующему. Уже введенные дисциплинарные суды во многих частях не были выбраны, в других функционировали очень скверно. Поэтому весьма часто наблюдалась полная безнаказанность. Ввиду этого срок суждений дисциплинарного суда ограничивался 48 часами, чтобы суды не растягивали рассмотрение дела. По истечении этого срока карательная власть передавалась старшему начальнику, который осуществлял ее по своему крайнему убеждению. Таким образом, в тех частях, в которых анархические начала преобладали, ожидалось создание новой власти, которая сделала бы невозможным безнаказанность анархических поступков.

По признанию Верховского, методы воздействия на целые части, которые до тех пор применялись в виде наказания зачинщиков, на массы влияния не оказывали. Поэтому предполагалось создание института штрафных полков. Полк, не исполнявший приказаний, объявлялся бы оштрафованным: переводился на арестантский паек, лишался права отпусков и денежного содержания. Таким образом, наказывалась бы целая часть за проступок. «Нужно твердое и определенное постановление Совета республики, угодно ли ему, чтобы в стране продолжались погромы, пьяные бесчинства, самочинные выступления и т. д., или ему угодно, чтобы в тех случаях, когда выступает анархическая толпа, к ней применялось оружие не задумываясь и не стесняясь»¹⁴⁶.

В этой связи военный министр упомянул Л.Г. Корнилова, пытавшегося восстановить порядок «единолично своей властью». Верховский считал, что эта попытка не могла не сорваться, но оставить анархию безнаказанной — преступление перед государством. «Поэтому пускай представители всего русского народа скажут, что они считают нужным водворить порядок для спасения Родины»¹⁴⁷. П.Н. Милюков отреагировал с места: «Нас пригласил не весь народ». Верховский, при шуме слева, продолжал: «Во всяком случае, это единственное представительство страны, которое существует. <...> Поэтому я говорю, что если мы не хотим, как говорил Бисмарк, сохранить только глаза, чтобы оплакивать наш позор, то мы должны сейчас же принять решительные меры для спасения страны от анархии»¹⁴⁸. Авторитетов среди российских политиков для Верховского, таким образом, не нашлось.

В целом, участники заседания отмечали, что Верховский выступал на этом заседании Предпарламента, видимо, волнуясь, повышая время от времени голос. Там, в обстановке государственного учреждения, манера военного министра говорить, «специализировавшегося, очевидно, на митинговых впечатлениях»¹⁴⁹, произвела совершенно иное впечатление, чем в Совете рабочих и солдатских депутатов, мешала завоевывать сочувствие аудитории. Время от времени речь прерывали аплодисментами, чаще всего слева, но все время чувствовалось скептическое отношение аудитории к его митинговой манере.

Морской министр Д.В. Вердеревский, в противоположность военному министру, говорил совершенно просто, без всякой аффектации, без искусственных повышений и понижений голоса, «вообще без манер провинциального митингового оратора»¹⁵⁰. Он подкупал своей искренностью и хотя не обладал никакими ораторскими талантами, имел, несомненно, значительно больший успех, чем его предшественник.

Адмирал Д.В. Вердеревский, сменивший на трибуне военного министра, стремился кратко, но правдиво изложить положение дел на флоте. Цифры, характеризовавшие материальное состояние флота, в открытом заседании не оглашались. Их министр намеревался изложить в комиссии по обороне.

Центр интересов в тот период был сосредоточен в Балтийском море. Балтийский флот, с начала войны поставленный перед чрезвычайно ответственной задачей защиты подступов к столице от превосходящего в силах противника, исполнял свой долг весьма умело. За время войны были созданы укрепленные позиции, отлично оборудованные. Флот тренировался непрерывными выходами в море под руководством опытных специалистов, отдавших всю свою жизнь организации флота. В материальном снабжении Балтийский флот тогда не испытывал затруднений, «так как было мало боевого расхода. Но сейчас мы находимся перед угрозой, что, благодаря крайнему понижению производительности наших заводов — казенных и, в особенности, частных, — ремонт флота, если на этих заводах не произойдет коренного изменения, будет поставлен под весьма большой вопрос. Я надеюсь, что появление немецких сил на море, может быть, объяснит тем рабочим массам и организациям, от которых зависит поднятие боеспособности нашего флота с точки зрения материальной, что промедление каждого часа в работе и уменьшение работоспособности заводов, хотя бы на несколько процентов, — представляет собою явление грозное»¹⁵¹. Вину за создавшееся положение Вердеревский возлагал не только на организации и рабочих, но и на процветающую анархию. Заводы с каждым днем получали все меньше топлива, флот терпел лишения от нерегуляр-

ного подвоза заводами металла и угля, наглядно свидетельствуя, насколько велика была переживаемая тогда разруха.

Самым центральным и критическим для жизни флота Вердеревский назвал вопрос о сокращении личного состава. Он отметил, что разрыв, произошедший между командным составом и матросами, также, как между командным составом армии и солдатами, носил на флоте более трагический по своим последствиям характер. Можно было расформировать полк и на месте его создать другой. Расформировать же команду броненосца, изучившую сложные механизмы, возможности не было. Поэтому старались сохранять имевшееся в наличии, изыскивать такие средства, которые, не разрушая команды, сплотили бы, наконец, в единое целое офицеров и матросов, так как без спокойствия во флоте и дружной работы личного состава нельзя было достичь боеспособности флота.

Революция застала флот разделенным на две главные группы: ревельскую и гельсингфорскую. В Ревеле во время революции не только не наблюдалось вражды к офицерам, но, благодаря деятельности новых, быстро организовавшихся выборных комитетов и тесному сотрудничеству с ними офицеров и начальников, не было никаких эксцессов. С самого начала революции флот содействовал внесению порядка и тишины в городе.

В Гельсингфорсе дело протекало совершенно иначе. Основной причиной произошедших там ужасов стала обычная для старого режима привычка скрывать от командных масс правду. По причине такого сокрытия истины от команд в первые дни революции между командным составом флота и матросами в Гельсингфорсе пролилась кровь, не вызванная никакими действительными причинами. Ничего органически противоположного друг другу между офицерами и матросами не было, — считал морской министр. Комиссары свидетельствовали, что никаких контрреволюционных выступлений на флоте со стороны офицерства не было. «И если между офицерством и матросами до сих пор лежит пропасть, то это — пропасть, на дне которой лежит беспричинно пролитая кровь. Для того, чтобы заполнить эту пропасть, нельзя применять обычных способов, а без заполнения ее флот, безусловно, погибнет»¹⁵².

Воссоздание дисциплины на флоте было так же необходимо, как и в армии, только путем отсутствия угроз и насилия. Чувство собственного достоинства, сознания гражданина, защищавшего свою родину, во флотской массе продолжало жить. Корабли и отдельные части доблестно сражались.

Позиция адмирала М.В. Вердеревского по вопросу об отсутствии дисциплины отличалась яркой спецификой. Он утверждал, что взаимное доверие между матросами и офицерами подлежало разрешению своими специальными особыми мерами. «Дисциплина

должна быть добровольной. Надо сговориться с массой и на основании общей любви к родине побудить ее добровольно принять на себя все тяготы воинской дисциплины, так как к этому ее обязывает необходимость спасти страну, иначе ввергаемую в величайшую опасность <...> Необходимо, чтобы дисциплина перестала носить в себе неприятный характер принуждения, необходимо потому, что только добровольная дисциплина создаст в наших условиях истинных героев»¹⁵³.

Впрочем, Вердеревский все же допускал, что отдельные нарушения порядка не смогут оставаться безнаказанными в условиях добровольной дисциплины. Поэтому во флоте, как и в армии, проектировались дисциплинарные суды. Согласно проекту морского министра, ввиду особой обстановки флота, офицеры подвергались только единоличной власти начальника. Иначе создались бы дурные страсти, потому что судить начальника подчиненным не надлежит. Заканчивая свою речь, он отметил: «Я надеюсь, что меня поддержат широкие матросские массы, и те остатки чисто демагогических крайних приемов, которые еще остались у некоторых частей, уступят в ближайшем будущем место разумному, честному и сознательному отношению матросских масс к своему долгу»¹⁵⁴. Оценивая в целом весьма позитивно выступление Д.В. Вердеревского, участники заседания отмечали, вместе с тем, что в его словах о «добровольной дисциплине» было, однако, много маниловщины¹⁵⁵.

Совет республики постановил приступить к обсуждению разъяснений военного и морского министра в специальном заседании. Военный и морской министры в открытом заседании не могли, конечно, нарисовать полной картины состояния обороны страны, но и то, что они сказали, давало картину чрезвычайно определенную.

Еще больше раскрыл положение дел бывший верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев, произнесший небольшую, но очень содержательную речь от имени группы общественных деятелей. В его спокойном сдержанном тоне не было никакой театральности, и, тем не менее, эта речь была выслушана с огромным вниманием и произвела большое впечатление.

Генерал Алексеев считал, что Россия переживала невыразимо тяжелое время не только потому, что силы ее расстроены. Был нарушен дух народа, его воля. Распространилась пагубная психология, в основе которой — убеждение, что войну Россия больше вести не может, прежде и больше всего нужен мир, что все вообще, а на фронте в особенности, донельзя устали. На этом строилась тогда вся государственная работа, окончательно расшатывая волю всего народа и энергию отдельных лиц. Даже наиболее сильные духом и энергией были готовы признать безнадежность создавшегося положения и прийти к выводу, что Россия вынуждена заключить мир.

Алексеев предлагал русскому народу, прежде всего, ответить на вопрос: возможен ли для него мир, какой ценой он может быть куплен и даст ли он то, о чем так мечтали ослабевшие духом и жаждавшие окончания тяжелой борьбы. «Беспристрастная оценка положения скажет, что немедленное заключение мира явится гибелью России, физическим ее разложением, неизбежным разделом ее достояний и уничтожением работы поколений трех предшествовавших веков. Купленный такой тяжелой ценой мир не улучшит нашего экономического положения, не восстановит нашего расстроеного хозяйства, не даст нам хлеба и угля, не облегчит нам тяжести личного существования не только в ближайшем будущем, но и в более отдаленном будущем. Наоборот, мы станем тогда в полной мере нищими, сделаемся рабами и данниками более сильных народов и, в конечном результате, мир немедленный или скорый разрушит Россию, как государство, выведет ее из сонма великих держав, имеющих голос и власть решать европейские вопросы, и погубит остаток нашего народа и в духовном, и в экономическом отношении»¹⁵⁶.

Бывший верховный главнокомандующий считал, что только стремление к спасению жизней и дань упадку духа некоторой части русского народа, вследствие пагубной пропаганды и агитации, вынуждали смотреть так безнадежно на создавшееся положение и стремиться к миру. Исследуя вопрос без предвзятости, он пришел к выводу, что Германия точно так же истощена и держится исключительно силой своего народного духа, дисциплиной. Подсчет средств врагов Германии, их решимость, общее настроение, приводил генерала Алексеева к утешительному выводу — Россия может, если захочет, пережить дни своей слабости; она получит помощь от своих соседей. Необходимо было только воскресить дух народный, пробудить в нем жажду независимого существования, светлого будущего. Требовалась решимость работать, наметить ясную и определенную программу возрождения российской армии.

Алексеев оценил военно-стратегическое положение России как крайне тяжелое. «Недавно мы пережили новый удар на фронте — потерю Эзеля и прочих островов и внутреннего водного пространства. Из пережитых ударов, по своим стратегическим результатам, это может быть наиболее чувствительный, и только, может быть, лишь то равнодушие, с которым мы встречаем уже удар за ударом, скрывает от нас тяжесть пережитого нами. Нам приходится собирать новую армию на путях от Балтийского побережья к Ревелю, Нарве и Петрограду. Создать новые силы мы не можем. Мы должны набрать эти силы с других точек фронта и неминуемо ослабить его. Это ослабление нам нужно возместить прочностью армии»¹⁵⁷.

Генерал М.В. Алексеев остановился на тезисе военного министра о том, что российская армия существует и представляет собой реальную силу. Призывая не увлекаться обещаниями и не успокаиваться относительно надежной защиты родины на фронте, оратор говорил прямо и откровенно, что армия пока тяжело больна и наибольшей проблемой является расшатанная дисциплина. Однажды разрушенную дисциплину вернуть трудно, так как сама она в ряды армии не вернется. «Масса, вкусившая сладость неповиновения и невыполнения оперативных приказов, вкусившая сладость полной праздности, погрязшая в стремлении и идеях скорейшего заключения мира, который якобы придет сам собою, стремящаяся в лице каждого почти борца к спасению жизни, — представляет явную опасность. До тех пор, пока эти недруги наши не будут сломлены, мы не можем сказать, что наша армия представляет из себя здоровый организм, способный вести дальнейшую борьбу. К сожалению, пропаганда мира в армии не только продолжается, но и делает успех. В армии есть масса отдельных людей, отдающих себе отчет в пагубности этого пути, но они бессильны перед массой: здоровое начало давится массой»¹⁵⁸.

Говорили и о том, что недостаток дисциплины будет возмещен энтузиазмом и порывом вперед. Алексеев призывал отказаться от этой мысли — 18 июня показало, что нет этого энтузиазма, нет порыва. С этим приходилось считаться и стремиться к поиску других путей оздоровления армии. Тезис о том, что российская армия в результате реформ последних месяцев стала самой свободной армией в мире, генерал Алексеев предлагал дополнить уточнением, что она являлась еще и самой неискусной из всех боровшихся в то время армий. «Войска перестали работать, они перестали учиться. Проверявший недавно в одной из армий боевую подготовку частей выразился, что ни одна рота, ни один батальон не выказали умения вести бой. Многие роты и многие батальоны, назначенные для осмотра, совершенно не пожелали выйти и показать командированному лицу, что они знают и что они умеют»¹⁵⁹.

Отсутствие войсковой работы отразилось также и на подготовке унтер-офицеров и специалистов. Четыре года домой отправляли наиболее недовольный и бунтующий элемент. Вместе с тем увольнялись самые знающие унтер-офицеры, а подготовка новых либо совершенно отсутствовала, либо давала армии людей малоопытных, не способных служить помощниками офицеров. Кадровых офицеров было мало, а события последних дней августа еще больше уменьшили их число. Алексеев говорил, что приходилось иметь дело с молодежью, прошедшей сравнительно недолгий путь подготовки и обучения. В прежнее время для такой молодежи создавались в тылу подготовительные курсы. Теперь таких курсов

уже давно не существовало или на них не достигались поставленные цели. На отсутствии преемственной подготовки отражалась быстрая смена начальствующих лиц, в особенности командующих армиями. Но превыше всего армия страдала нравственно, готова была при случае покинуть окопы и уйти в тыл.

Генерал Алексеев высказал убеждение в том, что масса такого решения не примет и исполнит свой долг. Он признавал жажду жизни, «шкурный вопрос» преобладавшими в то время. В массе уснуло понятие о чести, долге, об элементарной человеческой справедливости. При расшатанной дисциплине, отсутствии энтузиазма, сильно пониженной боевой подготовке было неудивительно, что российская армия во всех последних боях не выказала той степени устойчивости, к которой она была способна всегда, не исключая и самых тяжелых дней 1915–1916 гг. Предстояло спасти положение.

События последних дней августа увеличили недоверие к командному составу и офицерам до опасных пределов. «Нередко нам говорят: оздоровите тыл, заставьте его работать, и тогда армия воскреснет. Но возможно ли тыл привести в порядок без прочной вооруженной силы? Разве можно это сделать при помощи отрядов, формируемых по распоряжению местных органов? В руках Временного правительства должна быть прочная вооруженная сила, решимость пускать эту силу в случае надобности и ввести порядок во что бы то ни стало. Это подсказывается необходимостью спасения родины. Иначе получается какой-то заколдованный круг: оздоровите тыл, будет здоровая армия, с нездоровой армией нельзя оздоровить тыл»¹⁶⁰.

Армия не могла ждать спасения от тыла. Она должна была приступить к энергичной, решительной работе в своих собственных недрах, без колебаний. Правительство, имея в виду только великую цель, находя нравственную опору в обществе, справилось бы с этой задачей. Без решимости и готовности многое поставить на карту достичь этой цели было уже нельзя. Слишком много упущено времени, расшатаны устои армии, чтобы их можно было оздоровить и восстановить мерами ординарными.

Относительно озвученной в тот же день программы военного министра Алексеев отметил, что она была начертана еще в июле, но с тех пор из нее почти ничего не проникло в армию. Все сказанное военным министром стало бы хорошо тогда, когда можно было бы прочесть сами законы, положения, уставы, которыми бы руководствовалась армия. До тех пор об этой программе нельзя было сказать ничего конкретного, только поддержать. Однако важны не красивые программы, — считал бывший верховный главнокомандующий, — а разработка всех этих вопросов и затем настойчивость в их осуществлении.

Далее генерал М.В. Алексеев перешел к не менее тяжелому вопросу о старых кадрах, оказавшихся не у дел. Свыше 10 тыс. офицеров были выброшены из армии. «Ими нужно воспользоваться. Мы не можем таким драгоценным материалом пренебрегать только потому, что мы считаем их приверженцами старого режима или ненадежными для новой жизни. Дайте возможность показать, что они сердцем и душой являются вполне надежными сынами своей родины»¹⁶¹.

Не менее важным был продовольственный вопрос, тесно связанный с вопросом о транспорте. В осенние месяцы Россия вступила с ничтожным запасом топлива, грозившим остановкой движения на железных дорогах, затем — доставки продовольствия в армию и в большие города. Нельзя рассуждать, — говорил оратор, — что чем хуже, тем лучше. Эту опасную сторону народной жизни следовало урегулировать. Никакая посылка особоуполномоченных в этом помочь не могла. Требовались сила и решимость, ясная цель во что бы то ни стало доставить необходимое количество угля. «Борьба за победу, за спасение России, за оздоровление армии должна стать нашей задачей, нашей целью. Совет республики без различия верований должен отдать себя на служение этой великой идее, пробудить силу своего слова и дела в сознании русского народа и напомнить сынам народа, призванным в ряды армии, что они должны исполнить свой долг. Устали и наши враги, устали и наши союзники. Однако в них не сказалось той слабости духа, которая заразила только русский народ. И у тех, и у других преобладает решимость и сознание ответственности перед будущим своей родины. Пусть все дряблое, не имеющее решимости жертвовать собой сойдет со сцены, пусть смолкнет проповедь мира во что бы то ни стало. Пусть русский народ заклеймит наименованием изменников всех тех, кто толкает его на путь позора, рабства, самоуничтожения. Иначе смерть русскому народу»¹⁶². Эта заключительная фраза речи Алексеева вызвала шумные аплодисменты справа.

После М.В. Алексеева говорил Ю.О. Мартов (Цедербаум). Его речь, по свидетельству очевидцев, поразила всех своей несерьезностью¹⁶³. Выступив с ретроспективной критикой всей политики правительства в военных вопросах, он доказывал, будто вся беда в том, что буржуазия хотела сделать армию орудием своих классовых интересов. Прежде всего, Мартов пытался оспорить тезис правых о том, что нынешнее состояние армии стало результатом работы революционной демократии. Утверждал, что революция застала уже готовыми массовые дезертирства, другие явления потери устойчивости и организованности армии. Мартов цитировал Николая Романова, считавшего, что побеждать может только та армия, которая в тылу является силой, готовой подавить народное движе-

ние. В зале справа раздались возгласы: «Анархия — не народное движение».

Оратор отвечал, что царизм обладал силой, способной подавить движение, названное анархическим, но это не давало ему возможности побеждать на внешнем фронте. Поэтому меньшевики-интернационалисты критически относились к проектам оздоровления армии, начинавшимся с восстановления ее способности охранять внутренний порядок. «Ведь никто иной, как члены бывшей Думы Родзянко и Милюков обращались в февральские дни с речами к солдатам и офицерам, пришедшим к Государственной думе против воли командного состава и вопреки его приказам. Этим было положено начало тому процессу, который с неудержимой логикой развивался. В пристрастной полемике часто напоминали приказ №1, в котором видят начало всех нынешних бед. Но я напомним, что до приказа №1 был опубликован другой приказ, подписанный временным комендантом Петрограда бароном Энгельгардтом. Этот приказ предписал разоружать вооруженных офицеров, а в случае сопротивления не останавливаться перед расстрелами»¹⁶⁴.

Ю.О. Мартов считал, что каждый политический деятель должен был понимать в февральские дни, что не может быть политического переворота в стране, который не расшатал бы организацию армии вообще; на место старой организации, пропитанной одним началом, нужно было быстро поставить организацию, проникнутую началом противоположным. Революционная демократия пыталась ответить на этот вопрос конкретным планом реорганизаций. Однако часть общества, участвовавшая с демократией в ниспровержении царизма, по мнению интернационалистов, со второго дня революции поставила впереди общенациональных интересов свои частные классовые интересы, и в частности — вопрос о сохранении во что бы то ни стало армии, как орудия охраны и защиты ее классовых интересов. «Немногие из вас знают, что еще и теперь есть города на фронте, в тюрьмах которых сидит до 3 000 человек членов комитетов, которым до сих пор не предъявлено никаких обвинений. (Я имею в виду минскую губернскую каторжную тюрьму.) Рядом с этим для того, чтобы прикрыть поход, подготовлявший корниловский мятеж, армия, только что потерпевшая поражение, клеймилась и забрасывалась грязью, изображалась в виде деморализованной, трусливой и разбойничьей банды.

И надо ли удивляться, что неправильно оклеветанная в глазах народа армия, чувствуя, что она теряет доверие народа, должна была потерять веру и в свои собственные силы. Корниловский мятеж показал, для чего нужен был этот систематический поход против демократизации армии. Политика зигзагов не могла содействовать ни укреплению доверия солдатских масс к правительству, ни выра-

ботке понятий о дисциплине и о гражданском долге в демократической стране»¹⁶⁵. Теперь же, говорил Мартов, необходимость коренных реформ была осознана и высшими представителями военного ведомства. Подтверждалась необходимость твердого политического курса. Тем не менее оратор сомневался, что эти реформы будут проводиться вообще или, во всяком случае, достаточно последовательно Временным правительством.

Интернационалисты сомневались, что власть, основанная на коалиции с теми, кто признавал программу Л.Г. Корнилова, сможет последовательно проводить демократические реформы армии. Они опасались, что уклон в сторону особой заботы об обеспечении порядка в тылу не затушевал бы «ясных политических основ», положенных генералом А.И. Верховским в основу своих программ. «Для того, чтобы была возможна работа по демократизации армии, нужно внушить солдатам уверенность, что они отражают врага за ту землю, которая обещана им революцией, что ни одного лишнего дня войны не будет. Русская армия будет демократическо-республиканской или ее вовсе не будет, а все попытки вернуться частично к планам Корнилова являются фактами разложения армии и подрыва ее боеспособности»¹⁶⁶.

От имени фракции меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов огласил формулу перехода к очередным делам, в которой, после повторения основных тезисов его речи, говорилось: «Временный совет республики признает необходимым радикальную чистку командного состава с удалением из армии и Ставки всех контрреволюционных элементов, демократизацию командного состава и штабов путем укрепления армейских организаций, предоставления им права отвода и аттестации лиц командного состава, развитие институтов и комиссаров, с предоставлением центральному органу революционной демократии контроля над их деятельностью, подчинение всех особых воинских частей общему демократическому режиму армии, немедленную отмену смертной казни и восстановление в правах всех заключенных приговорами военно-революционных судов, которые совершили нарушение дисциплины по идейным мотивам, производство расследования по делу Корнилова в полном объеме, с преданием обвиняемых суду на общих основаниях для преступлений, совершенных в районе военных действий, взятие на себя Временным правительством инициативы предложения всем воюющим странам немедленно начать переговоры о заключении общего мира, с одновременным провозглашением перемирия на всех фронтах и приглашением союзных правительств присоединиться к этой инициативе Российской республики»¹⁶⁷.

Таким образом, даже в отсутствие большевиков конфронтация в Предпарламенте двух основных непримиримых политических бло-

ков — правых и левых — сохранялась. Преследуя прямо противоположные цели, они (революционные демократы в особенности) не шли на компромиссы. Конструктивная работа временного парламента с первых дней его работы фактически была невозможна.

После Ю.О. Мартова выступил министр-председатель А.Ф. Керенский. Речь его, произнесенная с большим подъемом, часто прерывалась аплодисментами и была заслушана с глубоким вниманием. Сначала аплодировали преимущественно на правых скамьях и в центре, а затем аплодисменты все чаще становились общими, если не считать небольшой группы интернационалистов, оставшихся спокойными¹⁶⁸. По другим отзывам, в речи верховного главнокомандующего часто звучали истерические ноты, делавшие пафос оратора больше похожим на крик отчаяния, чем на голос твердой решимости. При снятии с этой речи лирических покровов и суммировании ее делового содержания получался итог малоудовлетворительный¹⁶⁹.

Керенский перечислил задачи и цели, поставленные армии и флоту «с начала революции до настоящих дней»: сохранение чести, независимости, свободы и чести российского государства, охрану завоеваний революции и нового демократического строя от всяких покушений, откуда бы они ни исходили. Временное правительство полагало, что вооруженные силы российского государства могли только служить всему народу. Навязывание армии охраны интересов имущих классов никогда не преследовалось и ни в какой степени не вменялось в обязанность армии. В равной степени для Временного правительства и верховного командования было неприемлемо предоставление армии возможности служить задачам и целям меньшинства, хотя бы демократического, которое пожелало бы физической силой навязать свою волю. Временное правительство радо было засвидетельствовать, что армия в целом навсегда перешла на сторону свободного народа и служила государству и демократии.

Пытаясь угодить одновременно всем, Керенский, естественно, не мог избежать политического словоблудия. Не отдавая себе в этом отчета, он приписывал армии мифические заслуги, поскольку невозможно было соблюсти в равной степени интересы «свободного народа, государства и демократии» уже хотя бы потому, что они часто оказывались в полном противоречии друг с другом. К числу таких проблем, как отмечалось выше, относился, например, вопрос о мире.

Министр-председатель опровергал тезис о том, что революция началась восстанием солдат против командного состава. Он свидетельствовал, что бескровная гибель в несколько дней династии и быстрое завершение борьбы со старым режимом было результа-

том того, что в целом старая власть не нашла себе поддержки и в командном составе.

«И, я думаю, каждый действительно преданный идеям свободы демократии общественный деятель должен гордиться тем, что в решительный момент идея свободы и блага государства имели на своей стороне целиком всю русскую армию, за ничтожными исключениями (Аплодисменты справа). Я должен с негодованием отвергнуть сделанное отсюда заявление, будто когда-нибудь, где-нибудь люди, связанные со старым режимом и служившие ему, после революции оказались под покровительством революционной власти. Великой гордостью и заслугой демократии является то, что в русской армии почти не было случаев предательства и тайной борьбы за восстановление старого строя. (Аплодисменты справа и в центре, возглас слева: «А Савинков?») Я говорю, за немногими исключениями, и к этому вопросу вернусь. Не только от своего имени, но и от имени армейских демократических организаций я могу сказать, что в огромной массе как командный состав, так и солдатская масса не вызывают никаких сомнений в смысле преданности новому строю»¹⁷⁰.

Вместе с тем Керенский признал, что в солдатской массе после переворота многие преступления старого режима были просто связаны с самой формой офицеров. Поэтому всякий офицер, а в некоторых местах в тылу и всякий интеллигент брались под подозрение и по необоснованным подозрениям неоднократно из армии изгонялись люди, которые, по выяснении обстоятельств, возвращались обратно в армию и больше никаких подозрений не вызывали. Такую же ошибку, по мнению Керенского гораздо менее простительную, совершали и лица командного состава, которые во всякой военной организации видели нечто подозрительное и относились к ней недоброжелательно, сомневаясь в том, что эти организации могли иметь своей целью укрепление боевой мощи армии, а не ее разрушение.

Керенский говорил о людях, враждебно относившихся к общественным организациям в армии, для которых организация комитетов, комиссаров была неприемлема. «Задача, которую поставил я себе, на осуществление которой я уполномочен Временным правительством, заключается в том, чтобы правильно организовать армию на началах согласованной работы командного состава и войсковых комитетов и комиссаров. Моя программа, которая есть и программа военного министра, работающего со мной в полной солидарности, будет неукоснительно проводиться мной и дальше. То, что называется корниловщиной — была попытка организованной группы справа, но группы ничего общего не имеющей со старой династией. Эта группа поставила себе задачей введение режима

жестокоей железной руки, режима диктатуры. Но эта попытка была не первой. Первая попытка диктаторской власти происходила 3–5 июля (аплодисменты в центре) во время горячих боев на фронте. Тогда также не подумали люди о том, что, поднимая восстание в Петрограде, не открывают ли они двери на фронте нашему врагу. И тогда Временное правительство, как и в отношении генерала Корнилова, не могло сказать, что эти люди сознательно открыли ворота для Вильгельма. Тем не менее результатом этого движения было ослабление организма страны и величайший удар по боеспособности армии»¹⁷¹.

Министр-председатель считал величайшей заслугой Временного правительства победу над обеими попытками установления диктаторской власти. В момент опасности вокруг правительства объединились самые широкие круги русской демократии, все население Российской республики содействовало борьбе с движением, угрожавшим свободе¹⁷². Керенский, стремясь к большему эффекту, доверительно сообщал о том, что самые решительные меры были приняты в то время, когда еще о самом движении никто не знал. Он утверждал, что обе стороны, ставившие интересы меньшинства выше интересов страны и всего народа, одинаково потрясли и ставили под удары самое бытие свободной революционной России.

Не соглашаясь с высказыванием генерала Алексеева о потере армией в окопах чести и совести, верховный главнокомандующий заявлял, что армия чести и способности бороться и умереть за страну и свободу не потеряла. «Русская армия морально не разложилась, как думают те, кто не чувствует нового дуновения жизни, нового духа, который охватывает постепенно все слои русского населения. Это не значит, что я не подтверждаю тяжелой картины, которую можно наблюдать сейчас в армии. Не нужно для этого раскрывать даже донесения начальников. Мы и так слишком откровенны и с нас поэтому слишком много спрашивают и слишком много требуют. Но ведь никто не придет сюда и не скажет, что кроме вас и мы не сделали всего. И у нас есть недостатки <...> Революция получила армию разложившуюся, и члены Думы должны вспомнить, какие цифры дезертиров нам называли <...> Временное правительство, которое меняется в составе, когда кто-нибудь не в силах больше нести тягот управления государством, но которое всегда едино, сильно только силой правды и служения государству до последних сил»¹⁷³.

А.Ф. Керенский счел нужным ответить и на утверждение Ю.О. Мартова о том, что приближение мира было заторможено. По мнению министра-председателя, торжество мира задержали силы, разлагавшие боеспособность армии и продолжавшие работу старого режима. Он напомнил членам Совета республики об энергичной

борьбе подлинных представителей русской демократии и революции в тылу и на фронте против тех элементов, которые бессознательно, в силу недостаточной политической подготовки прямолинейно шли к определенной задаче, вызывая ускоренное разложение армии. Военная власть действовала тогда в полном единении с демократическими организациями. Вместе они боролись с братанием, с призывом не исполнять приказы, против превращения идейной борьбы на фронте в защиту шкурных интересов, «в которой подонки армии соединились со служителями старого режима, жандармами и городскими. И тогда еще военные власти не прибегали к репрессиям. Я, как военный министр, призывал подумать об исторической ответственности и не вести русской революции к разложению, а войну к новой затяжке и позорным последствиям для России»¹⁷⁴.

Увлекаясь деталями, оправдываясь, самообольщаясь, Керенский демагогично утверждал, что говорит от имени огромного большинства демократии, волю которого он всегда стремился представлять. По его словам, когда вкралось сомнение в правильности революционных принципов организации армии, люди, вместо того, чтобы возложить ответственность на небольшие группы, перенесли эту ответственность на весь новый строй и стали искать пути спасения в новых формах управления государством.

К заслугам Временного правительства Керенский причислял введение по требованию командного состава, комиссаров, местных армейских организаций военно-революционных судов и смертной казни. Своей задачей правительство считало также разъяснение людям, не понимавшим или не желавшим понять, что уничтожить в армии авторитет армейских организаций и комиссариата невозможно. «Из Петербурга никогда не было никаких телеграмм о массовом преследовании комитетов. Это совершенная ложь. Если в числе лиц, совершивших калужский погром или другие эксцессы, были и комитетчики, конечно, они были арестованы. Но, я думаю, что требование об аресте таких комитетчиков предъявлялось, прежде всего, самими армейскими организациями»¹⁷⁵.

Министр-председатель и верховный главнокомандующий считал, что, наравне с командным составом, все разумное сплотилось в армии против анархии. Он отметил, что за анархию и погромы ответственность падала не на темные солдатские массы, а на тех, кто их развращал. «Слишком много наболело у солдат от прежнего режима. Слишком много следов этого режима. Слишком много невежества и произвола оставил он. Я счастлив заявить, что в настоящее время ни на одном фронте, ни в одной армии вы не найдете руководителей, которые были бы против той системы управления армией, которую я проводил в продолжении четырех месяцев.

Необходимо раз навсегда покончить с легендой о том, что огромная часть офицерского состава предана контрреволюции и врагам русской свободы. Это дает нам возможность надеяться, что нам удастся принять ряд мер, которые положат предел наступлению врага»¹⁷⁶.

Керенский считал реальными пути к восстановлению армии, стремясь вернуть настроения и возможности работы, существовавшие хотя бы до корниловского выступления. Тогда доведение организации армии до конца могло бы состояться. Всем, стремившимся к скорейшему прекращению войны, оратор напоминал, что пока Россия не будет обладать армией, внушающей достаточное уважение ее врагу, это желание будет далеко от осуществления. Он призывал спокойно работать над реорганизацией и созданием подлинно демократической революционной армии.

Всем свидетелям выступления Керенского было ясно, что избранный им метод воздействия на дух и волю армии оказался бессиловым. Суть его состояла в попытке увлечь воинские массы пламенным красноречием. Ораторское вдохновение должно было зажигать души солдат высоким порывом, из которого вырастала бы добровольная дисциплина, столь могущественная, что войска без всякого внешнего принуждения сохраняли бы стойкость воинской организации в тылу, в окопах, под ураганным огнем неприятеля, несмотря на разлагающую пропаганду дезорганизаторов, нетерпеливых, а иногда и лживых миролюбцев и антимилитаристов. «Практика показала, что в обстановке реальной солдатской массы, какую располагает Россия в данный момент, проповедь дезорганизаторская достаточно убедительна, чтобы сводить на нет плоды самой горячей организаторской пропаганды. И тем не менее мы сегодня убедились, что верховный главнокомандующий остается верным своему методу»¹⁷⁷.

Мобилизовав всю силу красноречия, Керенский стремился во что бы то ни стало продлить период своего пребывания на высшем посту государства. Все остальное, и в том числе судьба страны, интересовало его только как средства сохранения личной власти. Отсюда — беспринципность, бесконечное маневрирование, желание казаться своим для левых и правых, а по сути — стремление уйти от проблем и оставить все как есть, не заботясь о последствиях. Четко прослеживалась также тенденция поучать всех окружающих. «Если здесь присутствующие представители демократии скажут своим избирателям, что во имя революции нужно немного потерпеть, если эти элементы заставят организованную демократию прийти на помощь армии, если представители более либеральных цензовых элементов заставят те круги, которые к ним прислушиваются, снова больше поверить в революцию, в ее силу и в силу

армии, если эти представители придут снова не только со словами, разоблачающими ужас падения, но и будут указывать также на возможность возрождения, на веру простого, измученного, невежественного, в прошлом обкраденного, изъеденного вшами, залитого водой, грязного, несчастного, но прекрасного русского солдата; если все придут сюда со всем даром своей души, если вы вспомните, что это не слова, что погибает страна, если вы все вспомните об этом и забудете о прошлом хоть на один месяц, если вы подумаете о том, что у нас есть общая родина и в будущем свобода, в которую мы входили с таким торжеством великих идеалов, — то может быть этот подъем создастся, и мы вернемся на мировую сцену с влиятельным и решительным голосом и скажем: мы имеем силу, и мы кончаем эту войну»¹⁷⁸.

На этой пафосной ноте А.Ф. Керенский закончил свое выступление, вызвав, как сообщалось, бурные аплодисменты на всех скамьях.

Дальнейшие прения откладывались до следующего заседания, назначенного на 12 октября. Перед закрытием заседания слово для внеочередного заявления было предоставлено представителю фракции меньшевиков-интернационалистов Волкову. Он сказал, что за семь месяцев революции власть, основанная на коалиции с цензовыми элементами, обнаружила свое банкротство, полное бессилие вырвать Россию из объятий губительной войны и справиться с разрухой во всех областях народной жизни. Во имя своекорыстных классовых интересов цензовые элементы внутри правительства и в стране делали все, чтобы затягиванием войны задержать дальнейшее развитие революции. В заявлении отмечалось также, что политика планомерного саботажа и обессиливания революции неизбежно вела к усилению дезорганизации в тылу и на фронте, к подрыву доверия обманутых в своих ожиданиях народных масс, к росту анархии и распаду. Тем не менее большинство организованной демократии не нашло в себе решимости взять всю власть в свои руки, чтобы положить конец политике соглашения с контрреволюционной буржуазией.

Результатом капитуляции большинства организованной демократии, — считали меньшевики-интернационалисты, — стало воссоздание коалиции на условиях фактического «возобладания» контрреволюционных кадетско-корниловских элементов, «на началах сохранения безответственного правительства при ублюдочном законосоветательном предпарламенте. Ввиду создавшегося положения значительная часть рабочего класса повернулась спиной к этому предпарламенту и ищет выхода на таком пути, который может стать опасным для самих судеб революции. Предостерегая рабочих от этого пути, мы, меньшевики-интернационалисты, оста-

емя во Временном совете Российской республики (Шум, смех) в твердом убеждении, что временный упадок революции неизбежно сменится новым подъемом. Мы остаемся в Совете, видя в нем одну из арен открытой классовой борьбы, на которой социал-демократы имеют возможность бороться за интересы революции против цензовых элементов и этим отрывать отсталые слои демократии от коалиции с буржуазией»¹⁷⁹. Это заявление интернационалистов вызвало в полярно настроенном зале как смех, так и аплодисменты.

Тогда же, 10 октября, после заседания Совета республики, в Мариинском дворце состоялось закрытое заседание Комиссии по обороне, на котором Временное правительство пожелало сделать сообщение о состоянии обороны страны. На заседании присутствовали министр-председатель и верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский, военный министр А.И. Верховский, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин, командующий войсками Московского военного округа полковник Рябнов и другие высшие военные чины. С большим докладом на заседании выступил начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин. Сообщалось, что его выступление было выслушано с напряженным вниманием¹⁸⁰.

Кроме начальника штаба верховного главнокомандующего с объяснениями выступил помощник начальника штаба г. Вырубов. Членами Совета республики были предложены представителям правительства многочисленные вопросы, на которые отвечали министр-председатель А.Ф. Керенский, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин и военный министр А.И. Верховский. Заседание комиссии было многолюдным. Кроме членов комиссии на нем присутствовали многие члены Предпарламента, не входившие в состав комиссии.

В связи с выступлением 10 октября в Совете республики адмирала Д.Н. Вердеревского газеты рассказывали, что еще 15 марта, т. е. в то время, когда военным министром был А.И. Гучков, адмирал Вердеревский вместе с адмиралом Развозовым, нынешним командующим Балтийским флотом, и капитаном Пилкиным, нынешним помощником военного министра, прислали за общей подписью в Морское министерство телеграмму, в которой настойчиво указывали, что единственный выход из создавшегося положения — передача всей власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. А.И. Гучков велел тогда эту историческую телеграмму пришить к делу¹⁸¹.

Между тем стало известно, что трения во фракции меньшевиков-объединенцев привели в конце концов фракцию к расколу. 26 меньшевиков-интернационалистов выделились и выбрали соб-

ственное бюро, в которое входили И.С. Астров (Повес), А.С. Мартынов (Пикер), Н.Н. Суханов (Гиммер), С.Ю. Семковский (Бронштейн), О.А. Ерманский (Коган)¹⁸². Противоречия между оборонцами и интернационалистами проявились еще в Петроградском комитете социал-демократической партии, так как при составлении списков в кандидаты Учредительного собрания интернационалисты отказались внести в список Н.С. Чхеидзе. Во Временном совете Российской республики оборонцы стали на точку зрения необходимости защиты коалиционного правительства. Интернационалисты же являлись противниками всякого соглашательства.

10 октября состоялось организационное заседание Комиссии по обороне. Председателем комиссии был выбран С.Ф. Знаменский (народный социалист), товарищами председателя М.И. Скобелев (социал-демократ) и А.И. Шингарев (кадет)¹⁸³.

Сообщалось, что в состав кооперативной группы Совета Российской республики входили 18 человек. Председателем бюро группы был избран Н.В. Чайковский¹⁸⁴.

Появилась информация, что в одном из ближайших заседаний образовавшийся блок национальных групп намеревался внести запрос о событиях в Туркестане¹⁸⁵. Министр труда К.А. Гвоздев, только что вернувшийся из поездки в Баку, рассказывал, что жизнь в нефтепромышленном районе постепенно налаживалась. Трения между рабочими и предпринимателями удалось сгладить.

Стало известно, что члены Совета республики — евреи решили относительно всех своих выступлений по еврейскому вопросу совещаться совместно¹⁸⁶.

В откликах, последовавших на второе заседание Временного совета, отмечалось, что оно выдвинуло вопросы огромной важности для выяснения современного положения и политического курса коалиционного правительства. Самым неотложным и животрепещущим был вопрос о состоянии обороны страны и о поднятии боеспособности армии. На эти главнейшие вопросы страна имела право ждать ответа от правительственных выступлений 10 октября. Увы, сетовали участники и свидетели заседания, этих ответов не прозвучало¹⁸⁷. Три министра, в руках которых было сосредоточено дело обороны страны, по необходимости затрагивали упомянутые выше коренные вопросы. «Но уже в том, как они их затрагивали, проявилось желание правительства считаться не столько с существом вещей, сколько с тактическими условиями политического момента. Еще ярче сказалась обязательность для говоривших членов правительства считаться с определенными партиями в самом содержании даваемых ответов»¹⁸⁸.

Могла ли страна рассчитывать на поднятие боеспособности армии? Вот первый вопрос, оставшийся без прямого ответа. Между

строк, в тоне говоривших звучала большая неуверенность и скептицизм. Но в ораторских заключениях речей, в оговорках ярко звучал официальный оптимизм, обусловленный официальной верой в ответственность предлагавшихся средств. Плохо скрытая неуверенность свидетельствовала об исключительно официальной вере в успех и условности исходных точек зрения, официальных партийных позиций, хорошо известных и понятных выступавшим. Не прозвучало ничего нового, что двинуло бы дело сразу, с энергичной быстротой, диктуемой молниеносным темпом событий.

Хуже других, судя по отзывам кадетов, прозвучала речь военного министра, в которой уклончивость, противоречие между оптимистическими формами и пессимистическим содержанием, между фразой и делом были особенно заметны¹⁸⁹. Он вплотную подходил ко всем темам: поднятие дисциплины в армии, командный вопрос, анархия в тылу, отношения тыла и фронта. Однако прав был генерал М.В. Алексеев, заметивший, что программа военного министра впервые была намечена еще в июле. В речи генерала А.И. Верховского присутствовали только заголовки этой программы. Готовность правительства добиваться претворения ее в жизнь была сомнительна, поскольку с июля по октябрь осуществление этой программы не продвинулось ни на один шаг.

Ответ на вопрос, что этому мешало, прозвучал в полемике А.Ф. Керенского с Ю.О. Мартовым. Интересно, что в своем ответе министр-председатель оправдывался, исходя из точек зрения своих противников слева. Доказывая, что поступал всегда в соответствии с позициями любой партии «революционной демократии», он лишь изредка позволял себе отмежеваться от «крайних из крайних», упрекая их в «невольном» содействии врагам и контрреволюции, в «субъективном» фанатизме и в «объективном предательстве». Такая озабоченность самооправданием перед левыми лишила речь Керенского всякой конкретности и доказательности. Утратив контакт с реальной действительностью, министр-председатель оказался во власти фразы и обязательного для данного момента официального лицемерия¹⁹⁰.

Это привело к тому, что действительные средства лечения военного распада сделались органически невозможными. По многим обмолвкам можно было судить, что и Керенскому, и генералу Верховскому эти средства известны, так как они слишком элементарны. «Но... генерал Верховский, подходя к ним, немедленно останавливался, ставил многоточие и неизменно заявлял: только вы, господа народные представители (он так и величал членов совета «народными представителями», что вызвало ряд замечаний с мест), можете нас, правительство, уполномочить на применение этих средств. Излишне прибавлять, что во всех этих случаях военный министр

разумел средства принудительные»¹⁹¹. Однако уже у морского министра, как отмечалось выше, эти средства превратились в водворение «добровольной дисциплины», под которой, видимо, неопытный оратор разумел дисциплину сознательную.

Коренную трансформацию претерпели взгляды А.Ф. Керенского. Увлеченный политической задачей, он окончательно отверг принудительные средства, которые поддерживал еще недавно на московском Государственном совещании 12–15 августа, заявив, что между ним и Л.Г. Корниловым нет принципиальных разногласий. Теперь министр-председатель решительно отмежевывался от всего, что тогда признавалось единственным путем для восстановления боеспособности армии. Эта программа объявлялась «старым путем», который необходимо навсегда бросить. Керенский активно подхватывал заявление, что русская армия — самая свободная и может быть излечена такими «лекарствами», которые никогда не употреблялись ни для каких других армий в мире. Имелось в виду дальнейшее, уже систематическое, применение тех самых приемов, которые еще совсем недавно единодушно признавались приемами, приведшими к развалу армии. А.Ф. Керенский обрадовал Предпарламент сообщением, что программа военного министра — его собственная программа и теперь, после произведенных им перемен, новый состав офицерства вполне с его программой согласен.

Учитывая полярные настроения членов Предпарламента, вполне очевиден был разброс мнений по всем обсуждавшимся вопросам. На кадетов, по их отзывам, второе заседание произвело весьма тяжелое впечатление. Перспективы поднятия боеспособности армии выглядели еще менее оптимистическими, чем раньше¹⁹².

10 октября 1917 г. состоялось также заседание фронтовой группы Совета Российской республики, на котором присутствовали Я.Б. Печерский, М.С. Бинасик (Новоседский), Т.В. Леонтьев, Б.Ф. Соколовский, Б.В. Безобразов, А.М. Кожевников, Н.А. Афиногенов, А.Д. Малевский, В.С. Венгеров, Г.Е. Нагаев. В ходе прошедшего обсуждения было постановлено образовать во Временном совете Российской республики военную группу, в которую, в качестве ядра, вошла бы фронтовая группа. В соответствии с постановлением солдатской секции, в бюро военного отдела Центрального исполнительного комитета от фронтовой группы были избраны Малевский, Леонтьев, Кожевников и Соколовский. Членами сенъорен-конвента Совета Российской республики стали Малевский и Венгеров. Было избрано временное бюро фронтовой группы в составе трех лиц: Кожевников, Афиногенов и Соколовский¹⁹³.

Сообщения о настроениях в армии поступали в Петроград постоянно. 12 октября, в частности, в телеграмме на имя министра-председателя Временного совета Российской республики, ЦИК Со-

вета рабочих и солдатских депутатов, представитель 10-й армии товарищ председателя армейского комитета Х. Рубинштейн сообщал: «Моральное и физическое состояние армий ухудшается, с каждым днем положение становится все более безнадежным. Тыл покинул армию. Запасы хлеба и продуктов питания истощаются. Надеяться на планомерную доставку из внутренних районов вряд ли возможно, реквизиция хлеба в тылу встречает враждебное отношение. Во всех слоях и классах населения властвуют лишь эгоистические принципы. Промышленные круги, не считаясь с народным бедствием, взвинчивают цены на продукты потребления, умышленно тормозят осуществление и проведение в жизнь налогов, которые должны нести. Интенсивность труда рабочих на заводах понижается. В деревнях хищения, грабежи, уничтожают инвентарь. Кругом произвол. В городах погромы. Воззвания правительства и демократических организаций ни к чему не приводят. Нет реальных сил, которые положили бы предел развалу. Многие солдаты являются не только пассивными зрителями, но зачастую непосредственными пособниками и виновниками погромов. Мы, представители 10-й армии, находим, что все эти пагубные явления влияют на настроение солдат фронта, не надо забывать, что они оставили в тылу родных, близких необеспеченными, семьи их голодают и находятся под угрозой насилий и погромов. При таком положении вещей действующая армия теряет последнюю веру в тыл.

Настала осень, впереди зима. Сапог нет, теплых вещей мало. Физическая усталость большая, а замены людьми нет. Приходившие из тыла в малом количестве пополнения плохо обучены, развращены и внесли лишь дезорганизацию, чем подорвали последние силы армии. Большинство не бывших на фронте продолжает оставаться в тылу в твердой уверенности, что лишь те, кто отдал и продолжает отдавать последние силы должен защищать фронт. В тылу предатели, изменники свободы и родины ответственности не несут. Моральный суд для них не существует, а законы и распоряжения Временного правительства ими дискредитируются, обязанностей гражданского долга для них нет. Каждый день приносит новые тяжелые испытания. Каждый день приносит новые беды и новые территориальные потери. Флот сражается героически, напрягает последние усилия в неравной борьбе с противником более подготовленным и количественно превосходящим во много раз. Армия на севере выносит натиск врага и ждет подкреплений. А из солдат тыла одни продолжают заниматься торгашеством, а другие примкнули к погромным толпам. Терпение солдат на фронте истощается. Слышны стоны погибающих во имя всеобщего мира, погибающих без поддержки. Войсковые организации бессильны и не в праве удерживать голодную, раздетую и количественно слабую армию на

фронте. И если тыл и Временное правительство не в состоянии помочь армии, то надо иметь мужество в этом сознаться. Во внешней политике пора положить конец отвлеченным рассуждениям о мире, необходимо стать на почву активной борьбы за мир и определенно формулировать условия, приемлемые для демократии всего мира. Лишь надежда на скорый мир и уверенность восстановления порядка в тылу могут создать те условия, при которых армия будет напрягать усилия для защиты родины и свободы»¹⁹⁴.

12 октября 1917 г. президиум Временного совета Российской республики предложил Совету республики поручить комиссии личного состава проверить, по возможности, в самом непродолжительном времени полномочия членов Временного совета и передать на заключение той же комиссии поступавшие в Совет республики ходатайства общественных и политических организаций о предоставлении им мест во Временном совете¹⁹⁵.

В состав Совета старейшин Предпарламента были, в частности, избраны: от фракции социалистов-революционеров — А.Р. Гоц, Б.Н. Зензинов, В.А. Карелин, М.А. Натансон, Д.С. Розенблюм, В.И. Сизиков и В.М. Чернов; от меньшевиков — Б.О. Богданов, С.А. Вайнштейн, Д.А. Дан и др.; от народных социалистов — М.Е. Березин и В.Н. Ферри; от меньшевиков-интернационалистов — Ю.О. Мартов и В.Е. Мандельберг; от группы бунда — Р.А. Абрамович; от кооперативной группы — Н.В. Чайковский; от группы общественных деятелей — И.Н. Сахаров; от торгово-промышленной группы — Н.Н. Кутлер и от фракции народной свободы — П.Н. Милюков, М.М. Винавер, Ф.И. Родичев и А.И. Шингарев (заместитель М.С. Аджемов)¹⁹⁶.

13 октября министр-председатель и верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский выступил в Предпарламенте с речью о планах эвакуации правительства из Петрограда в Москву и о разгрузке Петрограда. Полагая, что зимой обстановка в Петрограде позволит Учредительному собранию приступить к работе, Временное правительство не исключало осложнения ситуации весной. Поэтому оно должно было срочно приступить к проведению в жизнь плана постепенной эвакуации из Петрограда учреждений, не связанных с основными функциями управления и законодательства будущего, чье отсутствие в центре политической и государственной жизни страны не могло бы отразиться вредно на деле и повлиять на успешный ход работ.

Керенский считал, что Временное правительство должно было, не разрушая и не потрясая без надобности основ государственного управления, ввиду создавшихся условий, готовиться к такому положению, «при котором, если бы пришлось перенести весной центр государственной жизни в другое место, это перенесение произо-

шло бы с наименьшим перерывом в правильной работе государственного организма и с наименьшей потерей времени и затратой энергии, а также с полным исключением всякой паники и всякой суматохи в направлении и работах государственного механизма. Это особенно важно в условиях нашей государственной жизни, когда только что родившийся и столь еще молодой и хрупкий аппарат нашей государственности столь легко подвержен самым внезапным, неожиданным, но очень серьезным колебаниям и потрясениям»¹⁹⁷.

Таким образом, Временное правительство предполагало подготовить на случай необходимости в Москве достаточно помещений и удобные условия работы для Учредительного собрания и центральных органов власти, если такой переезд потребовался бы по условиям весенней кампании. Тем временем, эвакуация из Петрограда государственных учреждений, не связанных теснейшим образом с правильным функционированием Временного правительства, а в ближайшем будущем и Учредительного собрания, уже началась и должна была продолжаться.

Кроме вопроса об эвакуации, понимавшемся в узком смысле слова как переезд учреждений государственной важности, был еще и другой вопрос — о разгрузке Петрограда. Подробнее о том и другом должен был рассказать министр призрения, заведующий эвакуацией и разгрузкой Петрограда. Керенский отметил только, что эти две стороны работы между собой различались по своим задачам. Разгрузка Петрограда стояла вне всякой зависимости от того, приблизится ли весной или зимой фронт неприятеля ближе к Петрограду, и была вызвана сложным положением транспорта и, следовательно, продовольственного снабжения столицы и всего северного района, трудностями подвоза всех необходимых предметов для отопления и работы всех как правительственных, так и общественных, частных предприятий, связанных с промышленной и заводской деятельностью. Из всех фронтов и районов России в наиболее трудном положении, по условиям транспорта и местным условиям, находился именно северный район и все местности, окружавшие Петроград, в особенности Прибалтийский край, русский северный край и Финляндия. Поэтому разгрузку, т. е. уменьшение тягости и нормы подвоза, необходимых для этих районов, Временное правительство считало задачей совершенно неотложной.

Правительство, вместе с тем, полагало, что общественное мнение не должно было эвакуацию и разгрузку превращать в вопросы тревожные, будирующие население, переносить их в плоскость политической борьбы. Наоборот, раздавались призывы внушать и разъяснять населению необходимость всяческого содействия в этих

мероприятиях, стремиться к успокоению и благоприятному выходу из сложного положения, сложившегося на севере России, избавляться от опасных предрассудков и волнений. Населению страны и столицы предлагалось с большим вниманием следовать обращению Временного правительства о возможном сокращении количества приезжающих в Петроград и увеличении уезжающих на всю зиму из столицы. Все, что могло по своим материальным условиям устроиться в районах, не требовавших подвоза питания, — говорил Керенский, — все это должно было по своему патриотическому долгу, стремлению облегчить задачи обороны и жизни государства по возможности покинуть Петроград, для дел и развлечений в такой массе, как тогда, не приезжать. Несмотря на все меры, принятые Временным правительством, количество уезжавших никак не могло превысить число приезжавших в Петроград.

Заканчивая свои объяснения перед Советом республики, Керенский категорически подчеркнул, что цель предпринятых действий состояла в укреплении, расширении условий обороны столицы, так как ни при каких условиях страна не смогла бы смириться с хотя бы временной сдачей центра управления государством¹⁹⁸.

Представителями различных групп Предпарламента признавалось необходимым образование постоянного большинства, определенного центра в нем, чтобы работа временного парламента могла быть продуктивной. По мнению центральных групп Совета республики, коалиция в нем должна была соответствовать коалиции во Временном правительстве, и входить в нее следовало тем же группам, которые вошли в состав правительства. Некоторые представители Предпарламента, соглашаясь с необходимостью создания работоспособного большинства, полагали, однако, что советский центр должен был быть с уклоном влево, так как две трети Совета республики составляли представители левых групп. Сторонники создания коалиции в Предпарламенте на основах построения коалиции во Временном правительстве считали образование такой коалиции возможной только в том случае, если цензовые элементы пойдут на серьезные уступки¹⁹⁹.

16 октября 1917 г. социал-демократическая фракция меньшевиков Всероссийского совета Российской республики внесла на обсуждение временного парламента законодательное предложение (за подписью 30 членов Временного совета) о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка. Предположение готовилось в соответствии со ст. 15 Положения о Временном совете Российской республики. Первыми тремя подписавшимися были Ф.И. Дан (Гурвич), Гольдман, М.И. Скобелев. В объяснительной записке к этому законодательному предположению меньшевики выражали глубокую обеспокоенность фактами наси-

лия, грабежей, убийств и других нарушений неприкосновенности личности, призывая к принятию решительных мер борьбы с этим явлением, нарушавшим порядок в государстве «в критический момент нашествия врага извне и коренной перестройки политических и социальных отношений внутри страны»²⁰⁰.

Предлагалось создать на местах авторитетный орган — Временный комитет общественной безопасности, опирающийся на содействие правильно организованных демократических масс и способный вернуть вверенную ему местность к спокойной гражданской жизни и правовому созиданию новых форм государственного и общественного уклада жизни. Эти органы опирались бы в первую очередь на местные городские и земские самоуправления, имели бы право объявления местностей на исключительном положении. В такой орган вошли бы также по должности местный комиссар, командующий войсками округа, или начальник гарнизона, местный прокурор палаты или суда, или их заместители. Предусматривалось включение в состав этих органов и представителей местных революционных демократических организаций — Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, профессиональных союзов и кооперативов или районных комитетов снабжения.

Временным комитетам общественной безопасности подчинялись бы все местные военные и гражданские власти. Им предоставлялось право иметь в своем распоряжении военную силу, производить аресты, обыски и реквизиции, брать под свое руководство частные предприятия и принимать все прочие меры, необходимые для прекращения беспорядков. По миновании чрезвычайных обстоятельств объявление местности на исключительном положении отменялось бы и временные комитеты общественной безопасности подлежали упразднению по постановлению или органа местного самоуправления, объявившего местность на особом положении, или Временного правительства.

Внося это законодательное предположение на обсуждение Совета республики, меньшевики просили признать его спешным и поставить на повестку следующего собрания вопрос о желательности.

16 октября министр продовольствия С.Н. Прокопович выступил в Предпарламенте с речью о проекте мероприятий Временного правительства в связи с тяжелым финансовым положением в стране. Он обосновывал необходимость создания органов власти на местах. «Уговоры действуют на людей совестливых, но совестливые люди, они вряд ли идут на эксцессы; рядом с ними везде и всюду имеются люди, потерявшие совесть. Относительно этих людей принуждение необходимо»²⁰¹. Прокопович призывал прекратить анархию, на местах создать органы власти и обеспечить материальной силой для

защиты своих постановлений, чтобы каждому русскому гражданину гарантировать элементарные права. Без этого министр не видел возможности разрешения продовольственной проблемы и обеспечения страны хлебом.

Между тем информация о готовившемся выступлении большевиков широко распространилась по столице, став достоянием гласности для обывателей. Так, например, на имя «граждан Российской Предпарламента» поступило заявление от рабочего Трубочного завода Маркова с призывом к принятию мер против пропаганды Ленина. «Вероятно Вам неизвестно, что готовит он Петрограду на 20-е октября. Вчера я был на собрании большевиков в частной квартире и там уже по жребию распределялись богатые обитатели и торговцы между рабочими заводов, кому и где грабить во время беспорядков. На собрании присутствовали солдаты Петроградского гарнизона и тоже распределили районы, где, кому и что грабить»²⁰². 17 октября 1917 г. по распоряжению Председателя Временного совета Российской республики заявление рабочего Маркова было препровождено комиссару Временного правительства над управлением бывшего Петроградского градоначальства²⁰³.

17 октября председатель Совета республики Н.Д. Авксентьев обратился к министру почт и телеграфов с просьбой о содействии в организации доставки повесток и материалов членам Предпарламента. Для этой цели требовалось обеспечить канцелярию Временного совета соответствующими перевозочными средствами, предоставляя в ее распоряжение «ежедневно по восьми лошадей с почтовыми двуколками»²⁰⁴.

Шестое заседание Временного совета Российской республики было намечено на среду, 18 октября, на 11 часов утра. Планировались следующие мероприятия: 1. Дополнительное избрание членов комиссии: по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией (двух членов) и в земельную (шесть членов). 2. Избрание по одному члену в комиссии: по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией (взамен Керенского) и продовольственную (взамен Векилова). 3. Продолжение обсуждения сообщения Временного правительства о состоянии обороны государства. 4. Законодательное предположение 30 членов Временного совета о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка (первый подписавшийся Ф. Гурвич (Дан)) (по вопросу о направлении; ст. 15. Пол. о Вр. сов. Рос. респ.). 5. Заявление (№ 2) 32-х членов Временного совета об обращении к министру-председателю в порядке ст. 11 Пол. о Вр. сов. Рос. респ., с вопросом о том, предполагает ли Временное правительство внести на рассмотрение Временного совета проект положения о зе-

мельных комитетах (первый подписавшийся Н. Суханов (Гиммер)). 6. Обсуждение сообщения министра иностранных дел по внешней политике. 7. Разъяснения министра внутренних дел на предъявленный министром продовольствия и внутренних дел, в порядке ст. 11 Пол. о Врем. сов. Рос. респ., вопрос по поводу имеющих место самочинных захватах продовольственных грузов, предназначенных для столицы, больших городов и армии Северного фронта. 8. Обсуждение разъяснений министров продовольствия и внутренних дел на предъявленный им, в порядке ст. 11 Пол. о Врем. сов. Рос. респ., вопрос по поводу имеющих место самочинных захватов продовольственных грузов, предназначенных для столицы, больших городов и армии Северного фронта»²⁰⁵.

18 октября, в среду, заседание открылось довольно поздно, около 12 часов, с запозданием даже несколько больше обычного, под председательством Н.Д. Авксентьева. После оглашения поступивших дел и некоторого изменения повестки, принятой Временным советом, секретарь огласил объяснительную записку и текст законодательного предположения о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка, внесенного фракцией РСДРП (объединенной). Председатель объяснил при этом, что оглашение в собрании объяснительной записки вызвано невозможностью вовремя размножить и раздать ее членам Совета.

Однако по окончании чтения записки трибуну занял кадет К.К. Черносвитов, указавший, что каждый законопроект, прежде чем слушаться по вопросу о желательности, должен быть напечатан и роздан всем. Только через 3 дня после этого его можно было включать в повестку дня. Следовательно, если он не напечатан и не роздан, соответствующий параграф указа был, безусловно, нарушен.

В связи с этим заявлением Черносвитова возникли продолжительные прения по вопросу о направлении законодательного предположения. Указания председателя на технические затруднения, срочность вопроса на тот факт, что повестка собрания соответствующей формулировкой п. 4 была утверждена общим собранием в понедельник 16 октября, не удовлетворили кадетов. Они выдвинули свои лучшие силы для вящего посрамления левых, осмелившихся пренебречь всеми тонкостями парламентской практики во имя скорейшего разрешения одного из наиболее жгучих вопросов российской действительности. Дважды выступал А.И. Шингарев, затем М.С. Аджемов, М.М. Винавер²⁰⁶.

Отвечая на юридические построения кадетов, Ф.И. Дан и М.И. Скобелев указывали, что пунктуальное следование Думскому наказу не оправдывалось по двум соображениям: во-первых, Положение о Временном совете в вопросе о направлении законо-

проектов существенно отличалось от Положения о Государственной думе; во-вторых, предложенное кадетами направление законопроекта в комиссию по вопросу о желательности значительно усложнило бы дело. Четырехэтапный способ рассмотрения проекта, предусмотренный Временным положением, в данном случае предлагалось превратить в пятиэтапный. Ф.И. Дан отметил, что именно таким способом все законопроекты левых фракций хоронились в комиссиях Государственной думы.

На баллотировку были поставлены два предложения: немедленно открыть прения по вопросу о желательности и сдать в комиссию для заключения по вопросу о желательности. Согласно требованию Наказа, слово по вопросу о направлении в комиссию было предоставлено двум ораторам «за» и двум «против». Слово «против» взяли А.А. Булат и Сорокин, «за» — М.М. Винавер и представитель группы кооператоров В.К. Иков. Голосование дало победу правой части собрания: большинством 102 голосов против 95 законопроект передавался в комиссию для заключения по вопросу о желательности. Дополнительным голосованием было постановлено, что свое заключение комиссия сделает в пятницу, 20 октября.

Затем общее собрание Предпарламента перешло к рассмотрению внесенного меньшевиками-интернационалистами вопроса Временному правительству о том, намерено ли оно внести на рассмотрение Совета республики разрабатывавшееся правительством Положение о земельных комитетах. Первым по вопросу о спешности говорил Н.Н. Гиммер (Суханов), указавший, что обсуждение Положения во Временном правительстве заканчивалось и немедленно вслед за этим Положение могли опубликовать. Таким образом, по его мнению, спешность обуславливалась самим существом дела.

Представитель фракции эсеров М.Я. Гендельман также высказался за спешность, считая, что единственно верным средством борьбы с развивавшимися в деревне беспорядками могло стать только скорейшее урегулирование вопросов землепользования.

Предпарламент единогласно высказался по этому вопросу за спешность, и слово по существу вопроса снова получил Н.Н. Гиммер (Суханов). По его словам, основная цель правительственного законопроекта состояла в сбережении наличности земельного фонда до Учредительного собрания, но от Положения о земельных комитетах зависела также продовольственная кампания будущего года, так как только планомерное регулирование сельскохозяйственного производства могло обеспечить страну хлебом. Между тем это планомерное регулирование могло находиться исключительно в руках будущих земельных комитетов.

Кроме того, он считал, что рациональное положение земельных комитетов было единственно правильным средством борьбы

с анархией. Гиммер упрекал правую часть собрания и Временное правительство в том, что из всей программы 14 августа они обращали внимание только на борьбу с анархией, используя исключительно метод репрессий. «Хотя Совет и не является тем учреждением, каким он должен был быть по первоначальной мысли, возникшей в Ц.И.К. р. и с. д., но это не значит, что Совет должен идти по пути дальнейшего умаления своих прав»²⁰⁷. Настаивая на необходимости внесения этого вопроса, Гиммер упомянул о правах самодержавной власти, которые присвоило себе правительство. Председательствовавший Н.Д. Авксентьев, прервав оратора, заметил, что Временное правительство не присваивало себе самодержавной власти, а пользовалось суверенной властью, врученной ему революцией.

Позицию интернационалистов поддержали представитель левых эсеров А.Л. Колегаев и представитель фракции эсеров Сорокин. От кадетской фракции выступил А.А. Кауфман, указавший, что их фракция поддерживала вопрос интернационалистов, что расхождения обнаружатся, когда Совету республики придется перейти к рассмотрению самого Положения. Последним выступал представитель фракции РСДРП (объединенной) П.П. Маслов, также заявивший о поддержке фракцией этого вопроса. Прошедшим голосованием вопрос интернационалистов был принят единогласно.

Как и предусматривалось повесткой дня, далее собрание перешло к прениям по вопросу об обороне. Первым выступил Н.В. Чайковский, огласивший от имени кооперативной группы формулу перехода трудовой народно-социалистической партии, группы «Единство», крестьянского союза, партии народной свободы, радикально-демократической партии, казачьей группы, торгово-промышленной группы и некоторых из национальных групп.

В этом проекте отмечалось, что грозное положение страны диктовало напряжение моральных и материальных сил всех групп, классов и национальностей к отражению врага и защите целостности и независимости родины. «Силы страны отнюдь нельзя считать истощенными. Государственная власть должна прежде всего озаботиться водворением порядка в стране и армии, упорядочением сельскохозяйственных отношений»²⁰⁸.

Далее в документе говорилось о необходимости регулирования взаимоотношений различных органов государственной власти, проведения твердой экономической политики, борьбы с самоуправством, самосудами и другими проявлениями анархии. Заканчивалась формула перехода приветствием действующим армии и флоту, призывом ко всем гражданам о поддержании порядка, неустанном труде, самоограничении, жертвах.

П.Б. Струве от имени группы общественных деятелей присоединился к формуле, оглашенной Н.В. Чайковским, указав, однако, что формулу эта группа не считает вполне удовлетворительной. Непосредственно формулу перехода левых социалистов-революционеров огласил от имени фракции Сорокин.

Последним по вопросу об обороне выступил казак Анисимов. В длинной и чрезвычайно угловатой речи он упрекал Временное правительство в том, что оно пошло по пути демагогии. Из всех министерских выступлений только в речи министра продовольствия он слышал настоящую правду. «Если правительство пойдет по этому пути и далее, оно придет к банкротству»²⁰⁹. Говоря о необходимости восстановления дисциплины в армии и водворения порядка в стране, оратор поддерживал метод принуждения. «Иначе народ стихийно отвернется от руководителей революционной власти и пойдет с поклоном в Тобольск. Мы же, казаки, останемся с тем здоровым русским народом, который действительно заинтересован в судьбах революции и в судьбах своей страны»²¹⁰.

После речи Анисимова в заседании был объявлен перерыв. После перерыва Совет республики перешел к голосованию формул перехода по вопросу об обороне страны. Всего поступило пять формул, внесенных в следующем порядке: 1) формула меньшевиков-интернационалистов; 2) фракции РСДРП (объединенной); 3) левых социалистов-революционеров; 4) Н.В. Чайковского, внесенная от имени кооперативной группы, народных социалистов и других групп; 5) фракции социалистов-революционеров²¹¹.

А.А. Булат предлагал изменить порядок голосования: первые три формулы голосовать в порядке их поступления, затем формулу перехода фракции эсеров и последней — формулу Н.В. Чайковского. Е.Д. Кускова высказалась против. Предложение об изменении порядка голосования было отвергнуто большинством 131 против 127.

Для изложения мотивов голосования народно-социалистической фракции и кооперативной группы кафедру Предпарламента занял А.В. Пешехонов. Являясь сторонниками активной внешней политики в целях скорейшего достижения мира, они находили излишним и неудобным говорить об этом в формуле перехода, касающейся непосредственно обороны. Это могло привести к появлению в армии настроений, параллельных большевистским лозунгам — о возможности достижения мира без силы оружия и не защищая родину. Далее, они были также убежденными сторонниками передачи земли трудовому народу, но упоминать об этом в формуле перехода не считали нужным, так как русская армия, состоявшая в большинстве своем из крестьян, не нуждалась ни в каком платёже, который нужно было бы ей обеспечить сначала. Немедленная передача земли земельным комитетам была невозможна. Между

тем армия могла понять такие заявления также в смысле большевистских лозунгов: что родины не надо защищать, пока земля не будет фактически передана. Будучи принципиальными противниками смертной казни, народно-социалистическая фракция и кооперативная группа не считали возможным затрагивать этот вопрос мимоходом в обсуждавшейся резолюции. Они полагали, что непродуманное отношение к этому вопросу особенно опасно, когда в стране при остановленных смертных казнях по суду происходили чуть ли не повсеместные смертные казни по самосуду. Ввиду всех этих соображений они находили для себя невозможным голосовать за те формулы, в которых имелись упомянутые пункты. При голосовании же формулы социалистов-революционеров они собирались воздержаться.

С.В. Вржосек от имени группы социалистов-революционеров оборонцев-государственников заявил, что он присоединяется к формуле Н.В. Чайковского и будет голосовать против всех остальных формул по тем же соображениям, которые привел А.В. Пешехонов.

Затем трибуну занял Ф.И. Дан, сделавший заявление от фракции социал-демократов меньшевиков. В нем говорилось, что «наша армия не представляет собою такого скопища людей, которым можно управлять, просто приказывая и не объясняя, во имя чего она борется. Поэтому, ставя перед армией ее задачи, мы считаем себя обязанными в нашей формуле сказать правду по всем вопросам, которые эту армию интересуют, и ответ на которые может вдохнуть в армию энтузиазм и моральную силу, которые нужны для того, чтобы она обороняла свое отечество. Мы считаем поэтому вредным умолчать о том, что Совет республики будет прилагать все усилия для того, чтобы скорейшее достижение мира на справедливых началах стало не только красивой фразой, а реальной задачей политики нашего правительства. В этой формуле должно быть сказано, что наша армия борется за скорейшее достижение мира»²¹².

Меньшевики требовали заявить в документе, что «заветные чаяния миллионов русского народа» о получении земли будут осуществлены в ближайшее время. «Наконец, мы считаем необходимым сказать, что возмутительный характер смертной казни, относительно которого официально объявлено, что он не приводится в исполнение, будет немедленно отменен»²¹³. Они намеревались голосовать против формулы меньшевиков-интернационалистов, из-за несогласия с тезисом об обязанности правительства взятия на себя инициативы немедленного перемирия на всех фронтах. Предпочтение отдавалось перспективе открытия мирных переговоров общими усилиями — России и ее союзников. В таком виде, как предлагали меньшевики-интернационалисты, вопрос о мире можно было понять как провозглашение немедленного перемирия только на рус-

ском фронте. Фракция социал-демократов меньшевиков планировала голосовать и против формулы Н.В. Чайковского, так как не находила там «мужественного слова» ни о мире, ни о земле, а только нападки на демократические организации и угрозы репрессиями. «Если наша формула не пройдет, мы будем поддерживать формулу с.-р. с оговоркой, что передачу земли народу мы понимаем так, что в ведение земельных комитетов не будут переданы все земли, а исключительно земли помещичьи»²¹⁴.

Последней по мотивам голосования выступила П.Н. Шишкина-Явейн от Лиги равноправия женщин, заявившая о присоединении к формуле Н.В. Чайковского²¹⁵.

Выслушав все речи по мотивам голосования, Совет республики перешел к голосованию формул перехода. Формула меньшевиков-интернационалистов, голосовавшаяся первой, была отвергнута большинством всех против 42. Не прошла также формула левых эсеров: «против» — большинство, «за» — 38. Формула социал-демократов (объединенных) также не получила поддержки большинства.

Формула Н.В. Чайковского сначала была принята большинством 141 голоса против 132 при 6 воздержавшихся, но при повторном голосовании путем выхода в двери — отвергнута большинством 139 голосов против 135 при 1 воздержавшемся.

Последней голосовалась формула правых социалистов-революционеров, отвергнутая большинством 127 против 95 при 50 воздержавшихся.

Таким образом, Предпарламент по вопросу об обороне не принял ни одной из предложенных формул, и председатель Н.Д. Авксентьев предложил просто перейти к следующему пункту повестки — обсуждению заявления министра иностранных дел. Кафедру занял П.Н. Милюков, присоединившийся к мнению М.И. Терещенко о связи между вопросами обороны и вопросами внешней политики. «От вождей революционной демократии мы привыкли слышать, что дважды два — пять, и мы с громадным удовольствием услышали от них, что дважды два — четыре: становится общепризнанным, что оборона государства — главнейшая задача момента, что для ее успеха необходима дисциплина в армии, порядок в стране, что необходима сильная власть.

Однако в области внешней политики до сего времени пользуется достаточной популярностью взгляд, претендующий на связь с интернационалом, а в действительности являющийся продуктом перегретой атмосферы, в которой вращается наша эмигрантская кружковщина.

Сторонники этого взгляда искренне верили, что распад в России приведет к распаду всего буржуазного мира, и с этой точки зрения они спокойно говорили, что в разгар войны солдаты долж-

ны уйти из окопов и бороться не с неприятелем, а с помещиками и капиталистами»²¹⁶. В качестве примера П.Н. Милюков приводил доклад Ю.О. Мартова (Цедербаума) на Кинтальской конференции и заявления министров-социалистов о целях их вхождения в кабинет — не для установления социального мира, а для ведения классовой борьбы. «Германские социал-демократы смотрели на этих господ с нескрываемым презрением, но они решили, что для России это годится, и послали сюда проповедника всеобщего мира (слева раздались протестующие возгласы: финляндские деньги). Вы недавно получили список тех господ, которые приехали сюда этим путем, и в этом списке есть имена сидящих здесь.

Формула нашей революционной демократии весьма проста: нужно заявить союзникам: “нам ничего не надо, нам не за что сражаться”, — тогда наши противники заявят то же самое и братство народов станет свершившимся фактом»²¹⁷.

Милюков отметил, что ни Церетели, ни Керенский до сих пор не отреклись от Циммервальда, между тем поездка делегатов Совета за границу показала яркое расхождение чисто социалистических лозунгов с требованиями жизни. Оратор критиковал наказ Скобелеву, назвав его «продуктом официального лицемерия». «Мы не понимаем положения М.И. Скобелева. Что он будет делать в качестве члена правительственной делегации: молчать или высказывать мысли, диаметрально противоположные тому, что будет говорить министр иностранных дел. Единственный выход из положения — совсем не посылать такого делегата»²¹⁸.

Содержание наказа Милюков разделял на три концентрических круга мысли: общепацифистские, стокгольмские, или голландско-скандинавские, и чисто советские. Общепацифистские идеи он разделял, так как всегда был противником войны. Специфически-стокгольмские идеи сводились к тому, что никто в войне не виноват и мир должен быть вничью, в формуле «без аннексий и контрибуций», в отказе от экономической борьбы. Союзники России никогда не соглашались с этими формулами, даже Вильсон отошел от позиции мира вничью²¹⁹. Милюков продолжал: «Однако влияние советских деятелей довольно сильно и за границей, и внутри страны: лицом к лицу с революционной демократией министр иностранных дел отказывается говорить о чести и достоинстве России и только полголоса говорит о национальных интересах России.

Перехожу к третьему кругу идей — советских. Сравнивая Наказ с обращением Стокгольмского комитета, мы увидим, что тезисы этого обращения были пересмотрены для русского Наказа в двух направлениях — в направлении утопизма и в духе германских интересов»²²⁰. Последние слова оратора вызвали шумные протесты слева. Обращаясь к Милюкову, председатель заметил, что, по его

мнению, никто из присутствовавших и вырабатывавших этот Наказ не стремился пересматривать его в духе германских интересов. Милюков, стараясь не оскорбить никого лично, стремился доказать, тем не менее, свою правоту. Он говорил об утопичности требования заключения мира через парламентских представителей и начала мирных переговоров сразу после отказа противников от насильственных действий. Наивным ему представлялось требование заключать мир не иначе, как на конгрессе с участием нейтральных стран. Ссылаясь на книгу под названием «Стоите ли вы за Россию», изданную лигой инородцев в Стокгольме и Лозанне, П.Н. Милюков заявил, что ненависть к России, которой пропитана эта книга, имеется и в Наказе Скобелеву. «Ведь и Наказ Скобелеву начинается с полного самоопределения Литвы и Латвии»²²¹.

Эта часть речи Милюкова вызвала негодование на скамьях левых. Оттуда раздавались крики: «Ложь!», «Клевета!» Оратор между тем продолжал: «Так расправляется Наказ с Россией. С союзниками он церемонится еще меньше. Наказ Скобелеву более снисходителен к Германии, чем Стокгольмский документ, и в вопросе об Эльзасе-Лотарингии, и в вопросе о возмещении Бельгии за убытки. Сейчас, когда Италия несет на своих плечах тяжелое наследство нашей неурядицы, Наказ предлагает итальянским областям Австрии автономию. (Шум слева.) Наказ предоставил полное самоопределение Добрудже, умолчав о Трансильвании, ибо русский радикализм доходит только до границ Австро-Венгрии. Относительно Сербии Наказ умалчивает об объединении юго-славян и говорит только о доступе к Адриатическому морю и об автономии Боснии и Герцеговины»²²².

Милюков остановился также на истории с Отто Бауэром, заявив, что преступление левых в этом вопросе началось тогда, когда левые заставили Министерство иностранных дел обменять Бауэра на русского инвалида. Заканчивая критику Наказа, оратор пришел к выводу, что русский Наказ неизменно принимал сторону германского решения вопроса. «На нем крепко прикреплен германская марка <...> Идеология Совета р. и с. д. принесла русским интересам громадный вред, парализовав власть правительства и во внешней, и во внутренней политике. Хорошо уже то, что в вопросе о Курляндии и Литве, в вопросе об обеспечении возможности экономического развития министр не идет за Советом»²²³.

По мнению Милюкова, Парижская конференция могла только ухудшить положение. Поскольку соглашение с союзниками предусматривало вопрос о проливах, не имело смысла пересматривать это соглашение во вред России. «Я утверждаю, пересмотр соглашения не навязывается нам никакой объективной необходимостью. Он навязан исключительно советской идеологией, тем заявлением,

которое постоянно здесь повторяется: «надо, чтобы солдат знал, за что он борется и тогда он будет бороться». Это правда, солдат не знает, за что он борется, но вы ведь ему теперь сказали, что не за что бороться, что наших национальных интересов нет и что мы боремся за чужие интересы <...> Так опровергните и скажите, что у него есть за что бороться не для Франции и для Англии, а для России»²²⁴. Текст Наказа Скобелеву не мог успокоить или утешить солдата. Те, кто хотел таким способом заставить его бороться, не понимали дела или лицемерили, считал Милюков.

Во внешней политике реальными признавались только задачи, опиравшиеся на военную мощь, т. е. задачи союзников России, потому что там реальная мощь имела. Милюков закончил свою речь здравицами в адрес доблестных союзников, «света человечества» — передовых демократий Запада и особенно нового бодрого союзника — Америки, «которая неустанно готовит средства вооружения и новые легионы воинов, с которыми, даже если мы будем ослаблены в конец, дело человечества все-таки будет выиграно»²²⁵. Заключение приветствие Милюкова вызвало бурные аплодисменты, перешедшие в длительную и шумную овацию, в том числе слева.

Было решено, что следующее заседание Предпарламента должно состояться в пятницу, 20 октября, в 11 часов утра.

Кроме того, в канцелярию общего собрания поступило заявление № 2 32-х членов Временного совета об обращении к министру-председателю в порядке ст. 11 Положения о Временном совете Российской республики, с вопросом о том, предполагает ли Временное правительство внести на рассмотрение Временного совета проект положения о земельных комитетах. Первым подписавшимся значился Н.Н. Гиммер (Суханов). Поступили также заявления об отказе от звания членов комиссии: а) продовольственной — Векилова и б) по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией — Каменского²²⁶.

В канцелярию Совета республики поступали сообщения о весьма противоречивом отношении населения к Временному правительству. Так, например, в телеграмме от 19 октября вновь избранное уездное земство г. Луги доводило до сведения земской группы Предпарламента, что оно готово всемерно поддерживать Временное правительство в его борьбе с гибельными для свободы России выступлениями безответственных лиц²²⁷.

20 октября заседание Предпарламента открылось с опозданием, около 12 часов, и после сообщения председателя о поступивших очередных делах перешло к продолжению прений по внешней политике, начатых на пленарном заседании 18 октября.

Первым занял трибуну представитель фракции РСДРП (объединенной) Ф.И. Дан (Гурвич). Он заявил, что речи министра ино-

странных дел с величайшим нетерпением ожидала вся страна и особенно российская армия, имевшая на четвертый год войны право знать, за что она воюет. Дан считал, что признаки разложения армии в гибельных для страны формах были очевидны и называл это явление естественным, так как эта война с самого начала не была народной. Имущие классы народными руками и народной кровью решали свои споры, в особенности в России, где имущие классы не могли привести в оправдание войны даже те империалистические мотивы, которые существовали у господствующих классов других стран. «Наше участие в войне было преступлением царизма, искавшего себе спасение от надвигавшейся революции, и имущих классов, выкинувших лозунг “Великой России” не потому, что это вызывалось потребностями капиталистического развития, а в целях отвлечения внимания демократии от вопросов внутренней политики. На этом пути они тоже искали спасения от революции, пытались разрешить внутренние вопросы путем участия России в международной свалке.

Понятно поэтому, что наша революция для широких народных масс и для армии была революцией против войны за скорейшее достижение мира. И господствующие классы обнаружили полное непонимание психологии народных масс, понимая эту революцию как революцию за лучшее ведение войны»²²⁸. Дан отмечал, что не слабость, не разложение российской армии диктовали ей желание мира, а, наоборот, неудовлетворенное стремление к миру усугубляло разложение армии. Не называя это явление специфически русским, он говорил о явлениях разложения во всех армиях воюющих стран, в том числе и у немцев.

С этим утверждением была не согласна правая часть зала, считая, что сведения о недовольстве в других армиях раздувались намеренно. Дан возражал, настаивая, что буржуазной печатью и многими командирами раздуты факты разложения в русской армии. По его словам, социал-демократы меньшевики всегда понимали, что, пока ведется война, необходимо поддерживать армию в бое-способном и организованном состоянии. Если за время революции армия не расплылась, считал Дан, то заслуга в этом принадлежала революционной демократии, «которая одна только работала над организацией нашей армии. Это заслуга армейских комитетов, корпусных, дивизионных и полковых»²²⁹.

На последовавшие возражения и крики справа о том, что без них армия прекрасно бы обошлась, оратор ответил: «Если бы не было этих комитетов, то у нас вообще не было бы армии, так как у нас может быть только революционная армия <...> Со времени революции только революционная демократия энергично заботилась об армии, для имущих же классов их организации были лишь

средством для перехода власти. Поэтому после революции деятельность их замерла, и эти организации стали местом, где укрывались люди, не желавшие проливать кровь за отечество»²³⁰.

Революционная демократия, ведя работу по укреплению армии, говорил Дан, с первых дней войны ни на минуту не прекращала своей деятельности для достижения мира, и одним из первых актов Совета рабочих и солдатских депутатов было воззвание 14 марта. «Вся наша работа была направлена на создание и расширение объединения трудящихся всех стран. Во имя этого объединения мы продолжали и продолжаем работать над созывом международной социалистической конференции»²³¹. Дан критиковал политику Миллюкова, обвиняя его в невнимании к стремлениям народных масс и армии, продолжении националистической, шовинистической линии, оставленной старым режимом. Именно эта политика, считали меньшевики, нанесла удар российской армии и способствовала анархии внутри страны.

Весь дипломатический персонал, считали меньшевики, был оставлен в том же виде, как и при царском режиме, поэтому они не могли быть уверены, что благие намерения министерства доходили до тех мест, где эта политика должна была претворяться в дело. «Отношение дипломатического персонала к политическим эмигрантам в девяти случаях из десяти таково же, каким оно было, когда чуть ли не половина русских консулов состояло в то же время агентами департамента полиции»²³².

Относительно Стокгольмской конференции Дан согласился, что с формальной и юридической точек зрения она являлась частной, созываемой известными группами демократии. Однако он считал целесообразным для правительства, если оно желало опираться на русскую и мировую демократию, оценить эту конференцию как важное событие. «Я должен констатировать, что правительство в недостаточной степени содействовало созыву Стокгольмской конференции, и мы вправе спросить министра, намерен ли он на междусоюзнической конференции требовать, чтобы всем социалистическим партиям была предоставлена возможность участия в Стокгольмской конференции.

Дав в мае и повторив в июле обещание созвать междусоюзническую конференцию, наше правительство слишком мало сделало для выполнения этого обещания. Теперь, когда конференция должна состояться на днях, мы не слышали от Министра иностранных дел ясного ответа на вопрос о целях конференции. Между тем, французская печать и английский министр иностранных дел заявляют, что ни пересмотр договоров, ни определение целей войны не входят в программу конференции. Перед самой поездкой на кон-

ференцию мы должны получить ясный ответ на вопрос, зачем мы туда едем»²³³.

С точки зрения Дана, в речи министра иностранных дел отсутствовала демократичность и революционность позиции, которая могла бы обеспечить России успешность ее политики мира. «Россия в речи Миллюкова — это какая-то бедная родственница, живущая благодеянием чужого благородства и недостаточно это благородство оплачивающая <...> Я не знаю, какая марка привешена к этому выступлению — германская или какая-нибудь другая, но что эта марка не русская, не революционная — это очевидно»²³⁴.

Высоко ценя союзные демократии, меньшевики желали демократического союза с ними для демократических целей, но утверждали, что революционная Россия имела свои огромные плюсы. Во-первых, стоявшая на фронте армия, сдерживавшая громадную австро-венгерскую армию. Во-вторых, будущее страны, сбросившей оковы царизма, «благодаря этому мы и сегодня можем говорить не как бедная родственница, а как равноправные хозяева»²³⁵. В-третьих, моральный вес российской революции. История идет к тому, считали меньшевики, что сами народы будут решать свои судьбы и видеть своего знаменосца в русской революции.

Социал-демократы меньшевики надеялись также, что мировая демократия, зная об этих плюсах, заставляет правительства имущих классов все более становиться на сторону мира. «Представительства, которого добилась демократия на междусоюзнической конференции, — это факт, который должен пробить брешь в затхлых дипломатических канцеляриях. Наш тов. в английской палате общин уже возбудил вопрос о праве английского рабочего класса на такое же представительство. Мы уверены, что этот пример распространится по всем странам воюющей Европы <...>

Подобно министру иностранных дел, мы признаем желательным, чтобы делегация русского правительства представляла одно целое, но это целое должно быть революционно-демократическим (аплодисменты слева), стоящим на революционно-демократической платформе. И пусть все знают, что делегат демократии не будет простым чиновником дипломатической канцелярии. Он поедет либо как представляющий революционно-демократическую платформу, которую должно представлять все наше правительство, либо как самостоятельный представитель революционной демократии»²³⁶.

Что касалось Наказа Скобелеву, то революционная демократия сообщала всем, имевшим возражения против него — юго-славянам, представителям трудящихся классов и другим, — что она не рассматривала его как ответ на все вопросы национального угнетения, существовавшие на свете. Демократы полагали, что исправле-

ние всех колоссальных исторических несправедливостей — дело не войны, а народных революций. Они призывали все угнетенные национальности освободиться своими собственными силами и быть уверенными, что демократии других стран их поддержат.

Дан, стремясь произвести большее впечатление на аудиторию, использовал в своей речи образность и сравнение. «Те, кто ставят вопрос иначе и думают при помощи войны удовлетворить все национальные притязания, ярко показывают, что это только предлог для затягивания войны. Тут странным образом дворянин Милюков сходится с дворянином Лениным, так как последний говорит то же самое: будет воевать до тех пор, пока не разрешим все вопросы национального угнетения. Но дворянин Ленин все-таки выгодно отличается от дворянина Милюкова — он говорит на языке русском, а не готтентотском, который говорит: “что хорошо для меня, то плохо для моего соседа”»²³⁷.

Относительно пункта о Польше, Литве и Латвии позиция революционной демократии состояла отнюдь не в отстаивании для Литвы и Латвии такой же независимости, которая уже была возведена для Польши. Они уточняли, что самоопределение не есть независимость и доказывали всем народам, населявшим Россию, что для успеха классовой борьбы всех трудящихся выгодна связь с великой революционной Россией. Такой же позиции они собирались придерживаться и в отношении Литвы и Латвии, надеясь найти отклик в трудящихся классах. «Ибо, когда литовский сейм провозгласил желательность отделения Литвы от России, во главе этого движения оказались не трудящиеся классы Литвы, а кадет Ичас. Революционная внешняя и внутренняя политика есть самое лучшее средство противодействовать отделению национальностей, поддержанному кадетами, отделению, на котором спекулирует Германия»²³⁸. Подтверждалось также требование опубликования союзных договоров, о котором ничего не было сказано министром иностранных дел.

Наконец, заявил Дан, с кафедры Предпарламента упорно замалчивался пункт, составлявший душу Наказа — вопрос о декларировании всеми союзными державами своей готовности немедленно приступить к мирным переговорам, как только все страны дадут в принципе свое согласие отказаться от насильственных захватов. Революционные демократы считали, что это требование выражало все чаяния и сущность российской революции, «которая с первого дня была революцией мира, но мира справедливого, а не того позорного, который нам старался навязать Милюков»²³⁹. Они утверждали, что, если российская дипломатия использует весь моральный авторитет революции, у нее найдутся еще силы продвинуть вперед дело справедливого мира.

Именно такой политики, с точки зрения меньшевиков, ждали страна и армия от министерства иностранных дел. Сохранялись надежды, что такая политика свяжет Временное правительство с российской и союзными демократиями, сможет пробить брешь в идеологии, державшей в плену широкие слои трудящегося населения и армию Германии. Только такая политика, считали социал-демократы, дала бы армиям уверенность, что кровь их льется только для обороны страны и скорейшего достижения мира.

П.Л. Лапинский-Левинсон (нац. организации, поляки; ППС-левица [Польская социалистическая партия — левица]), заняв в свою очередь кафедру Предпарламента, указал на крупную ошибку утверждавших, будто целью революции являлась победа в текущей войне. «В действительности, главным источником революции именно было безмерное утомление бессмысленной войной солдатских, крестьянских и рабочих масс. Если русская революция внесла во всемирное историческое достояние человечества что-нибудь оригинальное, существенно новое, то это произошло именно в тот момент, когда волна народного возмущения смела правительство Гучкова и Милюкова, потому, что в тот момент революция направила свое острие не только против устоев старого режима, но и против современного мирового империализма»²⁴⁰.

Оратор сожалел, что благодаря коалиционному строению власти внешняя политика революционной России также оставалась в оковах союзного империализма. Это выразилось в отношении к Стокгольмской конференции и в оттягивании союзнической конференции, которая должна была пересмотреть империалистические цели войны. Такая политика привела страну к безвыходному ужасному положению: неприятельские войска — в нескольких сотнях верст от революционной столицы, армия расстроена и разложена, в стране всеобъемлющая экономическая разруха. Страна и революция — на краю гибели.

Причину создавшейся ситуации Лапинский-Левинсон видел в империалистической войне и в тех, кто толкал страну на гибель ради удовлетворения союзных империалистов, которые также извелись и нечего особенного от России не ждали. Международное положение оратору представлялось ясным. Немецкий империализм все время был направлен не на восток, а на запад, и когда он почувствовал себя частично разбитым, он обратился на восток, по адресу России. С пустыми руками немецкий империализм не мог вернуться к массам, также подвергнутым сомнениям, и потому немецкое правительство было вынуждено пойти на какой-нибудь захват.

Опасность революции в Германии, в свою очередь, способствовала этому. «Ведь русская революция хотя и с трудом, но развивалась и становилась грозной опасностью для мирового империализ-

ма господствующих классов, которые стремятся задушить революцию. Прочтите хотя бы «Таймс», чтобы в этом убедиться. Вот что говорит петроградский корреспондент: «...быть может пришествие большевистского правительства — необходимый недуг, сквозь который России придется пройти, пока ядро народа не поймет, что большевики являются теми контрреволюционерами, которые работают рука об руку с врагами России и тайными агентами старого режима (голос справа: верно)»²⁴¹. Далее Лапинский-Левинсон привел следующую выдержку из «Таймс»: «Мы достаточно осведомлены на счет большевиков, чтобы учитывать, что методами мирного воздействия страна никогда не будет освобождена от их зловредного влияния. (Верно! — шумят справа.) Против них имеется только одно лекарство: Керенский указал на него, когда предложил ген. Корнилову отправить кавалерийскую дивизию в Петроград для умирения большевиков. (Верно! — кричат справа.) Свист картечи явится единственным лекарством»²⁴².

Оратор обрушился с упреками на представителей правой части зала, настаивая, чтобы они не смели поддерживать подобные планы — настоящие стремления империалистических кругов. Он утверждал, что большевики — это только псевдоним, под которым разумелся рабочий класс. Британский империализм также ощущал опасность русской революции и был вынужден ускорять конец войны, увеличивая опасность заключения мира за счет России или затягивания войны англо-американским империализмом. С этой войной связывалось много различных планов. Франция, в частности, пыталась навязать в качестве довольно популярной цели отвоевание Эльзаса-Лотарингии.

Лапинский-Левинсон критиковал позицию руководителей российской внешней политики, стремившихся убедить союзников в способности России ждать до весны и затем начать новую кампанию. Он высказывался в поддержку обращения к союзникам с требованием согласия на начало мирных переговоров на основаниях, указанных русской революцией. «Впрочем, мы не тешим себя иллюзией, прекрасно знаем, что наше Временное правительство такой политики не поведет. Мы не тешим себя иллюзией, что Терещенко примет к сведению те указания, которые дает ему левый сектор революционной демократии. И поэтому мы откровенно говорим здесь перед всей страной: это Временное правительство, в составе которого находится настоящий министр иностранных дел, не пользуется нашим доверием и не пользуется доверием революционной демократии. (Аплодисменты слева.) Ту политику, о которой мы говорим, может вести только подлинное правительство демократии, а не коалиционное правительство. На другой день после того, как вспыхнула революция, когда мы еще не успели в запломбирован-

ных вагонах приехать в Россию, мы сказали в Циммервальдском манифесте: или война убьет революцию или революция убьет войну. Но если будет продолжаться то положение, которое создалось теперь, то получится нечто третье, нечто худшее: произойдет процесс немедленного и постепенного их гниения, распада революции и войны. Вот этого не должно случиться, и поэтому я кончаю словами: да убьет революция войну. (Аплодисменты слева.)»²⁴³

После последовавшего затем перерыва первым трибуну Предпарламента занял А.К. Дживилегов, выступивший от имени армянской группы. Высказываясь за разрыв иностранной политики со старых позиций по отношению к армянскому народу, он был чрезвычайно категоричен: «Долг русского народа помочь Армении добиться полной автономии. Свободная Армения должна быть образована решением международного конгресса, от которого армяне надеются получить вечный нейтралитет, подобный швейцарскому»²⁴⁴.

П.Б. Струве отметил в своей речи, что перед Советом республики стоят две задачи: давать разумные советы правительству и влиять на мнение страны. После целого ряда резких выпадов влево оратор перешел к вопросу о целях войны, которые определялись тем, что неприятелем была занята значительная часть русской территории. «Необходимо прекратить вредные разговоры о целях войны. Революционная демократия стучится во все двери, выпрашивая мира, и всюду получает отказ. И это неудивительно: кто выпрашивает мира, тот получает его тогда, когда более сильный ему его продиктует. Объяснение нашего тяжелого положения заключается в той утопической пропаганде мира, которая началась в стране с первых же дней революции. Ничего подобного не могло произойти ни в Германии, ни в союзных странах.

Не правы те, кто говорят, что в союзных странах война ведется империалистическими правительствами, а не народом, и мы должны разоблачать и клеймить этот обман»²⁴⁵.

Германские социал-демократы, по мнению оратора, являлись прежде всего немцами и добрыми буржуа, и Струве утверждал поэтому, что русская революция, разложив русскую армию, лишь разожгла аппетиты германского империализма. «Единственный инструмент мира — армия, и прав был министр иностранных дел, говоря, что сейчас мы дальше от мира, чем были в начале революции.

Наша программа — неприкосновенность и целостность нашей территории, и только власть, которая будет стоять на почве такого понимания войны, будет пользоваться нашим признанием»²⁴⁶.

Тезис о том, что война ведется Россией ради интересов союзников, Струве считал утверждением германского происхождения: Германии было выгодно расколоть коалицию. Германия напала на

Россию, так как боялась будущего роста России. «Отсюда следует, что мы прежде всего защищаем самих себя. Германский удар на Россию не удался, так как русская армия была обучена и дисциплинирована. Это показал славный галицийский поход, одного из доблестных руководителей которого мы имеем в нашей среде»²⁴⁷. При этих словах оратора правая часть зала встала и устроила шумную овацию по адресу генерала М.В. Алексева.

Слева раздались вопросы об отношении к генералу Л.Г. Корнилову. П.Б. Струве ответил, что Корнилов бежал из германского плена после смертельных ран, «и имя его мы признаем честным, что бы ни говорили. (Сильный шум слева.) И за это честное имя мы отдадим нашу жизнь»²⁴⁸.

Оратора прервал сильный шум и протесты слева. Раздались голоса, требовавшие, чтобы председатель призвал П.Б. Струве к порядку. «Бонапартист-Струве», — кричал Ю.О. Мартов с места. Председатель призвал Мартова к порядку. В ответ на это Н.Н. Суханов закричал: «Пусть он скажет, оскорблен он или нет». Продолжая свою речь, П.Б. Струве проводил аналогию между корниловским заговором и действиями Украинской Рады. После революции, говорил он, начались плачевные уступки новой власти и оргия большевистско-интернационалистской пропаганды. Под бурные аплодисменты справа оратор характеризовал большевизм как смесь «интернационалистического яда со старой русской сивухой». В доказательство такой характеристики Струве цитировал статью Горького и черносотенную прокламацию. Этот прием оратора вновь вызвал шумные протесты слева.

Струве считал неверным утверждение, что утомление от войны вызывало в широких массах стремление от войны избавиться. Война произвела глубокое изменение экономических отношений, и революционная ликвидация войны ввергла бы массы в испытания более тяжкие, чем испытания, налагаемые войной. «Царящая у нас анархия — прообраз того, что должно дать внезапное прекращение войны, и я утверждаю, что утомление, вызванное революцией и анархией, больше того утомления, которое вызвано войной.

В некоторых буржуазных кругах ошибочно полагают, что мир спасет нас от анархии. Этим я прямо скажу: не основывайте вашего отношения к войне на мелких и жалких соображениях внутренней политики. Я несколько не стыжусь того, что ни прямо, ни косвенно никого не призывал к этой революции, ибо революцию в условиях войны я считал и считаю несчастьем русского народа. Я ненавижу анархию, но ценою мира, недостойного России, не желаю покупать избавление от нее»²⁴⁹.

Несмотря на антиреволюционную патетику своей речи, Струве в конце указал на то, что является сторонником передачи власти в

левые руки. «Но это невозможно, так как немедленно привело бы к государственному банкротству и военному разгрому России»²⁵⁰.

По утверждению В.М. Чернова, занявшего затем трибуну Предпарламента, русская революция родилась со словами мира на устах и провозгласила новую внешнюю политику. «Теперь мы имеем дело с попыткой ликвидации ее, и только что сошедший оратор несколько не удивил меня, когда излагал всю опасность, которой грозит нам мир. Быстрое прекращение войны, говорил он, угрожает экономической катастрофой. Но если вспомнит, что в органе, который редактируется только что сошедшим оратором «Русской Мысли» говорилось, что если бы этой войны не было, то ее следовало бы выдумать, то станет ясным, почему они боятся мира и открыто желали бы оттянуть его»²⁵¹.

Однако вся глубина непонимания новой России выразилась, по мнению Чернова, в речи Милюкова, который радовался тому, что самый вопрос об условиях мира не будет обсуждаться на Парижской конференции. «Разбирая здесь цели войны других государств и сравнивая их с мирными лозунгами Советов рабочих и солдатских депутатов, Милюков произнес поистине бессмертную фразу: «Во всяком случае мы скорее будем подражать немцам, чем Совету рабочих и солдатских депутатов». Позиция — достаточно слабая — бороться с немцами, копируя их и будучи лишенным возможности отрицать, что мы их копируем. Все же в настоящий момент, когда мы обсуждаем вопрос о созыве мирной конференции, чрезвычайно характерно отметить с их стороны частичное признание необходимости перейти к мерам демократического контроля. Но, говорят нам, демократический контроль — это не значит проститься с режимом демократических тайн. Однако современная демократия категорически отменяет этот метод и говорит, что демократический контроль при условии сохранения дипломатических тайн — т. е. контроль без контроля — это значит делать словесную уступку тому, чему нельзя делать никаких уступок»²⁵².

По отношению к самим формулам русской революции Чернов даже со стороны министра иностранных дел не увидел достаточно верного понимания некоторых из них. Так, по вопросу о самоопределении народностей министр заявил, что если под самоопределением Польши мы понимаем независимость, то под самоопределением Литвы и Латвии тоже нужно понимать их независимость. Но самоопределение как принцип вовсе не есть обязательное отторжение, обособление и независимость. Самоопределение могло заключаться в праве выбора между любой формой автономии и самостоятельности. «При нашей формуле — без аннексий и контрибуций на основе самоопределения национальностей — не может быть также никаких разговоров о сепаратном мире»²⁵³.

Русской революции, считал Чернов, выпало на долю провозгласить демократический клич в вопросе о войне и мире, и она совершенно определенно отдала себе отчет в том, что в борьбе за скорейшую ликвидацию войны на тех основах, которые она провозгласила, не будет мира в ничью, миром без победы. Этот мир должен был стать победой демократических принципов над принципами империалистическими. Естественно, провозгласив свои принципы, русская революция была убеждена, что дело борьбы за демократический мир не укладывается в рамки борьбы дипломатической и военной. Русская революция понимала, что борьба за мир будет вестись не только силами государства, но и силами общественности как таковой. Поэтому Чернову представлялось странным, что министр иностранных дел новой России усиленно подчеркивал: вопрос о Стокгольмской конференции — частное дело отдельных партий, не имеющий решающего значения для правительства.

Демократическая формула мира, под которой подписалось Временное правительство, по мнению Чернова, одерживала успех за успехом. Поскольку проводником этой формулы, принятой русским правительством, в международном сознании являлась Стокгольмская конференция, постольку дело ее должно было стать неотделимым не формально, а по существу, от иностранной политики России. «И русская демократия в праве рассчитывать, чтобы дело Стокгольмской конференции не встречало более тех препятствий к своему осуществлению, которые являются оскорбительными для демократических стран. Было бы недопустимо, было бы международным политическим скандалом, если бы социалистическая демократия всех стран не могла бы встретиться на той нейтральной почве, на которой рано или поздно встретятся официальные представители всех стран»²⁵⁴.

Чернов настаивал, что революционная Россия должна не только через свою демократию, но и через Временное правительство произнести в этом вопросе свое слово. «Русская революция, явившись цитаделью демократических лозунгов устройства международного дела в Европе, в праве заявить, что неуважением к ней, новой России, явилось бы стремление отказать в праве собраться представителям той демократии, которая готова принять лозунги русской революции, принятые и Временным правительством. (Аплодисменты слева.)»²⁵⁵

Далее оратор остановился на вопросе о взаимосвязи между революцией и войной, отношении к ним демократии и цензовых элементов и указал, что за разруху страны ответственны не только старый режим, но и те, кто своей боязнью оплачивал его падение и теперь упрекал русскую демократию в неспособности справиться с разрухой. «Никто больше русской демократии не видит,

что внешняя политика не может явиться достаточно действенной в значительной мере потому, что Россия является слабой и в тылу и на фронте. (Аплодисменты.) Вот почему русская революция впервые могла поставить вопрос о создании боеспособной армии. Но демократическая страна должна иметь и демократическую армию. Конечно, несчастьем для страны является то, что демократизацию армии приходится производить во время войны. Однако и во время войны армия может быть боеспособной лишь тогда, когда она одушевлена тем же, чем одушевлена вся страна. Единство настроения страны и армии является необходимым условием существования, воссоздания армии. Вот почему мы от лица русской демократии требуем и будем требовать решительной демократизации армии и такой же демократизации нашей внешней политики. (Аплодисменты слева.)»²⁵⁶

России более чем когда-либо требовалась активная внешняя политика, — считал Чернов. И менее чем когда-либо было возможно откладывание и снятие с очереди Парижской конференции вопроса об условиях мира. По мнению оратора, дипломатическое представительство России должно было быть на этой конференции едино, а значит следовало договориться об определенных принципах. «Мы не сочувствуем предложению о перемирии на всех фронтах. Тот, кто этим думает добиться мира, глубоко заблуждается. Между миром и перемирием существует глубокая внутренняя связь. Только одно с другим имеет смысл и значение. Вот почему, отстраняя вопрос о перемирии, мы настаиваем на том, чтобы на Парижской конференции был поставлен вопрос об условиях мира»²⁵⁷. Чернов утверждал, что конференция должна быть гласной, так как именно гласность послужила бы средством приближения и ликвидации войны.

Вместе с тем демократия считала себя вправе требовать, чтобы страны и государства, претендовавшие на звание демократических, предоставили бы возможность демократии собраться на предварительный социалистический конгресс мира, на котором немного позже собрались бы и официальные представители всех стран. «Русская демократия никогда не отступится от своего права созвать социалистов всех стран на международную конференцию. Мы верим, что дело демократии в Европе не погибло. И обращаясь к этой европейской демократии, мы вотируем ей доверие в лице той ее части, которая работает над приближением торжества наших лозунгов. В этом смысле мы обращаем к западным демократиям свой социалистический, демократический и революционный привет»²⁵⁸.

На речи Чернова прения по внешней политике 20 октября были прерваны до следующего заседания и Совет республики перешел к вопросу о положении дел в Донецком бассейне, внесенном фрак-

цией РСДРП (объединенной). Указывалось, что сократилась добыча угля, приостановилось железнодорожное движение, закрываются заводы, лишились работы сотни тысяч рабочих, спрашивалось, какие меры намеревалось предпринять правительство для урегулирования положения в Донецком бассейне. Вопрос был принят без прений, и заседание закрылось. Следующее заседание должно было состояться в понедельник, 23 октября в 11 часов утра.

В канцелярию общего собрания тем временем поступило заявление 32 членов Временного совета об обращении к министру-председателю и министру иностранных дел, в порядке ст. 11 Положения о Временном совете Российской республики, с вопросом по поводу несообщения Временным правительством союзным государствам об установлении республиканского образа правления в России. Первым подписавшимся был Ю.О. Мартов (Цедербаум). В документе была заявлена спешность.

Поступило, вместе с тем, заявление № 4 от 30 членов Временного совета об обращении к министрам юстиции и земледелия, также с заявленной спешностью в порядке ст. 11 Положения о Временном совете Российской республики, с вопросом по поводу ареста и привлечения к судебной ответственности некоторых деятелей земельных комитетов. Первым подписавшимся был В.А. Карелин²⁵⁹.

22 октября, в воскресенье, состоялось совещание представителей фракций эсеров, меньшевиков, кооператоров, народных социалистов и интернационалистов²⁶⁰. Левая группа эсеров и цензовые элементы Совета республики представлены не были. Обсуждалась возможность выработки общей формулы перехода по вопросу о внешней политике, которая устроила бы большинство Предпарламента.

После долгих прений совещание определило характер формулы перехода. Основные его черты сводились к следующим положениям: союзные державы должны были объявить, что они принимают все шаги для скорейшей ликвидации войны и заключения мира при условии, если центральные державы отказались бы от захватных целей войны и от экономической эксплуатации других стран. Если бы вражеские государства на такие определенные заявления не пошли, то война продолжалась бы до последней возможности.

На совещании было предложено также одновременно обратиться к населению и солдатам с воззванием, в котором бы указывалось, что все усилия для приближения мира принимаются и что все должны самым энергичным образом быть готовы жертвовать собою ради обороны и защиты государства. Интернационалисты особенно возражали против того, что «стремление к скорейшему миру» трактовалось условно, в зависимости от позиции, занятой центральными державами. Возражали интернационалисты и про-

тив объявления о готовности продолжать войну до последней возможности.

Кадеты намеривались предложить формулу перехода по внешней политике совместно с торгово-промышленниками и, возможно, с казаками. Кадеты считали согласительную формулу левого центра неприемлемой на том основании, что, не зная, на какой точке зрения по вопросу о мире стояли тогда союзники, Россия не имела права выступать изолированно. Заявление о шагах к миру и условиях последнего, по их словам, должно было исходить после предварительного соглашения со всеми державами согласия²⁶¹.

Министр иностранных дел М.И. Терещенко, между тем, в своей шифрограмме, отправленной в Париж, Лондон, Рим, Вашингтон, Токио и Стокгольм, информировал правительства этих стран: «Прения во Временном совете о внешней политике, являющиеся как бы естественным продолжением прений по обороне, обнаружили значительные разногласия. Большую сплоченность проявила правая часть Совета, а в социалистических партиях намечаются все более глубокие расхождения. Можно определенно утверждать, что наказ, данный Скобелеву ЦИКом Соврадепов, не удовлетворит огромного большинства демократии, как не отвечающий русскому национальному достоинству. Поэтому особого внимания заслуживает ныне вырабатываемый Советом крестьянских депутатов наказ, проект которого был передан за границу»²⁶².

Наказ этот, вокруг которого, по мнению Терещенко, должны были объединиться фронтовые организации, земские и городские самоуправления, кооператоры и другие подлинно демократические элементы страны, стоял на более государственной точке зрения, чем данный Скобелеву Центральным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, так как, раскрывая содержание демократической формулы мира, последовательно развивал оба ее тезиса, не толкуя принцип самоопределения народов в ущерб только интересам России. «Завтра прения будут продолжены, — информировал Терещенко своих адресатов, — и я предполагаю выступить, чтобы возразить на некоторые утверждения моих оппонентов.

Наряду с деятельностью Временного совета, продолжающего привлекать главное внимание общественного мнения и органов печати, в Петрограде много толков о готовящемся выступлении большевиков. Созываемый ими съезд Советов, первоначально назначенный на 20 октября, теперь на несколько дней отложенный, возможно вовсе не состоится. Против него высказываются многочисленные армейские организации, предоставляющие свои силы в распоряжение Временного правительства, которое, опираясь на них, намерено твердо подавлять могущие возникнуть беспорядки. Все же опасность их возникновения не устранена»²⁶³.

Как и намечалось, на заседании Временного совета Российской республики 23 октября прения по внешней политике были продолжены. Первым занял трибуну представитель левых социалистов-революционеров В.А. Карелин, указавший, что целью его выступления являлась не полемика с цензовой частью собрания, а выяснение той позиции, которую занимала в обсуждавшемся вопросе его фракция. Для них очередная задача состояла в немедленной, по возможности, ликвидации войны, вызванной, между прочим, близостью страны к полному экономическому параличу. «Необходимо ясно установить цели войны, необходимо, чтобы Министерство иностранных дел перешло к активной демократической политике мира. С этой точки зрения настоящая политика министерства не удовлетворительна, и перед нами стоит задача выпрямления этой политики. Война дала свои плюсы: это русская революция и вызванное ею постепенное раскрепощение народов в других странах»²⁶⁴. Карелин закончил свою речь указанием на необходимость во внутренней и внешней политике отказаться от принципа коалиции с буржуазными элементами, не способными на искреннее сотрудничество с демократией в достижении поставленных революцией задач.

Следующий оратор, представитель литовцев Н.О. Янушкевич, говорил об очередной задаче в области внешней политики — расшифровке формулы «без аннексий и контрибуций на основе самоопределения национальностей». Он считал, что именно к этому сводилось положительное значение наказа Скобелеву, поскольку прежде чем выходить на мировую сцену и предлагать другим идти на определенные шаги, необходимо сначала проделать это у себя, чтобы не быть обличенными в лицемерии.

В вопросе о самоопределении национальностей наказ Скобелеву расходился с политикой Министерства иностранных дел и в этом же пункте выгодно отличался от манифеста Стокгольмского комитета. Этот последний уже вызывал протесты, например, протест межпартийных объединенных поляков несоциалистов. Они считали, что, приняв формулу демократии, правительство ничего не сделало для ее реального осуществления и, напротив, своей политикой внутри страны фактически препятствовало стремлению народов к самоопределению. Возражая Милюкову, оратор указывал, что и французские социалисты, которых нельзя было заподозрить в страсти к германским интересам, разрешали вопрос о самоопределении народов так же, как и в наказе Скобелеву.

Янушкевич заявил далее, что ни Виленский сейм, ни Стокгольмская конференция не выражали истинную волю литовского народа и поэтому литовская демократия связывала свою судьбу с революцией в России. «Россия должна быть союзом равных с равными и вольных с вольными»²⁶⁵.

Представитель социалистов-революционеров государственников С.В. Вржосек, занявший затем трибуну, говорил, что не желает «честно провести ту коалицию, ради которой мы здесь собрались»²⁶⁶. В частности, по его мнению, П.Н. Милюков построил свою речь таким образом, что она должна была настроить против нее все демократические элементы. Особенно ему были непонятны нападки Милюкова на министра иностранных дел, который не мог принять формул, предлагавшихся ему слева и справа. Он должен был исходить из государственных интересов России, и с этой точки зрения, считал Вржосек, речь министра удовлетворила социалистов-государственников почти во всех отношениях.

В ответ на это заявление оратора слева раздались возгласы, на которые он ответил, что пришел на заседание Предпарламента не для того, чтобы подыгрывать интернационалистам (в частности, А.А. Булату, «столь внезапно полевевшему»), а чтобы честно и откровенно изложить свою позицию. «Представители демократии, которые до революции всего более страдали от полицейского режима, хотя и медленно, но переходят на государственную точку зрения. С этим необходимо считаться.

Министр иностранных дел был прав, приняв формулу демократии, прав был он также, когда заявил, что Россия должна идти рука об руку с союзниками, прав и в своей критике пункта наказа о Литве и Латвии»²⁶⁷. Вржосек далее критиковал наказ Скобелеву, указывая, что принцип самоопределения не проведен в наказе с должной последовательностью. «Демократия должна понять, что она не обладает достаточным опытом в вопросах внешней политики и должна ограничиться отстаиванием своих основных принципов: демократический мир и отмена тайной дипломатии»²⁶⁸.

Перейдя к вопросу о проливах, оратор заявил о заинтересованности в его решении прежде всего крестьян, которые, получив землю, должны будут позаботиться о транспортировке зерна. «Я не хочу, чтобы Россия захватывала чужие страны. Я хочу только, чтобы она имела возможность свободно транспортировать свои товары. И мне представляется, что нейтрализация проливов, при условии международного контроля, с запрещением прохода для военных судов, с разрушением тайной дипломатии, в связи с развитием международного арбитража, дала бы прочную гарантию того, что наш крестьянский хлеб никогда не был бы в них закупорен»²⁶⁹.

Проект наказа, выработанный Исполнительным комитетом крестьянских депутатов, по мнению Вржосека, выгодно отличался от наказа ЦИКа, более правильно разрешался как вопрос о самоопределении народов, так и вопрос о контрибуции. Считая кандидатуру М.И. Скобелева как делегата на Парижскую конференцию неудачной, оратор предлагал посылать туда людей, которые не могли бы

«вставлять палки» в колеса российской дипломатии. Свою речь Вржосек закончил указанием на необходимость придания большего значения работам Совета, «как наиболее авторитетной организации, подрывать престиж которой не в интересах ни левой, ни правой части собрания. Только на почве серьезной работы возможно объединение, которое выпрямит курс нашего государственного корабля»²⁷⁰.

А.В. Пешехонов, занявший кафедру после перерыва, выступил от имени трудовой народно-социалистической фракции. Выразив сожаление, что прения по вопросам внешней политики приняли острый характер, он призывал проявить единодушие. «Только единодушный голос России в международных делах может звучать достаточно сильно и внушительно. В сущности ведь нет оснований для расхождения по вопросам внешней политики. Если смотреть на наказ М.И. Скобелеву как на попытку достижения мира, то он не должен служить предметом такой страшной полемики. Он не может также мешать Совету республики высказать по вопросам внешней политики достаточно единодушное мнение. При создании первого коалиционного правительства вопросы внешней политики служили предметом обстоятельных переговоров, и в результате был заключен договор между революционной демократией и цензовыми элементами. В этом договоре указывалось, что мы не желаем посягать на свободу другого народа, не желаем аннексий и контрибуций. Тем менее мы можем допустить, чтобы мы сами сделались объектом аннексий и контрибуций. Вот это отстаивание своей собственной родины есть то общее, что объединяет весь русский народ»²⁷¹.

России пора, говорил Пешехонов, вступить на путь открытой и определенной внешней политики. «Великая европейская демократия, с которой мы находимся в союзе, тоже не пожелает ни пожиться на счет других, ни поступиться ничем своим»²⁷². Поэтому Пешехонов считал весьма своевременным предложить союзникам России выяснить конкретные условия, которые показали бы, что страны согласия ведут борьбу оборонительную и никаких захватных стремлений у них нет. И если бы со стороны противников не было бы возражений против такого понимания условий будущего мира, то не было бы и оснований отказываться от вступления в переговоры. «Конечно, это еще не значит, что мир тотчас же будет достигнут. Если бы наши враги не обнаружили бы готовности стать на эту точку зрения, то мы должны быть готовы отстаивать свою страну до последней возможности. Мы верим, что в этом случае русский народ воодушевится, чтобы защищаться до последней капли крови и добиться такого мира, какой он считает для себя возможным (Аплодисменты справа.)»²⁷³.

А.В. Пешехонова на трибуне сменил М.И. Скобелев, указавший, что за все время войны русская общественность в целом впервые высказывается, во имя чего страна несет неисчислимые жертвы и готова нести их дальше до достижения тех целей, которые вызовут немедленное сложение оружия. «Вопросы внешней политики открыто обсуждаются перед лицом наших друзей и врагов, и наряду с этим здесь было сказано много горького и мрачного о нашей армии. Вряд ли кто взялся бы скрывать всю тяжесть положения нашей армии и те болезненные явления, свидетелями которых мы являемся. Но мне хотелось бы отметить один штрих в этой мрачной картине. Те, в ком созрело сознание необходимости исполнения гражданского долга, доблестно сражаются в решительный момент независимо от их политических убеждений и симпатий к тем взглядам, которые высказываются в тылу. И представители тех политических течений, которые предпочли остаться за пределами этой государственной аудитории, в решительный момент отдают жизнь свою на алтарь родины. Свидетельством этого является доблестная защита матросами флота, потерянных правдами нами от врагов. Мы не закрываем глаза на те ужасы, которые творятся в армии. Но мы хотели бы только во имя справедливости и здоровой самокритики сказать, что все, что происходит в нашей армии, должно быть отчасти отнесено за счет длительности этих тяжелых сорока месяцев войны, и еще больше за счет тех условий, в которых жила наша армия при старом режиме. От царской России демократическая Россия получила армию, в которой из десяти восемь солдат не могут объясняться культурными способами. И в этом отношении союзники более объективны и беспристрастны, чем те, кто здесь критиковал нашу демократию»²⁷⁴.

В подтверждение этого тезиса М.И. Скобелев привел цитату из статьи, помещенной в английском журнале, где указывалось, что демократией было сделано много ошибок, нравственная ответственность за которые падает на старый режим, и что английский народ все же будет поражен, когда узнает, сколько германских войск удерживает Россия на фронте, несмотря на свое хаотическое состояние. Здесь же Скобелев припомнил негодование, с которым русская демократия отвергла сепаратный мир, который предложил ей принц Баварский в радиотелеграмме через голову Временного правительства. По мнению оратора, если народные массы, в течение двух с половиной лет кровью связанные с армиями, сражавшимися на стороне держав согласия, воевали не зная во имя чего они умирают, то теперь, когда народ взял судьбы свои в собственные руки, пытаясь ликвидировать войну, более чем когда-либо в его интересах сохранить эту общую связь. Необходимо было найти общий язык с теми,

с кем русская демократия два с половиной года молча сражалась в одних рядах.

Скобелев упрекал министра иностранных дел, сетовавшего на тяжесть своей работы в связи с положением на фронте. Оратор считал, что деятельность министра иностранных дел не должна быть связана со стратегическим положением на фронте. Затишье на фронте не должно было вызывать затишья в дипломатической деятельности, поскольку министр иностранных дел являлся представителем политики новой России. «Да, внешняя политика старой России — это политика завоеваний, а внешняя политика новой России — это политика обороны, политика защиты своей территории и охрана своей независимости. Старая политика — войны, новая политика — мира. И пунктом, на котором скрестились эти два направления, является дата 27 февраля и исторический манифест 14 августа, исходивший формально от одной революционной организации столицы. На деле этот манифест является общенациональным документом, отразившим волю всего населения. Вслед за этим отражение этой воли нашло себе место и в правительственной декларации к народу о том, что правительство берет на себя задачу осуществления новой внешней политики»²⁷⁵.

Скобелев с сожалением констатировал, что темп российской внешней политики отставал от задач, вытекавших для дипломатического ведомства из внутренних событий в России и возможностей, имевшихся в союзных странах. Он ссылаясь на выступления союзной печати с упреками в адрес русской дипломатии по поводу запаздывания с днем созыва предстоявшей союзной конференции. Часть вины, по мнению оратора, демократия могла принять на себя, так как внутренняя жизнь страны была чрезвычайно сложна, но и министру иностранных дел, министру новой России и новой ее политики следовало действовать более настойчиво. «Трагизм русской демократии в том и состоит, что на ее плечи легла слишком тяжелая задача — приблизить мир и разрешить проблемы, стоящие на пути к этому в демократическом направлении. Мы хотели бы, чтобы все те вопросы, без разрешения которых война не может кончиться, разрешить в демократическом духе, в интересах всех демократий»²⁷⁶.

Российская демократия ожидала также, что целый ряд национальных проблем, выдвинутых войной, будет разрешен на мирном конгрессе в духе демократическом. «Вряд ли русской демократии представляется необходимым объясняться с братскими демократиями, которые вместе с нами боролись за раскрепощение России, о тех способах, при помощи которых может быть обеспечено и впредь дружное сожителство, особенно если принять во внимание, что демократии всех национальностей России одинаково заинтересо-

ны в том, чтобы Россия развернулась в прекрасную демократическую страну»²⁷⁷.

Вступившись за безжалостно раскритикованный Наказ демократии, Скобелев отметил одну его заслугу: он открыто поставил на обсуждение вопрос о мирных условиях и заставил по этому поводу высказаться всех. Как бы не относиться к отдельным пунктам Наказа, нужно было признать, считал оратор, что делегация Российской республики на Парижской конференции должна была быть единой и выразить волю революционной страны. Бесспорным оставалось одно: почти все ораторы-демократы сходились на том, что основной задачей внешней политики должно было стать скорейшее достижение мира, а ближайшим шагом Временного правительства — предложение союзникам согласовать цели, на которых они будут вынуждены вести войну и после осуществления которых будут готовы немедленно сложить оружие.

Таким образом, Скобелев предлагал перейти к пассивной политике, предложив от имени всех союзников противной стороне приступить немедленно к обсуждению условий мира, который не был бы основан на насилии той или другой воюющей страны. «В этом смысле демократия вовсе не расходится с волей Временного правительства, и поскольку Временное правительство будет осуществлять волю демократической страны, постольку делегация на Парижской конференции будет представлять внешнюю политику правительства, которая заранее предreshена. Можно себе представить разномыслие среди делегации по отдельным конкретным вопросам, но бесспорным остается одно: делегация должна быть объединена единой волей и единой готовностью настойчиво осуществлять эту волю (Аплодисменты слева.)»²⁷⁸.

Такую же настойчивость Скобелев призывал проявить и внутри страны, в области поддержания жизнеспособности государственного организма. Пока армия вынуждена была оставаться на фронте, все верные сыны революции приглашались к выполнению своего долга до конца. Представители Российской республики, находясь среди союзников, обязаны были стремиться к сокращению времени страданий российской армии. Если во время мира надо готовиться к войне, то тем более было необходимо в войне готовить мир. Это Скобелев называл наиболее достойной задачей для всех стоявших вне поля сражения.

После речи М.И. Скобелева председатель огласил поступившее к нему предложение о неполном прекращении прений. Против этого предложения выступил М.Л. Гутман. За предложение высказался М.И. Либер. Голосованием было постановлено дать высказаться 7 ораторам из 36 записавшихся, ограничив речь каждого оратора 20 минутами.

Р.А. Абрамович, выступавший следующим, защищал позиции своих сторонников: «Интернационалистов обвиняют в том, что они стремятся защищать отвлеченное понятие Интернационала. Но в данном случае международные интересы трудящихся всего мира совпадают с тем, что принято называть общенациональными интересами, так как здоровый национальный эгоизм диктует нам именно тот лозунг немедленного прекращения войны, который выдвигается слева»²⁷⁹.

Звучавшие справа напоминания о достоинстве и чести России, требовавшие выполнения до конца взятых на себя обязательств, интернационалисты считали безосновательными. По их мнению, между современными капиталистическими государствами не могло существовать простых отношений справедливости и права, так как между господствующими классами не существовало необходимой общности интересов. Поэтому они принимали честь и справедливость, почерпнутую из понятия интересов народных масс, именно в этом находя некоторую высшую солидарность. С этой точки зрения интернационалисты полагали, что национальные интересы России, сохранения ее целостности и достоинства, состояли прежде всего в прекращении войны, а лишь затем могла идти речь об обязательствах в отношении какого-либо другого государства.

Интернационалисты не прекращали демагогическую полемику с правой частью Предпарламента. «Из уст очень авторитетных мы слышали, что с этой кафедры не должно быть сказано ничего такого, что могло бы повредить интересам нашей родины. Между тем, лица, считающие себя патентованными патриотами, рассказывали здесь о нашей армии такие вещи, которые не должен был бы говорить ни один человек, действительно уважающий свое отечество. О нашей великой родине говорилось здесь как о каком-то несчастном, слабом, вассальном государстве.

Мы этой точки зрения не разделяем. Мы полагаем, что Россия осталась и останется великой страной с огромным будущим, и поэтому наша политика должна быть политикой сильного государства, с которым не могут не считаться. Союзники должны знать, что наша страна вести войну дальше не желает, что наша армия не ждет от этой войны никаких освободительных чудес. Страна и армия ждут скорейшего окончания войны с честью для России, т.е. мира без аннексий и без контрибуций»²⁸⁰. Страна, ставящая себе в войне непосильные задачи, шла в тупик, единственным выходом из которого являлся сепаратный мир, — считали интернационалисты. Решительное слово, обращенное к союзникам, имело огромное значение для прекращения войны. Интернационалисты предлагали его произнести, одновременно отказавшись от политики наступления. «Политика наступления принесла величайший

вред, показала свое полное банкротство. Эту политику нужно бросить. Нужно ясно сказать, что народ хочет окончить войну путем соглашения, а не путем оружия (Аплодисменты слева.)»²⁸¹.

Выступивший затем А.Н. Потресов упрекал министра иностранных дел в том, что он говорил слишком дипломатично тогда, когда надо было высказаться резко и определенно. Трагическое положение, в котором находилась страна, должно было заставить Совет республики объединиться на одной общей формуле, сводившейся к двум положениям: на международной конференции России следовало сказать, что она настаивает на принятии условий мира, в основу которых положен отказ от захватных тенденций, и что этот отказ должен быть провозглашен публично. Такое провозглашение явилось бы одним из средств борьбы с хаотическим состоянием России, так как оно выбило бы оружие из рук тех, кто нес России «отраву в виде клича немедленного мира.

Другая часть формулы — это то, что Россия не желает мира во что бы то ни стало, что для получения демократического мира необходимы величайшие усилия всех классов страны. Иначе мы получим мир, за который будущее поколение проклянет тех, которые стояли у власти во время революции. Мы должны укрепить в стране идею всенародной обороны. Если бы мне сказали, что немедленный мир обязателен, что с этим бороться невозможно, тогда я сказал бы: пусть власть берут большевики и расплачиваются за это дело перед лицом истории (Аплодисменты.)»²⁸².

А.Н. Потресова на трибуне сменил социалист-революционер Сорокин, посвятивший свою речь главным образом критике позиции кадет, обвиняя их в непоследовательности и в том, что они силу предпочли праву. Он считал, что Россия не пойдет ни по пути кадет, ни по пути большевиков: она не хочет захватов, но не намерена уступать другим и свои собственные интересы. «Этим определяют-ся и наши средства борьбы за мир — мы хотим достигнуть мира путем международных соглашений, но пока этого нет, мы не можем ставить судьбы России в зависимость от произвола вождя германских полчищ»²⁸³.

Ю.О. Мартов (Цедербаум), выступивший следующим, отметил, что дебаты о внешней политике имели тенденцию сбиться на вопрос о том, как демократия понимает национальное достоинство и честь их страны. «Трудящиеся классы, интересы которых представляет левая сторона Совета, не думают, что честь и достоинство России достаточно оберегаются, если после восьми месяцев революции русские консулы по распоряжению министерства, прежде чем пустить эмигранта в Россию, выясняют, не является ли он пацифистом или антимилитаристом. Целый ряд других фактов указывает, что это не случайность, ибо невозможно отстаивать националь-

ное достоинство своей страны в тот момент, когда идешь в разрез с устремлениями громадного большинства страны. (Аплодисменты слева.) Только тот, кто со сладострастием собирает явления, свидетельствующие о слабости страны, пережившей революцию, является пораженцем, ибо лишь действительный пораженец может отстаивать меры корниловщины и требовать, чтобы, согласно воле империалистов других стран, вопрос о мире был отсрочен»²⁸⁴.

Русская революция, отметил Мартов, изменила картину мира больше, чем все победы Гинденбурга, и, все же, заявил он, русский министр иностранных дел не смеет говорить за границей от имени революционной нации. «Временному правительству навязывается политика, продиктованная интересами буржуазии, которая старается обманчивыми фразами о национальном достоинстве заставить русский народ отложить ликвидацию войны до весны 1918, а может быть и 1919 г. Но вопрос о мире должен быть поднят сейчас. От имени российской революции должны мы сказать, что Россия желает всю оставшуюся энергию концентрировать на деле национального возрождения, которое является сейчас делом дорогим для всего человечества. Когда вы увидите, что не напрасна была работа тех, которых вы клеймите именем германских агентов, тех циммервальдистов, которые во всех странах подготовили пробуждение правосознания демократических масс. Это правосознание сделает немыслимым стремление хищников-империалистов распинать свободную Россию. Мы знаем и верим, что этого не будет (Продолжительные аплодисменты слева и в центре.)»²⁸⁵.

Ю.О. Мартова сменил на трибуне К.М. Соколов, заявивший, что вопрос о программе русской делегации на Парижской конференции разрешился декларацией правительства от 27 сентября, в которой указывалось, что правительство будет представлено лицом, облеченным доверием демократических организаций. «Я утверждаю, что начало падения революции относится к тому времени, когда была сделана ядовитая прививка интернационализма здоровому до тех пор телу русской революции. Мы думали, что на место старого прогнившего режима встанет новая Россия, свободная и могучая. И если мы ошиблись, то это потому, что мы лучше думали о революции и были настоящими революционерами. (Аплодисменты справа и смех слева.) Теперь, у разбитого корыта горделивых революционных чаяний, вы, может быть, начнете нас снова несколько понимать. И если развитие дальнейших событий под разлагающим влиянием интернационалистских утопий будет дальше идти так, как шло до сих пор, то мы снова будем с вами. (Шум слева.) <...> Иначе говоря, если случится то страшное, быть может, уже неизбежное, если кто-то на нашем общем позоре утвердит твердыню своего самовластия, то мы, сидящие на этой стороне (справа), то-

же будем откинuty в другую сторону (Аплодисменты справа и шум слева.)»²⁸⁶.

Затем дальнейшие прения по вопросам иностранной политики на заседании были прерваны и Совет республики перешел к обсуждению других вопросов. Первым рассматривался такой: «почему до сих пор союзники не извещены официально о провозглашении Российской республики». Ю.О. Мартов (Цедербаум) поддержал спешность вопроса, доказывая, что подобного рода упущения и политическая ошибка наносят престижу Временного правительства и России несомненный вред. «Россия должна заговорить с Европой полным голосом, и потому поставленный вопрос стоит выше партийных соображений и расчетов»²⁸⁷. Вопрос был признан спешным, и тот же Мартов поддержал его по существу.

Министр иностранных дел М.И. Терещенко тотчас же взял слово, чтобы заявить, что «поставленный вопрос» чисто формальный. «Все существенные изменения в форме правления сообщаются союзным и нейтральным странам. 6 сентября до сведения иностранных правительств было доведено, что русское Временное правительство есть республиканское правительство. С тех пор никаких новых перемен не произошло и в никаких новых сообщениях надобности не было. В своих корреспонденциях иностранным державам министерство всегда говорило о республиканском правительстве и об интересах республики»²⁸⁸.

Совет республики признал этот вопрос исчерпанным и принял простую формулу перехода к очередным делам.

Далее в Предпарламенте обсуждался вопрос левых социалистов-революционеров о преследовании земельных комитетов. После В.А. Карелина, поддержавшего этот вопрос, выступил М.С. Аджемов и предложил передать его на заключение в комиссию по борьбе с анархией. При голосовании выяснилось, что в зале всего 127 человек, а для кворума необходимо 183. По этой причине заседание 23 октября на этом закончилось, а следующее должно было состояться 24 октября, во вторник, в 11 часов дня.

Собравшись 24 октября, Предпарламент буднично начал свою работу, предоставив в начале заседания слово министру внутренних дел А.М. Никитину для выступления с объяснениями по вопросу, принятому в одном из последних заседаний — о мерах борьбы с анархией на водных путях.

Министр указал, что начало беспорядков на водных путях относилось к сентябрю. Начались они на низовьях Волги и затем распространились на всю водную систему. Беспорядки сводились к захвату хлеба, что вызывалось, главным образом, обострением на местах продовольственной нужды. Позже охрана грузов уже производилась воинской силой, но и она оказалась недостаточной.

С аналогичными беспорядками на железной дороге бороться было трудно, так как железнодорожная милиция находилась в таком состоянии, что в качестве охраны не годилась.

Конечно, Временное правительство стремилось бороться с анархией, но встречало препятствия, особенно в прифронтовой полосе, где население страшно страдало от насилия распушенных и недисциплинированных войск. «Люди, одетые в солдатскую форму, производят погромы и беспорядки и в остальных местностях России, и единственная мера если не прекратить, то уменьшить анархию — это уменьшить гарнизоны внутри России. Что касается борьбы с аграрными беспорядками, то тут могли бы внести успокоение такие акты земельной политики, которые дали бы крестьянству уверенность в том, что его требования будут обеспечены»²⁸⁹. Значительную роль в анархии, по мнению министра внутренних дел, играл также и уголовный преступный элемент, поскольку амнистия освободила свыше 100 тыс. преступников.

В заключительной части своей речи Никитин указал, что значительную роль в борьбе с анархией может сыграть объединение власти на местах в руках комиссаров. Проект об этом уже был внесен во Временный совет республики и министр просил быстрее рассмотреть его. Между тем еще во время речи министра внутренних дел на местах правительства появился министр-председатель А.Ф. Керенский. После того, как Никитин оставил трибуну, на нее поднялся Керенский. «Господа члены Временного совета Российской республики, — заявил он, — Временное правительство поручило мне сделать вам нижеследующее заявление.

В последнее время по мере приближения срока созыва Учредительного собрания, которое уже навсегда закрепит в России строй свободный и демократический, все настойчивее, бесцеремоннее и наглее становятся попытки двух флангов русской общественности сорвать и уничтожить возможность созыва Учредительного собрания. Вместе с тем все настойчивее делаются попытки дезорганизовать оборону Российского государства и предать свободу и независимость страны врагу, движущемуся на столицу нашего государства.

В последнее время вся Россия и в особенности население столицы было встревожено открытыми призывами к восстанию, которые делались со стороны безответственной, отколовшейся от революционной демократии, я бы сказал, крайней не в смысле направления, но крайней в смысле отсутствия разума — части демократии. В это же время другая часть печати также вела агитацию и пропаганду с требованием немедленной смены временного правительства и замены существующего образа правления диктатурой. Это печаталось в

последнее время в газетах «Новая Русь», «Живое слово» и «Общее дело».

С другой стороны призывы к восстанию ежедневно помещались в газетах: «Рабочий путь» и «Солдат», и вместе с тем начались приготовления к действительной попытке ниспровержения существующего государственного строя путем вооруженного восстания»²⁹⁰.

В подтверждение своих слов Керенский процитировал «наиболее определенные места» из ряда прокламаций, которые помещались «разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным» в местной газете «Рабочий путь». В ряде прокламаций под заглавием «Письма к товарищам» данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3–5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию. Так, он писал: «16 октября утром я узнал, что в очень важном большевистском собрании в Питере подробно обсуждался вопрос о восстании. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице и только ничтожнейшее меньшинство — два товарища — заняли по этому вопросу отрицательное отношение. Необходимо разобрать их доводы и вскрыть колебания, чтобы сказать, насколько они позорны». В следующем воззвании Ульянов, доказывая необходимость немедленного восстания, говорил: «Промедление смерти подобно»²⁹¹.

Одновременно с этим проходили выступления и других руководителей партии большевиков в ряде собраний-митингов, на которых они также призывали к немедленному вооруженному восстанию. Особенно Керенский отметил выступление председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Петербурге Троцкого (Бронштейна) и других ближайших организаторов восстания. «Такого же рода прокламации и воззвания, отягченные еще призывами к неисполнению боевых приказаний и неподчинению военным властям, помещались и в другом органе этой партии «Солдат», специально предназначенном для солдат и должествовавшим уничтожить «глетворное влияние» в солдатской среде органа Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов — «Голос солдата»²⁹².

Керенский сообщил, что этой ночью его распоряжением ряд таких газет был закрыт. Он указал на чрезвычайно важную и определенную, по его мнению, связь между выступлениями этих двух флангов. «В целом ряде выступлений и статей, даже в слоге и стиле статьи «Рабочего пути» и «Солдата» совпадают со статьями «Новой Руси». Я хочу это указать для того, чтобы совершенно ясно было Совету республики, что в настоящее время мы имеем дело с какой-то организацией, стремящейся во что бы то ни стало вызвать в России погромное, стихийное и разрушительное движение.

При теперешнем настроении масс открытое движение в Петербурге неизбежно будет сопровождаться тягчайшими явлениями погромов, которые опозорят навсегда имя свободной России.

Весьма типично, что, по признанию самого организатора восстания — Ульянова-Ленина, положение русских крайне левых с.-д. флангов особенно благоприятно. «Подумайте, — пишет Ленин, — немцы имеют одного Либкнехта без газет, без свободы собраний, без Советов при невероятной враждебности всех классов населения и великолепной организованности буржуазии, и немцы все-таки делают попытки к агитации, а мы, имея десятки газет, свободу собраний, большинство в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, можем ли мы отказаться от поддержки немецких революционеров и организаторов восстания». Сами организаторы таким образом признают, что условия политические для свободной деятельности социалистической партии сейчас наиболее совершенны в России и при управлении настоящего Временного правительства...»²⁹³

Реагируя на эти сведения, Керенский убеждал членов Предпарламента, что организаторы восстания, при тех условиях, в которых живет германский пролетариат, сочувствующий Ленину и не имеющий никакой возможности к организации движения и дезорганизации обороноспособности своей страны, сознательно или бессознательно, но содействуют не пролетариату Германии, а помогают правящим классам Германии, открывая фронт русского государства перед «бронированным кулаком» Вильгельма и его друзей. Здесь же Керенский «в сознании своей ответственности» квалифицировал такие действия «русской политической партии как предательство и измену Российскому государству». Он сообщил, что все это происходит как раз в тот момент, когда правительство планирует временно до Учредительного собрания осуществить передачу земель в распоряжение и управление земельных комитетов; когда Временное правительство предполагало в ближайшие же дни отправить свою делегацию на Парижскую конференцию для того, чтобы там предложить вниманию союзников вопрос о необходимости решительно и точно определить задачи и цели войны и вопрос «о мерах к приближению конца войны, т. е. вопрос о мире». «Если вы примите во внимание, что все это происходит менее, чем за три недели до выборов в Учредительное собрание, единый орган суверенной и полномочной народной воли, то вы поймете, какие действительные цели преследуют подлинные враги народа и русской свободы».

Керенский пришел к выводу, что после открытых подготовительных действий и пропаганды восстания «группа, именующая себя большевиками», приступила к его выполнению. Министр-председатель сообщил, что «третьего дня» был разослан приказ

по войскам о неисполнении распоряжений командного состава и военной власти без утверждения этих распоряжений присланными явочным порядком в полки комиссарами петербургского революционного штаба. Военная власть не могла признать этот акт закономерным, даже сочла его «явно преступным» и потребовала в самый кратчайший срок отказа от этого распоряжения и признания, что никто не может распоряжаться войсками, кроме законных властей. «ЦК стал на ту же точку зрения, считая этот акт революционного штаба совершенно недопустимым. Но и здесь военная власть, по моему указанию, хотя было наличие всех данных, чтобы приступить немедленно к решительным и энергичным мерам, считало нужным дать сначала срок, чтобы от этой ошибки отказаться. Мы должны были это сделать еще и потому, что никаких реальных последствий этого приказа в первые сутки его объявления в войсках не наблюдалось. Я вообще предпочитаю, чтобы власть действовала более медленно, но зато более верно и в нужный момент и более решительно».

Этим своим откровением Керенский заслужил аплодисменты левой части зала. Подтверждалось то, что и так было очевидно: во-первых, власть бездействовала даже в чрезвычайных обстоятельствах и, во-вторых, решения Временного правительства зависели от позиции одного лица — Керенского. Таким образом, пытаясь оправдаться, он сам себя активно разоблачал.

Не замечая этого, Керенский продолжал вещать о целом ряде попыток предотвратить грозившее населению и стране большими осложнениями «явное восстание» со всеми его последствиями, «тяжкими не для вожаков, которые имеют обычай и необычайную способность скрываться, а для той массы, которую они ведут под всю тяжесть ответственности. Несмотря на уговоры и предложения, шедшие от целого ряда общественных организаций, несмотря на внушительное заявление, сделанное вчера делегатами с фронта, — правительство не получило в срок заявления об отказе от сделанных распоряжений. Только в три часа ночи нам было сделано заявление, что принципиально все пункты, предъявленные как ультиматум, со стороны военной власти принимаются. Таким образом, в три часа ночи организаторы восстания принуждены были формально заявить, что они совершили акт неправомерный, от которого отказываются.

Но как я и ожидал и был уверен из предыдущей тактики этих людей, это была очередная оттяжка и сознательный обман. (Возглас справа: научились, наконец.) В настоящее время прошли все сроки и мы того заявления, которое должно было быть сделано в полках, не имеем. Наоборот, имеется обратное явление, а именно: самовольная раздача патронов и оружия, а также вызов двух рот

на помощь революционному штабу. Таким образом, я должен установить перед Временным советом полное, явное и определенное состояние, известное части населения Петербурга, как состояние восстания. (Дождались! — замечают справа.) Мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие. (Шум слева.) Предложено также произвести соответствующие аресты. (Шум слева не дает А.Ф. Керенскому говорить.) Да, слушайте, в настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает, Временное правительство и я в том числе предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим <...> Временное правительство могут упрекать в слабости и чрезвычайном терпении, но во всяком случае никто не имеет права сказать, что Временное правительство за все время, пока я стою во главе его, прибегало к каким бы то ни было мерам воздействия раньше, чем это грозило непосредственной опасностью и гибелью государства»²⁹⁴.

Задачу правительства Керенский продолжал видеть в укреплении свободы. Избранная им тактика давала, по его мнению, основание и право в нужный момент потребовать от страны поддержки решительных мер, так как никто не мог бы заподозрить, что эти меры принимаются с какими-нибудь другими целями, кроме необходимости спасти государство. Он утверждал, что фронт совершенно определенно понимает действия некоторых политических партий как стремление играть на темноте и невежестве и нежелании масс исполнять свой гражданский долг на фронте.

Во время выступления А.Ф. Керенского к кафедре подошел А.И. Коновалов и передал ему записку. Это была копия документа, который рассылался тогда по полкам: «Петроградскому С. р. и р. д. грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов». «Таким образом, — заявил Керенский, — в столице в настоящее время существует состояние, которое на языке судебной власти и закона именуется состоянием восстания. В действительности это есть попытка поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. (Возглас в центре: «Правильно!» Слева шум и возгласы: «Довольно!»)

Я говорю с совершенным сознанием: чернь, потому что вся сознательная демократия и ее центральный исполнительный комитет, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, разум, совесть и честь великой русской демократии протестует против этого».

Объективную опасность начавшегося выступления Керенский видел не в том, что часть столичного гарнизона может захватить власть, а в том, что это движение, как и в июле месяце, может стать сигналом для германцев на фронте, для нового удара на границы России и может вызвать новую попытку, даже более серьезную, чем попытки генерала Корнилова. Это был абсолютный предел опасений Керенского. Он утверждал, что если совершится новая военная катастрофа, не нужно будет искать виновников — они налицо. В сложившейся ситуации он призывал каждого найти себе место — с республикой, свободой, демократией — или против.

Керенский обращался к членам Временного совета, ко всему населению Российского государства с призывом к бдительности, для охраны «всех завоеваний свободы многими поколениями, жертвами, кровью и жизнью завоеванной свободным русским народом». «Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу, встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза и поддержку не только Временного совета, но и всего Российского государства. (Бурные аплодисменты всех, кроме представителей левых фракций.) С этой кафедры от имени Временного правительства я уполномочен заявить: Временное правительство, исходя из определенного взгляда на современное состояние вещей, находило одной из главных своих обязанностей по возможности не вызывать острых и решительных колебаний до Учредительного собрания. Но в настоящее время Временное правительство заявляет: те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. (Бурные аплодисменты справа, в центре и части левой, смех на крайней левой.) Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились. (Аплодисменты справа и в центре.) Я прошу от имени страны, да простит мне Временный совет республики, — требую, чтобы сегодня же, в этом заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».

Правая и центральная часть зала поддержала выступление Керенского бурными аплодисментами, перешедшими в овацию. Керенский, не дожидаясь ответа Предпарламента, но несколько не сомневаясь в скором получении им вотума безоговорочного доверия и поддержки в действиях по ликвидации начавшегося выступления

большевиков, вернулся в Зимний. «Совершенно уверенный в том, что Совет республики немедленно примет нужную мне резолюцию и мобилизует все общественные и партийные силы на помощь правительству, я, не ожидая голосования Совета, вернулся в штаб к срочным работам. Я был уверен, что через полтора-два часа я получу из Совета уведомление и о принятом вотуме доверия и о мерах, которые принял Совет для мобилизации общественных сил в помощь правительству. Все мои надежды оказались иллюзией. Никаких известий из Совета республики я целый день не получал»²⁹⁵. Делегация от Предпарламента нанесла ему визит только в полночь с 24 на 25 октября.

Между тем в Мариинском дворце после отбытия Керенского члены Предпарламента решили немедленно перейти к обсуждению прозвучавшего заявления. Был объявлен перерыв, затянувшийся до 6 часов вечера. Во время перерыва проходили совещания отдельных фракций по выработке формулы перехода к очередным делам по сообщению Керенского о выступлении большевиков. Совещаясь с двух до шести часов вечера, участники дебатов «как бы не понимали, что дело идет об их переходе в небытие»²⁹⁶.

24 октября в Совет республики поступило несколько заявлений. Первое из них, за подписью 31 члена Временного совета, с заявленной спешностью в порядке ст. 11 Положения о Временном совете Российской республики, об обращении к Временному правительству с вопросом о выработке и внесении во Временный совет проекта постановления об учреждении Совета по национальным делам. Второе — за подписью 30 членов Временного совета, также с заявленной спешностью и в порядке ст. 11, об обращении к министру-председателю и министру внутренних дел с вопросом по поводу насильственных действий казачьих частей в Калуге по отношению к Совету рабочих и солдатских депутатов. В третьем заявлении, вновь с заявленной спешностью и в порядке ст. 11, речь шла об обращении к министрам торговли и промышленности, внутренних дел, юстиции и труда с вопросом по поводу всеобщей забастовки на текстильных предприятиях Центрального промышленного района и захвата в связи с этим фабрик в руки стачечного комитета. В-четвертом, за подписью 31 члена Временного совета, поступило законодательное предположение о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка. Подписавшие законодательное предположение просили передать его для выработки в недельный срок соответствующего законопроекта в комиссию для урегулирования народного хозяйства и труда. Президиум Совета республики не встретил возражений к удовлетворению ходатайств подписавшихся.

24 октября от А.Е. Грузинова поступило заявление об отказе от звания члена Временного совета Российской республики в связи с назначением его главноуполномоченным Министерства продовольствия. Также поступили сообщения об отказе от звания членов комиссий: по обороне — И.В. Залкиндсона, К.Э. Лапьера, К.П. Рабиновича и А.К. Феофанова, по иностранным делам — Г.В. Котлярова, В.Н. Рихтера и И.З. Штейнберга (Карелина), по урегулированию народного хозяйства и труда — Я.Т. Богачева, М.М. Частева, И.М. Крейниса, Г.В. Котлярова, С.А. Кудрявцева, М.Ф. Крушинского и Г.К. Юрковского, контрольно-финансовой — А.В. Бильдзюкевича, С.В. Вржосека, К.Э. Лапьера, М.А. Натансона и Г.Н. Сухарькова, продовольственной — М.М. Гастева, В.А. Карелина и А.А. Шрейдера.

Наконец, в 7-м часу вечера заседание Временного совета возобновилось. Слово для выступления получил представитель левых социалистов-революционеров Б.Д. Камков-Кац. Он заявил: «Когда председатель Совета Министров приходит сюда и объявляет, что поднимается какая-то чернь и требует от этого собрания санкции для расправы с нею, то, быть может, подавляющая часть эту санкцию даст. Но я не знаю, даст ли ее русский народ, революционная армия, пролетариат и трудовое крестьянство. (Аплодисменты слева.) Не будем играть в прятки. Разве есть сейчас кто-нибудь, кто доверял бы этому Правительству и Председателю Совета Министров»²⁹⁷. Камков-Кац утверждал, что правительство своей тактикой подорвало свой кредит доверия, оно уже не опиралось ни на революционную армию, ни на трудовое крестьянство, ни на пролетариат. Против него поэтому восстала не чернь, а как раз сознательные элементы революционной демократии. Для предотвращения ужасов гражданской войны левыми эсерами предлагался единственный выход — создание однородной революционной демократической власти, «в которой не будет элементов, устраивающих демонстрации в честь Корнилова <...> Мы знаем, что Временное правительство стало игрушкой в руках Савинкова и тех, кто шел вместе с Корниловым. У нас нет гарантий, что за спиной Временного правительства, может быть, и самим Временным правительством не готовится контрреволюционный заговор (аплодисменты слева), и пока этой гарантии нет, гражданская война становится объективно неизбежной. Ясно, что Временное правительство, не пользующееся доверием страны, должно, наконец, уйти (аплодисменты слева). Нужно создать революционную демократическую власть, ответственную перед органами революционной демократии. (Аплодисменты слева.)»²⁹⁸

После Камкова-Каца трибуну занял министр труда К.А. Гвоздев. Он заявил, что имеет основание говорить от имени революционной

демократии, поскольку сам 20 лет был рабочим и делегирован во Временное правительство постановлением Центрального комитета партии социал-демократов меньшевиков, к которой принадлежал. В сложившейся ситуации Гвоздев призывал не играть с демократией, а защищать революционную демократию от всего, что говорилось тогда в стенах Предпарламента. Он не верил, что рабочий класс готов выйти на улицу и устроить беспорядки. «Я утверждаю, что рабочий класс на это не пойдет <...> Нельзя приписывать это движение сознательному рабочему классу». Меньшевик-интернационалистов, активно мешавших ему говорить, он призывал ясно и четко определиться: с Троцким они или против него. «Если вы признаете, что государство должно быть, что должна все-таки остаться идея государственности, — вы должны бороться с тем, что происходит, именно с тем бунтарством, которое некоторыми проявляется. Если же вы этого не хотите сделать, скажите прямо, что вы с ними. Если вы считаете, что способы, которое избирает Правительство, неверны, укажите на них, но говорить в этот момент, что Правительство не пользуется доверием и что вся революционная демократия против Временного правительства, у вас решительно нет никакого основания. Вы не имеете права этого заявлять про сознательную часть рабочего класса, которого я не меньше вашего знаю». Речь министра труда вызвала аплодисменты всего зала, кроме интернационалистов.

Следующим выступил С.И. Гуревич-Дан, согласившийся со своим товарищем по партии министром труда Гвоздевым, что начавшееся выступление в Петрограде, способное приобрести «ужасные формы», нельзя считать движением революционного пролетариата и революционной армии в защиту свободы. «Нет, в массе своей рабочий класс на ту преступную авантюру, куда толкают его большевики, не пойдет. Для меня нет никакого сомнения, что та демагогическая агитация и невероятные поступки, которые позволили себе большевики, суть агитация и поступки преступного характера, направленные против революции. Меня не могут упрекнуть в том, что я с большевиками не борюсь.

Но, желая самым решительным образом бороться с большевизмом, я никогда не желал быть орудием в руках той контрреволюции, которая на подавлении этого восстания хочет сыграть свою игру. Для меня несомненно, что большевики использовали в своих интересах все несчастья, которые обрушились на нашу родину в демагогических целях в борьбе за власть. И в этом их политическое преступление».

Однако Дан считал, что бороться и предотвратить катастрофу можно было только принятием всеобщих мер к мирному разрешению конфликта. «Как бы ни окончилось завтра большевистское вос-

стание, но если оно будет затоплено в крови и вооруженной рукой будет водворен порядок, то кто бы ни победил — правительство или большевики — на деле это будет торжеством третьей силы, которая сметет большевиков, правительство, демократию и революцию.

Если вы хотите выбить из-под ног большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб, то надо принять ряд политических мер. Необходимо ясное выступление и правительства, и Совета республики, выступление, в котором народ видел бы: его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками. Вот почему вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены так, чтобы ни у одного рабочего, и ни у одного солдата не было ни малейших сомнений, что по этому пути наше правительство идет твердыми и неуклонными шагами». Дан утверждал, что меньшевики не хотят никакого кризиса власти и готовы до конца защищать Временное правительство, дать возможность всей демократии сплотиться вокруг него, чтобы оно могло дать определенный ответ по всем важным вопросам, интересовавшим весь народ.

Дан сменил на трибуне Ю.О. Мартов, встреченный аплодисментами слева. Он заявил, что положение достаточно серьезно, чтобы продолжать заниматься сведением партийных счетов. «Здесь А.Ф. Керенским было сказано, что сейчас каждый должен выбирать, где ему встать. Мы, меньшевики-интернационалисты, категорически заявляем, что с корниловцами в одних рядах ни при каких условиях стоять не будем. Мы ни на минуту не прекращали и не прекратим указывать волнующейся солдатской и рабочей массе, а отнюдь не черни, что выступление, к которому их призывают, может быть только во вред революции. Слово министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленным к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны». Мартов считал, что та демократия, которая не участвовала в подготовке вооруженного выступления, не допустит осуществления планов людей, стремившихся воспользоваться положением, чтобы остановить развитие революции.

Интернационалисты не собирались оказывать правительству никакой поддержки, если оно немедленно не даст гарантии реализации насущных нужд народа. «Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена»²⁹⁹. В случае, если такие заявления были невозможны для правительства, то интернационалисты видели выход в

его реорганизации для избавления страны от ужасов гражданской войны.

Мартов утверждал, что громадная масса петроградских рабочих не стремилась тогда вооруженным выступлением решать вопрос о власти. Однако «бестолковая политика репрессий и необдуманные меры» могли, по его мнению, вызвать в массах отчаянное стремление принять участие в восстании, которого они не хотели. Ответные меры, которые правительство могло принять в чисто техническом смысле, не предотвратили бы назревающий острый социальный конфликт. Поэтому фракция интернационалистов призывала демократию сплотиться для принуждения официальных кругов, «управляющих от имени России», вести революционную демократическую политику и таким «единственным» способом предотвратить гражданскую войну.

После речи Мартова было принято предложение о прекращении прений и объявлен перерыв. Возобновив заседание после перерыва, председательствующий А.В. Пешехонов огласил две формулы перехода, поступивших к нему. Первая формула, или резолюция, внесенная народными социалистами, меньшевиками-интернационалистами, левыми социалистами-революционерами, социалистами-революционерами гласила:

«1. Подготавливающееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собою срыв Учредительного собрания, новую военную катастрофу и гибель революции в обстановке паралича, хозяйственной жизни и полного развала страны.

2. Почва для успеха указанной агитации создана, помимо объективных условий войны и разрухи, промедлением в проведении неотложных мер и потому прежде всего необходим немедленный декрет о передаче земли в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3. Для борьбы с активным проявлением монархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством».

Вторая формула перехода, внесенная партией кадетов и группой кооператоров, была такова:

«Временный совет Российской республики, заслушав сообщения министра-председателя, заявляет, что в борьбе с предатель-

ством родины и дела революции, прибегнувшим перед лицом врага накануне Учредительного собрания к организации открытого восстания в столице, Временный совет окажет правительству полную поддержку, требует принятия самых решительных мер для подавления мятежа и переходит к очередным делам».

Затем слово взял представитель фракции казаков В.И. Анисимов и внес еще одну, третью по счету формулу перехода — от казаков: «Казачья фракция Временного совета Российской республики, заслушав объяснения министра-председателя и верховного главнокомандующего, полагает: 1) что обязанность каждого гражданина в столь тяжкую минуту, когда родине и свободе угрожают враги внешние и внутренние, защищать не щадя живота и родину и свободу; 2) что, так как большевики являются предателями родины, ибо своей преступной агитацией и своими мятежными выступлениями они разрушают боевую мощь Российской республики, что они же являются предателями свободы, усиливая анархию, уничтожая законность и порядок, подрывая этим доверие широких масс населения к самой идее демократических учреждений; 3) что ясные и тайные циммервальдисты являются пособниками большевиков и их преступной деятельности, ибо своей пропагандой укрепляют в воинских частях сознание, что граждане российские не обязаны защищать чести, достоинства и интересов России от врагов внешних; 4) что Временное правительство, проявив бездействие власти перед событиями 3–5 июля, проявило полную слабость власти после этих событий, проявив, наконец, снова бездействие власти перед событиями, готовыми ныне свершиться, является тем самым виновным в попустительстве большевикам, — ввиду выше изложенного, и не желая проливать казачью кровь, как это было 3–5 июля, без уверенности, что Временное правительство действительно решило раз и навсегда покончить с большевистским течением и освободиться в своей политике от влияния интернационалистов, казачья фракция заявляет, что готовые исполнять свой долг перед родиной и свободой, казаки, тем не менее, требуют от Временного правительства гарантии, что на этот раз никакого послабления большевикам не будет». Оглашение формулы перехода казаков вызвало аплодисменты и возгласы одобрения в центре и справа.

Далее на заседании Предпарламента выступил ряд ораторов по мотивам голосования. П.Б. Струве от имени группы представителей Московского совещания общественных деятелей присоединился к формуле перехода, вынесенной фракцией народной свободы и кооператорами. Эту же формулу перехода поддержал и М.В. Сизов от имени социалистов-революционеров оборонцев. Он, в частности, отметил: «Мне известны центростремительные стрем-

ления крестьян, уже семь месяцев ожидающих, когда же правительство перейдет от слов к делу. Крестьянство не идет и не пойдет за большевиками, и контрреволюция ищет не там, где ее ищет товарищ Камков».

Сизов огласил резолюцию, принятую крестьянами-представителями земельных комитетов Совета крестьянских депутатов и волостных земских управ Петроградского уезда, собравшихся на совещание в тот же день, 24 октября. В документе выражался решительный протест против всяких попыток вооруженных уличных выступлений, от кого бы они не исходили. Утверждалось, что гражданская война привела бы только к торжеству реакции, нарушив процесс выборов в Учредительное собрание и поставив под угрозу все завоевания революции. «В этой войне, если она случится, крестьяне Петроградского уезда будут всецело на стороне действующего Временного правительства, — до тех пор, пока правомочный хозяин земли русской — Учредительное собрание — вместе с новым государственным порядком не даст России и новое правительство».

Выступившая следующей Л.И. Аксельрод к своему «великому прискорбию» намеревалась голосовать за резолюцию кадет и кооператоров. «Я нахожу, как социал-демократ, что земельный вопрос должен быть решен Учредительным собранием. Что же касается анархии, которая угрожает свободе, то она обязана своим ростом и развитием слабости Временного правительства. Поэтому пора стать на государственную революционную точку зрения и поддержать Временное правительство в его борьбе с большевистским мятежом. Этот мятеж должен быть подавлен во что бы то ни стало».

М.И. Гольдман от имени меньшевиков заявил, что значительная часть фракции хотя и не вполне удовлетворена формулой перехода, но считает необходимым единодушно голосовать за нее, так как с «анархическим движением», происходившим тогда на улицах Петрограда, могла справиться только демократия. Именно поэтому демократия должна была сохранять свое единство.

После этого Временный совет перешел к голосованию по внешним формулам перехода. Формула левых была принята большинством 123 голосов против 102, при 26 воздержавшихся. За нее в большинстве своем голосовали обе группы социалистов-революционеров, меньшевики, меньшевики-интернационалисты, и в меньшинстве — вся правая часть зала. Воздержались народные социалисты, часть кооператоров, земцев и социалистов-революционеров, в том числе В.Н. Фигнер, Н.В. Чайковский и др.

Левые сопровождали результаты голосования шумными аплодисментами. Затем поступило предложение назначить вечернее заседание для голосования формулы перехода по вопросам внешней

политики, но предложение это значительным большинством было отклонено.

24 октября Предпарламент принял также резолюцию о создании «Комитета общественного спасения». В ней отмечалось, что готовившееся в последние дни революционное выступление, имевшее целью захват власти, грозило началом гражданской войны. Создавались «благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил», что неминуемо повлекло бы за собой срыв Учредительного собрания, новую военную катастрофу, гибель революции в обстановке паралича государственной жизни и полного развала страны.

Почва для успеха такой агитации была создана помимо объективных условий войны и разрухи, промедлением проведения неотложных мер. Именно поэтому, указывалось в документе, требовался немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов, а во внешней политике — предложение союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения предлагалось немедленное принятие мер к их ликвидации, создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления, органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством³⁰⁰. Очередное заседание было назначено на среду, 25 октября, 11 часов утра.

На следующий день с утра в Мариинский дворец на заседание стали собираться члены Совета республики. Всего их собралось чрезвычайно мало, и заседание по этой причине в назначенное время не открылось. Между тем в начале первого часа дня к Мариинскому дворцу подошли несколько рот матросов гвардейского полка и Кескгольмского полка с броневином и заняли все входы и выходы дворца. Караулы закрыли доступ к Мариинскому дворцу, куда был запрещен вход членам Совета республики. Комиссар Военно-революционного комитета вошел внутрь дворца и предъявил председателю Совета республики Н.Д. Авксентьеву требование о немедленном «очищении» дворца, причем распорядился, чтобы все служащие канцелярии немедленно оставили Мариинский дворец. Председателем Совета республики было созвано немедленное заседание Совета старейшин, которому он доложил о предъявленном ему требовании комиссара Военно-революционного комитета. Совет старейшин, «после некоторого обсуждения вопроса», единогласно постановил признать заседание несостоявшимся и даже не открывать его. Однако некоторые члены Предпарламента выразили крайнее недовольство этим решением и потребовали, чтобы вопрос о прекращении деятельности Совета республики был

поставлен на обсуждение общего собрания. В результате собрание было открыто и председатель сообщил о состоявшемся решении Совета старейшин Предпарламента.

После кратких прений решено было закрыть заседание, причем при голосовании выяснилось, что в зале заседания нет кворума. Некоторые члены Совета республики, не дожидаясь решения о прекращении заседаний, оставили Мариинский дворец. При выходе членов Предпарламента караул проверил у всех билеты, задерживая членов правительства, которые к тому времени оказались в Мариинском дворце. Так, например, были задержаны товарищ министра внутренних дел Авинов и бывший начальник канцелярии военного министра Стинуц, которые были отправлены в распоряжение Временного революционного комитета.

В то время как внутри дворца проходили прения о прекращении заседаний, бывший верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев подошел к Мариинскому дворцу и захотел войти внутрь в качестве члена Совета республики, но караул запретил ему входить во дворец. Генерал Алексеев настаивал, что караул должен пропустить его как бывшего верховного главнокомандующего. Был вызван поручик, комиссар, которому генерал Алексеев также предъявил требование о пропуске его во дворец. Крайне взволнованный поручик заявил: «Ваше высокопревосходительство, вход во дворец строжайше запрещен и я не имею права вас сюда пропустить, так как в ближайшие минуты может оказаться необходимость принятия самых энергичных и решительных мер»³⁰¹. Алексеев, тем не менее, продолжал настаивать на своем праве быть во дворце, где находятся другие члены Временного совета республики, и ушел только после того, как ему было заявлено, что все члены Совета республики разводятся, поскольку принято решение о прекращении его занятий. Через несколько минут вышел другой офицер и, узнав о том, что несколько минут назад там был генерал Алексеев, выразил сожаление по поводу того, что он не был арестован. Уже к часу дня все члены Предпарламента покинули Мариинский дворец.

25 октября 1917 г. Совет старейшин Предпарламента подготовил постановление о вхождении в состав Комитета общественной безопасности, утверждавшее, что Временный совет Российской республики не прекратил своей деятельности, лишь временно прервав ее ввиду невозможности в сложившейся обстановке созывать общие собрания и вести правильные занятия. Признавалось необходимым вхождение в Комитет общественной безопасности всем составом Совета старейшин. Председателю Временного совета Российской республики поручалось обратиться от имени совещания с воззванием к населению по поводу создавшегося положения в

столице. Предполагалось сообщить всем членам Предпарламента о состоявшемся постановлении Совета старейшин с просьбой не разъезжаться в связи с принятием постановления о необходимости созыва Совета республики при первой же возможности³⁰².

12 комиссий Предпарламента

10 октября 1917 г. на втором пленарном заседании Предпарламента было принято решение об образовании 12 комиссий: личного состава; по наказу; распорядительной; по обороне; по иностранным делам; по выработке мер для укрепления республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией; по урегулированию государственного хозяйства и труда; контрольно-финансовой; продовольственной; земельной; по национальному вопросу; редакционной. Они формировались из числа членов Совета республики для предварительной подготовки внесенных на обсуждение Предпарламента дел и вопросов. За основу был принят порядок комплектования комиссий, предложенный Советом старейшин. В спешном порядке на заседании 10 октября было решено произвести выборы в комиссии личного состава, по наказу и обороне. Выборы и довыборы в различные комиссии проходили 10, 12, 13, 16 и 18 октября.

В обстановке продолжавшейся войны, до предела обострившей все проблемы страны, важнейшее значение приобретала деятельность Комиссии по обороне. К ее ведению относились вопросы, связанные с организацией армейского и флотского самоуправления, командного состава, центрального управления — Военного совета, Адмиралтейств-совета, Генерального штаба, а также уставы, меры к поднятию боеспособности и дисциплины армии в тылу и на фронте. В сфере ее компетенции были также вопросы по составу и комплектованию армии (частичное сокращение армии, состояние подготовительных работ к демобилизации и пополнению армии, взаимоотношение действующих частей и запасных частей, национальный принцип пополнения, добровольчество, материальное обеспечение личного состава армии). Комиссия ведала снабжением армии (система, органы и положение снабжения, состояние промышленности, работающей на оборону, транспорт), обсуждением военного положения, вопросом об эвакуации Петрограда³⁰³.

Первое заседание Комиссии по обороне Временного совета Российской республики состоялось 10 октября 1917 г. Оно проходило в закрытом режиме, вечером — с 20 час. 30 мин. до 22 час. 30 мин. На заседании присутствовали члены комиссии, члены Совета республики, министр-председатель и верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский, представители ведомства и верховного командования³⁰⁴.

Председателем комиссии был избран С.Ф. Знаменский, товарищами председателя — А.И. Шингарев и М.И. Скобелев, секретарем — Б.В. Безобразов и товарищем секретаря — И.П. Демидов³⁰⁵. Предмет занятий этого заседания состоял в разъяснении представителей Временного правительства и верховного командования о военном положении России, которые они обещали дать именно на заседании Комиссии по обороне. Начиная работу, председатель комиссии заявил, что заседание является закрытым и поэтому никакие сообщаемые на нем сведения не подлежали ни оглашению, ни разглашению.

Выступивший первым помощник начальника штаба верховного главнокомандующего Вырубов сообщил ряд данных о настроении армии и моральном ее состоянии, основанных на донесениях комиссаров. На Северном фронте, по его сведениям, положение армейских организаций было тяжелым: солдаты нервничали, хотели мира, активно действовала большевистская пропаганда. Резолюции различных организаций в стране солдаты воспринимали как решения о заключении мира, умеренно-социалистические органы печати признавались контрреволюционными и буржуазными. Были случаи избиения командного состава, угрозы и отказы исполнения боевых приказов, препятствия стрельбе российской артиллерии, выставление пулеметов против казаков и т. д.

Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин в своем докладе отметил, что оздоровление армии возможно только с выздоровлением страны. Вместе с тем он утверждал, что силы противника несомненно подорваны и войска его истощены, доказательство тому — его попытки к братанию.

Вопрос о продовольствии стоял чрезвычайно остро. Подвоз и запасы муки, крупы, зернового фуража систематически уменьшались. Паек был сокращен до 3 фунтов хлеба на человека и 6 фунтов зерна на лошадь, что вызывало недовольство. Положение продолжало ухудшаться, что приводило к выводу о необходимости принятия чрезвычайной меры — сокращения численности армии.

С вещевым довольствием дела обстояли более благоприятно, считал генерал-лейтенант Духонин, хотя проблемы тоже были. Например, почти совершенно прекратился приток пожертвований из тыла теплыми вещами, являвшийся большим подспорьем для армии.

Ухудшилось состояние железнодорожного транспорта, находившегося в зависимости от трех важнейших факторов. Во-первых, через демаркационную линию, отделявшую фронт от тыла, поступало значительно меньше вагонов, чем в 1916 г. (в августе 1916 г. — ежедневно 6600 вагонов, в августе 1917 г. — 3700 вагонов), крайне замедлилась погрузка и в результате общая работа полевой сети

железной дороги понизилась на 42 %; особенно ухудшилось положение за два последних месяца. Во-вторых, сократился ремонт подвижного состава вследствие падения производительности труда и недостатка металлов. Число неисправных паровозов составляло 24 %, и эта цифра постоянно возрастала. В-третьих, ежемесячная потребность армии в топливе составляла 52 млн пудов, а в летние месяцы эта цифра достигла лишь 36 млн пудов³⁰⁶.

Суммируя изложенные соображения, генерал Н.Н. Духонин пришел к выводу о необходимости сокращения численного состава российской армии. В ходе проводившегося уже увольнения людей четырех старших возрастов армию покинули 277 тыс. человек. Впоследствии, с производством нового набора, предполагалось определить численность армии в 5,5 млн человек. «Третьеочередные дивизии будут расформированы, и состав их направлен на пополнение; дальнейшее же уменьшение наших боевых сил невозможно, предпочтительнее сократить общественные организации.

Количество лошадей в армии равняется 1 892 000, некомплект составляет 298 300 голов. Что касается недостатков в боевом снаряжении, то наиболее серьезные из них это гаубицы, которые мы рассчитываем получить к весне, а также ружья и пулеметы; в этом отношении союзники продолжают оказывать нам помощь»³⁰⁷.

В ряду мер, направленных к оздоровлению армии, кроме необходимого сокращения ее численного состава, Духонин отметил также разгрузку тыла, сокращение ополченческих частей, сбор дезертиров и подготовку их, создание прочных боевых частей, поднятие дисциплины, разработку уставов, тактическую подготовку, активную деятельность различных комитетов и комиссаров. Он заявил, что в армии, несомненно, «еще есть здоровые элементы, настоящие воины, любящие свою родину — и они спасут ее, если она сама не забудет о них»³⁰⁸.

Вслушав сообщение начальника штаба верховного главнокомандующего, члены Военной комиссии и некоторые члены Совета республики — В.Д. Набоков, А.И. Чайковский, Н.Е. Терлецкий, В.В. Чихачев, А.С. Зарудный, В.А. Плансон, В.А. Смородинов, А.В. Трохин, А.И. Шингарев, М.И. Скобелев, Ф.И. Родичев, А.Д. Малевский, Я.Б. Печерский, М.Е. Березин, А.В. Бильдзюкевич, Н.А. Фомин, П.П. Дмитренко, В.И. Сизиков, И.М. Баженов, В.Д. Самсонов, Г.Н. Сухарьков — задали представителям военного ведомства ряд вопросов. Особенно выделился Чайковский, обеспокоенный перспективой сокращения общественных организаций в связи с частичной демобилизацией армии. Отметив заслуги последних в самоотверженной работе на нужды войны, он заявил, что общественные организации продолжали развивать свою деятельность в пределах старых, дореволюционных кредитов, не требуя

их увеличения, и высказался за предоставление Военной комиссии разъяснений по этому вопросу.

Отвечая на поступившие вопросы, генерал-лейтенант Духонин заявил, что настроение австрийской армии значительно хуже германской, в которой, благодаря последним успехам на фронте, отмечался подъем. Ожидалось, что с наступлением холодов настроение немедленно ухудшится. Отмечалось, что на германском флоте неблагополучно. Общественные организации предполагалось не уничтожать, а только, ввиду крайней необходимости, подвергнуть сокращению. Большим вопросом считалось поведение тыловых частей, но он имел отношение, главным образом, к районам тыла; в качестве наиболее действенного средства предлагалось расформирование анархически настроенных частей.

Генерал-лейтенант Духонин в ответ на заданные вопросы заявил также, что меры против преступной агитации в армии давно уже были обнародованы и проводились в жизнь; преследовались всякие призывы к насилию, неисполнению боевых приказов, дезорганизации; преступные органы печати закрывались. Лучшими мерами борьбы правительство считало поднятие морального и экономического состояния армии. Констатировалось, что армия разбита общественными делами и не встречает помощи извне. Для упорядочения тыловых частей предусматривалась более тесная связь их со своими действующими фронтовыми частями, которые имели бы контроль над ними и влияли бы на них оздоравливающе. Некоторые, особенно провинившиеся части, и вовсе собирались расформировать.

Реорганизация запасных полков уже была предпринята; расформированные тыловые части передавались сначала в маршевые роты, затем направлялись прямо в окопы. Указание генерала М.В. Алексеева и других членов Совета республики на то, что с увольнением солдат старших возрастов армия потеряет опытных унтер-офицеров, Духонин находил вполне правильным, но считал, что эта мера была вызвана крайней необходимостью и поэтому неизбежна. Такой причиненный вред намеревались компенсировать подготовкой за зиму новых кадров унтер-офицеров, а также тем, что тогда сверх комплекта числилось 12 тыс. офицеров, и это число должно было еще расти.

В заключении заседания военный министр генерал А.И. Верховский сообщил о том, что волна анархии растет повсюду. Предстояла поистине титаническая работа во всех частях армии. Он говорил о необходимости карательных мер, применении вооруженной силы, но считал, что эти меры должен был санкционировать Совет республики. Отмечалось, что одним насилием бороться, тем не менее, нельзя. «Нужно улучшить экономическое положение солдат, кор-

мить их лучше и, главное, воздействовать на его психику. Весь ужас в том, что солдат не знает, за что он воюет и в этом заключается пропасть между офицерами и солдатами. Если не будет уничтожена эта преграда, дело безнадежно»³⁰⁹.

На этом же заседании Комиссия по обороне признала желательным пополнить ее состав двумя представителями флота, о чем председатель комиссии С.Ф. Знаменский проинформировал председателя Предпарламента Н.Д. Авксентьева³¹⁰. Довыборы состоялись 13 октября 1917 г., и в Комиссию по обороне вошли два представителя Всероссийского военного флота — П.И. Клименко и И.М. Баженов³¹¹.

Участники заседания остались не вполне довольны состоявшимся обсуждением и подготовили перечень вопросов, на которые представителями военного ведомства не были даны объяснения в заседании Комиссии по обороне 10 октября: «1. В каком отношении отразится на сокращении численного состава войск на фронте и в тылу предпринятое Военным министерством освобождение от службы солдат призывов 1895, 1896, 1897 и 1898 гг. 2. Ведется ли нашим противником агитация на фронте о скорейшем заключении мира при помощи летательных аппаратов. 3. Достаточно ли разработан вопрос о частичной демобилизации и не отразится ли она на состоянии технических частей. 4. Не представляется ли целесообразным отказаться от призыва в войска белобилетников. 5. Как велико количество запасных частей. 6. Обращается ли внимание на установление порядка среди тыловых частей и прекращение торговли на улицах солдатами различными предметами. 7. Как отражается на численном составе войск наблюдаемое за последнее время массовое увольнение солдат по болезни; восполняется ли происходящая от сего убыль соответствующими пополнениями. 8. Принимаются ли и какого именно характера меры к прекращению агитации среди войск о скорейшем заключении мира»³¹².

На заседании, прошедшем 11 октября, Комиссия по обороне признала желательность «предварительного выслушания общим собранием Совета сообщения министра-председателя по вопросу об эвакуации Петрограда»³¹³, предложив сначала обсудить этот вопрос в срочном порядке в Комиссии по обороне, в присутствии представителей Временного правительства. Для этого было назначено заседание комиссии на 12 октября в 8 часов вечера. С.Ф. Знаменский, сообщая об этом решении Н.Д. Авксентьеву, просил его предложить общему собранию Совета республики поручить Комиссии по обороне срочно рассмотреть этот вопрос и представить по нему свое заключение общему собранию Предпарламента³¹⁴.

12 октября Комиссия по обороне на своем заседании обсуждала вопрос об эвакуации Петрограда. С подробными разъяснениями

выступили верховный главнокомандующий и министр-председатель А.Ф. Керенский, морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский, начальник генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, помощник военного министра генерал М.П. Якубович и особоуполномоченный по разгрузке Петрограда министр государственного призрения³¹⁵. Министр-председатель категорично заявил, что вопрос об эвакуации Петрограда был возбужден Временным правительством отнюдь не ввиду сложившейся обстановки на фронте, так как она не могла быть признанной непосредственно угрожавшей Петрограду. Временное правительство, признав недопустимой сдачу Петрограда неприятелю, принимало все необходимые меры и готовилось самым энергичным образом к его обороне.

Вопрос об эвакуации Петрограда возник в связи с предположением созыва Учредительного собрания в Москве в целях обеспечения, с одной стороны, более правильной постановки и проведения в жизнь мер обороны Петрограда, и с другой — более планомерной и спокойной работы Учредительного собрания. Созыв Учредительного собрания в Москве должен был повлечь за собой и перевод в Москву правительственных учреждений и переезд самого правительства, но тогда этот вопрос был отложен. Учредительное собрание было решено созвать в Петрограде.

Тем не менее Временное правительство, решив остаться в Петрограде до последней возможности, признало необходимым срочно принять меры к разгрузке правительственных учреждений, чтобы в случае необходимости, в связи с ухудшением положения на фронте, иметь возможность успешно провести экстренную эвакуацию как Временного правительства, так и Учредительного собрания в Москву. На заседании, выслушав разъяснения представителей Временного правительства, комиссия перешла к общим прениям. Был выработан план работ Комиссии по обороне, включавший в себя рассмотрение вопросов о положении на фронтах, организации, комплектовании и снабжении армии, транспорта³¹⁶.

В Комиссию по обороне поступали различные документы, обращения, просьбы. В частности, Постановление Московского совета офицерских депутатов, принятое на заседании 12-го октября 1917 г., направленное в защиту офицеров русской армии. Морально-правовое и материальное положение было названо совершенно невыносимым. Отмечалось, что только исключительная сила духа, проявленная офицерами, истинная любовь к родине, присущая им сдержанность и глубокое правильное понимание тяжкого положения государства позволяли до этого честно и безропотно выполнять свой долг. «До сего времени никто не пришел на помощь офицерам. Временное правительство, не скупясь после 18 июня на всевозможные восхваления офицеров, ни разу не пере-

шло от слов к делу. Положение офицеров ухудшается с каждым часом, офицеры изнемогают. Мы предупреждаем Временное правительство, что в тот день, когда офицерство падет в непосильной борьбе с анархией, наступит полное крушение военной мощи России, а вместе с тем и гибель России как государства. Временное правительство, вся организованная демократия, должны твердо стоять на той точке зрения, что вне боевой мощи армии не может быть и речи об укреплении завоеваний революции и о самом существовании Российской республики. Из сопоставления этих двух положений само собой вытекает, что улучшение участи офицеров, в широком смысле этого слова, является вопросом государственной важности и необходимости. Настал момент, когда молчать преступно...»³¹⁷

Поэтому Московский совет офицерских депутатов от лица офицеров, военных врачей и чиновников военного гарнизона заявляли, что постоянные сообщения о возмутительных фактах насилия, чинимых над офицерами, вплоть до их организованного расстрела, порождало в массах уверенность в безнаказанности, что ставило офицеров вне закона. Они требовали, чтобы все преступления против человеческого достоинства, чести, жизни и здоровья офицеров, в виде самосудов толпы или преступлений отдельных лиц, карались немедленно самым суровым образом, с опубликованием для всеобщего сведения о карах, постигших виновных.

В постановлении выражался протест против увольнений, следовавших как по личной инициативе высшего начальства, так и вследствие «аттестации» офицера комитетами. И то, и другое противоречило п. 18 декларации прав солдата. Офицеры требовали исполнения закона всеми, считая, вместе с тем, недопустимым вмешательство комитетов при назначении и смещении офицеров.

Отмечалось далее, что начальники всех степеней не знали, где начинались их права и кончались обязанности; не знали этого и войсковые организации. По этой причине нельзя было требовать ни от кого служебной ответственности, что являлось одним из главных препятствий к восстановлению боевой мощи армии. Московский совет офицерских депутатов требовал, чтобы сфера компетенции была точно разграничена законом и установлена ответственность комитетов за превышение власти и невыполнение возложенных на комитеты обязанностей. «За последнее время все чаще и чаще мы наталкиваемся на демагогические приемы и политическую нечестность некоторых лиц из высшего командного состава, рассчитанные на популярность среди солдат и их организаций и тем самым роняющие собственное достоинство этих лиц и дискредитирующие авторитет офицеров. Мы обращаем внимание Временного правительства на это прискорбное явление и заявляем, что и против

этого разлагающего армию начала мы будем также бороться всеми силами»³¹⁸.

Многое из допускавшегося в военной среде со ссылкой на декларацию прав этим документом не предусматривалось, — констатировали офицеры, — и, наоборот, многое, предусмотренное этой декларацией, в жизни не применялось. Требовалось также срочное улучшение материального положения офицеров, военных врачей, военных чиновников и военного духовенства.

Глубокую тревогу Московского совета офицерских депутатов вызывали также сведения о бедственном положении российских военнопленных, об унижениях, которым подвергал их так называемый «культурный» враг. При этом правительства союзных России государств сумели позаботиться об участии своих военнопленных и немцы серьезно считались с их требованиями, так как неисполнение какого-либо из этих требований вызывало немедленные репрессии по отношению к военнопленным немцам. «Ничего подобного до сего времени у нас не замечалось. Русские военнопленные являются какими-то париями, пред лицом всего мира отданными на поругание жестокосердному врагу. Уважающий себя народ не может бросать на произвол судьбы своих сынов, которых постигла военная неудача. В частности, офицерский корпус не может не чувствовать долю своей ответственности пред военнопленными офицерами. Мы требуем, чтобы и на эту темную сторону нашей революции было обращено самое серьезное внимание»³¹⁹.

Временному правительству Совет офицерских депутатов предлагал немедленно образовать при Министерстве иностранных дел особый отдел, который занялся бы исключительно выяснением вопросов о положении российских военнопленных и способов облегчения их участи, в особенности раненых военнопленных. Говорилось об обязательном приглашении в этот отдел представителей офицерских выборных организаций, врачей, офицеров из бывших военнопленных.

Московский совет офицерских депутатов широко огласил свое постановление среди офицеров действовавшей армии и тыла, призывая к более тесному сплочению и созданию прочной организации. Только сильное своей организованностью офицерство могло воплотить в жизнь все пожелания, изложенные в этом постановлении и имевшие конечной целью спасение армии и страны. Исходя из положения, что офицерство является носителем идеи государственности, организация предупреждала, что его справедливые требования обращались исключительно к политическому разуму, совести и чувству справедливости Временного правительства. Сами же офицеры, напрягая последние остатки своих сил, намеревались до конца оставаться гражданами, верными своему долгу³²⁰.

Постановления Московского совета офицерских депутатов вызвало живые отклики в армейской среде. Так, например, 17 октября в Совет Российской республики поступила телеграмма от общего собрания офицеров 220-го пехотного запасного полка. Обращаясь к Временному правительству, они всецело поддерживали предложения о необходимости улучшения материального и морального положения офицеров русской революционной армии, высказанные в постановлении Московского совета офицерских депутатов³²¹. Комиссия по обороне выработала подробный план работ. Готовилось обсуждение положения на фронтах, организации армии, состава и комплектования армии, снабжения ее, состояния промышленности, работавшей на оборону, и транспорта, а именно военных перевозок³²².

13 октября в канцелярию Временного совета Российской республики поступило письмо, в котором походный штаб морского министра, по приказанию министра, просил присылать контр-адмиралу Д.Н. Вердеревскому сведения о порядке дня пленарных заседаний Совета республики и комиссий, особенно комиссии по обороне, заблаговременно, желательно не позднее суток до дня заседания³²³. Приняв к сведению это пожелание, 16 октября Комиссия по обороне, за подписью ее председателя С.Ф. Знаменского, отправила морскому министру Вердеревскому уведомление о заседании Комиссии по обороне, назначенном на вторник, 17 октября, в 5 часов дня (Мариинский дворец, комн. № 18). Предусматривалось обсуждение вопроса об эвакуации правительственных учреждений Петрограда. Ввиду этого морского министра просили не отказать командировать на указанное заседание представителя вверенного ему министерства³²⁴. Аналогичные уведомления были отправлены также министру труда К.А. Гвоздеву³²⁵, министру торговли и промышленности А.И. Коновалову³²⁶ и др.

Во Временный совет Российской республики и, в частности, в Комиссию по обороне продолжали поступать весьма неутешительные сообщения о настроениях в армии. Так, 14 октября в телеграмме Исполнительного комитета Совета выборных организаций Особой армии, за подписью председателя Исполнительного комитета Яковлева, поддерживалась резолюция Исполнительного комитета Пятой армии о царящей в стране анархии, болезненно отражавшейся на боеспособности армии.

В то же время Исполнительный комитет Особой армии считал, что сильную власть для борьбы с разрухой и анархией мог создать только фронт, фактически выдерживавший всю тяжесть и ответственность за будущее государства, пока еще представлявший действительно реальную силу, способную вывести страну из создавшегося крайне тяжелого положения.

Отмечалось, в частности, что волнения в боевых частях происходили и оттого, что правительство и командный состав в ходе переформирования армии совершенно не считались с армейскими организациями, которые в силу своего соприкосновения со всеми сторонами боевой, технической, хозяйственной, политической, моральной жизни армии могли бы сыграть весьма существенную роль в деле целесообразного и безболезненного проведения в жизнь намеченных реформ. Это, в свою очередь, предотвратило бы дальнейшее разложение армии.

Учитывая эти доводы, Исполнительный комитет Особой армии требовал все назначения на командные должности производить с согласия Комитета и проводить через его политический отдел. Обо всех оперативных делах в пределах армии следовало осведомлять особую оперативную комиссию, выделенную из членов Исполнительного комитета, которой предоставлялось право выносить свои возражения в вопросе о порядке и технике расформирования полков. В телеграмме также выражалось требование о передаче на немедленное рассмотрение комитетов вопроса о пополнении, который следовало решать, используя запасные полки, находившиеся в районе армии. Все эти проблемы планировалось обсуждать в армейском комитете. Необходимым признавался также созыв Совещания представителей комитетов действовавших армий и флотов для объединения действий всех войсковых организаций³²⁷.

16 октября Комиссией по обороне была получена резолюция полкового комитета 482-го пехотного Жиздринского полка. В ней говорилось: «Полковой комитет 482-го пехотного Жиздринского полка, заслушав доклад о положении в тылу и резолюцию выючной пулеметной команды, находит, что, во-первых: беспорядки и полная дезорганизация тыла привели к тому, что наши отцы, матери, жены и дети вскоре будут обречены на голодную смерть; во-вторых: усиливающаяся разруха транспорта, недостаток продовольствия и плохая распорядительность властей, ведающих делом снабжения фронта, ставят и нас в такое же положение; в-третьих: прошедшие события с полной ясностью доказали, что ни одно сословие граждан нашей молодой республики не оказалось на высоте положения. Все охраняли свои собственные интересы, заботясь о сохранении своей жизни и своего кармана. В своих эгоистических стремлениях они совершенно позабыли о задачах революции и о нас, фронтовиках, четвертый год защищающих их жизнь, имущество и свободу. Богатейшие люди, которым война приносит лишь одни выгоды, перестали и помышлять об ее окончании. Жертвы, кровь и голод сделались обыденными для них вещами, как будто так и должно быть. В-четвертых: запасные части тыла, в силу тех же условий, отказываются вести правильные занятия и не дают нам пополне-

ния, вследствие чего вся тяжесть обороны падает на нас, уставших и измученных за три года. В-пятых: на молодую, неокрепшую демократию сыпятся удары и справа и слева. Одни борются за власть, другие им противодействуют. Все забыли о положении страны и не могут умерить своих алчных appetитов к наживе. Никто не хочет поддержать народную власть ни своей жизнью, ни своим состоянием. В-шестых: вследствие разгоревшихся страстей внутри страны, вспыхнувшая борьба за мир совсем затихла, поэтому и во всех странах перестали говорить о мире, поэтому Стокгольмская конференция сорвана стараниями империалистов всех стран, поэтому и теперь отсрочена конференция союзников, ибо все прислушиваются к тому, что скажет русская революция.

На основании вышеизложенного и, не желая скрывать от всей демократии и нашего Правительства правды о нашем настроении, мы заявляем, что во-первых: дело защиты страны есть дело не одних фронтовиков, а всей России от мала до велика. Все должны нести жертвы и не должно быть привилегированных; во-вторых: должны быть приняты все меры к обеспечению фронта всем необходимым; в-третьих: для того, чтобы измученный истощенный фронт знал, что война не продлится ни одного лишнего дня, Временное правительство и революционная демократия должны приложить все усилия к скорейшему заключению мира. В-четвертых: интересы трудового народа требуют незамедлительного созыва Учредительного собрания, которое даст ему Землю и Волю. В-пятых: если вышеозначенные меры не будут проведены в жизнь и мир не будет в самом скором будущем заключен по вине малодетельности Временного правительства, то мы за себя и за целостность фронта не отвечаем. А пока будем стоять на страже родины и революции, надеясь на то, что Правительство и общество услышат наш голос».

Резолюция была принята единогласно и подписана председателем полкового комитета штабс-капитаном Климовым.

Телеграммы, резолюции, документы подобного рода продолжали поступать из действующей армии в Петроград министру-председателю Временного правительства, Председателю Временного совета Российской республики практически ежедневно. 17 октября поступила телеграмма от комиссара Временного правительства при 2-м гвардейском сибирском армейском корпусе Двигубского. Он утверждал, что действующая армия брошена и забыта страной, предоставлена собственной участи. Армия подвергалась тяжким лишениям, испытывая острую нужду в хлебе, фураже, обуви, теплой одежде, пополнениях. «Знает ли об этом правительство, знает ли об этом Россия: впервые за эту войну полевые хлебопекарни не работают по несколько дней подряд за неимением муки, а офице-

ры, солдаты на передовых позициях не могут нести боевой службы из-за отсутствия обуви. Конский состав, не получая фуража, дошел до такого состояния, что ни один батарейный командир не ручается за то, что его лошади вывезут орудия в случае необходимости совершить передвижение вне шоссейных дорог»³²⁸. Солдаты спрашивали командиров, почему, если в тылу все ходят обутые, офицеры и солдаты, мерзшие в сырых окопах, своей жизнью и кровью отстаивавшие родную землю, должны были ходить босые; почему всю тяжесть боевой службы нес на своих плечах малочисленный состав строевых частей, при том, что все города государства российского были битком набиты солдатами.

Двигубский писал, что армия раньше просила обратить внимание на эти проблемы. Теперь же она настойчиво требовала прекращения преступной бездеятельности тыла, принятия чрезвычайных мер для обеспечения войск на фронте обученными пополнениями, хлебом, фуражом, обувью и теплыми вещами. «Как строевой начальник, ответственный за успех боевого дела на фронте, я считаю своим долгом доложить Временному правительству, что разруха в деле снабжения армии порождает в войсковых массах глубокое недовольство, переносимое массой на командный состав и войсковые организации, бессильные что-либо сделать. Эта разруха неудержимо ослабляет в массе доверие к Временному правительству и создает крайне благоприятную почву для преступной агитации против правительства и войны»³²⁹.

Таким образом, комиссар Временного правительства при 2-м гвардейском сибирском армейском корпусе Двигубский и командир 2-го сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Новицкий считали, что пригодность армии к продолжению войны находится в смертельной опасности. Тыл, увлеченный корыстными или политическими соображениями, не имел права забывать о фронте, если только крупномасштабная диверсия не была составной частью осуществлявшейся программы. «Полуголодная армия без сапог и одежды, быстро таящая от пуль снарядов и болезней, эта армия обречена на гибель»³³⁰.

18 октября Комиссия по обороне Временного совета Российской республики от имени ее председателя направила военному министру А.И. Верховскому, морскому министру Д.Н. Вердеревскому, министру торговли и промышленности А.И. Коновалову, министру путей сообщения А.В. Ливеровскому, министру продовольствия С.Н. Прокоповичу приглашения на заседание комиссии, назначенное на четверг 19 октября, в 4 часа дня (Мариинский дворец, комн. № 18). Предполагалось обсуждение следующих вопросов: избрание комиссии по эвакуации и разгрузке города Петрограда; обсуждение мер к поднятию дисциплины в армии, на фронте и в

тылу; текущие дела³³¹. Кроме того, военному министру Верховскому для сведения препровождался план работ Комиссии по обороне, установленный 17 октября. Председатель комиссии С.Ф. Знаменский просил также военного министра доставить в его распоряжение к этому заседанию все разработанные военным ведомством законопроекты, относившиеся к вопросам, затронутым программой работ комиссии, а также все имевшиеся в ведомстве по этим вопросам материалы, в том числе и материалы совещания, прошедшего в Могилеве в последних числах сентября³³².

18 октября 1917 г. Председателю Временного совета Российской республики Н.Д. Авксентьеву по приказу военного министра был препровожден проект постановления Временного правительства о дисциплинарной ответственности военнослужащих и программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.³³³ Однако уже на следующий день, 19 октября, военный министр просил канцелярию Совета республики возвратить секретную переписку за № 104, адресованную на имя председателя Временного совета (о дисциплинарной ответственности и мероприятия по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.). Было обещано вернуть переписку после снятия копии³³⁴.

Отнюдь не все армейские комитеты поддерживали созыв съезда Советов, направляя телеграммы протеста председателю Совета республики, в ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и Петроградский Совет. В частности, армейский комитет XI армии в телеграмме от 20 октября 1917 г. называл созыв съезда Советов крайне несвоевременным, отметив, что «посылка делегатов армии на съезд стала бы участием в возможном срыве Учредительного собрания»³³⁵, против чего армейский комитет XI армии считал необходимым бороться всеми силами.

Аналогичную позицию занял съезд полковых бригадных и дивизионных крестьянских депутатов Седьмой армии. Обсудив попытку помешать организационному стремлению широких народных слоев и своевременному созыву Учредительного собрания путем привлечения и призыва их к участию во Всероссийском съезде Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, представители Седьмой армии сочли «вредным в настоящий предвыборный период как самое осуществление этого съезда Советов, так и те лозунги и демонстрации, которыми этот съезд сопровождается, и категорически заявляли, что предстоящий съезд Советов не может и не должен получить того значения, которое ему желают придать крайние левые группы демократии»³³⁶. Полнота власти в Российской республике, по мнению депутатов Седьмой армии, высказанному в телеграмме от 21 октября, должна была принадлежать не съезду Советов, а первому российскому Учредительному

собранию. По этой причине Съезд полковых, бригадных и дивизионных крестьянских депутатов армии отказывался принять участие в съезде Советов, «подобно тому, как это сделало большинство армейских комитетов» и, в согласии с решением исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, призывал «товарищей солдат приложить всю энергию, все старания, чтобы широко и полно проявилось их участие в выборах в Учредительное собрание»³³⁷, которому вручалось бремя разрешения всех великих и трудных задач, выдвинутых революцией и тяжелой войной.

В таком же ключе высказалось 21 октября по этому вопросу и пленарное заседание армейского комитета 10-й армии совместно с представителями корпусных и дивизионных комитетов. Обсудив вопрос о созыве съезда Советов на 25 октября, в тяжелый и ответственный момент, когда все силы демократии должны были направляться к одной главной цели — созыву в назначенный срок Учредительного собрания, требовавшего колоссального напряжения энергии всех сознательных элементов на местах, которыми располагала армия, действующая армия и Исполнительный комитет крестьянских депутатов высказались против съезда Советов по причине его несвоевременности³³⁸. Отмечалось, что в период горячей предвыборной компании ЦИК «лишь по формальным соображениям, под известным давлением определенной группы демократии вынужден созвать этот съезд»³³⁹. Отстаивая полезность и необходимость съезда Советов вообще, пленарное заседание 10-й армии сочло, что такой несвоевременный съезд Советов, созывавшийся помимо воли и без надлежащего представительства действующей армии, являлся неправомочным, и предложило всей демократии, оставаясь на своих местах, вести энергичную удвоенную работу по подготовке к Учредительному собранию. Съезд Советов предлагалось отсрочить до окончания выборов в Учредительное собрание.

22 октября армейский комитет 9-й армии, заслушав телеграмму ЦИК об открытии Совета республики, призывал Предпарламент приложить все усилия к созыву в назначенный срок Учредительного собрания, к признанию Временным правительством программы мира российской демократии, определенной в Наказе ЦИК М.И. Скобелеву, своей официальной программой. Армейцы считали, что Совет республики должен был обеспечить ответственность власти перед ним до открытия Учредительного собрания, подготовить наиболее важные и необходимые в интересах демократии законопроекты для внесения их в первую очередь в Учредительное собрание. В случае проведения всех этих мероприятий с решительностью, Совету республики армейским комитетом была обещана самая активная поддержка.

В адрес Совета республики и ЦИКа поступало также значительное количество телеграмм и обращений, направленных против Предпарламента. Так, например, 19 октября пленарное заседание Советов р. и с. депутатов Верхнянского района, обсудив вопрос о поддержке Совета республики, вынесло следующую резолюцию: «Искусственно сфабрикованному Временным правительством, совместно с контрреволюционной буржуазией, учреждению, которое создано для борьбы с революцией и органами ее, Советы рабочих и солдатских депутатов никакой поддержки оказать не могут. Только съезд Советов явится действительным выразителем воли революционной армии рабочих, солдат и крестьян, только ему наше доверие и поддержка»³⁴⁰.

22 октября в телеграмме из Омска Западный Сибирский областной комитет сообщил, что «находит делегирование демократии на Парижскую конференцию своего делегата в условиях настоящего момента нецелесообразным, не имеющим никаких практических последствий в пользу демократического мира. Вопрос о мире может решить сама демократия союзных и воюющих стран, а не их империалистические правительства»³⁴¹. В телеграмме выражалась также убежденность в том, что съезд Совдепов даст толчок к скорейшему заключению мира и выработке его условий, приемлемых для демократии. Совету Российской республики, перед которым правительство не было ответственно, Облкомитет не придавал никакого значения.

Комиссия по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией должна была внести на рассмотрение Предпарламента законодательное предположение о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка. 19 октября прошло заседание этой комиссии, на котором обсуждался переданный на ее заключение Советом республики проект социал-демократической фракции меньшевиков об организации комитетов для борьбы с контрреволюцией и анархией³⁴². Законопроект фракции меньшевиков Предпарламента о создании повсеместно Комитетов общественных организаций предполагал фактически централизовать в масштабе страны борьбу с революционным движением. Проект под названием «Положение о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка» и объяснительная записка к нему³⁴³ были распространены среди членов Предпарламента, которые создавали на местах комитеты, руководствуясь этим законопроектом.

На заседании комиссии, кроме членов Совета республики, присутствовал министр внутренних дел А.М. Никитин. Он сообщил, что Министерство внутренних дел также уже разработало законопроект о борьбе с анархией и контрреволюцией, представив его на

рассмотрение Временного правительства. Этот проект должен был обсуждаться Временным правительством на заседании 20 октября.

А.М. Никитин ознакомил членов комиссии с содержанием проекта, выработанного Министерством внутренних дел. В основу министерского проекта были положены начала, противоположные законодательным предположениям меньшевиков. В частности, проект меньшевиков предоставлял комитетам по борьбе с анархией и контрреволюцией, образуемым из представителей местных общественных организаций, органов местного самоуправления, Советов рабочих и солдатских депутатов и т. д., право вводить военное положение. Правительственный же проект допускал, в случае необходимости, введение военного положения местным комиссаром, как высшим представителем местной власти, которое действовало бы не более двух недель, если бы не было установлено центральной властью.

После доклада министра внутренних дел Комиссия по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией, по предложению кадета В.М. Гессена, постановила предложить Совету республики указать Временному правительству на желательность внесения последним проекта о борьбе с анархией и контрреволюцией на рассмотрение Совета республики.

Затем комиссия перешла к обсуждению законодательного предположения меньшевиков. Против законопроекта в целом возражали кадеты М.М. Винавер, И.В. Гессен, П.В. Герасимов и барон Б.Э. Нольде. Они считали, что законопроект меньшевиков при предоставлении права комитетам введения военного положения давал им более широкие права по приостановлению конституционной гарантии, чем действовавшее тогда военное положение. Раньше введение военного положения приводило к образованию на местах сатрапий, теперь же могло привести к еще более нежелательным последствиям. Кроме того, отмечалось, что нельзя предоставлять, как это делал проект, право введения военного положения коллегии неопределенного состава, а не центральной власти или высшему представителю правительства на местах.

Несмотря на эти возражения, большинство членов комиссии признало проект желательным и высказывалось большинством 15 против 5 за предоставление права проектировавшимся комитетам по борьбе с анархией и контрреволюцией вводить военное положение. Большинством 14 против 6 было поддержано предоставление этим комитетам прав исполнительной власти по введению военного положения. Докладчиком по законопроекту был избран Б.О. Богданов.

20 октября председатель Комиссии по обороне пригласил военного министра А.И. Верховского, морского министра Д.Н. Верде-

ревского на заседание комиссии, назначенное на 21 октября. Предполагалось обсудить два вопроса: принятие мер к поднятию дисциплины в армии, на флоте, в тылу и избрать Комиссию по эвакуации и разгрузке г. Петрограда³⁴⁴.

В состав Комиссии по иностранным делам 12 октября были избраны Ф.А. Иванов (торгово-промышленная группа), П.Б. Струве (группа общественных деятелей), П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде (кадеты), генерал М.В. Алексеев (казачья группа), А.Р. Гоц (социалист-революционер), Ф.И. Дан, А.Н. Потресов, М.И. Скобелев (меньшевики) и др.³⁴⁵

20 октября в 9 часов 30 минут вечера открылось секретное соединенное заседание комиссий по обороне и по иностранным делам Предпарламента. Открыв заседание, председатель Комиссии по иностранным делам М.И. Скобелев указал, что ввиду особенно тесной связи в тот момент между вопросами обороны и внешней политики он, по соглашению с президиумом Комиссии по обороне, счел нужным созвать это соединенное собрание комиссий³⁴⁶. Предстояло заслушать весьма секретное сообщение военного министра, поэтому заседание предлагалось считать совершенно закрытым даже для членов Совета республики, не входивших в состав комиссий или президиума Предпарламента.

Предложение М.И. Скобелева о признании заседания совершенно закрытым комиссиями было принято. Получивший затем слово военный министр А.И. Верховский заявил о своем намерении дать комиссиям откровенные и исчерпывающие сведения о состоянии армии. Остановившись на материальной стороне вопроса, военный министр указал численность российских сил — 10,2 млн человек, из которых 6 млн приходилось на фронт и непосредственный тыл, 3 млн — на разные организации военного времени и 1,2 млн — на тыл. Из указанной численности бойцов, т. е. людей, вооруженных винтовками, пулеметами, пушками — немногим менее 5 млн. Организации земского и городского союзов отвлекали 200 тыс. людей, Красный Крест — 100 тыс., постройка и эксплуатация железных дорог — 600 тыс. Верховский отметил, что содержать такую огромную армию, как это признавалось еще в августе, государству в создавшихся условиях было не по средствам. По этой причине обсуждался вопрос о сокращении численности российских военных сил и принятие для них в качестве основного задания в будущем не наступления, а обороны.

Намечалось сокращение в размере 59 дивизий, за счет которых отпускались призывы 1895–1898 гг. и готовился отпуск 1899 г. Делалось все возможное, чтобы ускорить проведение этих мер, и предполагалось, что благодаря им армия, т. е. фронт и непосредственный тыл, сократятся на 500 тыс., т. е. до 5,5 млн. Кроме того,

принимались меры к сокращению тыловых учреждений, что могло освободить еще 150–200 тыс. Что касалось организаций военного времени, как земский и городской союзы, то возникший было вопрос об их расформировании или сокращении с 3 млн до 1,5–1 млн отпал, так как за невозможностью вовсе упразднить деятельность упомянутых учреждений это должно было бы привести лишь к замене пайков денежным довольствием, что фактически признавалось неосуществимым. В итоге все возможные сокращения могли дать не более 1,2 млн, т. е. армия уменьшилась бы до 9 млн человек. По заявлению же министра продовольствия, страна могла прокормить лишь 7 млн. На сокращение до такой цифры не соглашалась Ставка, считавшая цифру в 9 млн минимальной для сохранения фронта.

Стоимость войны, по оценке военного министра, составляла от 65 до 67 млн в день. Из них собственно на военные нужды тратилось 8 млн, на довольствие всех видов — 23 млн, на артиллерию, технические заказы, железные дороги — 25 млн, на пайки семьям призванных — 10 млн. Расходы непрерывно повышались: в 1914 г. они составили 4 млрд, в 1915 г. — 11 млрд, в 1916 г. — 18 млрд, в 1917 г. ожидался перерасход в 8 млрд³⁴⁷. По требованию Министерства финансов предпринимались попытки сокращения военного бюджета, но удалось уменьшить его только на 5 млн в день, что было явно недостаточно.

Снабжение армии продовольствием оставалось тяжелым. Военный министр привел конкретные цифры: в сентябре доставка муки по всем фронтам не превышала 26% потребности, зернового фуража — 48%. Поставки хлеба на Западный фронт уменьшились от 1 фунта сухарей — до 7/8 фунта; подавалось не более 20 вагонов продовольствия вместо необходимых 122. Положение на Северном фронте было настолько критическим, что потребовался подвоз провианта пассажирскими поездами. Фронт уже начинал испытывать голод, тем более, что возникали опасения и относительно мяса, 50% которого не довозилось. Плохо обстояли дела и в тыловых округах; Московский округ жил только одним днем, нередко прибегая к силе оружия для добывания припасов.

Значительно отставало от потребности и обеспечение армии обувью. Еще в январе было заготовлено 1300 тыс. пар, в сентябре эта цифра упала до 900 тыс. Большие заказы, сделанные за границей, тоже не помогали. Англия отказалась от поставки 2,5 млн пар сапог, Америка взялась изготовить 3,5 млн, но срок поставки был отсрочен, было получено только 116 тыс. Несколько лучше обстояли дела в Японии, уже доставившей 233 тыс. пар из заказанных на 1 января 1918 г. 700 тыс. пар³⁴⁸. Из теплых вещей было изготовлено до 3 млн полушубков, но выдавали тогда лишь половину, так

как доставить их не смогли; тельники, фуфайки, брюки имелись на всех, но и здесь наблюдались затруднения в доставке. Теплым бельем армия была обеспечена.

О печальном состоянии вымирающей авиации говорилось еще в августе на Московском государственном совещании; в таком же положении находилось и автомобильное дело. Вооружение у военного министра пока не вызывало тревоги, так как артиллерийских припасов и винтовок было достаточно с точки зрения стратегических заданий.

Отчитавшись о материальном состоянии армии, А.И. Верховский перешел к характеристике моральных факторов, отметив, что в этом отношении положение сложилось еще безотраднее. «Основной двигатель войны — власть командного состава и подчинение масс — в корне расшатан. Ни один офицер не может быть уверен, что его приказание будет исполнено, и роль его сводится, главным образом, к уговариванию. Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения»³⁴⁹. О восстановлении дисциплины путем издания законов и правил или посредством смертной казни нечего было и думать, — считал военный министр, — так как никакие предписания не исполнялись. По его мнению, некоторую роль могли бы играть и еще играли местами выборные комитеты, особенно армейские, но их влияние падало по мере того, как они становились на государственную точку зрения, тем самым отрываясь от масс, которым эта точка зрения была недоступна. Так, например, в 5-й армии пропаганда большевиков уже одержала верх над более умеренными течениями. Никакого обучения на фронте не происходило. Из командного состава более старые служащие, вплоть до командиров батальонов, еще соответствовали боевым заданиям, но младшие офицеры, особенно послереволюционные, обладали лишь самой ничтожной подготовкой. Общий развал еще более усилился под влиянием корниловской истории.

Верховский не видел выхода из создавшегося тяжелого положения. Он сообщил только, что обдумал и проводил все возможные меры, которые могли бы способствовать поднятию боеспособности армии к весне 1918 г. Общий план этих мер распадался на несколько частей. Во-первых, в связи с упомянутым ранее сокращением вооруженных сил предполагалось призвать новобранцев срока 1920 г., зачислив их в лучшие имеющиеся кадры, где они могли бы избежать разложения. Во-вторых, серьезное внимание обращалось на упорядочение дисциплины в тылу. Для этого вводилось начало подчинения тыла фронту. Таким образом, все активные части имели бы соответствующие запасные в своем полном распоряжении, вплоть до права налагать кары. Отмечалось, что здесь известную

роль могла сыграть наблюдавшаяся между фронтом и тылом разнь; многие фронтовые части определенно заявляли, что готовы даже силой привести к повиновению тыл.

Вместе с тем принимались некоторые меры по борьбе с анархией вообще. Для этих целей военное ведомство хотело выделить от 100 до 150 тыс. боевых солдат и офицеров, способных составить надежные кадры милиции, в связи с чем уже начались переговоры с земскими и городскими самоуправлениями. Необходимость и своевременность этой меры объяснялась все разраставшимся развалом в тылу. В частности, насчитывалось не менее 2 млн дезертиров, которых не было никакой возможности изловить. До этого при всех стараниях удалось собрать не более 200 тыс. дезертиров, но и это оказалось бесполезным, так как подобные развращенные элементы, вернувшись на фронт, только усиливали и ускоряли его разложение.

К третьей категории мер относилось урегулирование прав и обязанностей комиссаров и их отношений к командному составу. Соответствующие правила уже готовились к публикации. При разрешении этого вопроса возникали большие трудности. Опыт всех времен и народов свидетельствовал, что только при полноте власти командного состава могла существовать настоящая дисциплина. С этой точки зрения самое существование института комиссаров представлялось ненормальным, свидетельствуя о происходившем развале. Поэтому, по проекту правил, все, что только было возможно в отношении власти и авторитета, сохранялось за командным составом.

С другой стороны, приходилось считаться с тем, что последний и в чисто военном смысле не всегда оказывался на высоте задачи, вызывая тем самым законное недовольство солдатской массы, не желавшей идти на верную гибель из-за неподготовленности начальников. В этой связи возникло требование об аттестации командного состава солдатскими организациями. Однако уступить этому требованию значило бы открыть дорогу полному развалу, так как было хорошо известно, что более популярными всегда оказывались наиболее покладистые офицеры; люди же требовательные и устойчивые, не желавшие уступать массе, нередко вызывали недовольство. Так, например, гвардейская кавалерия оказалась совершенно разрушенной благодаря устранению почти всех офицеров, причем немаловажную роль здесь сыграла принадлежность офицеров к состоятельным семьям высшего общества.

Этот сложный вопрос обсуждался в Ставке и на Совещании представителей фронта при министре. Об аттестации постановили не упоминать, но окончательного решения еще не вынесли. А.И. Верховскому наиболее правильным представлялся средний

путь, открывавший возможность введения наблюдавшегося явления в приемлемой форме, а именно — предоставить солдатским комитетам лишь права обоснованного отвода нежелательных офицеров, причем от начальства зависело бы, удовлетворять такого рода заявления или оставлять их без последствий. При таких условиях только мотивированные жалобы, содержащие конкретные указания на злоупотребления или непригодность определенного лица, имели бы шансы на успех.

Особую категорию мер составляли заботы о культурно-просветительном воздействии на армию путем устройства клубов, кинематографов, поездок, лекций, продажи литературы и т. п. На эти цели уже был отпущен кредит в 2 млн рублей. Непосредственное же поднятие дисциплины, по мнению Верховского, обязывало реформировать существовавшие дисциплинарные суды, действовавшие крайне медленно и неудовлетворительно. Предлагалось постановить, что если такой суд в течение 48 часов не вынесет решения, то кара должна налагаться единолично начальником. Ему же предоставлялась вся полнота власти там, где суда вовсе не существовало. Предусматривалось образование особых штрафных полков, подлежащих общим карам в виде лишения отпусков, содержания и т. п. Военный министр считал, что и в офицерской среде, при всех ее несомненных заслугах, имелись недоброкачественные элементы; «нередко явление, что офицеры запасных частей неделями и месяцами ничего не делают, и нет никакой возможности заставить их ходить на занятия. Поэтому и в отношении офицерства необходимо восстановление дисциплинарной власти»³⁵⁰.

Изложенная система мер являлась, в глазах военного министра, максимальной для того момента. Действительное же восстановление дисциплины было возможно только при наличии силы, на которую можно было бы опираться. Поэтому обращалось внимание на образование таких надежных частей, для чего поощрялось создание ударных и добровольческих батальонов. Наиболее организованные казачьи и кавалерийские части сводились в дивизии и корпуса. Затем Верховский говорил о принятых мерах по улучшению весьма тяжелого материального положения офицеров. Он отметил также, что приведенная программа преобразований была предложена союзным военным агентам и встретила с их стороны полное сочувствие и одобрение; никаких дополнительных мер они указать не могли.

Закончив изложение своей программы, военный министр считал нужным особенно отметить разлагающее влияние, вносимое в армию большевиками. «Идейного большевизма, собственно говоря, в армии вовсе нет, лозунги его воспринимаются лишь для того, чтобы прикрыть им возможность неисполнения долга, и этим пользуются все так называемые «шкурники». При таких условиях всякий при-

зыв к организации, к самоограничению, встречает отпор со стороны масс, не понимающих, за что они должны воевать. Всякая борьба с этим явлением заранее осуждена на неудачу. Только крайние меры, в виде полного изгнания политики из армии, могли бы помочь, но на них не решаются; а если бы и нашлись офицеры, готовые осуществить такую меру, то они были бы немедленно убиты. Совершенно бессильны в этом смысле армейские организации, все более и более теряющие свой авторитет или сами перекрашивающиеся в большевизм»³⁵¹.

Резюмируя содержание своего сообщения, военный министр вновь подчеркнул его основные тезисы: 1) сокращения армии в желательных размерах не может быть произведено по стратегическим соображениям; 2) армия не может быть при таких условиях прокормлена; 3) армия также не может быть должным образом одета и обута; 4) командовать некому; 5) большевизм продолжал разлагать российские боевые силы.

Учитывая отмеченные объективные данные, Верховский прямо и откровенно признавал, что воевать Россия не может. По крайней мере, он сам без колебаний заявил, что не в силах продолжать работать в прежнем направлении и просил министра-председателя подыскать ему преемника. В своих воспоминаниях Верховский отмечал, что Керенский принял его отставку, но просил повременить с уходом из правительства, так как «не видел пути» выхода из положения³⁵². В собственный план по восстановлению боевой мощи России Верховский не верил, так как это был лишь паллиатив, неспособный преодолеть развивавшуюся и разлагающую пропаганду мира. Уже имелись сведения о том, что некоторые части решили, не дожидаясь зимы, уйти из окопов. Вскоре предстоял съезд Советов, который бы усилил общую тягу к миру. Верховский считал, что большевики до сих пор не выступили с целью захвата власти только потому, что представители фронта пригрозили им умирением. «Но кто поручится, что через пять дней эта угроза сохранит свою силу и большевики не выступят? Нельзя забывать и того, что мирная пропаганда усиленно поддерживается Германией, и министру достоверно известно, что две выходящие здесь газеты получают средства от неприятеля»³⁵³.

Верховский видел единственную возможность борьбы со всеми этими тлетворными и разлагающими влияниями в том, чтобы самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Реальные данные состояли в двух обстоятельствах: при всей слабости российские войска связывали на своем фронте 130 неприятельских дивизий, а задолженность союзникам достигала 20 млрд. Такие аргументы военный министр считал достаточными для того, чтобы побудить союзников согласиться на прекращение этой истощающей

войны, «нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса»³⁵⁴. Верховский считал несомненным, что весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоравливающие начала, что позволит, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию и на фронте, и в тылу. «А так как самое заключение мира потребует значительного времени на переговоры, то к этому времени можно рассчитывать на воссоздание боевой мощи армии, что, в свою очередь, благоприятно отразится на самих условиях мира».

Выступление военного министра вызвало немало вопросов. Министра иностранных дел М.И. Терещенко, в частности, заинтересовало, неужели Верховский полагал всерьез, что можно успешно бороться с немецкой пропагандой мира предложением осуществить те цели, которые она себе ставит. Терещенко усомнился в целесообразности борьбы с германской пропагандой путем выполнения ее заданий. А.И. Верховский ответил, что ставит этот вопрос гораздо шире, чем министр иностранных дел. Речь шла, по его мнению, не об осуществлении немецких притязаний, а о спасении государства, о сохранении всего того, что было возможно, исходя из реального соотношения сил. Он утверждал, что только при немедленном активном выступлении в пользу мира эта цель может быть достигнута. «Напротив, при продолжении войны, к весне положение еще ухудшится, и анархия усилится, особенно, если будет плохой урожай»³⁵⁵.

В.К. Иков спросил, каким образом при давлении на союзников, в смысле скорейшего заключения мира, могли использоваться те реальные данные, о которых упоминал А.И. Верховский. Военный министр разъяснил, что, в случае нежелания союзников идти навстречу мирным стремлениям России, союзники должны были бы считаться с неминуемым полным разрушением российской армии, а это имело бы последствием переброску 130 неприятельских дивизий на союзный фронт и вероятную невозможность выполнения Россией финансовых обязательств.

А.С. Мартынов интересовался, подвергались ли выводы военного министра обсуждению во Временном правительстве, и если да, то как оно к ним отнеслось, имело ли оно в виду какие-либо способы восстановления боеспособности армии. Министр иностранных дел М.И. Терещенко сообщил, что взгляды военного министра Временному правительству не докладывались и он выслушал их впервые.

Верховский, подтвердив формально заявление министра иностранных дел, вместе с тем заявил, что сущность его мнений была давно известна Временному правительству. Других планов воссоздания боевой мощи во Временном правительстве не возникало. По сравнению с прошлым годом, по сведениям военного министра, чис-

ленность армии сократилась незначительно — с 11 млн до 10,2 млн человек.

Основной вывод А.И. Верховского состоял в том, что российская армия воевать далее не может и поэтому следовало соглашаться с заключением мира на любых условиях. Весть о мире, по его представлениям, тотчас бы вызвала в армии прилив энергии. Тогда нашлись бы части, которые во имя сохранения страны к моменту достижения мира взяли бы подавить анархию, предотвратить развал на фронте и в тылу. В результате армия и порядок в стране были бы восстановлены, появилась бы ко времени заключения мира вполне реальная сила. На возражения участников заседания о том, что немедленный мир означал бы потерю доступа к Балтийскому морю, крушение надежд, связанных с революцией, военный министр утверждал, что его интересовали не завоевания революции, а спасение страны.

В этой связи участник дискуссии Н.Н. Кульман недоумевал, можно ли мир с аннексиями в пользу Германии считать спасением страны. Верховский же, в свою очередь, призывал от громких слов перейти к трезвой оценке положения и решить, что стране по карману, а что — нет. «Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится»³⁵⁶.

Е.Д. Кускову интересовали несколько вопросов: знал ли военный министр о состоянии армии, когда вступал в должность; выступал ли он на этом заседании в качестве частного лица или представителя Временного правительства, имея в виду, что министр иностранных дел впервые слышал приведенные им выводы впервые; как конкретно представлял себе военный министр постановку вопроса о мире в сложившихся условиях и имел ли он по этому поводу беседу с представителями союзников?

Верховский ответил, что в бытность его командующим войсками Московского военного округа он не располагал широкой базой сведений, да и по вступлении в должность министра ему не сразу удалось разобраться во всех вопросах, поскольку механизм осведомления был поставлен в министерстве весьма несовершенно. Теперь же, после ознакомления с подробностями жизни армии, он пришел к изложенному им выводу о мире, причем этот вопрос составлял для него тяжелую личную драму, так как, с одной стороны, стремление уйти от решения вопроса о мире вызвало бы взрыв в армии, а с другой — он не желал быть пассивным участником ее разложения. Верховский полагал, что соответствующие шаги в отношении постановки вопроса о мире следовало предпринимать вместе с союзниками. По мнению Е.Д. Кусковой, представленные военным министром разъяснения еще более запутывали дело. Армия

признавалась неспособной воевать, но союзники могли и не согласиться на немедленное заключение мира. Отсюда следовал вывод о сдаче страны врагам и союзникам.

Верховский возражал, утверждая, что союзникам никто еще не давал вполне откровенного освещения положения в российской армии, создавая тем самым иллюзию о ее возможной посильной пригодности. «Между тем, нельзя сомневаться, что к весне мы не будем в состоянии связывать и 60 дивизий противника. Надо прямо сказать союзникам, и тогда они отнесутся к делу более серьезно, особенно после недавнего поражения Италии»³⁵⁷. Кускову разъяснения министра абсолютно не устроили, поскольку тот не ответил на вопрос о конкретной, реальной постановке вопроса о мире.

Отвечая на вопрос А.Д. Малевского о том, что произошло бы, если бы союзники не пошли на предложения России о заключении мира, Верховский указал, что в этом случае «мы должны будем подчиниться судьбе, т.е. пройти через такие испытания, как восстание большевиков (которые в случае успеха, тоже за отсутствием организационных сил, не в состоянии будут создать твердой власти), анархия и все последствия, которые из нее вытекают»³⁵⁸.

Поток вопросов участников заседания к военному министру не уменьшался. Дмитренко, например, интересовался причинами чрезмерной загруженности российского тыла по сравнению с союзниками. В то время, как в России на одного действительного бойца приходилось трое тыловых, запасных и т.п., во Франции на одного тылового — двое в окопах. Верховский такое различие объяснял слабым развитием в России технических средств, вынуждавшим заменять грузовую тягу, узкоколейные железные дороги и т.п. приспособления живой силой.

Дмитренко сомневался также в необходимости отвлечения Россией 130 дивизий противника, имея в виду, что немцы посылали на российский фронт пострадавшие во Франции части почти для отдыха. Верховский, согласившись с этим замечанием, полагал, однако, что эти дивизии могли использоваться неприятелем и на пассивных участках Западного фронта.

Отвечая на третий вопрос Дмитренко о формах, в которых могла бы выразиться техническая помощь союзников, военный министр ответил, что требовалась помощь, прежде всего, в снабжении подвижным составом российских железных дорог. Она оказывалась далеко не в надлежащем объеме, со стороны союзников бывали даже случаи уклонения от выполнения обещаний, данных ранее. Так, например, из заказанных в Америке 2375 паровозов только небольшая часть была поставлена, и такая помощь теряла уже значение, так как не покрывала убыли вследствие изнашивания. Со-

действие американских инженеров по поднятию паровозоспособности Сибирской железной дороги также не дало ничего. В отношении артиллерии и снарядов Англия неохотно шла навстречу России, ссылаясь на то, что поставленные ею орудия легко могли попасть в руки немцев при сложившемся состоянии русской армии. «Между тем, мы отдали под Тарнополем всего 12 английских пушек, тогда как Италия потеряла на этих днях целых 300»³⁵⁹. Авиация также почти угасала по причине отсутствия поставки машин из-за границы. Дело пошло несколько лучше только после того, как Россия предложила компенсацию в виде чугуна и древесного угля.

Министр иностранных дел М.И. Терещенко в этой связи возразил А.И. Верховскому, что, по имевшимся у него цифровым данным, американским инженерам удалось повысить паровозоспособность Сибирской железной дороги в пять раз. П.Б. Струве, взяв слово по порядку дня, считал невозможным продолжать обсуждение первостепенного по важности сообщения военного министра. Такое обсуждение он предлагал провести после того, как комиссия бы узнала взгляды на этот счет правительства в целом.

Терещенко, поддержав предложение Струве отложить прения, заявил, что он, со своей стороны, не мог выступить в этом заседании от лица правительства, ввиду неожиданно возникшего разномыслия с военным министром, который не докладывал правительству о сделанных им сегодня выводах, в корне противоречивших всей предшествовавшей политике правительства.

Председатель предложил, что, прежде чем решать вопрос о порядке дня, необходимо выслушать последнего оратора, который собирался задать ряд вопросов. Это дало возможность Ю.О. Мартову (Цедербауму) спросить военного министра, следует ли понимать его заявления о подавлении анархии внутри страны в смысле установления диктатуры. Верховский ответил, что суть не в названии, однако для борьбы с анархией так же необходима сильная единоличная власть, как и для командования армией, и в этом смысле означенная власть может считаться диктатурой.

Ввиду исчерпания списка ораторов, записавшихся в порядке предложения вопросов, председатель комиссии по иностранным делам М.И. Скобелев предложил перейти к выяснению дальнейшего порядка обсуждения. Н.В. Савич полагал необходимым затребовать от Военного министерства более подробные цифровые данные по вопросам, затронутым министром. В частности, желательно было бы получить сведения по тем же вопросам о снабжении обувью, одеждой и продовольствием за прошлую зиму. Эти данные могли предоставить комиссии лично начальники отдельных управлений ведомства, которых Савич предлагал пригласить на следующее заседание. Председатель заметил, что для этого необходимо конкрет-

но формулировать вопросы, и предложил определиться, следует ли теперь же заслушать сообщение министра иностранных дел или же отложить его выступление до выяснения точки зрения Временного правительства в целом по существу сообщения военного министра. По мнению Ф.И. Дана, не было никаких оснований откладывать прения по внешней политике, для которых представленные военным министром данные были вполне достаточным основанием в смысле выяснения обороноспособности России.

М.М. Винавер, возражая Ф.И. Дану, отметил, что предложение Савича подразумевало именно проверку безнадёжных выводов, представленных военным министром, и поэтому не могли остаться без внимания. С другой стороны, комиссии не могли обсуждать вопросы внешней политики, пока не были устранены обнаружившиеся резкие разногласия по вопросу о мире между министрами военным и иностранных дел. При таких условиях, считал Винавер, следовало отложить обсуждения до определения правительством своей окончательной позиции.

С точки зрения председателя комиссии, министр иностранных дел мог, не откладывая своего сообщения, выступить немедленно, так как для всех он являлся официальным руководителем российской внешней политики. Сообщение же военного министра М.И. Скобелев предлагал рассматривать лишь в качестве вспомогательного материала для суждений о внешней политике.

Министр иностранных дел М.И. Терещенко, со своей стороны, подчеркнул, что считал бы неуважением по отношению к членам комиссии выступать в качестве частного лица. Выступать же в качестве министра он не мог, не зная отношения Временного правительства к суждениям, высказанным военным министром от себя лично.

П.Н. Милюков полагал, что после выяснения позиции правительства вопрос о внешней политике должен был стать предметом обсуждения обеих комиссий, именно в постановке военного министра, т. е. в тесной связи с вопросом об обороноспособности России. По мнению Дмитренко, чисто технические данные, которые интересовали Н.В. Савича, могли рассматриваться в будущем отдельно Комиссией по обороне.

В итоге соединенное заседание комиссий большинством голосов постановило рассмотреть технические данные, связанные с докладом министра, в особом заседании Комиссии по обороне. Для обсуждения же вопроса об обороне и внешней политике во всем объеме предлагалось вновь назначить соединенное заседание. Это же собрание в 12 часов 10 минут ночи было закрыто председателем Комиссии по иностранным делам М.И. Скобелевым.

На имя председателя Комиссии по обороне Совета республики 24 октября была получена телеграмма из Москвы от Земсоюза. В ней говорилось, что созданное помощником начальника штаба верховного главнокомандующего Совещание представителей общественных организаций для обсуждения вопроса о сокращении деятельности последних признало губительным производившееся механическое сокращение организаций Северного фронта. Полная их ликвидация могла разрушить весьма ценную хозяйственную силу, лишить армию необходимых учреждений. Поэтому совещание избрало делегацию для доклада Комиссии по обороне сведений о характере и размерах деятельности общественных организаций, гибельности для армии и хозяйственной жизни страны разрушения налаженных организаций. Делегация предполагала прибыть в Петроград 29 октября, рассчитывая, что ей обеспечат возможность доложить комиссии в тот же или на следующий день необходимые материалы³⁶⁰.

Комиссия по урегулированию народного хозяйства и труда занималась рассмотрением вопроса об упразднении Главного экономического совета, обсуждением законодательного предположения о главном и районных комитетах снабжения, о сложившейся ситуации в Донецком бассейне в связи с резким падением добычи угля.

17 октября Комиссия по урегулированию народного хозяйства и труда обсудила вопрос о положении Донецкого бассейна и о предполагаемой посылке в бассейн особоуполномоченного комиссара Временного правительства. В принятом постановлении содержалась просьба к председателю Временного совета Российской республики о вынесении на обсуждение Предпарламента целого ряда неотложных вопросов. В частности, предлагалось признать целесообразной посылку особоуполномоченного комиссара Временного правительства с теми полномочиями, которые предусматривались утвержденным Временным правительством положением о назначенном комиссаре. Эмиссар правительства должен был принять участие в работах Донецкого комитета по урегулированию положения в Донецком бассейне, способствовать созданию местного районного экономического комитета для срочного выяснения, совместно с Донецким комитетом и местными общественными организациями, вопроса о мерах по ликвидации конфликта в связи с расквартированием войск на пунктах Донецкого бассейна.

Рекомендовалась срочная посылка парламентской комиссии для выяснения положения дел в Донецком бассейне. Желательным признавалось опубликование для всеобщего сведения заявления министра торговли и промышленности А.И. Коновалова о поручении товарищу министра Л.Б. Кафенгаузу разработки вопроса о прину-

дительном государственном синдицировании промышленности, и необходимым — регулярное общение правительства по прямому проводу с Донецким бассейном по вопросу о ходе забастовки и незамедлительное доведение этих сведений Комиссии по регулированию народного хозяйства и труда³⁶¹.

19 октября на заседании Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда присутствовали председатель комиссии Ф.А. Липкин-Череванин, секретарь М.А. Борунштейн, члены этой комиссии, члены продовольственной и контрольно-финансовой комиссий и представители Главного экономического комитета, а также члены Временного совета республики. Предполагалось обсудить вопрос об упразднении Главного экономического совета, рассмотреть законодательное предположение о главном и районных комитетах снабжения³⁶².

По открытии заседания с сообщением выступил председатель Главного экономического комитета С.Н. Третьяков. Он напомнил, что Временное правительство в июле 1917 г. утвердило Положение о Главном экономическом комитете и Совете. Структура этого учреждения и цель его заключались в объединении всех экономических вопросов по организации тыла и армии, а также в выработке полного экономического плана государства, не только для военного времени, но и на послевоенный период. До революции такого объединяющего органа не существовало и, за отсутствием экономической программы, страдали сельское хозяйство и промышленность.

Третьяков считал, что работа учрежденного после революции Главного экономического совета была мало продуктивна. Совет за все время своего существования провел только девять заседаний, причем почти все время было потрачено на заслушивание докладов отдельных ведомств по разнообразным вопросам. К самому же существенному вопросу — о выработке общего экономического плана — Совет не приступал. С открытием Временного совета Российской республики и образованием в нем Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда, Временное правительство единогласно признало возможным упразднить Главный экономический совет, исходя из соображения, что все функции Экономического совета должны перейти к Совету республики и Главному экономическому комитету, каковые и будут высшими органами, объединяющими всю экономическую жизнь страны.

С.Н. Третьяков сообщил об имевшемся уже проекте Положения о Главном экономическом комитете, который на днях планировал рассмотреть Временное правительство и затем препроводить в Совет республики. Согласно выработанному проекту, Главный экономический комитет представлял бы собой рабочий орган, объединявший все ведомства по экономическим вопросам, причем в него

вводились представители промышленности, кооперации и профессиональных организаций. Функции комитета были бы крайне широкими, требовались значительные расходы на его содержание. Для участия в Комитете предполагалось пригласить специалистов по экономическим вопросам, теоретиков и практиков.

По мнению Третьякова, останавливаться перед неизбежными расходами было нельзя, имея в виду огромное значение проектируемого учреждения. На местах планировалось образовать районные комитеты, которые объединяли бы разрозненные организации на местах и были бы филиальными отделениями Главного экономического комитета. Заводские совещания и совещания по обороне должны были постепенно передавать свои функции Главному экономическому комитету. В ведении каждого районного комитета находилась бы территория в строго определенных границах. При каждом районном комитете предполагалось создание особых совещаний для планомерной работы комитета с распорядительными и законодательными функциями, причем собрания должны были проходить не реже двух раз в месяц. Такое совещание для московского района составило бы 90 человек, с обязательным привлечением к участию в работах всех общественных организаций и научных сил. Некоторые организации, находившиеся тогда в сфере компетенции Министерства торговли и промышленности и других ведомств, не предполагалось совершенно изымать из этих ведомств, но все мероприятия, проектируемые ими, должны были пересматриваться и утверждаться Главным экономическим комитетом, причем надзор за правомочностью работ комитета должен был принадлежать Совету республики и Временному правительству.

По предложению председателя комиссии Ф.А. Липкина-Череванина членами комиссии задавали вопросы С.Н. Третьякову. И.Г. Коган интересовался, кем будет вырабатываться общий экономический план, предусмотрено ли для этого образование отдельных комиссий и будут ли продолжены эти работы, требовавшие больше месяца, при наличии Учредительного собрания. А.В. Васильев уточнял, по каким соображениям были упразднены экономические совещания, образованные при Главном экономическом комитете. М.А. Боруштейн спрашивал, во-первых, является ли Совет Российской республики и, в частности, Комиссия по урегулированию народного хозяйства и труда, правопреемником упраздненного Главного экономического совета; во-вторых, в чем заключается расхождение проектов Положений о Главном экономическом комитете и районных комитетах, выработанных, с одной стороны, Всероссийским съездом комитетов снабжения и, с другой — Главным экономическим комитетом; в-третьих, на каких основаниях возможно совместное существование Главного экономического комитета и Совещания по обороне и заводских совещаний.

А.Я. Фельдман выяснял, будут ли входить в функции Главного экономического комитета каждодневные возникающие дела, как, например, установление цен на изделия, зерно, оплата труда, а также такие вопросы, как выдача ссуд, подобных выданной ссуде в 4 млрд рублей на поддержание текстильной промышленности. В.Г. Громана интересовало, каковы будут состав и функции Главного экономического комитета, согласно разработанному уже проекту Экономического комитета, вносимому во Временное правительство.

Председатель Главного экономического комитета С.Н. Третьяков, отвечая на поставленные вопросы, сообщил, что выработка общего экономического плана может быть осуществлена только путем создания ряда специальных комиссий по каждому отдельному вопросу. Так, например, военным министром был поднят вопрос по демобилизации армии и всей страны, и для выработки плана демобилизации предположено было образовать особый комитет, предложения которого поступили бы на обсуждение Главного экономического комитета. Составление общего экономического плана в промежутке времени до созыва Учредительного собрания представлялось невозможным. Главный экономический комитет продолжал бы работать и при наличии Учредительного собрания.

Третьяков отметил, что экономические совещания при Главном экономическом комитете упразднены вследствие полной их неработоспособности — в то время как Главный экономический комитет заседал 50 раз, совещания не собирались ни разу. С упразднением Главного экономического совета все его функции перешли к Совету Российской республики и Главному экономическому комитету. В проектах Положений о Главном экономическом комитете и районных комитетах, выработанных, с одной стороны, Всероссийским съездом комитетов снабжения и, с другой — Главным экономическим комитетом, существенных расхождений не было. Разница заключалась только в понимании тех или иных принципов. Главный экономический комитет, вырабатывая свой проект Положения, прислушивался к постановлениям съездов комитетов снабжения, но установленные в проекте принципы самостоятельны.

Передача функций заводских совещаний и совещаний по обороне в ведение Главного экономического комитета представлялась Третьякову принципиально желательной. Однако осуществлять такую передачу следовало постепенно, так как у Главного экономического комитета не имелось тогда кредитов, личного состава и помещений для принятия на себя всех тягот упомянутых совещаний с их огромным архивом.

В круг ведения Главного экономического комитета должны были входить все главные вопросы экономической жизни страны, за исключением малосущественных вопросов, которые могли разре-

шаться отдельными ведомствами. Такие вопросы, как нормирование цен, должны были решаться в Главном экономическом комитете в полном контакте между всеми ведомствами для предотвращения мероприятий, подобных постановлению об увеличении цен на зерно на 100%, о чем не было осведомлено ни одно ведомство, кроме Министерства продовольствия. В отношении финансирования из казны российской промышленности Третьяков предлагал установить общий принцип, чтобы ссуды ни в коем случае не выдавались беспроцентно и бессрочно. Тогда уже была разрешена ссуда в 4 млрд рублей на поддержание русской текстильной промышленности.

Вслед за Третьяковым представитель Главного экономического комитета (ГЭК) дал разъяснения по вопросу о составе и функциях ГЭК и районных комитетов, проектируемых Положением. На ГЭК возлагалось объединение мероприятий отдельных ведомств и учреждений в области регулирования хозяйственной жизни и снабжения армии и населения согласно программе, утверждаемой Временным правительством, а также руководство деятельностью всех специальных органов снабжения по упомянутым предметам.

В состав Главного экономического комитета с правом решающего голоса входили назначаемые Временным правительством представители министерств труда, финансов, земледелия, продовольствия, торговли и промышленности, внутренних дел, военного, морского, путей сообщения и иностранных дел, по одному от каждого; назначаемые Временным правительством, по представлению подлежащих организаций, через председателя Главного экономического комитета, представители Совета Всероссийских Съездов, Всероссийского Совета профессиональных союзов, Совета Съездов представителей промышленности и торговли и Всероссийского Союза торговли и промышленности по одному от каждого; заместитель председателя, товарищ председателя и управляющий делами комитета, в качестве непременных членов. С правом совещательного голоса в комитет входили представитель Государственного контроля, назначаемый Временным правительством, или его заместитель, назначаемый тем же порядком; представители социальных органов снабжения или их заместители и главноуполномоченные; представители районных экономических комитетов при обсуждении вопросов, касающихся их районов³⁶³.

Для общего руководства мероприятиями по снабжению районов и по регулированию его хозяйственной жизни, для объединения и согласования деятельности местных специальных органов снабжения в соответствии с устанавливавшимся Главным экономическим комитетом общегосударственным планом снабжения, учреждались районные экономические комитеты. В Положении давались подроб-

ные разъяснения по вопросу о составе районных экономических комитетов³⁶⁴.

В.Г. Громан, после докладов представителей Главного экономического комитета, указал, что откладывать рассмотрение имевшихся уже в комиссии законодательных предположений до внесения проекта Главного комитета не следует. Пока, в качестве материала, он предлагал воспользоваться проектом, еще не утвержденным Временным правительством.

В ответ на эту инициативу председатель Главного экономического комитета С.Н. Третьяков заявил, что в его компетенцию не входит представление проекта Положения в комиссию до его утверждения Временным правительством. Вопрос этот в спешном порядке планировалось поставить на обсуждение Временного правительства и, предположительно, через два-три дня внести в Совет республики.

Тем не менее по предложению В.Г. Громана Комиссия по урегулированию народного хозяйства и труда постановила перейти к немедленному обсуждению вопросов об упразднении Главного экономического совета и рассмотрению законодательного предположения о Главном экономическом комитете и районных комитетах снабжения.

В.Г. Громан считал, что вопрос, который надлежало разрешить комиссии, заключался в целостности регулирования всей экономической жизни. Следовало немедленно установить основные принципы грандиозной задачи, поставленной в прошлом. Заслуживал внимания опыт культурных стран, в экономической жизни которых играли руководящую роль государственная власть — правительство, общественные организации и сам народ, посредством организаций потребителей. По мнению оратора, с открытием военных действий дореволюционное правительство не принимало никаких мер к регулированию государственно-экономической жизни, наоборот, своими постановлениями оно вносило хаос и разложение. Понадобилось отступление из Галиции, чтобы правительство обратило внимание на эту сторону жизни. Последовал ряд совещаний, носивших бюрократический характер, которые без всякого плана, «часто действуя в интересах частных лиц, принимали паллиативные меры, скорее дезорганизующие, нежели организующие народно-хозяйственную жизнь»³⁶⁵.

После революции, отметил Громан, Временное правительство не сумело поставить задачи в экономической сфере в полном объеме, хотя в первый же час русской революции — 27 февраля 1917 г. — в Совете рабочих и солдатских депутатов, совместно с Временным комитетом Государственной думы, был поднят вопрос о необходимости срочного урегулирования всей экономической жизни стра-

ны. Временное правительство проводило различные мероприятия, не согласованные общим планом. Только 21 июня 1917 г. по настоянию Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, был учрежден Главный экономический совет, который должен был представлять собой экономический мозг страны. Для работы в нем были привлечены представители ведомств, рабочие организации, представители революционной демократии и научных обществ, причем в Совете было представлено надлежащее количество лиц, обеспечивавших интересы демократии. Исполнительным органом Совета должен был служить Экономический комитет, для наблюдения за которым было учреждено еще совещание.

Первое заседание Экономического совета состоялось 14 июля 1917 г. под председательством министра-председателя А.Ф. Керенского. Громан вспоминал, как несмотря на настоятельную нужду немедленно же приступить к разработке общего экономического плана, заместитель председателя предложил выслушать доклад о транспорте, и все заседания ушли на выслушивание докладов представителей различных ведомств. 10 августа в связи с Московским государственным совещанием занятия Экономического совета были прерваны и не возобновлялись до его упразднения. Таким образом, резюмировал В.Г. Громан, никаких существенных мероприятий в области экономической жизни со стороны Экономического совета не предпринималось, только на последнем заседании приступили к выработке плана о самоопределении.

Точку зрения, высказанную председателем Экономического комитета С.Н. Третьяковым о правопреемстве Советом республики всех функций Экономического совета, В.Г. Громан считал неправильной. «Совет республики — временное учреждение, срок его действия продлится только один месяц, и быть экономическим регулятором страны, дабы ослабить процесс истощения и предупредить окончательный распад экономической жизни, Совет республики не в силах. Необходим объединяющий орган, который выработывал бы соответствующие законопроекты для представления их первоначально в Совет республики, и затем — в Учредительное собрание. Таковым органом вполне мог бы быть упраздненный Главный экономический совет»³⁶⁶.

Громан акцентировал внимание участников заседания на том, что, согласно проекту Положения Главного экономического комитета, в состав его не входили политические органы, например, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем все члены Совета должны были утверждаться Временным правительством. Такой подбор состава Экономического комитета Громан называл ошибочным. Он утверждал, что интересы трудящихся масс

следовало вполне обеспечить в комитете количественным представительством в органе, объединявшем и руководившем всей экономической жизнью страны. Поэтому Громан предлагал восстановить упраздненный Главный экономический совет с его структурой и предложить ему в недельный срок выработать Положение для представления его на утверждение Совета республики и Временного правительства.

Как выяснилось далее, члены Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда Ф.А. Липкин-Череванин (председатель комиссии), М.А. Борунштейн и С.М. Гришечко-Климов, разделяя соображения, высказанные В.Г. Громаном, считали необходимым восстановить Главный экономический совет.

Л.Е. Эльяшев причину российской экономической разрухи видел в том, что государственный аппарат и общественные организации, регулировавшие экономическую жизнь страны, к тому времени смешались. По его словам, ни в одном европейском государстве государственный аппарат не изменился так, как в России. Главный экономический совет, обладавший полной возможностью проявить свою инициативу и творчество в разрешении большого для России вопроса регулирования народно-хозяйственной жизни страны, в действительности абсолютно ничего не сделал — время уходило на самоопределение, а дело все ждало³⁶⁷. Поэтому упразднение Временным правительством Главного экономического совета Эльяшев считал вполне закономерным. За это же высказались члены комиссии Н.Н. Кутлер и А.В. Васильев³⁶⁸. Затем, ввиду отсутствия кворума, по предложению председателя Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда заседание 19 октября было закрыто.

Контрольно-финансовая комиссия Предпарламента ведала вопросами общефинансового положения в стране, в частности, о связи финансового положения и денежного обращения с общеэкономическим состоянием страны. В введении комиссии находились проблемы налогов и повышения твердых цен на хлеб, а также изыскание средств для преодоления продовольственного и промышленного кризисов. На заседании комиссии 21 октября 1917 г. присутствовали 12 членов Контрольно-финансовой комиссии и 5 членов Временного совета Российской республики, принадлежавших к составу Комиссии, а также представители ведомств: министр финансов М.В. Бернацкий и товарищ министра финансов М.И. Фридман. Председательствовал П.И. Маслов.

Комиссия личного состава занималась вопросами личного состава и проверкой полномочий членов Предпарламента, рассмотрением ходатайств общественных и политических организаций о

предоставлении им членства во временном парламенте. Как отмечалось выше, в Совет республики после его открытия продолжали поступать заявления от отдельных организаций с просьбой о выделении им определенного количества мест. Все эти заявления передавались для предварительного обсуждения в Комиссию личного состава.

Комиссия по национальному вопросу ведала подготовкой запроса о выработке во Временном правительстве законопроекта об учреждении при правительстве Совета по национальным делам и о намерении провести этот вопрос через Предпарламент. Председателем этой комиссии был избран А.А. Булат (социалист-революционер), товарищами председателя — Р.А. Абрамович (Рейн) от Бунда и С.Ф. Ольденбург (кадет), временными секретарями — М.М. Винавер и В.Я. Пожелло (меньшевик-интернационалист).

Председателем Распорядительной комиссии стал И.М. Крейнис (социалист-революционер), товарищем председателя — Н.М. Панкеев (кадет) и секретаря — М.П. Золин (социалист-революционер). Комиссия по наказу сосредоточилась на обсуждении проекта Наказа Предпарламенту. Председателем Редакционной комиссии был избран Н.В. Муравьев, товарищами председателя — Э.Д. Гримм и А.А. Исаев, секретарем — А.В. Бильдзюкевич.

В Комиссию по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией Советом республики были избраны В.Д. Кузьмин-Караваев, М.М. Винавер, П.В. Герасимов, И.В. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, Ф.И. Родичев, А.Р. Гоц, Б.М. Зензинов, Б.О. Богданов, Е.Д. Кускова, Г.М. Эрлих и др.³⁶⁹

Земельная комиссия Временного совета Российской республики занималась обсуждением земельного дела на местах, ходом подготовительных работ по земельной реформе. Она рассматривала законопроекты о земельных комитетах, об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений, об охране и вырубке лесов.

На заседании, состоявшемся вечером 23 октября 1917 г., присутствовали 24 члена комиссии и представители ведомств: товарищи министра земледелия Н.И. Ракитников, П.А. Вихляев, Н.И. Фалеев и председатель Главного земельного комитета С.П. Постников. Председательствовал Н.Я. Быховский³⁷⁰. Предстояло заслушать сообщение Министерства земледелия, во-первых, о положении земельного дела на местах. Во-вторых — о ходе подготовительных работ по земельной реформе, и, в частности, о подготовке нескольких законопроектов: об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений; о земельных комитетах; об охране лесов и их вырубке.

Слово для выступления было предоставлено товарищу министра земледелия П.А. Вихляеву для сообщения о законопроекте об урегулировании земельными комитетами земельных отношений, а также насчет Положения о земельных комитетах. Он отметил, что в состав законопроекта об урегулировании земельными комитетами земельных отношений вошли работы Главного земельного комитета и Министерства земледелия. Работы первого из этих учреждений касались, главным образом, ограничения земельных сделок применительно к опубликованному постановлению Временного правительства от 12 июля 1917 г. (Собр. узак., ст. 1128), а также процесса рассмотрения земельных вопросов.

Этот законопроект, внесенный на рассмотрение Временного правительства, встретил некоторые возражения со стороны Министерства юстиции, которое, для более полного юридического обоснования, сочло нужным передать его на предварительное рассмотрение нового межведомственного Совещания. Такое Совещание было образовано из представителей министерств юстиции, финансов, внутренних дел и земледелия. В него вошли также министр земледелия, его товарищи, председатель Главного земельного комитета и министр народного просвещения С.С. Салазкин. Члены Совещания пришли, в целом, к соглашению в отношении обсуждавшегося законопроекта. Возражения представителей министерств юстиции и внутренних дел касались, преимущественно, предположений Главного земельного комитета относительно предоставления земельным комитетам в известных пределах юрисдикции. На возражения указанных министерств о том, что суд должен быть единым, Министерство земледелия и Главный земельный комитет указывали, что подобные предположения не являются новшеством, поскольку, в соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. (Собр. узак., ст. 543) земельным комитетам уже были предоставлены некоторые судебные функции.

В ответе Министерства юстиции на этот довод говорилось, что постановление от 21 апреля о Земельных комитетах было издано до преобразования местного суда. Теперь же, с введением в состав местного суда представителей общества (шефенов), суд этот приобретал вполне достаточную гибкость. П.А. Вихляев считал, что с вескостью этого соображения нельзя не согласиться³⁷¹. Он сообщил далее о том, что помимо уже упомянутых двух предположений — о предоставлении юрисдикции по земельным вопросам местному суду или земельным комитетам — председателем Главного земельного комитета Постниковым было выдвинуто еще одно предложение: о разрешении земельных недоразумений примирительными камерами на началах третейского суда.

Межведомственное совещание в итоге пошло по компромиссному пути и признало возможным образование при уездных земельных комитетах новых земельных судов в следующем составе: председатель и два члена по выбору уездного земельного комитета, причем одно из этих лиц должно было избираться из числа мировых судей и, кроме того, по равному числу членов по выбору сторон. Обращение к такому суду могло быть только добровольным, при желании обеих сторон. Решение суда считалось обязательным. Кассационной инстанцией являлся мировой судья. При нежелании одной из сторон обращаться к третейскому суду, дело проходило в общем судебном порядке. Инициатива по возбуждению процесса предоставлялась как заинтересованным сторонам, так и земельным комитетам.

Таковы были основные положения стороны процессуальной. Главная цель всего законопроекта состояла в урегулировании арендных отношений. Для этого создавался земельный фонд, в который зачислялись частновладельческие земли, обычно находившиеся (не менее трех лет в течение последнего пятилетия) в арендном пользовании, а равно и земли сельскохозяйственного пользования, принадлежавшие казне и бывшие удельными; обрабатывавшиеся за последние пять лет всецело наймом крестьянского инвентаря; изъятые из распоряжения владельцев или арендаторов ввиду угрозы обесценения их или оставления без обработки; находившиеся в арендном содержании — по прекращении арендных договоров; добровольно передававшиеся в арендный фонд их владельцами.

Земельный фонд находился в ведении земельных комитетов, устанавливавших арендную плату и распределявших землю между наиболее нуждавшимися, при условии, чтобы у них имелись средства к обработке передаваемых им участков. Для определения арендных цен Министерство земледелия должно было издать особую инструкцию.

П.А. Вихляев признавал, что фактически изъятие земель у частных владельцев пошло к тому времени гораздо дальше предположений представляемого им законопроекта. По поводу изъятых земель проходили споры. Земельная комиссия также продолжала рассматривать эти вопросы.

В целом комиссии Предпарламента продолжали активную работу по всем вопросам, находившимся в их ведении. Однако довести свои труды до логического завершения им было не суждено.

¹ ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 21. Л. 105–108.

² Речь. 1917. 28 сент.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 10, 3; Речь. 1917. 3 окт.

⁷ Речь. 1917. 5 окт.

⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.

⁹ Речь. 1917. 28 сент.

¹⁰ Земля и воля. 1917. 28 сент.

¹¹ Там же. 29 сент.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Вестн. Временного правительства. 1917. 3 окт.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 14.

¹⁸ Изв. 1917. 1 окт.

¹⁹ Речь. 1917. 6 окт.

²⁰ Земля и воля. 1917. 28 сент.

²¹ ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 21. Л. 93.

²² Речь. 1917. 4 окт.

²³ Новая жизнь. 1917. 3 окт.

²⁴ Речь. 1917. 4 окт.

²⁵ Изв. 1917. 4 окт.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. 5 окт.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Русские ведомости. 1917. 5 окт.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2.

³⁶ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1–2. С. 79.

³⁷ Там же. С. 79–80.

³⁸ Гессен И.В. В двух веках. Берлин, 1937. С. 201.

³⁹ Биржевые ведомости. 1917. 6 окт.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 25. Л. 84.

⁴¹ Новое время. 1917. 5 окт.

⁴² Речь. 1917. 4 окт.

⁴³ ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.

⁴⁴ Русские ведомости. 1917. 5 окт.

⁴⁵ Новое время. 1917. 7 окт.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Биржевые ведомости. 1917. 7 окт.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Русские ведомости. 1917. 6 окт.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Биржевые ведомости. 1917. 6 окт.

⁵³ Речь. 1917. 7 сент.

⁵⁴ Биржевые ведомости. 1917. 6 окт.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Русская воля. 1917. 6 окт.

- 58 Там же.
 - 59 Там же.
 - 60 Там же.
 - 61 Там же.
 - 62 Там же. 7 окт.
 - 63 Там же.
 - 64 Там же.
 - 65 Там же.
 - 66 Новая жизнь. 1917. 3 окт.
 - 67 Там же. 4 окт.
 - 68 Там же.
 - 69 Там же.
 - 70 Речь. 1917. 28 сент.
 - 71 Там же. 8 окт.
 - 72 Изв. 1917. 8 окт.
 - 73 Речь. 1917. 8 окт.
 - 74 Там же.
 - 75 Изв. 1917. 8 окт.
 - 76 Там же.
 - 77 Новая жизнь. 1917. 8 окт.
 - 78 Биржевые ведомости. 1917. 8 окт.
 - 79 Алданов М. Картины Октябрьской революции: Ист. портреты. СПб., 1999.
- С. 25.
- 80 Речь. 1917. 8 окт.
 - 81 Там же.
 - 82 Там же.
 - 83 Там же.
 - 84 Там же.
 - 85 Там же.
 - 86 Там же.
 - 87 Биржевые ведомости. 1917. 8 окт.
 - 88 Речь. 1917. 8 окт.
 - 89 Там же.
 - 90 Там же.
 - 91 Там же.
 - 92 Там же.
 - 93 Там же.
 - 94 Там же.
 - 95 Новая жизнь. 1917. 8 окт.
 - 96 Там же.
 - 97 Там же.
 - 98 Речь. 1917. 8 окт.
 - 99 Там же.
 - 100 Биржевые ведомости. 1917. 8 окт.
 - 101 Новая жизнь. 1917. 8 окт.
 - 102 Речь. 1917. 8 окт.
 - 103 Новая жизнь. 1917. 10 окт.
 - 104 Там же.
 - 105 Русская воля. 1917. 11 окт.
 - 106 День. 1917. 8 окт.
 - 107 Изв. 1917. 10 окт.
 - 108 Там же.
 - 109 Там же.
 - 110 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.

- 111 Там же.
- 112 Речь. 1917. 10 окт.
- 113 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.
- 114 Изв. 1917. 10 окт.
- 115 Там же.
- 116 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.
- 117 Изв. 1917. 10 окт.
- 118 Речь. 1917. 10 окт.
- 119 Там же.
- 120 Там же.
- 121 Там же. 8 окт.
- 122 Там же. 10 окт.
- 123 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Там же.
- 127 Там же.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 Там же.
- 131 Речь. 1917. 10 окт.
- 132 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.
- 133 Речь. 1917. 10 окт.
- 134 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- 135 Биржевые ведомости. 1917. 10 окт.
- 136 Там же.
- 137 Речь. 1917. 11 окт.
- 138 Там же.
- 139 Там же.
- 140 Там же.
- 141 Там же.
- 142 Там же.
- 143 Там же.
- 144 Там же.
- 145 Там же.
- 146 Там же.
- 147 Там же.
- 148 Там же.
- 149 Там же.
- 150 Там же.
- 151 Там же.
- 152 Там же.
- 153 Там же.
- 154 Там же.
- 155 Там же.
- 156 Там же.
- 157 Там же.
- 158 Там же.
- 159 Там же.
- 160 Там же.
- 161 Там же.
- 162 Там же.
- 163 Там же.
- 164 Там же.

- 165 Там же.
- 166 Там же.
- 167 Там же.
- 168 Там же.
- 169 Русская воля. 1917. 11 окт.
- 170 Речь. 1917. 11 окт.
- 171 Там же.
- 172 Там же.
- 173 Там же.
- 174 Там же.
- 175 Там же.
- 176 Там же.
- 177 Русская воля. 1917. 11 окт.
- 178 Речь. 1917. 11 окт.
- 179 Там же.
- 180 Там же.
- 181 Там же.
- 182 Там же.
- 183 Там же.
- 184 Там же.
- 185 Там же.
- 186 Там же.
- 187 Там же.
- 188 Там же.
- 189 Там же.
- 190 Там же.
- 191 Там же.
- 192 Там же.
- 193 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- 194 Там же. Д. 27. Л. 19–22, 23а.
- 195 Там же. Д. 31. Л. 1.
- 196 Совр. слово. 1917. 13 окт.
- 197 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.): док. и материалы. М., 1962. С. 218.
- 198 Там же. С. 219.
- 199 Совр. слово. 1917. 15 окт.
- 200 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- 201 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). С. 219.
- 202 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.
- 203 Там же. Л. 55.
- 204 Там же. Л. 64.
- 205 Там же. Д. 29. Л. 5, 5 об.
- 206 Там же. Д. 4. Л. 1.
- 207 Там же. Л. 3.
- 208 Там же. Л. 4.
- 209 Там же.
- 210 Там же. Л. 5.
- 211 Там же. Л. 6.
- 212 Там же. Л. 7–8.
- 213 Там же.
- 214 Там же. Л. 8.
- 215 Там же.

- 216 Там же. Л. 10.
- 217 Там же. Л. 11.
- 218 Там же.
- 219 Там же.
- 220 Там же. Л. 12.
- 221 Там же.
- 222 Там же. Л. 13.
- 223 Там же.
- 224 Там же. Л. 14.
- 225 Там же. Л. 15.
- 226 Там же. Д. 31. Л. 2.
- 227 Там же. Д. 25. Л. 75.
- 228 Там же. Д. 5. Л. 1.
- 229 Там же. Л. 2.
- 230 Там же. Л. 2–3.
- 231 Там же.
- 232 Там же. Л. 4.
- 233 Там же. Л. 5.
- 234 Там же.
- 235 Там же. Л. 5–6.
- 236 Там же. Л. 6.
- 237 Там же. Л. 7.
- 238 Там же.
- 239 Там же. Л. 8.
- 240 Там же. Л. 10.
- 241 Там же. Л. 11.
- 242 Там же. Л. 11–12.
- 243 Там же. Л. 12–13.
- 244 Там же. Л. 14.
- 245 Там же. Л. 15.
- 246 Там же.
- 247 Там же.
- 248 Там же.
- 249 Там же. Л. 16.
- 250 Там же.
- 251 Там же. Л. 17.
- 252 Там же.
- 253 Там же. Л. 18.
- 254 Там же.
- 255 Там же. Л. 19.
- 256 Там же.
- 257 Там же.
- 258 Там же. Л. 19–20.
- 259 Там же. Д. 31. Л. 3.
- 260 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). С. 220.
- 261 Там же. С. 232.
- 262 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 152. Т. I. Л. 28.
- 263 Там же. Л. 28–28 об.
- 264 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- 265 Там же. Л. 2.
- 266 Там же.
- 267 Там же. Л. 3.
- 268 Там же.

- 269 Там же.
 270 Там же. Л. 4.
 271 Там же. Л. 5.
 272 Там же.
 273 Там же.
 274 Там же. Л. 6.
 275 Там же. Л. 7.
 276 Там же. Л. 8.
 277 Там же. Л. 8–9.
 278 Там же. Л. 9.
 279 Там же. Л. 10.
 280 Там же. Л. 10–11.
 281 Там же. Л. 11.
 282 Там же. Л. 12.
 283 Там же.
 284 Там же. Л. 13.
 285 Там же.
 286 Там же. Л. 14.
 287 Там же. Л. 15.
 288 Там же.
 289 Изв. 1917. 25 окт.
 290 Там же.
 291 Там же.
 292 Там же.
 293 Там же.
 294 Там же.
 295 Керенский А. Ф. История России. Иркутск, 1996. С. 456.
 296 Троцкий Л. Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 2. С. 196.
 297 Изв. 1917. 25 окт.
 298 Там же.
 299 Там же.
 300 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). С. 232–233, С. 503.
 301 Изв. 1917. 27 окт.
 302 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). С. 233.
 303 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. СПб., 1998. Т. 1: Высшие государственные учреждения. С. 250.
 304 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
 305 Там же. Д. 27. Л. 1.
 306 Там же. Д. 26. Л. 3.
 307 Там же. Л. 3–4.
 308 Там же.
 309 Там же. Л. 5 об.
 310 Там же. Д. 27. Л. 3.
 311 Там же. Л. 28.
 312 Там же. Д. 26. Л. 14.
 313 Там же. Д. 27. Л. 4.
 314 Там же.
 315 Там же. Д. 26. Л. 6.
 316 Там же. Л. 10.
 317 Там же. Д. 27. Л. 6.
 318 Там же. Л. 7.

- 319 Там же. Л. 8.
 320 Там же.
 321 Там же. Л. 29.
 322 Там же. Л. 35; Д. 16. Л. 1.
 323 Там же. Д. 27. Л. 24.
 324 Там же. Л. 25а.
 325 Там же. Л. 26.
 326 Там же. Л. 27.
 327 Там же. Л. 42–47.
 328 Там же. Л. 53–54.
 329 Там же. Л. 56.
 330 Там же. Л. 58.
 331 Там же. Л. 32, 33.
 332 Там же. Л. 34.
 333 Там же. Л. 37.
 334 Там же. Л. 38.
 335 Там же. Д. 25. Л. 86.
 336 Там же. Л. 100.
 337 Там же. Л. 101.
 338 Там же. Л. 104.
 339 Там же.
 340 Там же. Л. 83.
 341 Там же. Л. 120.
 342 Изв. 1917. 20 окт.
 343 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4.
 344 Там же. Л. 36.
 345 Совр. слово. 1917. 13 окт.
 346 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). С. 220.
 347 Там же. С. 221.
 348 Там же.
 349 Там же. С. 222.
 350 Там же. С. 223.
 351 Там же. С. 224.
 352 Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 385, 386.
 353 Там же. С. 224.
 354 Там же. С. 225.
 355 Там же.
 356 Там же. С. 227.
 357 Там же. С. 228.
 358 Там же.
 359 Там же. С. 229.
 360 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–50.
 361 Там же. Д. 26. Л. 15–16.
 362 Там же. Д. 35. Л. 9.
 363 Там же. Л. 14–15.
 364 Там же. Л. 15.
 365 Там же. Л. 17.
 366 Там же. Л. 18.
 367 Там же. Л. 19.
 368 Там же. Л. 20.
 369 Совр. слово. 1917. 15 окт.
 370 ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.
 371 Там же. Л. 28 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Предпарламента оборвалась преждевременно. Не отработав предназначавшегося ему и без того краткого срока, предполагавшего роспуск этого учреждения за неделю до открытия Учредительного собрания, временный парламент Российской республики на восемнадцатый день после созыва вынужден был разойтись под воздействием восставших солдат и матросов.

Среди депутатов Совета республики не существовало единства мнений относительно роли этого органа. Главная же задача его состояла в поддержке Временного правительства. Формы ее выражения, за исключением обычных словопрений, так и остались неразрешенной проблемой революции.

Временное правительство в целом и лично А.Ф. Керенский как министр-председатель в полной мере были ответственны за отсутствие столь необходимой им поддержки. После февраля 1917 г. в политической жизни России не наблюдалось никакой устойчивости, не существовало основы, вокруг которой могли бы сгруппироваться элементы государственности. Мечущееся из стороны в сторону правительство без ясной программы, без последовательности в действиях вносило в жизнь только разложение и никогда не пользовалось ничьим доверием. Ожидания от деятельности Предпарламента связывались с партийными разногласиями, провокациями большевиков и академическими речами со стороны цензовых групп. Все это выглядело вполне закономерно, поскольку культурные слои страны не могли отказаться от роли благородных свидетелей.

Много путаницы и обмана внес выдвинутый революцией на высшие государственные посты А.Ф. Керенский. Современниками он воспринимался как малоопытный, словоохотливый, истеричный присяжный поверенный, выросший на партийных дрожжах утопиизма, часто о свободе суетившийся и говоривший, запутавшийся в партийных и германских сетях. «В такое болото мог попасть только маленький человек, волей случая оказавшийся демократическим самодержцем России.

Истерические зигзаги этого маленького честолюбца привели, в конце концов, к поражениям, полной разрухе, бесконечно возмути-

тельному предательству и отдаче на потеху большевиков генерала Корнилова»¹.

Идея образования при Временном правительстве особого, тоже временного, Государственного совещания обсуждалась российской общественностью уже давно. В мае 1917 г. проект создания такого совещательного учреждения серьезно рассматривался в московских общественных кругах. «О нем начали говорить тогда, когда обнаружилась невозможность скорого созыва Учредительного собрания. Но весной о Государственном совещании — тогда еще не было пущено в оборот слово “предпарламент” — мечтали главным образом “буржуазные” элементы. Революционная демократия не хотела признавать никакого авторитета, кроме авторитета всеобщего избирательного права, с высокомерием отвергала всякие “суррогаты” народного представительства и до созыва Учредительного собрания допускала только существование Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»². Однако устоять на этой позиции ей не удалось. Постепенно на местах начали возникать органы земского и городского самоуправления, избранные уже всеобщим голосованием, при участии рабочих, солдат и крестьян. С этими полномочными органами советской демократии пришлось серьезно считаться.

1 сентября 1917 г. А.Ф. Керенский, стремясь к укреплению своего положения и присвоив себе пономочия Учредительного собрания по определению будущего государственного строя России, провозгласил создание республики. Позже он поддержал созыв временных совещательных собраний — Демократического совещания и Совета республики (Предпарламента). Тогда в органах местного самоуправления, кооперативах, сельских Советах, профсоюзах, армейских комитетах большинство все еще сохраняли меньшевики и эсеры. Многие участники событий ожидали решительных действий по консолидации этих сил на Демократическом совещании, созванном в Петрограде 14 сентября 1917 г. Однако решительность и способность к консолидации в этот переломный момент российской истории проявили отнюдь не либералы и демократы, а большевики. Чутко улавливая настроения народа, В.И. Ленин в письме ЦК большевистской партии, написанном 12–14 сентября, прямо призвал к немедленному захвату власти путем вооруженного восстания.

Когда же снова зашла речь о необходимости создания при Временном правительстве временного представительного учреждения с совещательным голосом, то кроме представителей Советов в него уже было решено включить делегатов от органов самоуправления, а также в искусственно сокращенном числе — и цензовую буржуазию. В стороне от этого коалиционного временного парламента остались только большевики, «представители советской доктрины

в ее первобытном виде»³. Их боевой лозунг оставался прежним — «Вся власть Советам!», а в качестве полномочного органа революционной России они признавали только Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов.

За месяц до выборов в Учредительное собрание, назначенных на 12 ноября 1917 г., страна вступила в полосу предпарламентаризма, слабо веря в настоящий парламентаризм. «Предпарламент — это живой символ нашей политической нищеты, это яркое воплощение наших революционных блужданий и разочарований. Из всех форм представительства мы получаем худшую, потому что члены Предпарламента будут формально назначены Временным правительством из числа предложенных ему кандидатов. Как показывает история представительных учреждений, представительство с совещательным голосом есть безнадежная нелепость, а наш Предпарламент должен быть только “совещанием” при правительстве <...> Вместо чистейших продуктов совершеннейшего политического творчества мы питаемся скверными суррогатами, да и все наше революционное существование есть какое-то унылое и бездарное предсуществование»⁴.

В стране продолжалась ожесточенная партийная борьба, все больше увеличивалась пропасть между двумя крайними флангами российского общественно-политического фронта. Предпарламент многие участники событий считали последней ставкой центра. Созданием временного парламента они надеялись подвести, наконец, прочный фундамент под коалицию центральных, социалистических и буржуазных сил революции.

Однако сразу с открытием Предпарламента обнаружилось, что «в Мариинском дворце забили новые ключи революционной словесности. С трибуны Временного совета полились речи, речи без конца повторявшие все одни и те же давно известные и всем опостылевшие мысли. Левые ораторы высказывали “левые” мысли, у правых ораторов были мысли “правые”, и два этих словесных потока текли параллельно и неслиянно»⁵.

7 октября 1917 г. на первом же заседании Предпарламента произошел инцидент, который заслуживал самого пристального внимания членов этого «высокого собрания». Представители крайнего левого крыла революционной демократии, социал-демократы — большевики демонстративно покинули Мариинский дворец, причем их лидер Л.Д. Троцкий (Бронштейн) мотивировал их уход с исчерпывающей ясностью. Решительно отвергая коалицию с буржуазией во всех ее формах, большевики последовательно отказывались иметь что-либо общее с коалиционным правительством и коалиционным Предпарламентом. Провозгласив свой неизменный лозунг «Вся власть Советам!» и предоставив Предпарламенту гово-

рить без них, они ушли, чтобы активно действовать среди пролетарских масс столицы.

Сторонники коалиции, тем не менее, не хотели сдаваться. Они считали, что в прениях неизбежна разногласица, но постепенно работа временного парламента наладится, как только дело дойдет до голосований и принятия резолюций, неизбежно образуется руководящее большинство.

Временный совет Российской республики, сразу усвоив атрибуты настоящего парламента, принял к руководству думский наказ, образовал президиум, Совет старейшин, избрал множество комиссий. «Словом, наш Предпарламент, видимо, намеревался жить и работать, и левая его половина не упускала случая демонстративно подчеркивать народно-представительный характер этого “высокого собрания” <...> Понадобилось немного дней, чтобы всем стало ясно, что и этот эксперимент был обречен на полную неудачу»⁶.

Первым серьезным испытанием для Предпарламента стало голосование 18 октября резолюции по вопросу об обороне страны. Ни одна из предложенных формул не набрала большинства. Следовательно, по главнейшему и насущнейшему вопросу национальной жизни у Совета республики не нашлось никакого определенного мнения.

24 октября 1917 г., накануне своего разгона, Предпарламент вновь наглядно продемонстрировал свое полное политическое бессилие. Министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский сообщил о начале в столице вооруженного восстания и просил оказать ему поддержку в борьбе с большевиками. «Совет республики вымучивал из себя этот вотум поддержки в течение шести часов. Устраивались перерывы заседания, фракции совещались по своим комнатам, велись междупартийные переговоры. В результате к вечеру Временный совет раскололся на две почти равных части. Ничтожным большинством голосов прошла “левая” формула, представлявшая собою целую лекцию о “демократических” способах борьбы с вооруженным мятежом. Когда председатель Совета привез эту резолюцию в Зимний дворец, министр-председатель с полным основанием спросил, не равносильна ли она выражению недоверия правительству, и не следует ли ему уйти в отставку. Коалиционный предпарламент не оказал поддержки коалиционному правительству. Республиканский центр в самую критическую для революции минуту обанкротился»⁷.

Поскольку то, что называлось в период работы Предпарламента властью, продолжало метаться, демократия — изливаться речами, многими ожидался приход к власти германских агентов, опиравшихся на народную темноту⁸. Культура и мужество, в свою очередь, стали образцом трагического долготерпения, созерцательно-

сти, несопротивления, готовности к бесконечным уступкам — до последнего рубежа, когда осталось только два пути: гибель или эмиграция.

Именно так дальше и развивались события в Петрограде. «Коалиционный Предпарламент истекал потоками ненужных слов, а большевики действовали, организуя вокруг своих центров столичный гарнизон и пролетариат. К тому времени, когда правительство догадалось, что в Петрограде бушует восстание, а Совет республики пролепетал что-то беспомощное о необходимости с этим восстанием бороться, большевики уже имели в своем распоряжении преданную им и подчиненную их руководству вооруженную силу. 25 октября эта сила появилась в Мариинском дворце. От одного ее прикосновения рухнуло хрупкое здание Временного совета и трагедия Предпарламента закончилась.

Трагедия Предпарламента — это трагедия республиканского центра. Республиканский центр в обоих своих половинах — буржуазной и умеренно-социалистической — сыграл свою роль»⁹.

Днем 25 октября 1917 г. высокое собрание досрочно завершило свою недолгую историю, подчинившись предъявленному ультиматуму. Однако эта «хирургическая операция» была совершена не на живом теле. «К моменту своего разгона Временный совет Российской республики был уже политическим трупом. Еще раньше Предпарламент умер от прирожденного худосочия»¹⁰.

Предпарламент был временным совещательным учреждением при Временном правительстве, не признававшем права контроля над своей деятельностью и не считавшим себя ответственным перед ним. Это обстоятельство в значительной мере обусловило неэффективность его усилий.

«Последний шанс последней коалиции», хотя и весьма иллюзорный, который олицетворял собой Предпарламент, оказался упущенным. Исторической реальностью стал несостоявшийся компромисс между политическими антагонистами, проигрыш парламентских форм борьбы революционным.

¹ Живое слово. 1917. 7 окт.

² Соколов К.Н. Предпарламентаризм // Нива. 1917. № 40. С. 618.

³ Гершунский Б.С., Лозанский Э.Д. Демократический опыт России. М., 1998. С. 76.

⁴ Соколов К.Н. Предпарламентаризм // Нива. 1917. № 40. С. 618.

⁵ Соколов К.Н. Трагедия предпарламента // Нива. 1917. № 46-47. С. 721.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 722.

⁸ Живое слово. 1917. 7 окт.

⁹ Соколов К.Н. Трагедия предпарламента // Нива. 1917. № 46-47. С. 722.

¹⁰ Там же. С. 721.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р.А. 21, 25, 28, 171, 204, 258
Абросимова Т.А. 8
Авинов Н.Н. 50, 59, 78, 222
Авксентьев Н.Д. 5, 8, 21, 26, 28-32, 36, 38, 39, 46, 49, 50, 81, 84, 99, 104, 106, 108, 124, 125, 129-132, 134, 135, 137, 141-144, 146, 150, 175, 176, 178, 181, 221, 227, 235
Аджемов М.С. 40, 49, 50, 51, 53, 54, 57, 60, 70, 85, 91, 92, 95, 99, 102, 103, 117, 124, 129, 137, 140, 171, 176, 207
Аксельрод Л.И. 220
Аладьин А.Ф. 15-18
Алданов М. 8, 124, 262
Александров А.М. 70
Алексеев М.В. 94, 107, 116, 141, 143, 144, 153-157, 162, 168, 192, 222, 226, 239
Ананьич Б.В. 9
Андреев А.М. 6
Аникеев А.И. 95, 110
Анисимов В.И. 179, 218
Антонов 212
Арандаренко В.И. 94, 104
Астрахан Х.М. 6
Астров (Повес) Н.И. 167
Афиногенов М.А. 169

Баженев И.М. 225, 227
Бардиж В.К. 110
Батов И.И. 129, 138
Бачманов А.А. 71, 94
Башкиров В.Н. 60
Безобразов Б.В. 169, 224
Белоножкин А.И. 71, 94
Березин М.Е. 171, 225
Бердяев Н.А. 94
Беркенгейм А.М. 21, 35, 46, 49
Бернацкий М.В. 49, 60, 257
Бильдзюкевич А.В. 215, 225, 258
Бинасик (Новоседский) М.С. 169
Благонравов Г.И. 64

Блосфельд Г.Э. 50, 54
Богачев Я.Т. 215
Богданов Б.О. 34, 64, 105, 107, 110, 124, 137, 171, 238, 258
Большаков В.И. 101
Борунштейн М.А. 251, 252, 257
Боффа Дж. 9
Брандт А.А. 76
Брауэр О. 183
Брешко-Брешковская Е.К. 15, 83, 106, 124, 128, 129, 134
Бройдо М.И. (М.М.) 72, 126
Брусилов А.А. 9
Брусиловский В. 43
Бубнов А.С. 63
Булат А.А. 177, 179, 199, 258
Булдаков В.П. 7
Бульший (Буншик) 134
Бурцев 135
Бурышкин П.А. 39, 94, 104
Быховский Н.Я. 258
Бьюкенен Дж. 9, 139, 140
Бэрн С.Х. 10

Вада Харуки 10
Вайль Б. 9
Вайнштейн (Звездин) А.И. 105
Вайнштейн С.А. 171
Васильев А.В. 10, 252, 257
Введенский А.И. 42
Векилов 175, 184
Велихов Л.А. 70
Величко 26
Венгеров В.С. 169
Вердеревский Д.Н. 49, 60, 125, 147, 151-153, 166, 231, 234, 239
Верт Н. 10
Вертопрахов А.А. 110
Верховский А.И. 9, 49, 60, 125, 147, 149-151, 159, 166, 168, 226, 234, 241, 243-248
Вильгельм II 134, 162, 210, 212

Вильсон 182
 Винавер М.М. 9, 70, 94, 95, 99, 101,
 103, 105, 124, 137, 171, 176, 177, 238,
 239, 249, 258, 267
 Витте С.Ю. 124
 Вихляев П.А. 60, 258, 259, 260
 Вишняк М.В. 8, 84, 104, 106, 131, 137,
 140
 Водовозов В.В. 50
 Воеводин М.С. 101
 Войтинский В.С. 9, 32–24, 36, 43, 44,
 47, 73
 Волин В.М. 8
 Волков Н.К. 70
 Волобуев П.В. 5–7
 Востротин С.В. 70
 Вржосек С.В. 180, 199, 200, 215
 Вырубов 166, 224

Галили 3. 10
 Гальперин А.Я. 39
 Гальперина Б.Д. 6
 Гамов 90
 Гастев М.М. 215
 Гаусман Е.И. 60
 Гвоздев К.А. 49, 167, 215, 216, 231
 Гендельман М.Я. 177
 Герасименко Г.А. 8
 Герасимов П.В. 70, 238
 Гершунский Б.С. 272
 Гессен И.В. 9, 258, 261
 Гессен В.М. 9, 70, 72, 238
 Гинденбург 206
 Глебов Е.Я. 90, 110
 Глебов Н.Н. 70
 Голиков А.Г. 6
 Голиков Г.Н. 5
 Голицын А.Д. 101
 Гольдман (Либбер) М.И. 64, 173, 203,
 220
 Горин П.О. 5
 Городецкий Е.Н. 6
 Гоц А.Р. 21, 25, 34, 35, 38, 39, 46, 49,
 50, 102, 105, 117, 124, 137, 171, 239,
 258
 Грауман Л.Ф. 71
 Грациози А. 10
 Григорович-Барский Д.Н. 70
 Гримм Д.Д. 50, 54, 70, 72, 103
 Гримм Э.Д. 76, 258
 Гришечко-Климов С.М. 257
 Громан В.Г. 253, 255–257
 Гронский П.П. 70, 129
 Грузинов А.Е. 140, 215

Грунт А.Я. 7
 Гурко В.И. 94, 101
 Гусев К.В. 5, 10
 Гутман Н.Л. 203
 Гучков А.И. 8, 12, 94, 110, 117, 141, 166,
 189

Дан (Гурвич) Ф.И. 21, 29, 35, 44, 46, 47,
 49, 50, 58, 64, 91, 102, 103, 105, 110,
 137, 171, 173, 175–177, 180, 184–188,
 216, 239, 249
 Двигубский 234
 Демидов И.П. 70, 224
 Демьяревский 49
 Деникин А.И. 9
 Дживелегов А.К. 70, 191
 Дитмар Н.Ф. 71, 94, 141
 Дмитренко В.Г. 101
 Дмитренко П.П. 71, 225, 247, 249
 Дмитриуков И.И. 67–69
 Днепровой А.Ю. 7
 Добровольский А.А. 70
 Долгоруков П.Д. 9
 Дутов А.И. 90, 92, 95, 109, 141
 Духонин Н.Н. 138, 140, 147, 166, 224–
 226
 Душечкин Я.И. 31, 46, 49

Егоров И.И. 26
 Егорова А.Г. 5
 Ерман Я.З. 64
 Ерманский (Коган) О.А. 31, 33, 34, 167
 Ерошкин Н.П. 7
 Ерыкалов Е.Ф. 5
 Ефремов И.Н. 49

Жемочкин К.М. 94
 Жордания Н.Н. 9, 64

Завойко В.С. 15
 Залкиндсон И.В. 215
 Зарудный А.С. 135, 225
 Зензинов В.М. 105, 124, 129, 137, 171,
 258
 Зернов Д.С. 70
 Зиновьев Г.Е. 85, 136
 Злоказов Г.И. 6, 8
 Знаменский О.Н. 6
 Знаменский С.Ф. 25, 167, 224, 227, 231,
 235
 Золин М.П. 258
 Зубашев Е.Л. 69–71, 92, 94
 Зуль Б.Г. 63

Иванов К.Р. 110
 Иванов Н.Я. 5
 Иванов С.В. 70
 Иванов Ф.А. 70, 94, 239
 Измозик В.С. 7
 Изнар Н.Н. 68
 Иков В.К. 177, 245
 Иконников Н.Ф. 101
 Ильин Е.В. 7
 Иоффе А.А. 63
 Иоффе Г.З. 7, 8
 Ильин-Женевский А.Ф. 5
 Исаев А.А. 34, 258
 Ичас 188

Кабанес О. 10
 Кабанов В.В. 6
 Казакевич П.П. 71, 94
 Калашников В.В. 7
 Каледин А.М. 90
 Калугин М.С. 70
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 21, 29, 30,
 31, 50, 63, 85, 135
 Каменка Б.А. 71, 94
 Каменский 184
 Камков Б.Д. 22, 50, 215, 220
 Капацкий Л.Н. 101
 Каппелер А. 10
 Карабчевский Н. 86
 Карелин В.А. 25, 105, 137, 171, 196, 198,
 207, 215
 Карр Э. 10
 Карташев А.В. 39, 49, 60, 69
 Кауфман А.А. 70, 178
 Кафенгауз Л.Б. 251
 Керенский А.Ф. 9, 12, 14, 16, 21, 38–
 40, 49, 50, 59–61, 64, 77–80, 82–84,
 86, 91, 100, 101, 106, 107, 109, 116,
 124–126, 128, 129, 134, 135, 138–142,
 145–147, 160–166, 168, 169, 171, 173,
 175, 182, 208–214, 217, 224, 244, 256,
 266, 268, 269, 271
 Киндяков М.Л. 101
 Кишкин Н.М. 39, 40, 49, 60, 102, 125
 Клименко П.И. 227
 Климов 233
 Кнорин В.Г. 5
 Ковалевский Н.Н. 70
 Коваленко Н.А. 8
 Коган И.Г. 252
 Кожевников А.М. 169
 Козлов Н.А. 22
 Кокошкин Ф.Ф. 70, 258

Коллегаев А.Л. 178
 Коллонтай (Домонтович) А.М. 63, 124
 Колокольников П.Н. 60
 Колоницкий Б.И. 7
 Комин В.В. 5
 Кондратьев Н.Д. 144
 Коновалов А.И. 39, 40, 49, 59–61, 77,
 78, 101, 102, 107, 109, 125, 134, 147,
 212, 231, 234, 251
 Константинов Г. 8
 Кончаев П.Н. 101
 Корнатовский Н.А. 5
 Корнилов Л.Г. 7, 15, 20, 107, 150, 159,
 162, 169, 192, 213, 215, 269
 Костин В.В. 21
 Котляров Г.В. 215
 Крейнис И.М. 92, 215, 258
 Крестинский Н.Н. 64
 Кропоткин А.А. 101
 Кропоткин П.А. 15
 Крохмаль В.Н. 104, 106, 110, 131
 Крушинский М.Ф. 215
 Крылова М.П. 8
 Кувшинов В.А. 7
 Кудрявцев С.А. 215
 Кузьмин-Караваев В. 141, 258
 Кульман Н.Н. 246
 Кускова Е.Д. 179, 246, 247, 258
 Кутлер Н.Н. 69, 70, 77, 94, 105, 117, 137,
 141, 171, 257
 Кучин Г.Д. 21, 25

Лазаревский Н.И. 50, 53–55, 60, 89, 91
 Ланговой Н.П. 104
 Лапинский-Левинсон 189, 190
 Лапьер К.Э. 215
 Лашевич М.М. 64
 Лебедев А.А. 104
 Лебедев В.В. 6
 Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 76,
 Левицкий С.А. 70
 Ленин В.И. 5, 8, 9, 85, 88, 136, 188, 209,
 210, 269
 Леонтьев Т.В. 169
 Либкнехт К. 210
 Ливеровский А.В. 60, 140, 234
 Липкин-Череванин Ф.А. 251, 252, 257
 Лихачев М.Т. 6
 Лозанский Э.Д. 272
 Лозовский (Дридзо) С.А. 46, 63
 Ломоносов Ю.В. 9
 Лордкипанидзе И.Н. 22
 Луначарский А.В. 28, 29, 31, 63

Лурье С.В. 94, 104
Львов Н.Н. 94, 101
Любович Е.Л. 71, 94

Мазуренко С.П. 21
Маклаков В.А. 70
Макушин А.И. 70
Малевский А.Д. 107, 169, 225, 247
Малютин Д.П. 63
Маянгович П.Н. 49, 60, 61, 79, 100,
101, 106, 107
Мамаев 134
Мандельберг В.Е. 50, 105, 171
Мандельштам М.Я. 70
Маргулис М.С. 110, 141
Марков 175

Мартов (Цедербаум) Ю.О. 7, 21, 30, 46,
105, 110, 117, 128, 137, 157–160, 162,
168, 171, 182, 192, 196, 205–207, 217,
218, 248

Мартынов (Пикер) А.С. 167, 245
Мартюшин Г.А. 34

Масальский В.И. 104
Масленников А.М. 94, 101
Маслов П.И. 257

Маслов П.П. 178
Маслов С.Л. 39, 78, 79, 103
Медушевский А.Н. 8

Мейштович А.С. 101
Меликов В. 5

Мельгунов С.П. 7
Мережковский Д.С. 8

Меркулов А.В. 27
Миллер В.И. 6

Милюков П.Н. 8, 70, 71, 94, 95, 103,
105, 117, 149, 150, 158, 171, 181–184,
186–189, 193, 198, 199, 239, 249

Минов О.С. 41, 42, 47, 49, 50, 54
Минц И.И. 8

Михеев А.А. 95, 109, 141
Мордухай-Болтовский И.Д. 60

Морозов Н.А. 70
Муравьев Н.В. 258

Мякотин В.А. 81, 99, 104, 106, 108

Набоков В.Д. 9, 40, 49, 50, 54, 56, 57,
70, 72, 95, 99, 102–104, 106, 131, 137,
140, 225, 239, 261

Нагаев Г.Е. 26, 169
Надеждина В.А. 8

Насс Л. 10
Натансон М.А. 21, 171, 215

Ненароков А.П. 8
Никитин А.М. 77, 49, 60, 140, 207, 208,
237, 238

Николаев А.Б. 7, 85
Николаевский Г.Н. 72
Николай II 157
Нильсен Е.П. 9
Новиков М.М. 70
Новицкий 234
Новицкий К.П. (Петровин К.) 5
Новицкий В.Ф. 81, 82, 90
Ногин В.П. 29, 47, 63
Нольде А.Э. 50, 54
Нольде Б.Э. 8, 50, 54, 57, 238, 239

Оболенский В.А. 8, 70
Ознобишин Д.В. 8
Овчинников Б.М. 43, 70
Ольденбург С.Ф. 70, 116, 258
Осипова Т.В. 8
Осовский А.В. 60

Павлов Б.В. 7
Пагорский 70
Пайпс Р. 10
Панаджанов 70
Панкеев Н.М. 70, 103, 258
Панкратова А.М. 5
Панов А.И. 110
Паппе М.Б. 71

Пепеляев В.Н. 70
Перельман А.Ф. 141

Петражицкий Л.И. 12
Петров И.Ф. 6

Петровский Г.И. 63
Печерский Я.Б. 169, 225
Пешехонов А.В. 85, 131, 137, 179, 180,
200, 201, 218

Пилкин 166

Плансон В.А. 225
Плеханов Г.В. 9, 145

Подвойский 212
Пожелло В.Я. 258

Позерн Б.П. 63
Поливанов О.А. 7, 85

Попов Н.Н. 5
Постников С.П. 258, 259
Потресов А.Н. 64, 205, 239
Прокопович С.Н. 49, 140, 174, 234

Протопопов Д.Д. 70
Прядкин Я.Д. 71, 94

Пуришкевич 135

Путилов А.И. 71, 94
Пятаков Г.Л. (Ю.М.) 63

Рабинович А. 7, 9
Рабинович К.Н. 92
Раецкий С. 9
Развозов 166
Ракитников Н.И. 258
Рачковский В.А. 8
Регель К.Э. 71
Репин И.Е. 125
Рихтер В.Н. 215
Родзянко М.В. 3, 14, 69–71, 78, 82, 95,
111, 132, 158
Родичев Ф.И. 67, 70, 103, 105, 135, 171,
225, 258

Розенблюм Д.С. 171
Романов Н.К. 101
Ронин С.Л. 5
Рубан Н.В. 6
Рубинштейн Х. 170
Руднев В.В. 46, 49
Руднева С.Е. 86
Русанов Н.С. 5
Рутцен А.Н. 70
Рыбалов А.М. 101
Рыков А.И. 63
Рязанов (Гольденбах) Д.Б. 47, 63, 124,
128

Саввин Н.Н. 60
Савинков Б.В. 95, 107, 161, 215
Савич Н.В. 9, 94, 248, 249
Салазкин С.С. 49, 60, 70, 78, 259
Салтыков С.Н. 80, 96, 100
Самсонов В.Д. 84, 110, 225
Самсонов П.Л. 141
Сафронова И.П. 6
Сахаров И.Н. 171
Свердлов Я.М. 63
Семенникова Л.И. 7
Семковский (Бронштейн) С.Ю. 167

Сенцов А.А. 7
Серж В. 9
Сизиков В.И. 171, 225
Сизов М.В. 219
Сироткин Д.В. 101
Скирмунт Р.А. 101
Скобелев М.И. 20, 39, 64, 78, 102, 108,
167, 173, 176, 182–184, 187, 198–203,
224, 225, 236, 239, 248–250
Скрыпник Н.А. 46, 64

Славин Н.Ф. 8
Смирнов С.А. 39, 40, 49, 60, 68, 102
Смородинов В.А. 225
Соболева П.И. 6
Совокин А.М. 6
Соколов К.Н. 8, 70, 206, 272
Соколовский Б.Ф. 169
Сорокин 177–179, 205
Спирин Л.М. 7
Сталин (Джугашвили) И.В. 9, 63
Станкевич В.Б. 9
Стародубова А.Л. 8
Старцев В.И. 7, 8
Степанов В.А. 70
Степун Ф.А. 9
Стиниц 222
Струве П.Б. 71, 94, 141, 179, 191, 219,
239, 248
Стучка П.И. 63, 134
Суворин 135
Суханов (Гиммер) Н.Н. 9, 64, 167, 176–
178, 184
Сухарьков Г.Н. 215, 225
Суэйн Дж. 9

Терещенко М.И. 39, 40, 49, 60, 78, 79,
107, 125, 139, 181, 197, 207, 245, 248,
249

Терлецкий Н.Е. 225
Титов А.А. 144
Токарев Ю.С. 6
Третьяков С.Н. 39, 40, 60, 68, 102, 251–
256
Трохин А.В. 225
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 9, 24, 50,
63, 117, 124, 132–136, 143, 209, 216,
266, 270

Трукан Г.А. 6
Тумаринсон В.Х. 7
Тыркова (Тыркова-Вильямс) А.В. 70, 71

Ульянов 47
Урилов И.Х. 7
Урицкий М.С. 63
Устинов А.М. 35, 48, 49
Устинов В. 15

Фалеев Н.И. 258
Фельдман А.Я. 70, 71, 253
Феофанов А.К. 215
Ферри В.Н. 92, 171
Фигнер В.Н. 15, 124, 220

Филоненко М.М. 15
 Фишер Л. 10
 Фомин Н.А. 225
 Френкель З.Г. 70
 Френкин М. 10
 Фридман М.И. 257
 Харламов В.А. 70
 Хеймсон Л. 9
 Хинчук Л.М. 22, 25, 47, 64
 Церетели И.Г. 21, 23–31, 38, 39, 42, 47, 49, 53, 55–60, 64, 91, 92, 102, 182
 Чаадаева О.Н. 5
 Чайковский Н.В. 25, 26, 83, 105, 106, 129, 167, 171, 178–181, 220, 225
 Частев М.М. 215
 Челноков М.В. 124
 Черкесова Н.Н. 8
 Черменский Е.Д. 6
 Черненко Н.Н. 70
 Чернов В.М. 9, 30, 105, 117, 171, 193–195
 Черносивов К.К. 70, 92, 176
 Чефранов В.П. 71, 94, 131, 137
 Чихачев В.В. 225
 Чхеидзе Н.С. 3, 21, 38, 39, 49, 50, 58, 64, 71, 81, 95, 103, 167
 Чхенкели А.И. 64
 Шайо А. 10
 Шамшин К.А. 110
 Шаумян С.Г. 36
 Шелохаев В.В. 7, 8
 Шергов М.И. 92
 Шереметинский Д.И. 105
 Шидловский С.И. 94
 Шингарев А.И. 70, 71, 94, 103, 105, 167, 171, 176, 224, 225
 Шишкин В.А. 6
 Шишкина-Явейн П.Н. 180
 Шляпников А.Г. 9, 63
 Шмидт В.В. 63
 Шрейдер А.А. 46, 49, 215
 Штейнберг И.З. 8, 215
 Шульгин В.В. 7, 12, 82, 95, 110
 Щепкин Н.Н. 70, 71, 141
 Щербатов Н.Б. 101
 Эльяшев Л.Е. 257
 Энгельгардт В.П. 101
 Энгельгардт 158
 Эрлих Г.М. 258
 Эрн В.Ф. 70
 Эйдеман Р. 5
 Юренев П.П. 70
 Юрковский Г.К. 215
 Юрьев А.И. 7
 Яковлев 231
 Янушкевич Н.О. 198
 Ярославский Е.М. 5
 Daniels R.V. 9
 Koenker D.P. 9
 Rosenberg W.G. 9
 Service R. 9
 Strakhovsky L.I. 9
 Williams A.R. 9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Глава первая

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В 1917 ГОДУ И ПРЕДПАРЛАМЕНТ

«Парламентский вакуум» в революции 1917 года и первые проекты созыва Предпарламента	11
Демократическое совещание и Демократический совет в истории Предпарламента	20
Проект Юридического совещания о Временном совете Российской республики	50
Формирование Совета республики: позиции политических партий и организаций	63
Подготовка созыва Предпарламента	71

Глава вторая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПАРЛАМЕНТА

Состав и структура Временного совета Российской республики	89
Предпарламент в действии	116
12 комиссий Предпарламента	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	268
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	273

Научное издание

Руднева
Светлана Евгеньевна

ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Октябрь 1917 г.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Подписано к печати 20.10.2006
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,5. Усл.кр.-отт. 17,5. Уч.-изд.л. 20,0
Тираж 500 экз. Тип. зак. 4682
Заказное

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-035534-8

9 785020 355347